

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ПОДЪЁМ

Директор-главный редактор
государственного бюджетного
учреждения культуры
«Журнал «Подъём»
Иван ЩЁЛОКОВ

ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1931 ГОДА

Редколлегия:

АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С.
БОНДАРЕВ Ю.В.
ГОЛУБЕВ А.А.
ГУСЕВ В.И.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В.
ИЩЕНКО Е.Н.
ЛЮТЫЙ В.Д.
МОЛЧАНОВ В.Е.
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е.
САТАРОВА Л.Г.
СЫЧЁВА Л.А.
ТИХОНОВ В.А.

Воронеж ■ 2013

12

ПРЯМАЯ РЕЧЬ	Александр НИКИТИН, председатель Тамбовской областной Думы. Без таких городов не представить Россию 5
НЕЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ	Евгений ЕВТУШЕНКО. В Мичуринске. Стихи 13 Константин ФЕДИН. Набег. Отрывок из романа «Необыкновенное лето» 16
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ	Университетский горизонт наукограда. Интервью с ректором Мичуринского государственного аграрного университета Александром КВОЧКИНЫМ . 22 Эдуард ЕФРЕМОВ. И на Валааме яблони растут. (Плоды трудов ученых Кондрашовых) 28 Владимир АНДРЕЕВ. Сады опального профессора. (Из институтской хроники 1930-х годов) 42 Облака. (Творчество студентов МичГАУ) 55
ПРОЗА	Валерий АРШАНСКИЙ. Цыганка мне вчера сказала. Повесть 59 Валентина ДОРОЖКИНА. Моя бабушка. Главы из повести 110 Василий КРАВЧЕНКО. Утро олигарха. Рассказы 133 Анатолий СМАГИН. Под горячую руку. Рассказы ... 149
ПОЭЗИЯ	Виктор КОСТРИКИН. Сквозь время. Стихи 103 Геннадий БЫЛКИН. Капля синевы. Стихи 130 Григорий ШИФРИН. Рассветные огни. Стихи 147 Сергей КОФАНОВ. Мотыльковое лето. Стихи 152 Подкова на счастье. Стихи мичуринских поэтов 190
ИМЕНА	Людмила ВОЛОКИТИНА. «Я работал для своего народа...» (Жизненный и профессиональный путь Ивана Владимировича Мичурина) 157 Виктор КОСТРИКИН. Когда рисунок стал легче дыма. (Письма народного художника России Станислава Никиреева) 168 Борис ПАНОВ. Я вас любил... (Очерк-предисловие «Осенний день с патриархом» Анатолия СМАГИНА) 179
ПОИСКИ И НАХОДКИ	Василий ПОПКОВ. «Онегина» касаясь кистью. (Будут ли найдены оригиналы герасимовской Пушкинианы?) 194
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	Владимир АНДРЕЕВ, Нина АНДРЕЕВА. Артист из города антоновских яблок. (Почетный гражданин Мичуринска Владимир Михайлович Зельдин) 205

	Качалов в Козлове	211
	Не попрошайка и не сирота. (Строительство театра в Козлове в 1912-1913 годах)	213
	Тамбовские усадьбы героев войны	218
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	Валентина МАТУШКИНА. Еще раз о войне. (Проблема выбора и ответственности в прозе Валерия Аршанского)	224
ИСТОКИ	Михаил ФИЛИППОВ. Горшки обжигают не боги. (Горожанин возрождает сельские промыслы)	228
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Андрей ОКОЛЕЛОВ. Обитель христианских добродетелей. (Боголюбский собор — архитектурная жемчужина Тамбовского края)	232
ПАМЯТЬ	Юлия ГОЛЫШКИНА. Здесь живописец отдыхал душой. (Музей-усадьба Александра Михайловича Герасимова)	235
	Татьяна КОНОВА. Мятежный вольтерьянец. (Просветитель, журналист, книгоиздатель Иван Рахманинов)	238
	Содержание журнала «Подъём» за 2013 год	241

Открытая книга и ветвь

Герб города Мичуринска размещен в границах исторического геральдического щита с сохранением традиций гербов Тамбовской области и города Козлова.

Геральдический щит обрамляет дубовая ветвь с вплетенной лентой ордена «Знак Почета». В перевязь вплетены элементы, отражающие историческое местоположение города как крупнейшей железнодорожной станции Российской Федерации.

Внизу геральдического щита размещено изображение элементов исторического герба города Козлова. В центре геральдического щита изображена открытая книга и ветвь как символ науки и образования.

Щит разделяет полоса в виде изолинии кардиограммы, символизирующей высшую жизнеутверждающую цель наукограда – здоровье нации. Ветвь и три яблока сверху щита символизируют аграрное направление города Мичуринска-наукограда. Венчает композицию герба корона в виде части шестерни — символ промышленного потенциала города.

Герб утвержден решением Мичуринского городского Совета народных депутатов от 14 ноября 2003 года.

Александр Никитин,
*председатель
Тамбовской областной Думы*

БЕЗ ТАКИХ ГОРОДОВ НЕ ПРЕДСТАВИТЬ РОССИЮ

«...В нынешнем 1635 году августа в 22 день государь, царь и великий князь **Михайло Федорович** Всея Руси указал: от приходу воинских людей на рязанские места, на Лесном Воронеже, на Урляповом городище ставить город. Для городского строения указал государь ехать **Ивану Биркину** да **Михайлу Спешневу**. Да в украинские, и в рязанские, и польские города указал государь к воеводам послать грамоты, чтобы воеводы в городах велели кликать, которые охочие люди от отцов дети, и братья, и захребетники, и всякие вольные люди, и ни в какой службе не записаны шли на то Урляпово городище на житие с женами и детьми. Государь укажет с Иваном Биркиным разным людям для оберегания от приходу воинских людей быть им, и с которых городов и каких людей и по сколь человека с города. От вольных людей, которым жить на Урляпове, в которые города послать грамоты: Переяславль Рязанский всего 361 человек, Михайлов — 734 чл., Пронск — 277 чл., Рясский — 1170 чл., Донков — 259 чл., Сапожок — 232 чл., Воронеж — 2235 чл., Лебединь — 457 чл., Елец — 1740 чл., Шатской — 240 чл...»

Читаешь эти исторические хроники из опроса Разрядного приказа (по-современному Министерства обороны России XVII века) и представляешь себе, как почти четыре века назад служилые люди юга страны собирали на строительство и «обживание» нового поселения на реке Воронеж первые тысячи обитателей большой мощной крепости для защиты государства с ногайской стороны. Землекопы, плотники, кузнецы с подручными работниками соорудили крепость в форме четырехугольника со стенами высотой около 6 метров и 15 башнями, причем две из них — Десятая и Московская — были высотой соответственно 42 и 46 метров. Снаружи форт (300х300 метров) окружили рвом, а затем на протяжении 29 километров, от одной реки до другой, соорудили первый на юге России земляной вал, прозванный Козловским. Так в том месте, где сейчас расположен большой поселок Ново-Никольское с примыкающим к нему селом Устье начинался Козлов.

Предвижу нетерпение читателя: почему «Козловский», «Козлов»? Да, до 1932 года наш город так и назывался — Козлов. Разные тому выдвигают гипотезы краеведы, историки, исследователи старины глубокой. В том числе и такую, что в те далекие времена, дескать, много водилось в урочищах, непроходимых кустарниках диких козлов... Гораздо убедительнее и достовернее иное: среди «людишек» знаменитого князя Д.М. Пожарского, начальствующего в том крае, сохранилось имя некоего Семена Козлова, снабжавшего «со товарищи» двор господина свежей рыбой. Да и само место расположения приглянувшейся государевым посланцам местности — плоская вершина холма, огороженного гигантскими дубами, с лентой полноводной реки — испокон веку называлось Козлово урочище. Есть все основания полагать, что имя будущего города было подсказано воеводам этими двумя обстоятельствами.

Козловский герб, высочайше утвержденный 16 августа 1781 года императрицей Екатериной (первые официальные геральдические изображения, начиная с 1730 года, претерпевали значительные изменения), имеет следующее описание, сделанное Департаментом герольдии тех лет: «Щит осенен золотой императорской короной и разделен надвое. Вверху — золотой улей с тремя золотыми пчелами в лазоревом (синем) поле. Внизу — белый козел на зеленом холме в червленом (красном) поле, означающем имя сего города. Щит окружен серебряным венком наполовину из листьев лавра, наполовину дуба с малым бантом и лентами ордена св. Владимира (красными)». Стоит заметить, козел считался тогда исключительно благородным животным, символом чистоты (белый). Но, как и многое иное в нашей жизни, значительно позднее это слово опошлили, низведя его, не иначе как «с помощью» деклассированных элементов, в разряд обценной (грубой) лексики. Тем не менее, что было, то было.

Еще немного истории. В те времена река Воронеж, на одном из рукавов которой стоял Козлов, была вполне судоходной. Это давало возможность использовать в борьбе с разбойничьим Крымским ханством знакомые татарам «голубые дороги»: ведь река Воронеж — приток могучего Дона. Тут-то и пригодился строевой лес (любую сосну вали — мачта готовая), шумевший в окрестностях Козлова. У села Старое Тарбеево, благополучно существующего под тем же названием по сей день, около 1659 года закладывается верфь. Начинается строительство судов-стругов, для чего изо всех окрестных местностей сгоняются тысячи рабочих людей. И уже через год было изготовлено до 400 судов, из которых знатоки отобрали десятка три самых надежных, ходких, призвав на борт уже в качестве воинов вчерашних мастеров-корабелов. И боевая флотилия двинулась от Белгородской сторожевой черты по Дону на Азов; Россия приступила к затянувшейся на сто лет борьбе за полное уничтожение грабительского Крымского ханства.

Надо отметить, что на въезде у села Старое Тарбеево Мичуринского района установлен внушительный памятный знак на постаменте — в память о былом значении здешней местности как корабельной базы государства Российского. И опять же в ознаменование 350-летия славных исторических событий и побед нашего флота по заказу крупнейшего мичуринского предприятия — завода «Прогресс» — в Карелии был изготовлен струг, точная копия судна XVII века, и в 2010 году обученная группа смельчаков-заводчан вместе со спортсменами, энтузиастами из других городских организаций отправилась на веслах от Тарбеевского моста по рекам Воронеж, Матра, Дон в далекое 400-километровое путешествие

на Азов, повторяя через века маршрут доблестного похода своих предков (журнал «Подъём» рассказывал об этой одиссее в путевых заметках мичуринского журналиста, известного нашего краеведа и участника похода Михаила Белых).

Итак, долгая небезопасная «командировка» воевод Биркина и Спешнева (давно и по праву заслужили эти люди памятник как основатели Козлова-Мичуринска!) завершилась успешным результатом. Окруженная земляным валом, тянувшимся вплоть до городка Усмани, что близ Воронежа, Козловская крепость быстро росла, расширялась, крепла, лепилась домишками. Сюда вслед за служилыми людьми: казаками, стрельцами, пушкарями — пришли кузнецы, гончары, плотники, а следом хлынули и крестьяне, бежавшие от барского гнета. Вскоре в силу развития сельского хозяйства, ремесел, промыслов, торговли крепость приобретала типичный облик городского поселения того времени. Однако не такой уж спокойной и безмятежной была жизнь простого люда; придет час — повоюют они против притеснений бояр за волю-вольную в дружинах Стеньки Разина, Емельяна Пугачева... Но все же главной заботой для них останется не ратное дело, а мирный труд ремесленника, землепашца, обустройствающего, как то и изображено на гербе, свой «улей».

В Тамбовской округе, да и далеко окрест, уже стало властно заявлять о себе купеческое сословие, начали процветать хлебные ссыпки, прасольство (торговля скотом), развивалась местная мануфактура. Все это требовало новых и новых рабочих рук, толковых исполнителей, освоения ими нужных ремесел. К концу XVIII века в Козлове насчитывалось уже 1237 домов, 9 церквей (очень был богобоязненный город, особенно после двух нашествий мора — чумы и холеры), 275 торговых лавок, 70 мельниц, винокуренный завод. А в 1787 году было открыто и свое малое народное училище. Пройдет еще чуть более ста лет, и по переписи населения России 1897 года в Козлове будет зафиксировано 45 тысяч жителей, включая 2100 рабочих, занятых на 60 предприятиях. В числе наиболее крупных производств значилось здесь отделение железной дороги, вобравшее на обслуживание паровозов, в депо, в свои мастерские, путевое хозяйство основную массу трудоспособного населения. После свершения революции 1917 года власть в городе и уезде была передана Совету и его исполнительному органу — Военно-революционному комитету во главе с бывшим рабочим-путиловцем Андреем Лавровым, чье имя носит одна из наиболее протяженных автомагистралей Мичуринска.

Почти все годы гражданской войны Козлов был прифронтовым городом, пережившим и мятежи во время антоновской эпопеи, и погромы, и дикий налет мамонтовской конницы, разграбившей город дочиста, что впечатляюще описано в романе «Необыкновенное лето» Константина Федина, в юношеские годы учившегося в Козловском реальном училище (впоследствии в этом здании был открыт плодоовощной институт) и сохранившего на всю жизнь связи с Мичуринском, списываясь, в частности, со старожилками для уточнения отдельных деталей книги. На доме, в котором жил будущий писатель (ныне улица Гагарина), установлена мемориальная доска.

Коль уж заговорили о своеобразной притягательности города, вот что хотелось бы отметить. Где бы мне ни приходилось бывать, мыслями я всегда оставался рядом со своим родным Мичуринском. Здесь я учился, с золотой медалью окончил городскую школу № 81, а потом с отличием — экономический факультет плодоовощного института (ныне МичГАУ).

Многому научила меня учеба в столичной аспирантуре, защита там кандидатской, а затем и докторской диссертаций, связанных с серьезнейшей темой — риски в сельском хозяйстве. Интереснейшие личности встречались мне на жизненном пути, когда работал в Москве на руководящих постах в крупных учреждениях. Много раз приходилось бывать за рубежом в научных командировках. Но сердцем всегда я оставался здесь. Есть удивительный магнетизм в этом относительно небольшом — с населением до 100 тысяч человек — городке, лежащем посреди России. И недаром многие мои ровесники в возрасте до 40, да и те, кто постарше, изведав все прелести далеких странствий, возвращаются в родные пенаты и находят здесь дело по душе.

Моя жизнь сложилась так, что за 12 лет я прошел путь от студента до ректора своего родного вуза (тогда в Минсельхозе в 33 года часто слышал: «Вы — самый молодой ректор аграрных вузов России»). Мне скажут, а как же Москва? Неужели... Да, и Белокаменная меня не смогла удержать, несмотря на прекрасные перспективы дальнейшего карьерного роста, материальное благополучие. И когда получил предложение вернуться в свой университет проректором по научной и инновационной деятельности — ни у меня, ни у жены заминки не возникло: едем! И это были упоительные годы, насыщенные множеством конкретных дел. Затем в течение двух лет работал ректором МичГАУ. С коллегами мы не боялись больших замыслов и масштабных проектов. Но в марте 2011 года, после избрания депутатом областной Думы, честно скажу, совершенно неожиданно для себя (научного работника до корней волос) получил предложение возглавить областной законодательный орган власти. И все же, признаюсь, душа моя все равно осталась с Мичуринском, где знакома каждая улочка, где так много с детства близких мне товарищей, приятелей, друзей по учебе, спорту (активно занимался боксом), не говоря уже о профессорско-преподавательском составе вуза, с кем довелось вместе работать.

Мне рассказывал один наш краевед, что когда он взялся за составление Мичуринского библиографического словаря, то, образно говоря, утонул в том океане имен выдающихся личностей, чья жизнь так или иначе была связана с городом, стоящим на реке Лесной Воронеж. В 1932 году Козлов был переименован в честь одного из славных горожан — всемирно известного садовода, выдающегося биолога и селекционера, основоположника садоводческой науки И.В. Мичурина. В самом центре Мичуринска, на главной площади, с 1950 года высится изваянный в мраморе и бронзе памятник Ивану Владимировичу Мичурину (работа известного скульптора М. Манизера, архитектора И. Лангбарда). Здесь всегда играет много детей, сюда приезжают поклониться молодожены, а цветочные клумбы и фонтаны радуют взор и создают особое настроение отдохновения и уюта.

Действительно, история Козлова-Мичуринска богата знатными именами. Например, неизгладимый след тут оставил известный итальянский архитектор Адамини, чей неповторимый почерк виден в изящных архитектурно-планировочных решениях центральной части города. Здесь жил и творил самобытный художник и литератор С.Г. Архипов. Козловская земля дала стране и миру изобретателя искусственного сердца профессора С.С. Брюхоненко, чье имя носит 1-я городская больница. Здесь помнят достойных продолжателей дела Мичурина, его замечательных учеников: И.С. Горшкова, П.Н. Яковлева, создателя плодовых растений на карли-

ковых подвоях В.И. Будаговского, чьи уникальные методики применяют всеми плодоводами планеты. А как оценить заслуги Героя Социалистического Труда, непревзойденного ученого-селекционера, много лет бессменно стоявшего во главе ЦГЛ С.Ф. Черненко? Какой яркий след оставила на земле простая женщина, великая труженица, депутат Верховного Совета РСФСР двух созывов, Герой Социалистического Труда Н.А. Шиповская — доярка, а затем заведующая фермой из учебного хозяйства — племзавода «Комсомолец»...

В свое время в семье козловского прасола вырос и достиг замечательных творческих вершин будущий народный художник СССР и первый президент Академии художеств страны живописец А.М. Герасимов, светлая память о котором увековечена благодарными потомками в Музее-усадьбе родового дома, где прошли детство, юность, взросление Александра Михайловича. Наш город знал и видел одного из сыновей А.С. Пушкина — генерала Александра Пушкина, чей полк квартировал в Козлове. Замечу, в местном университете много лет успешно трудится родственница великого поэта (по материнской линии), прямой потомок Пушкиных, хотя и в далеком поколении, доктор биологических наук, профессор Галина Северьяновна Усова. В Козлове некогда отбывал ссылку опальный князь Юрий Голицын, исторический персонаж замечательной повести его тезки — писателя Юрия Нагибина «...Сильнее всех иных велений»; об удивительных перипетиях жизни князя вам многое расскажут экскурсоводы Голицынского литературно-музыкального музея, к слову, располагающегося в историческом здании, восстановленном из руин по инициативе неравнодушных людей — жителей Мичуринска.

Наши славные земляки — генерал армии, командующий внутренними войсками МВД РФ Н.Е. Рогожкин, первый картограф морей контр-адмирал Л.А. Демин, первый профессиональный писатель на Тамбовщине П.М. Захарьин, выдающийся актер В.М. Зельдин, в свои 98 лет дважды посетивший «край, наполненный ароматом яблок», как он сам говорил о малой родине в начале своих концертов в переполненном театральном зале Мичуринска. Замечательный писатель Б.К. Панов, автор трилогии «Посреди степей», по проблематике своей предвосхитившей горбачевскую перестройку, прекрасный кинооператор студии «Беларусьфильм» Юрий Марухин, уникальный мастер редкого жанра — художественных офортов — Станислав Никиреев, участник Великой Отечественной войны, удивительный художник, несколько десятилетий назад создавший в городе детскую художественную школу имени А.М. Герасимова, воспитатель целой плеяды замечательных молодых художников А.В. Платицын — гордость нашего Мичуринска. Достоинно представляют город на региональном, федеральном, международном уровне настоящие подвижники, неутомимые энтузиасты своего дела, заметные общественные деятели, заслуженные работники культуры России: многолетний директор Музея-усадьбы А.М. Герасимова Т.И. Воронова, директор драматического театра Г.Н. Попова, виртуозный музыкант, композитор и дирижер, директор музыкальной школы С.С. Сафронов, художественный руководитель ансамбля классического танца «Росинка» детской хореографической школы Л.В. Бендерская, по чьим стопам не только пошли обе ее дочери, создавшие свои школы в Санкт-Петербурге, но и десятки бывших учениц Любови Викторовны, работающие в России, Польше, Германии, даже в Таиланде; отдающая весь жар души пропаганде научного наследия И.В. Мичурина, содержащая в исключительном порядке питомническое

наследие великого ученого, вот уже несколько десятилетий заведующая Домом-музеем его имени Л.В. Волокитина...

Уважением и почетом окружены имена прекрасных наших прозаиков, поэтов, публицистов: В.С. Аршанского, В.К. Кострикина, В.И. Михина, видных литературоведов, библиографов, организаторов массовых культурных мероприятий, оставляющих глубокий след у слушателей, известных ученых-филологов В.И. Попкова, В.Е. Андреева, В.И. Матушкиной, многих работников библиотечной системы, возглавляемой неутомимым культурологом Л.И. Богословской.

Особые знаки отличия у моих коллег-ученых. В Мичуринске живут и плодотворно работают на благо Отчизны три академика Российской академии сельскохозяйственных наук. Это виднейший специалист в области хранения овощей и фруктов в газовой среде, один из отцов-основателей Мичуринска-наукограда, чья генеральная линия — здоровое питание, производство экологически чистых плодов и овощей — доктор сельскохозяйственных наук В.А. Гудковский, много лет возглавлявший ВНИИ садоводства имени И.В. Мичурина. Это доктор технических наук, мой учитель, 25 лет проработавший ректором Мичуринского государственного аграрного университета, создатель и организатор производства целой серии малогабаритных садовых машин А.И. Завражнов. Наконец, это директор ВНИИ генетики и селекции плодовых растений (продолжатель созданной еще Мичуриным Центральной генетической лаборатории), где ведутся оригинальные исследования различных культур на самом современном уровне, доктор сельскохозяйственных наук Н.И. Савельев. Легендарная профессура МичГАУ — доктор сельскохозяйственных наук Ю.Г. Скрипников, разработчик рецептур производства продуктов для 65 консервных заводов и фабрик страны, соавтор составления исключительно ответственной программы питания астронавтов будущего полета на Марс; такой же почетный ветеран вуза — доктор сельскохозяйственных наук, руководитель диссертационного совета, давший путь в науку многим аспирантам, заведующий кафедрой С.И. Полевщиков, долгое время возглавлявший кафедру плодоводства — человек удивительного обаяния, обладатель уникальных математических способностей В.А. Потапов, организатор закладки мичуринских садов на заповедном Валааме доктор сельскохозяйственных наук К.В. Кондрашова...

Да разве перечислить все таланты прошлого и настоящего времени нашего вуза! А после объединения с Мичуринским государственным педагогическим институтом полку талантливых людей прибыло! С удовольствием назову профессора-биолога В.Н. Яценко, много лет с успехом возглавлявшего гуманитарный вуз, бессменного декана факультета начального образования, человека, беззаветно преданного педагогике, доцента В.Я. Никульшина...

Мне думается, что если даже априори предположить отсутствие в Мичуринске существующих учебных заведений, фундаментальных НИИ и лабораторий, то наш город все равно бы остался на зависть благодатным местом для развития творческой мысли и науки. И это абсолютная истина! Недаром в 1985 году за успехи, достигнутые трудящимися Мичуринска в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 350-летием со времени основания, город был награжден орденом «Знак Почета». С благодарностью вспоминают мичуринцы прежних городских руководителей — В.Т. Губанова, В.Д. Никитина, Н.М. Антонова. Заметен большой вклад в развитие города, который на протяжении ряда лет вносит глава

Мичуринска-научнограда, доктор сельскохозяйственных наук В.Н. Макаров. Отметивший в ноябре 10-летие со времени выхода Указа Президента Российской Федерации о присвоении Мичуринску статуса научнограда, признанный центр научного садоводства все увереннее выходит на международную орбиту. Здесь проходят широкомасштабные научно-практические конференции с приглашением авторитетных, всемирно известных ученых, устраиваются традиционные выставки-ярмарки в осенние Дни садовода, налажен обмен преподавателями и студентами из целого ряда стран ближнего и дальнего зарубежья. Тем самым Мичуринск органично вписывается в визитную карточку инновационной экономики всей Тамбовской области, даже лидируя в некоторых важных направлениях.

За считанные годы получил всероссийскую известность суперсовременный агрохолдинг «Зеленая долина», где генеральный директор — депутат областной Думы нескольких созывов М.О. Корнев. Став бесспорным флагманом регионального агробизнеса по выращиванию картофеля, овощных культур высшего качества, эта производственная компания преобразила облик села. В амбициозные проекты агрохолдинга наряду с российскими профессионалами вовлечены голландские агрономы, немецкие ученые, американские инженеры, специалисты из других стран и континентов.

На завидную высоту поднял руководимую им крупную организацию — ОАО «Мичуринская мукомольная компания» — такой же активный депутат областной Думы А.А. Поляков. Его имя известно, что называется, от Москвы до самых до окраин: топ-менеджер современной формации, он сумел не только наладить безупречную работу базовых предприятий на Тамбовщине, но и открыть отлично действующие филиалы в Центральном федеральном округе.

Еще пример. Эксперты сегодня практически едины в том, что уровень развития биотехнологий, вопросы биологической безопасности являются одними из основных критериев экономического статуса целых государств. И такие технологические платформы, в разработке и осуществлении которых мне пришлось принимать самое непосредственное участие, нашли конкретное применение, одобрены на правительственном уровне, успешно действуют. С помощью МичГАУ внедрен проект ЗАО «Биотехнологии» по единовременному хранению 250 тысяч тонн зерна в соседнем с научноградом Никифоровском районе. В самом Мичуринске возводится уникальное сооружение — завод полиактидных кислот с организацией производства биоразлагающихся пластиков. Тем самым будет кардинально решена острейшая проблема ликвидации экологически опасных свалок полиэтиленовых бутылок, пакетов, которые не исчезают десятилетиями, поскольку не поддаются распаду и безобразно захламляют гигантские территории. Еще один наш мегапроект — строительство мощного сахарного завода в рабочем поселке Мордово. Это родная земля безвременно ушедшего из жизни замечательного поэта плеяды «шестидесятников» Вячеслава Богданова, памяти которого в разных городах и районах нашей области ежегодно проходят блистательные литературные праздники с участием выдающихся творческих сил столицы и ближних регионов. Так вот, высокотехнологичное новое предприятие рассчитано на переработку сахарной свеклы и сахара-сырца производственной мощностью 9000 тонн с дальнейшим расширением еще на треть. Колоссальный потенциал!

Признаюсь, что не только как председатель Тамбовской областной

Думы, но и как ученый, я рад и счастлив, что нахожусь в горниле экономических преобразований нашей родной Тамбовщины, занимаюсь разработкой, поддержкой, что греха таить — и проталкиванием, пробиванием на самом верху приоритетных идей и замыслов, а в конечном счете — воплощением в жизнь тех проектов, которые нужны людям. Должен сказать, что все крупные решения, все большие дела проходят с деятельным участием главы администрации Тамбовской области, доктора экономических наук Олега Ивановича Бетина, настоящего сына своей земли, патриота России не на словах, а на деле делающего все возможное во благо родного края. Добротную поддержку всем благим начинаниям оказывает и Тамбовское региональное отделение партии «Единая Россия», которым мне доверено руководить на протяжении ряда последних лет.

В родном Мичуринске есть у меня свои любимые уголки, заповедные и затаенные... Летом люблю бывать с женой и детьми (у нас растут два сына-школьника) в районе Основного питомника, где такие чудные тенистые аллеи ведут мимо одетой в гранитные берега реки к Дому-музею великого естествоиспытателя... Непременно приходим с семьей в дни майских праздников, в День Победы, на площадь Славы, к величественному монументу землякам-защитникам Родины. В годы Великой Отечественной войны более 46 тысяч жителей Мичуринска сражались на фронтах. 37 тысяч из них были награждены орденами и медалями, а 26 солдат и офицеров стали Героями Советского Союза. Им воздвигнуты памятники, бюсты, их именами названы улицы, школы, где они учились, предприятия, где они работали.

Под мирным солнцем наш Мичуринск с каждым годом становится все краше, все наряднее. Белокипенное цветение весенних садов, ожерелье реки Лесной Воронеж, опоясывающей город, изумрудная зелень и свечи каштанов, архитектурная доминанта наукограда — пронзающий небо шпиль Ильинского храма, благолепные купола Богоявленского собора, жизнерадостные маковки храма Всех Скорбящих Радость создают волнующий сердце и душу ансамбль, делают старинный наш град действительно единственным и неповторимым.

Всякий раз, встречаясь со своим родным и любимым городом, невольно вспоминаю поэтические строки:

Ты в стране — что росинка
На раздольном лугу.
Но представить Россию
Без тебя не могу!..

В Мичуринске это ощущается по-особому зримо и явственно.

ни врагам,
ни годам
не сдающийся,
остающийся
молодым.
То под вишнею,
то под черешнею,
в птичьих солнечных голосах,
колдовал
над природой здешнею,
но с нездешенкою
в глазах...»
Я притих от смущения явного —
я не знаю, в каком я году.
По дороге
катится
яблоко,
и за яблоком
я иду.
Где войска,
где столбы пограничные?!
Всюду солнцем сады полны,
и лежат на земле клубничины
сверхарбузной величины.
Под навесами —
персиков насыпи,
ну а в каждом персике —
пуд!
Магаданские ананасы
мексиканским
приветы шлют.
Улыбаются
пальмы пражские.
Волжский говор
в пекинской листве.
Парижанки-березы спрашивают,
как шумится
каштанам в Москве.
Хоть в Сахару пойдя,
загляни-ка —
все невиданным цветом
цветет.
И на Марсе растет земляника,
на Земле
марсяника растет...
Но под звон
задрожавших окон,
по следам дождей грозовых,
пробуждая меня,
прогрохал
горсоветовский
грузовик.

Только память рванулась за мною,
загудела,
запела во мне
устремленностью
быть над землею,
даже будучи
на земле.

Снова замерли тени причудливо,
и деревья застыли в строю...
Я у памятника Мичурину
в городке среднерусском стою.

Мичуринск. Август 1955 года

Классик советской литературы Константин Александрович Федин в 1908-1911-х годах жил в г. Козлове, где учился в коммерческом училище. К этому периоду относятся его первые писательские опыты. Ранние рассказы писателя вошли в книгу «Пустырь». Город своей юности Константин Федин упоминает также в романе «Необыкновенное лето», когда описал Тамбов и Козлов во время прорыва Южного фронта конным казачьим корпусом генерала Мамонтова.

Константин Федин

НАБЕГ

*Отрывок из романа
«Необыкновенное лето»*

Если взглядеться, каким представлялся набег Мамонтова рядовому козловскому обитателю, который сначала по слухам узнал о внезапном захвате Тамбова белыми, а потом воочию увидел захватчиков у себя на улицах, то раскроется необычная картина.

Эти города с момента установления советского строя не знали никакой иной власти. Юг, изобиловавший сменами всевозможных мимолетных правителей, был отсюда далеко, фронт, казалось, обеспечивал прочность зачинавшейся новой жизни. Губерния коренная русская, притом не окраинная, а примыкающая к центральным, она — естественно — и в глазах своего населения составляла часть самой основы государства, его национально спаянного ядра, то есть именно России, установившей Советы и за них борющейся.

Весть о падении Тамбова свалилась как снег на голову. Первый момент в Козлове вообще никто ничего не понимал — ни гражданские власти, ни рабочий люд, ни обыватели. Как мог вдруг очутиться целый корпус белых за двести пятьдесят верст от фронта, отрезав одним махом дороги на Саратов и на Балашов? Был ли дан бой, и где, и когда, и почему он проигран?

День спустя из Тамбова прорвался поток известий, но поток мутный: страшные новости по-прежнему ничего не объясняли, а только поражали.

Штаб Тамбовского укрепленного района оказался первым распространителем слухов о безнадежном положении города. Сам комендант открыто говорил, что на Тамбов наступают двадцать полков противника. Оборона на подступах к городу создано не было, подготовка к уличным боям не велась. Однако и приказа об отступлении не издали. Это внесло в части гарнизона расстройство и посеяло в умах чудовищную неразбериху.

За день до прихода мамонтовцев ранним утром автомобили и телеги столпились у железнодорожных пакгаузов и на товарных дворах. Грузили все, что нужно и что не нужно, вплоть до ломаных стульев и шкафов учреждений. Вскоре обозы потянулись в два ряда, и населению предстало зрелище бегства. В городе вспыхнула паника. Начальник броневого отряда, решив своим разумением, что паника должна быть подавлена, открыл пулеметную стрельбу по домам Советской улицы, а затем самовольно отошел с броневиком из Тамбова на Моршанск.

На станцию ворвались казаки. Курсанты пехотной школы начали с ними перестрелку. Она не могла принести ощутимого результата. Тамбов пал. Гибли отстреливавшиеся до последнего патрона, не снятые с постов красноармейцы. Гибли в одиночку сопротивлявшиеся коммунисты.

Не прекращая марша, корпус Мамонтова взял западное направление и пошел на Козлов.

Это — главное, что узнали козловцы в первое время после падения своего центра — своей «губернии».

Городские власти Козлова пытались организовать сопротивление. Они заверяли, будто считают, что сил достаточно. Бригада большевиков с артиллерией была выслана на позиции верстах в тридцати от города. Около станции Никифоровка появились разъезды донцов. Бригада завязала перестрелку.

Но в то же время власти колебались, ожидая указаний — «как поступить?» Сообщения их были полны противоречий, действия растеряны. Они эвакуировали в Москву банк, но не решались эвакуировать до сотни вагонов ценных грузов. Они запрашивали — «следует ли эвакуировать отделы Совета, куда и какие?» И в том же запросе утверждали: «Что же касается отделов и их служащих, то, разумеется, они будут работать до последнего момента». Они доносили, что «все коммунисты и местные силы мобилизованы и находятся на позиции». Но тут же автор этого донесения признавался, что никто, собственно, не знал, на каких позициях следовало находиться. «Говорить об устойчивости сейчас не приходится лишь потому, что, к несчастью, наша разведка не может точно установить, где, в каком количестве оперирует противник, с какой приблизительно силой он наступает на Козлов, все это у нас неизвестно... Прошу сообщить о положении Моршанска, так как мы имеем сведения, что противник часть своих сил направил на Моршанск и Ряжск».

Устойчивости не было не только из-за негодной разведки. Тревогу вселял не только противник. Ее причины лежали еще и по эту сторону позиций.

Дело заключалось в том, что на все обращения к отделу штаба Революционного Военного Совета Республики — как обстоит с обороной Козлова, есть ли надежда, что он не будет сдан — город не получал никакого ответа. Отдел штаба стоял уже на колесах, предварительно эвакуировав свое имущество и готовый сняться, а штаб Южного фронта выбыл из Коз-

лова сразу после возникновения угрозы городу и находился уже в Серпухове. Жители, так же, как власти, все это знали, все видели своими глазами.

Трудно было городу в таких обстоятельствах рассчитывать на устойчивость. Он пал на пятый день после захвата Тамбова.

Немедленно покровительством Мамонтова была учреждена газета.

Играя в «демократа», генерал разрешил ей называться довольно гротескно и для демократа — «Черноземная мысль». На вторые сутки она оповестила население особым бюллетенем о событии: «...после трехдневного сопротивления казакам красноармейцы и коммунисты оставили Козлов. В город вошли донские казачьи полки генерала Деникина, с генералом Мамонтовым во главе командного состава. Коммунисты большей частью перебиты, красноармейцы сдались, частью разбежались, а остальные преследуются казаками...».

Для козловцев к этому времени вступление Мамонтова в город представлялось уже давностью. Они могли только вспоминать, как накануне, около трех часов пополудни, из-за реки Воронеж и с Турмасовского поля донесся топот передовых эскадронов; как ровно в три на Ямской улице появился, окруженный свитой, сам белый генерал, не слишком твердо держась в седле после походного завтрака; как молча и недвижно стоял народ перед своими домами; как на перекрестке выскочили вперед мещаночки с цветами, и бородатый казак, приняв букет, вез его в вытянутой руке, точно боясь обжечься; как ввечеру особенно внушительно звонили церкви.

Все это отошло в воспоминание. Потому что когда «Черноземная мысль» расклеивала по заборам свой бюллетень, другие события совершались в Козлове, другие картины возникали на его улицах.

Громили еврейские квартиры, громили склады и магазины. Мелкий люд выставил на окнах иконы — в ограждение от казачьих банд. Над пойманными евреями измывались, потом зарубали их шашками. С убитых стаскивали окровавленную одежду. Трупы волочили во дворы, охраняемые конными, чтобы народ не глазел, не вел счета замученным.

Выискивали, тащили всякое добро. Выкатывали из подвалов бочки с вином и медом, взламывали их, пили и ели, кормили медом с лопат лошадей. Развезжая, торговали с седел мануфактурой. Очищали от денег кассы. Уводили с конюшен лошадей.

Станция дрожала от взрывов. Взлетела в воздух вокзальная вышка. Рухнули мосты. Покатились под откос пущенные друг на друга паровозы. Зачадили подожженные поезда. Двинулись по путям специальные команды — сокращать стрелки.

В городском саду играл казачий оркестр. Барышни вышли гулять с мамонтовцами. Появились чиновники в жеваных сюртуках — только что из сундуков. За собором, под откосом, тюкали плотничьи топоры — тюк... тюк: тесались брусья под виселицы.

Мамонтов принимал своих командиров дивизий — генерала Постовского, генерала Толкушкина, генерала Кучерова. Утверждал членов временного городского управления. Подписывал приказы о мобилизации лошадей, об устройении милиции из горожан, о введении для нее белых нарукавных повязок. Рассматривал золотую церковную утварь, драгоценные оклады с икон, награбленные по церквам, и указывал — что в обоз, что к себе в личный багаж.

На главной улице состоялся смотр частям корпуса. Промчались на рысях эскадрон за эскадронам, протарахтели пушки, продымили броне-

автомобили, грузовики с пулеметами, прошел церемониальным маршем пеший отряд казаков.

Мамонтов принимал парад на коне. Он сидел, нахлобучив на глаза фуражку с красным околышем, в синей шинели и огромных черных рукавицах, расшитых золотом по тыльной стороне. Он держал поводья так, чтобы шитье рукавиц всем было видно. Он подчас взглядывал свысока на толпу, резко отворачивался, приподнимался в стременах и черным кулаком недовольно всталкивал кверху усы: толпа не проявляла восхищения.

Таким воочию увидел козловский обитатель набег мамонтовцев на родной город, и только из этого личного видения и знания мог тогда исходить в своем понимании события...

Если рассмотреть набег Мамонтова на основе знаний о событии, накопленных после того, как оно совершилось, то значение набега в ходе гражданской войны проглянет яснее.

Уходя из Козлова, Мамонтов отстоял на площади молебен с колокольным звоном и заявил обступившим его после богослужения облаченным в ризы попам, что сейчас он идет на Москву — «спасать столицу от красной заразы».

Движение, взятое корпусом после захвата Козлова, давало основание допустить, что если Мамонтов и не мог отважиться на бессмысленную попытку рейда на Москву, то намерение поугаить таким рейдом у него, конечно, было. Корпус пошел в район Раненбурга, к дорогам, указывавшим направление на Павелец и Тулу.

Мамонтов пугнул рейдом на Москву вполне сознательно. Он не только хвастал, но и хитрил. Он хорошо знал свои преимущества. Они заключались в коннице, способной к самым внезапным изменениям направлений и — значит — в том, что корпус имел возможность произвольно избирать в жертву наименее защищенные города с малочисленными, слабо вооруженными гарнизонами, предназначенными для местной охраны. Безнаказанно углублять свое движение к центру Мамонтову мешали два фактора: время, с течением которого должна была улучшиться организация обороны против налетчиков, и массовость рабочих сил примосковских промышленных районов, с красным арсеналом пролетариата во главе — Тулой. Мамонтов заранее знал о ближайшей неизбежности поворота назад к югу, на соединение с белым фронтом. Тем более ему надо было демонстрировать движение на север, к центру, чтобы затруднить разгадку своей тактики и ослабить сопротивление там, куда он в действительности метил проникнуть.

Свое демонстративное движение к северо-западу он быстро сменил поворотом на юго-запад. После Раненбурга был совершен набег на Лебедянь и на Елец. Затем направление рейда было резко изменено на юго-восточное, и мамонтовцы покатались через Задонск большим трактом на Воронеж.

Сопротивление советских городов на пути рейда донцов не ослаблялось, а возрастало. Самое беспомощное в начале рейда, при захвате Тамбова, оно оказалось настолько внушительным к концу, что мамонтовцы уже не могли полностью овладеть Воронежем, продержались в городе лишь одни сутки и, потерпев поражение, отступили. Боями у Воронежа закончился последний этап рейда. Мамонтов повел корпус назад, и этим исчерпались бы результаты его рейда, если бы Деникин не выдвинул, специально для содействия донцам, третий конный корпус чернознаменного генерал-лейтенанта Шкуро, который две недели спустя и ворвался в Воронеж доделывать то, что не удалось Мамонтову.

Почему одни города оказывали сопротивление мамонтовцам, другие были сданы без боя?

Первоначальный успех Мамонтова основан не на одной внезапности налета. Ему способствовала измена.

Командование Южного фронта почти игнорировало существовавшее указание — создать надежные укрепленные районы в стратегически важных пунктах своего тыла. Оборона Тамбова, Ельца была совсем не налажена. Действовала разведка белых. Ей было известно, что, например, в военных частях и учреждениях Тамбова деникинцы встретят необходимых им предателей.

Когда курсанты пехотной школы взялись поутру отстаивать тамбовский вокзал, казаки кричали им с уверенностью: «Все равно вам нечем стрелять! Сдавайтесь!» Они были правы: еще ночью бывшие офицеры сняли с орудий замки и во главе с командиром дивизиона ушли к мамонтовцам. Оперативная часть укрепленного района была вверена командиру Отдельной стрелковой бригады, который немедленно перебежал на сторону белых. Начальник броневого отряда, вместо того, чтобы искать встречи с противником, обстреливал город под видом наведения порядка. Сам комендант района пустил панический слух, что на Тамбов идут двадцать полков белых, тогда как в действительности к Тамбову подступали две с половиной тысячи сабель, то есть всего три полка. Однако город был сдан без боя.

Лебедянь узнала о захвате Тамбова лишь на третий день, и так же, как Козлов, — по смутным слухам. Город сделал попытку обороняться. Ему помог Раненбург пешими и конными отрядами. Однако все эти попытки обороны предпринимались местными силами без содействия штаба Южного фронта, покинувшего Козлов, едва возникла для города угроза. Тамбовские организации впоследствии откровенно заявили, что «многие разумные распоряжения укрепленного района наталкивались на невероятное сопротивление со стороны командования Южного фронта».

Измена была пропущена, подготовлена белыми и сослужила им пользу. Они опирались на нее, как на подсобную силу, действовавшую против Советов и в поддержку успеха Мамонтова.

Но с течением времени действие основных преимуществ мамонтовского маневра уменьшалось. Ослаблялся фактор внезапности: близлежащие города уже энергично готовились к возможной встрече с казаками. Увеличивалась бдительность местных властей против вероятных измен.

Кроме того, начинали действовать иные факторы, служившие на пользу советской обороне и во вред мамонтовцам.

Первым из этих факторов было разложение среди частей донского корпуса, наступившее быстро и возраставшее непрерывно. Погромы и грабежи разнуздали мамонтовцев настолько, что казаки перестали внимать приказам Мамонтова уже в Козлове, где за его подписью был издан бесплодный запрет грабить население. Считать этот запрет лишь выражением лицемерия Мамонтова нельзя: он сам грабил, но в то же время видел, что его войско предпочитает рвению в боях старательность в поживе. Дивизии гнали с собой обозы награбленного добра, занимавшие на дорогах больше места, чем воинский состав. Разложение круто понизило боеспособность всего корпуса.

Другой фактор, препятствовавший развитию успеха мамонтовцев, состоял во враждебности советского населения. Расчет на сочувствие крестьянства принес Мамонтову разочарование. Крестьяне не поддержали

казаков, а истязания и грабежи сильнее восстановили деревню против целей контрреволюции.

Результат изменившейся обстановки сказался при повороте мамонтовского рейда на юг.

Средняя колонна Мамонтова натолкнулась на первое серьезное сопротивление у Задонска. Городу удалось провести мобилизацию, набрать отряды и развернуть их в полк численностью больше полутора тысяч штыков. Штаб Воронежского укрепленного района, проявивший решимость в подготовке к обороне и находчивость в оперативном руководстве, помог созданию Задонского полка. Отдельные роты этого полка показали героическое желание сражаться до последней капли крови. Но защитники города повели тактику полевой войны, требующей резервов и достаточных огневых средств. У задонцев было всего восемь пулеметов и не оставалось никаких запасных сил в своем тылу. Их разжиженные на большом пространстве цепи не могли не оставить поле боя за казаками. Тактики уличной борьбы, которая была бы уместнее, Задонск не применил.

Воронеж своей искусной подготовкой к самозащите достиг того, что встретил мамонтовцев морально и качественно превосходящими силами. Бой под Воронежем длился четверо суток и, несмотря на все усилия белых, принес им только кратковременный захват отдельных частей города, откуда они были выбиты уличными боями, и ускорил отступление корпуса к линии Южного фронта...

Чтобы затушевать свою ответственность за результаты мамонтовского прорыва в тыл Красной Армии, виновники создавшегося положения из числа руководителей штаба Южного фронта и Революционного Военного Совета Республики старались представить дело, как «призрачную удачу» белых. Разумеется, ничего призрачного не было в огромном уроне, понесенном населением более десяти городов, подвергшихся набегу, в страданиях женщин, детей, в разрушениях дорог, станций, в разгроме складов, в уничтожении советских хозяйств. Не исчерпались потери народа и Красной Армии множеством погибших в боях с мамонтовцами. И желание уменьшить значение истребительного рейда Мамонтова могло диктоваться единственно нечистой совестью тех, кто сыграл роль пособников Деникина в его борьбе против Советов.

В то же время возвеличивать значение набега могли только сами мамонтовцы, при готовности белых и зарубежных газет создать им ореол.

Рейд Мамонтова белые считали одной из крупнейших стратегических операций. Какую, однако, жатву снял Деникин в результате этой своей стратегии? Мамонтовский набег восстановил против белых народные массы близлежащих к фронту губерний. Он ускорил дальнейшее формирование красной конницы, и ее буденновский корпус (к этому времени уже с успехом действовавший против белой кавалерии юго-западне Саратова) вскоре вырос в Первую конную армию. Он, наконец, способствовал обнаружению самых уязвимых звеньев в командовании Южного фронта, а это помогало выработке плана военных действий, решивших исход борьбы с Деникиным.

Таков был действительный политический и военный результат рейда Мамонтова. Набег был показателем самой слабой стороны деникинской стратегии: ее политической необоснованности. Он был проявлением существа деникинской тактики, определенного в июльском письме Ленина как *авантюра*. Он был именно «отчаянным предприятием, в целях сеяния паники, в целях разрушения ради разрушения»...

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРИЗОНТ НАУКОГРАДА

*Интервью с ректором
Мичуринского государственного
аграрного университета,
кандидатом экономических наук,
профессором*

Александром Квочкиным

Десять лет назад в Москве было подписано трехстороннее соглашение правительства Российской Федерации, администрации Тамбовской области и администрации Мичуринска о развитии города как наукограда. Главная цель этого проекта — поддержка научного потенциала и подготовки кадров, реализация приоритетных задач по развитию аграрного сектора страны. О роли Мичуринского государственного аграрного университета в решении поставленных задач рассказывает ректор университета Александр Николаевич Квочкин.

— Александр Николаевич, Тамбовская область на протяжении целого ряда лет имеет стабильную динамику развития. Ваш университет вносит свой существенный вклад в этот процесс...

— Безусловно, работа университета, наша система подготовки кадров тесно увязана с задачами развития Тамбовской области. К сожалению, Тамбовщина не богата ископаемыми ресурсами. Наше богатство — земля и люди, живущие на ней. Поэтому развитие агропромышленного сектора — основное направление в экономике региона. Мы же, являясь ядром наукограда, конечно же, не имеем права оставаться в стороне от тех задач, которые решает область. Когда встала проблема устойчивого развития сельских территорий, понятно, что назрел вопрос консолидации образовательных ресурсов Тамбовщины. Поэтому два года назад к нашему вузу были присоединены Мичуринский государственный педагогический институт, а также два колледжа — аграрный и пищевой промышленности. Все учебные заведения ориентированы на школы сельских территорий. Модель Мичуринского государственного университета, обеспечивающая потребности агропродовольственного кластера Тамбовской области, была одобрена и поддержана Президентом России В.В. Путиным.

— А насколько востребована эта интеграция учебных заведений города Мичуринска жизнью? Как она проходит, каковы ее перспективы?

— В начале 2013 года была завершена работа, связанная с документальным оформлением объединения учебных заведений и формированием новой организационной структуры. Благодаря этому мы строим сегодня модель исследовательского университета инновационного типа, ориентированного на динамичное и устойчивое развитие агропродовольственного сектора экономики, различных сфер сельской жизни.

Современные предприятия по переработке сельхозсырья и изготовлению биопродуктов, строящиеся сегодня в сельской местности не только Тамбовской области, но и региона, формируют хороший спрос на выпускников МичГАУ, причем это касается как агрономов, садоводов, механиков и технологов, так и педагогов. Ведь именно они будут воспитывать подрастающее поколение специалистов, инициативных творческих людей, способных придать качественно новый вид нашему агропродовольственному комплексу и всей сфере сельской жизни.

Объединение учебных заведений уже дало свои плоды. Недавно состоялась комплексная проверка Министерством образования и науки России высших учебных заведений страны, в результате которой был составлен общероссийский рейтинг вузов. Объединенный университет на базе МичГАУ показал себя в ходе разносторонней проверки хорошо, а по некоторым показателям он стал одним из лучших и вошел в список эффективных вузов. Более того, министерство за перевыполнение комплексных аккредитационных показателей предоставило МичГАУ бессрочную лицензию на подготовку кадров.

Конечно, мы перестаем быть аграрным вузом в классическом его понимании, то есть вузом, готовящим специалистов только для сельхозпредприятий (агрономов, животноводов и других). Наши функции шире. Мы считаем, что современный аграрный вуз должен готовить специалистов, обеспечивающих развитие сельской территории в целом. Это означает создание и обслуживание инфраструктуры, в том числе и социальной, управление сельской территорией, экологию и природообустройство, развитие промыслов, эко- и агротуризм, развитие местных товарных знаков и товарной логистической сети, в том числе и для продукции малых и средних предприятий. Наконец, нужны хорошие специалисты для дошкольных и школьных образовательных учреждений, объектов социального обслуживания населения на селе. Так что наши перспективы весьма оптимистичны.

— В программе развития наукограда Мичуринска предполагалась разработка эффективных экологически безопасных технологий производства, экологически чистого сырья и новых видов продуктов питания оздоровительного назначения. Что сделано университетом в этом направлении?

— То, что было заявлено в этой программе, за прошедшие 10 лет не потеряло своей значимости — сегодня весь мир развивается в аспекте биологизации производства. Не случайно сейчас в Европе популярен такой термин, как биоэкономика. И фундамент биоэкономики, основанной на возобновляемых ресурсах — растениях, солнечной энергии, потенциале плодородия земли — составляет аграрный комплекс. Мы вовремя поняли актуальность этой темы. Сегодня наш научный потенциал развивается в этих рамках.

— Какие наиболее значимые приоритеты развития вы можете при этом выделить?

— Прежде всего — это биотехнологии. Я не скажу, что мы начинаем абсолютно с нуля. Мы работали по проблемам биотехнологий и раньше — в области селекции, сохранения генных коллекций и биотехнологических методов размножения. Сегодня этот спектр работ расширяется. Мы активизируем работу в области биопищевых технологий, в области генных модификаций, сотрудничаем с ведущими российскими институтами и мировыми лидерами, работающими в этом направлении.

Второе направление, существенно выросшее за эти годы — создание машин для биологизации сельскохозяйственного производства, прежде всего в таких отраслях, как плодоводство. Это направление возглавляет академик Россельхозакадемии, президент нашего университета Анатолий Иванович Завражнов. За последние годы нами разработан комплекс машин, и сегодня мы ведем работу по приданию серийности выпуску этих машин. Данная работа получила высокую оценку на годичном собрании Россельхозакадемии, отмечена наградой как лучшая завершенная научная работа в прошедшем году. Она также представлена на Государственную премию в области науки и техники.

Очень важное направление — продолжение работ по селекции клоновых подвоев яблони. Над ней работает ряд кафедр, это комплексная тема университета. Усилия последнего времени в большей степени направлены на кооперацию с бизнесом, на продвижение новых форм подвоя и новых идей в области технологии интенсивного садоводства.

Сегодня вновь появляется интерес к закладке многолетних насаждений. Это одна из самых высокодоходных отраслей, но в то же время — одна из самых наукоемких и сложных, поэтому не всякий инвестор и не всякое хозяйство способно реализовать бизнес-проект современного садоводства, который, кроме самого сада, включает проблемы хранения продукции, логистики, инжиниринга, кадрового обеспечения отрасли. Сегодня у нас налажено сотрудничество с рядом базовых хозяйств, где мы консультируем и в то же время сами учимся и проходим стажировку.

Еще одно важное направление, которое в университете присутствовало, но не имело раньше такой приоритетности — это получение новых продуктов питания на базе исходного сельскохозяйственного сырья, в том числе и нетрадиционного, продуктов функциональной направленности, эффективно влияющих на здоровье человека.

— И какие перспективы этой работы выявляются в настоящее время?

— Это направление в прошлом присутствовало как прикладное — для выпуска специалистов в области технологий переработки сельскохозяйственного сырья. За прошедшее десятилетие оно стало ведущим. Спектр научных разработок, которыми мы сегодня занимаемся, обширен: биотехнологии производства новых продуктов питания, поиск новых видов сырья как через селекционный процесс, так и через интродукцию. Есть растения, которые раньше не рассматривались как источник питания. А сегодня для них открывается перспектива. Например, сейчас мы готовим линейку продуктов на базе санберри — канадского паслена, в том числе для детского, школьного питания. Это сиропы, соки, вытяжки, пастила. У этой ягоды очень интересный потенциал с точки зрения физиологически активных элементов. Она очень полезна для желудочно-кишечного тракта. Сделаем небольшие партии для дегустации и передачи в институт питания РАМН для изучения.

Помимо формирования научной школы, занимаемся подготовкой кадров. Нынче в области переработки мы готовим специалистов по нескольким направлениям: технологов — переработчиков продукции; инженеров — специалистов, которые могут проектировать, обслуживать и модернизировать оборудование с учетом технологических особенностей переработки того или иного плодово-ягодного сырья, инженеров по организации общественного питания. Эти направления подготовки специалистов получили новое современное дыхание.

И, наконец, мы развиваем контакты с бизнесом.

— **В программе развития наукограда вопрос подготовки кадров вынесен в отдельный блок. Это и понятно, село нуждается в современных кадрах. Как работает университет в этом направлении?**

— Да, и этот блок полностью закреплен за университетом. В последние два-три года мы активно продвинулись в этом направлении, особенно в плане создания системы непрерывной подготовки кадров. Начинать подготовку специалиста нужно со школы и даже раньше — с дошкольного учреждения. В прошлом году, например, мы уже вели прием выпускников из профильных классов, и анализ показывает, что оттуда идут более подготовленные ребята. Причем, идут не потому, что в другой вуз не удалось поступить, а целенаправленно, осознанно.

Продвижению работы по развитию цепи непрерывного образования способствовало присоединение к университету педагогического института. Ведь одно дело подготовить специалиста, а совсем другое — преподнести материал школьнику. Это разный уровень восприятия. Специалисты педагогического института разработали комплекты материалов для разных уровней подготовки.

За счет ресурсов пединститута мы начали развивать подготовку кадров по экологическому направлению. Сегодня занятость сельского населения в аграрном производстве сокращается. Растет доля занятых в других секторах агросферы, и для этого тоже надо готовить кадры. Причем они должны не только знать свой сектор — развитие агротуризма, промыслов, — но и уметь организовать бизнес, знать, каким образом получить финансирование, как наладить взаимоотношения с кредитными организациями, иметь представление о госпрограммах, о том, как подготовить заявку для участия в этих программах, как работать с населением, как довести продукт до рынка, как организовать рекламную кампанию... Вот такая многофункциональность специалиста сегодня ценится.

— **Вы упомянули о кооперации с бизнесом. В чем это выражается?**

— Мы выступаем в качестве консультантов, участвуем в рабочих группах по подготовке бизнес-проектов. Есть предприниматель, есть идея. Чтобы эту идею реализовать, нужны люди, понимающие, как этот процесс организовать технологически, как организовать контроль за качеством продукции, как ее сертифицировать, как логистику выстроить и т.д. В этом плане есть интересный опыт: в Сосновском районе создана фирма, которая занимается реализацией продуктов питания органического производства. Эта идея была разработана совместно с университетом. Мы готовили технологический регламент выпуска продукции, определяли те ключевые моменты, по которым можно определить, соблюдается ли биологизированная технология производства или нет. Ведь невозможно проверить всю продукцию, получаемую с подворий. В итоге получилась своеобразная модель потребкооперации в современном ее виде.

— **Насколько интересны для бизнеса идеи экологизации производства?**

— Сколько бы мы ни говорили о том, что надо экологизировать производство, этого не произойдет до тех пор, пока не перестроится массовая психология. Мы живем в рыночном обществе. Если на рынке возникает потребность, бизнес вынужден реагировать на это. Сейчас у нас идет работа над реализацией некоторых глобальных идей в создании на Тамбовщине мирового центра по экологически чистому питанию, продвижения на рынок экологически чистых продуктов. Это будут супермаркеты нового поколения. Надо продумать, как выстроить систему, каким образом подключить к этому бизнес. Здесь есть работа и для маркетологов, и для технологов... На сегодня достаточно широк сегмент рынка с повышенной требовательностью к качеству продукта. Настало время облачить эту потребность в определенную форму.

— **Ваш вуз сегодня реализует много уникальных проектов. Один из них — работа школы агробизнеса на базе школы в селе Татаново...**

— Идея проекта гораздо шире, нежели просто подготовка кадров для аграрных территорий. Мы стараемся выработать в детях с малых лет навыки самостоятельного мышления, генерации идей и способность к поискам вариантов не только их развития, но и источников финансирования. Обучение начинается с правильного описания своего проекта, экономических расчетов для него. Например, развитие пчеловодства или кролиководства на базе родительского подворья. В летних лагерях, куда дети отправляются на каникулы, процесс обучения становится коллективным, командным, проходит в духе увлекательных соревнований. В университете разработан целый комплект (более 30) учебных пособий для углубленного изучения стандартного школьного предмета. Например, в предмет «биология» добавляется раздел «агробиология», в предмет «зоология» — «агрозоология» и т.д. При школе есть полевой, овощной и плодовый стационары, отдельно — участок для детей из младших классов и даже дошкольников. Кроме этого, мы развиваем в области сеть опорных школ, где открыты проуниверситетские классы. Компании, ведущие свой бизнес там, где есть эти классы (например, один из лидеров российского агропромышленного комплекса, группа компаний «АГРО-Инвест»), согласились закупить учебники для них, хорошо осознавая, что сейчас без квалифицированных кадров в агробизнесе, даже при наличии всех остальных благоприятных условий, никаких задач не решить. Подобное сотрудничество науки и бизнеса — яркий пример государственного и частного партнерства.

— **Какие шаги еще предпринимает университет для развития государственного и частного партнерства?**

— Их несколько. Один из них — создание научно-образовательных центров на базе университета. Этот проект активно поддерживается Министерством образования России. Раньше на подобные работы выделялись гранты. Теперь мы пытаемся решить задачу, привлекая сюда бизнес. Наш совместный проект — создание одного из первых в стране биотехнологических предприятий — ООО «Агрофермент», что в Первомайском районе Тамбовщины. Биотехнология востребована, поскольку позволяет решить проблему комплексного использования природных ресурсов. Президент В.В. Путин поставил задачу оптимизации процесса создания подобных предприятий в России. Компания «Агрофермент» решила построить завод по производству очищенных ферментов. Совместно с ней мы создаем

биотехнологическую лабораторию, задачей которой станет отработка оптимальных режимов биореакторов. Группа специалистов университета уже начала работу в этом направлении: в Германии закуплен учебно-опытный реактор, проведено обучение специалистов для работы на нем.

Интересен ряд направлений, который мы сегодня обсуждаем с Союзом предпринимателей Тамбовской области. Во-первых, это создание учебной фермы по производству коровьего и козьего молока. А во-вторых — создание на этой базе производства продуктов детского питания. Сегодня у многих детей на коровье молоко аллергия, а на козье — нет. Бизнес готов поддержать данный проект. Но нам интересно, чтобы комплекс мог выполнять и учебные функции. Чтобы здесь можно было обучать не только студентов, но и специалистов. Подобный комплекс уже создан и успешно реализует свои задачи в Татарстане. К сожалению, мы натолкнулись на ряд правовых ограничений. Поэтому в данный момент заняты поиском решений данной проблемы.

Активно сотрудничает университет и с зарубежными партнерами. Хорошие отношения сложились у нас с Азербайджаном. Сейчас мы реализуем бизнес-проект по развитию садоводства в одном из районов республики. Здесь усилиями университета заложен сад. В этом году закладываем маточник, в ближайших планах — создание питомника.

Не так давно с крупными сельхозкомпаниями мы создали две совместных лаборатории для свиноводческих комплексов. Есть планы по лабораториям вторичной переработки продуктов.

— Что можно сказать о развитии непрерывной системы образования в вашем вузе?

— Она постоянно совершенствуется. Нынешний учебный год был посвящен расширению образовательных программ таким образом, чтобы со школьной скамьи они полностью корреспондировались в систему среднего и высшего образования. Создается прямая линейка обучения, по которой, сдав однажды ЕГЭ, учащийся более не будет испытывать стрессов вступительных экзаменов в колледж или вуз, а сдавать лишь внутренние экзамены, не выходя за рамки университетского комплекса. Кстати, после объединения под крылом университета двух колледжей и пединститута, мы смогли возобновить в одном из СПО подготовку специалистов по контрольно-измерительным приборам и автоматике. Самостоятельно колледж не смог «потянуть» обучение КИПовцев из-за непосильных затрат на обновление учебного оборудования. Университет вложил немалые средства, но они окупились сторицей — востребованность в подобных специалистах достаточно высока. Это еще один аргумент в пользу проведенной в Мичуринске интеграции учреждений высшего и специального среднего образования.

— Ваши студенты активны не только в учебе, но и в спорте, творчестве...

— Да, и пример этому недавно завоеванные награды на Всероссийском конкурсе «Студенческая весна» в Сочи. Отличились наши ребята и на конкурсе вокалистов среди аграрных вузов страны в Саратове, завоевав сразу четыре призовых места, причем два из них — первые. К услугам студентов в университете более двух десятков кружков и секций, где они могут реализовать свои стремления развиваться физически, духовно, творчески. Так что, попадая в студенческую среду МичГАУ, юноши и девушки получают возможность для всестороннего и непрерывного развития личности.

Эдуард Петрович Ефремов родился в 1946 году в селе Козловка Бутурлиновского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Собственный корреспондент газеты «Сельская жизнь». Автор многих проблемных публикаций на темы культуры, пьесы «По минному полю», поставленной на сцене Воронежского театра юного зрителя. Живет в Воронеже.

Эдуард Ефремов

И НА ВАЛААМЕ ЯБЛОНИ РАСТУТ

(Плоды трудов ученых Кондрашовых)

Они взялись за неподъемное, казалось бы, дело — начали восстанавливать сады Валаама. Ученые, те, что поблизости, из Санкт-Петербурга и Петрозаводска, в середине 1980-х не откликнулись на призыв о помощи монастырским садам. Случайно на святом острове оказалась доцент Мичуринского агроуниверситета Капиталина Васильевна Кондрашова с дочерью Ириной.

— Посмотрела вокруг и поняла одно: тут пока не до науки — прежде всего нужна обыкновенная черновая работа по раскорчевке, обрезке деревьев, восстановлению почвенного покрова. И за эту нашу работу с дочерью с великой охотой взялись мои студенты, которых мы приучаем не только теорию знать, но уметь ямы копать, территорию под посадку фруктовых деревьев готовить...

Мое знакомство с этой историей произошло в 2006 году в канун Преображения Господня, на Яблочный Спас, когда с замечательной семьей Гончаровых — Александром Петровичем и Людмилой Александровной — машиной добрались до Сортавалы, а оттуда катером — на Валаам. Здесь первые зерна православия были посеяны Андреем Первозванным, а молитвами и трудами сонма святых и устремленных к

святости столетиями создавалась земля, подарившая миру сад, где внимаются сердцем голоса Неба, Вечности.

Частица российской земли и одновременно — духовный центр вселенского значения. Сорок километров по темным и холодным волнам Ладожского озера — путь из мира в мир. Мирское, обыденное, остается на берегу, а ты отправляешься к такому устройению жизни, где мир, близость Вечности и Неба. Святой апостол Андрей Первозванный, первый ученик Христа, воздвиг здесь каменный крест и предсказал: существование Валаама без монастыря немислимо. Преподобные Сергей и Герман предположительно в X веке основали Валаамский монастырь. Дикие, непригодные для житья острова не были нужны ни финнам, ни шведам, ни карелам, ни другим народам, постоянно враждовавшим между собой. Православная монастырская братия на островах постепенно выкупила эти земли, узаконила их за собой и старалась показать, каким образом можно даже в таких тяжелых условиях устроить «жизнь по-Божески». Здесь монахами были и русские, и шведы, и финны, и представители иных народов. Их соотечественники разжигали друг против друга войны, а они твердо стояли на вере православной и являли собой пример, как можно жить в мире и согласии.

Сохранилось монастырское кладбище, на котором одна из удивительных могил с надписью на камне: «Схимонах Григорий (+1371), шведский король Магнус». А история такая. Решил этот Магнус российских монахов сковырнуть с островов и пошел на них войском. Но разыгрался вдруг на озере шторм и потопил все корабли. Выбросило на берег только короля. Что за видение ему было, когда водная пучина готова была похоронить его в своих безмерных глубинах? Неведомо. Да только когда пришел он в себя, то первые его слова были о том, что желает он немедленно принять православие. А умирая, схимонах Григорий, бывший король, завещал разнородным соседям одно — никогда не воевать с Русью...

Здесь удивительный климат — теплее и уютнее, чем на материке. Да только земли нет — камни, за которые цепляются вековые сосны и ели. Монахи доказали, что молитва и труд творят чудеса...

Данные из научных трудов Капиталины и Ирины Кондрашовых: «Считается, что начало садоводства на Валааме положено в конце XVIII века... Первые яблони были посажены при настоятеле монастыря игумене Назарии, деятельности которого во всех отношениях много обязана своим благоустройством Валаамская обитель. Естественный почвенный покров очень тонок и составляет около 10 сантиметров... Чтобы привести его в состояние, могущее питать дерево, с разных мест острова собирается мусор и щепка, которые, будучи перемешаны с землей и перегнивая, образуют хорошую, рыхлую и питательную для дерев почву... Значительная часть земли была завезена с материка. На террасированные каменные уступы предварительно настлали хворост, лесной перегной, щепень, солому, строительный мусор, торф, перегнившую хвою, вносили золу и известь. Южная, торцовая сторона уступа террасы облицовывалась диабазом, который, нагреваясь от солнца, долго удерживал тепло, обогревал почву и корни деревьев.

Нижний сад расположен на месте каменной ломки, почвенный слой для него создавался на протяжении 20 лет.

На территории усадьбы Валаамского монастыря находятся три сада: Верхний, Средний и Нижний. Помимо трех основных садов, расположен-

Капиталина Васильевна Кондрашова

ных возле центральной монастырской усадьбы, плодовые деревья были высажены почти у всех валаамских скитов...

Своего расцвета садоводство на Валааме достигло при игумене Дамаскине (1839—1881), когда и были проведены основные посадки плодовых и ягодных культур... По данным департамента земледелия, на Валааме в 1860-70-х годах только одних яблонь выращивали 80 сортов, а плодоносило более 530 фруктовых деревьев, содержащихся в идеальном порядке... Валаам щедро снабжал фруктами не только монастырь и гостей-богомольцев, но и селения на материке. Монастырь неоднократно участвовал в выставках плодов, проходивших в Москве, Петербурге, и нередко награждался медалями и похвальными грамотами.

Сады Валаама уникальны тем, что запечатлели исторический процесс становления садоводства как науки и промышленной отрасли в Рос-

сии XIX столетия; процесс их создания — удивительный пример синтеза рационального и духовного, передовой науки и православной монашеской этики... На садоводство Валаама в 20-30-е годы прошлого столетия обращали внимание ученые В.В. Пашкевич, В.В. Дернович, Г.Г. Тарасенко, Н.В. Шишкин. Затем сведений об уникальном опыте садоводства не встречалось до 1947 года. Исследователи Ф.Д. Лихонос, П.И. Лаврик изучали сортимент северного побережья Ладожского озера и острова Валаам и выделили наиболее перспективные сорта: летние — Налив белый, Сладь валаамская, Суйслепское, Мирон сахарный, Грушовка; осенние — Коричное, Боровинка, Титовка, Осеннее полосатое, Окере; зимние — Антоновка, Анис, Уэлси... С 1961 года в литературе отсутствуют сведения о состоянии и изменениях в сортименте садов Валаама. С 1975 года из-за отсутствия рабочих рук в садах все работы были прекращены...».

...В поездке на Валаам я хотел побольше узнать о садах, огородничестве в этих краях. Подогревался этот интерес еще и тем, что среди монашеских садов было много земляков-воронежцев. Но история валаамских садов, оказалось, написана. И я встретился с одним из авторов этого уникального исследования — Ириной Владимировной Кондрашовой. Ее мама, Капиталина Васильевна Кондрашова, приехала из Мичуринска на Валаам первый раз в 1980-х годах. Теперь сюда приезжает и ее внучка Ольга... Их корни родовые из мест, что неподалеку. Мама родом из Бычково Новгородской области. В детстве мечтала попасть на Валаам...

Не менее интересна и поучительна имеющая большое духовное воспитательное значение история не только садов, но и их спасателей. Это особый подвиг, к которому не раз будут обращаться будущие историки, летописцы жизни священного острова. Совершили его две православные

женщины, которым земной поклон и которых поминайте в своих молитвах — агроном Мария Васильевна Порфоева и доктор наук Капиталина Васильевна Кондрашова...

Мария Васильевна вспоминает, что на остров впервые попала в 1972 году:

— Отец сюда привел. Василий Матвеевич был суровым человеком. Особой набожности не проявлял, но жизнь прожил, как настоящий христианин... К нему все село ходило за уточнениями — когда тот или иной церковный праздник. Родная сестра отца лучшей труженицей была в колхозе. Агитировали в партию вступать — ни в какую! Ей объясняли, что ее вступление окажется пользой «для дела» — через ударников труда и коммунистов легче дополнительную помощь селу пробивать. Она согласилась только при одном условии: «Вступлю, но только иконы в доме оставлю и в церковь, как ходила, так и буду ходить». Что же вы думаете? Приняли. Видно, в партийном руководстве не все были яркими атеистами. А таковыми и нельзя было быть, когда сама жизнь свидетельствовала, что есть Бог и по молитвам к Нему и войну выиграли, и после войны жизнь налаживать стали...

Отец всю войну прошел. Здесь для таких, как он, израненных, больных, был организован дом инвалидов. Они, эти слабые здоровьем люди, оказались верующими, сильными духовно. Им спасибо за спасение Валаама. Когда остров посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов, то здесь жизнь изменилась в лучшую сторону... Я молюсь за этого человека. Он дал понять, что остров — великая святыня. По его распоряжению бывшие солдаты и офицеры Великой Отечественной войны в любой момент могли брать ключи от храма у участкового милиционера и молиться. Эти люди здесь как бы встали в строй вместо монахов — возродили овощеводство и садоводство.

...Валаам Марию Васильевну принял и никуда не отпустил. Навсегда она сюда пришла в 1984 году. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Достаточно написано книг о том, какие нашествия перенес православный Валаам. И один из, казалось бы, последних ударов был занесен над святыней в начальные годы... перестройки.

— Под угрозой уничтожения оказались монастырские сады. Расторопные людишки пытались приватизировать землю под дачи, коттеджи. Вселил надежду на лучшее президент Путин — он частый посетитель острова. Сады в начале перестройки сразу стали ничейными... Специально так было сделано. И я упростила свою подругу, директора лесхоза Галину Степановну Лещик: «Возьми сады под свое управление». Оформили необходимые документы...

...Настоятель монастыря стал приглашать ученых из разных городов. Одними из первых откликнулись Капиталина Васильевна Кондрашова из Мичуринска и Ирина Васильевна Ильина из Петрозаводска... И опять череда искушений, испытание деньгами, личной выгодой... Среди ученых произошел раскол. Только дальний Мичуринск продолжал подтверждать, что не у всех еще проданы честь и совесть. Мало того, ученые из Мичуринска организовали прохождение практики студентами-добровольцами.

В чем основа «чуда» валаамских садов? Ирина Владимировна Кондрашова к своей книжке эпиграфом взяла слова писателя Ивана Шмелева: «История монастырского сада говорит о неиссякаемой энергии иноков валаамских».

— Раньше к каждому дереву чуть ли не по монаху было приставлено, а сейчас все восстановительные работы по цветоводству, овощеводству и садоводству легли на плечи Марии Васильевны и отца Георгия. Летом помогает группа студентов из Мичуринска... — Мария Васильевна рассказывает — и представить трудно, в каком запустении были сады. — Заросли бурьяна были непроходимыми. Много ценного погибло. Исчезли вишни, сливы... Сложность еще и в том, что деревья серьезно болели и болеют. А ядохимикаты стараемся применять как можно меньше, так что восстановительный процесс весьма длителен... В плане восстановление «аптекарского сада». В нем произрастали целебные травы, которые расходились по всему свету...

...Нехватка рабочих рук, специалистов. Монастырь готов заключить договора с любым вузом — найдется работа и ученым, и студентам. Здесь познакомился с молодыми садоводами, только что окончившими вуз в Мичуринске, учениками мамы и дочери Кондрашовых, профессора Анатолия Ивановича Завражнова... Денис Иволгин, Алексей Кузнецов и Иван Крылов считают себя счастливыми... Важно еще и то, что они будут слушать... на Валааме. На этом острове расположена единственная в России православная часть, попасть на службу в которую можно только по благословению настоятеля здешнего монастыря о. Панкратия и владыки той или иной епархии. Парни из Мичуринска уже знают: кроме несения непосредственной службы в части они будут продолжать работы по возрождению былой славы валаамских садов.

...19 августа великий праздник — Преображение Господне. В этот день в храмы приносят для освящения пшеницу, виноград, яблоки. Яблочный Спас напоминает: от растения до человека все едино на земле, все — божественное творение, и мы должны стремиться жить по божественным законам. Высшая наука этого здесь — вместе с радостью труда и познания вкушай, человек, плоды из «райского сада», устроенного для мира и согласия на малых островах, ставших прообразом правоверного пути человека к своему совершенству и совершенству ближних. Вызревают тут не яблоки раздора, а плоды познания Истины.

...Многолетнее шефство над садами Валаама дало уникальные результаты. Один из бывших воспитанников Капиталины Васильевны ушел в священники. С каждым годом все увеличивается количество добровольцев, желающих потрудиться на Валааме.

Селекционер Кондрашова, автор учебных пособий и девяти сортов смородины, превышающих урожайностью дотопе известные сорта в три раза и вызревающие ранее других сортов, со своими саженцами на суровом острове оказалась как нельзя кстати — именно ее смородина дает здесь самые высокие урожаи.

Неоднократные поездки в Мичуринск. Встречи с Капиталиной Васильевной, будто олицетворенные встречи с поэзией — настолько ярок и образен ее язык:

— Промысел Божий — моя жизнь вместила между звоном валдайских колокольчиков и валаамских колоколов. От моей деревни Бычково где-то за тридевятью землями, казалось в детстве, Валдай. Там есть красота неопишная — храм, красивые дома... А по нашей деревне, по колхозным полям — лошадки, у которых под дугой бубенцы — дар Валдая. Эта музыка, образные видения через звук, звон «бубенцов издали» пленили меня. Не знаю, каким образом, но мне этому прекрасному, божественному хотелось служить.

Нас у папы с мамой было одиннадцать душ. Отец, больной сердцем, во время войны умер на лесозаготовках. Моей маме, Анне Степановне, врач сказал напрямую: «Да и тебе жить-то осталось месяца три... Не выдержишь такую жизнь...» На лесоразработках мама заболела туберкулезом. В войну — ни лекарств, ни хорошего питания... Спас нашу маму дед Степан. Он выследил и убил барсука. Достал где-то мед. Медом и барсучьим жиром вылечил свою дочь... Маму перевели на «легкий труд» — стала в колхозе заниматься овощеводством.

Неподалеку от нашего дома было небольшое поле, заросшее бурьяном. И среди бурьяна «хлыстики» каких-то деревьев... После узнала, что перед войной был заложен опыт — пытались воплотить в жизнь идею Мичурина и продвинуть сады на север. Но во время войны, разумеется, было не до научных опытов. Мы с дедушкой в лесу находили дички яблонь, груш, выкапывали, приносили домой, а из «хлыстиков» нарезали черенки и прививали на саженцы, принесенные из леса...

В центре деревни висел колокол, в который били, если случались пожары, и били... на Пасху. Под звон этого колокола все собирались в какой-нибудь избе. Всю ночь молились. На рассвете нас, детей, выводили на улицу и говорили: «Смотрите, детки, как солнце будет играть! Так оно, запомните, никогда не играет — только на Пасху». То были чудные видения! Действительно, ни разу в жизни я не встречала рассветов прекраснее рассвета, игры солнца на Пасху. Особым обрядом, из-за отсутствия священников, женщины крестили своих детей в озере. Некоторым счастливицам удавалось в детстве попадать на богослужение в храм далекого от нас Валдая. Так что вот откуда у меня мечта о «райских садах». С желанием работать именно в «райских садах» я и приехала в 1958 году в Мичуринск, а в 1963-м, получив диплом об окончании плодоовощного института, поехала работать в Астраханскую область. Занималась садами, виноградниками. Вскоре обо мне вспомнили в родном институте, пригласили продолжить занятия наукой...

Остров Валаам

Много лет назад вела исследовательскую работу в одном из монастырей Псковщины. Был там старый монах, который оценивал яблоны по одному свойству — рясная! То есть дающая много плодов. Вот самый урожайный сорт своей смородины я и назвала Рясная: двойной смысл — не только обильно плодоносящая, но и напоминающая о человеке в рясе, том труженнике-монахе, оставшемся в памяти навсегда...

...Сад на Валааме, можно сказать, восстановлен. Восстановлено большинство старых сортов яблонь, акклиматизировались новые сорта яблонь, груш, вишен, зацвела мичуринская сирень... (Кстати, Капиталина Васильевна спасла, вернула к жизни одиннадцать сортов яблонь, давно исчезнувших из садов России — чудом они сохранились на Валааме).

— Если в детстве пределом мечтаний было посещение Валдая, то после зажглась новая мечта — побывать на Валааме. И надо же, в 1985 году приезжает в Мичуринск из Карельского филиала АН СССР заведующий лабораторией охраны природы Александр Александрович Кучко. Вышло постановление Совмина о создании историко-архитектурного и природного музея-заповедника на территории острова Валаам. Заключили договор о сотрудничестве со мной, Александром Васильевичем Верзилиным, Людмилой Михайловной Измайловой... Лично я о садах Валаама знала немного. Получила от Александра Александровича копию первой публикации о садах — это была статья 1870 года. Прочитала. О большинстве упомянутых там сортов я даже не слышала... Приехали. Описали то, что осталось. А остались — Грушовка московская, Папировка, Антоновка, Анис, Коричная полосатая, Штрейфлин, Боровинка... То, что уцелело, уцелело благодаря А.А. Никифорову, А.П. Виноградову, А.М. Митрофановой, работникам расположенного на острове дома инвалидов...

Уникальный дом инвалидов, подобных которому вряд ли где еще есть — особая статья. Изю всех госпиталей сюда свезли тех, кто остался без рук, без ног, многие ко всему прочему слепые... И таких, как их называли, «самоваров» — более пятисот человек. Остатки бывшего монастырского сада были для них единственной отрадой. Запомнился рассказ бывшего сотрудника дома инвалидов Евгения Кузнецова: «Безногих, безруких пеленали, помещали в мешки, подвешенные на сучья старых яблонь, и оставляли их на весь день. Так они и висели, разговаривая друг с другом, ссорились и мирились, плакали и смеялись...»

Жуткую память об этой неведомой многим странице Великой Отечественной оставил в 1974 году художник Геннадий Добров. Он был потрясен увиденным и написал серию портретов здешних обитателей. Михаил Александрович Подосенов, которому пуля попала в голову и вышла навывлет: ни дара речи, ни возможности двигаться — одни глаза. Какие говорящие и жуткие глаза человека, лишённого возможности общаться, но все понимающего... Этот взгляд, обращенный к нам, художнику удалось передать... Михаил Казанков, еще в Первую мировую получивший за проявленную храбрость два Георгиевских креста и обреченный существовать без движения, в мешке под яблоней, заканчивал свою жизнь на острове Валаам... А вот человек-кокон, обернутый в бинты, простыни...

— Кто это? — спросил художник.

— Неизвестный, — ответили ему. — После ранения потерял слух, дар речи... Вынесли с поля боя, документов при нем не оказалось...

Так и назвал свою жуткую картину Геннадий Добров — «Неизвестный».

Как подумаешь, одна у этих людей была отрада — сады помогали им

коротать оставшуюся жизнь. Сады цветущие, плодоносящие, в осеннем золоте листвы...

Потом стал возрождаться монастырь...

...Ирину Владимировну Кондрашову на Валааме считают крупнейшим специалистом в области садоводства. Рассказывают о ней как о кандидате наук, ученом с великим будущим. Но никто здесь не знает о том, что Ирина Владимировна в Мичуринске была известным педагогом по... танцам. Был момент, когда она решила идти своим путем. А на путь истинный, путь кропотливого труда селекционера, которому жизнь отдала мама, ее вернул Валаам. Здесь она прошла особые университеты садоводства и защитила кандидатскую диссертацию на богатейшем материале, полученном во время восстановительных работ.

Приведу часть дневниковых записей Ирины Владимировна:

«...Живет человек на земле. Не так уж и плохо живет. Хлеб-соль есть. Семья любимая — мама, муж, дочь. Работа тоже любимая, хотя и не приносящая дохода. И люди уважают, авторитет растет. И ты начинаешь чувствовать, что чего-то достигла, где трудом и потом, где упорством, где талантом. И начинаешь сама себя уважать, чувствовать гордость за свои достижения. И вдруг разом все рушится, возникают проблемы, приходит беда. Ты думаешь — ничего, я — сильная, я — умная, я — талантливая, я справлюсь. А беды, как ком снежный, растут и множатся день ото дня, месяц от месяца, и не один год. Ищешь защиты, поддержки у людей — не находишь. Подкатывает отчаяние, наваливается депрессия... И думаешь: ну за что мне все это, ведь жила-то вроде бы правильно, никому зла не делала и не желала.

Правильно, да не праведно. Ну, подумаешь, в храме никогда не была, крестик не носила. Так ведь не я виновата, что родилась в атеистические времена. Не принято было. Зато крещеная. Пусть в младенчестве, пусть в глухой староверческой деревне, пусть в озере, но крещеная же. И мама всегда, начиная любое дело, приговаривала шепотом: «Ну, Господи, благослови!». Может, потому он, Господь, и не отвернулся, не оставил меня тогда. А ненароком путь указал, вернее, дал шанс самой к Нему прийти.

Когда совсем уже плохо стало, подружка посоветовала: «Тебе надо в паломничество съездить по монастырям, свечки поставить Богу». Поехала. Там и первые молитвы выучила — «Отче наш» и «Богородицу», чтобы по канавке пройти в Дивеево (так экскурсовод велела). И только. А по приезде домой мама, профессор агроуниверситета, как-то обронила: «Вот письмо с Валаама пришло от Марии Васильевны, зовет приехать на остров на конференцию с докладом о садах Валаамских. Статью напишу, а сама не поеду... За то время, что там не была, сады снова в запустение, наверное, пришли. Больно будет видеть это...»

Меня как током ударило. «Мне именно туда сейчас надо, у меня только на Бога одна надежда! Возьми меня с собой». «Ну, ладно, посмотрим», — мама пожала плечами. Было это в сентябре 2003 года...

...Мама увидела сады в еще более худшем состоянии, чем ожидала. Обнадеживало только одно: что в садах снова стала работать Мария Васильевна Порфоева — ее взял себе в помощники молодой монах Григорий, которого только что поставили на это послушание. И он, не имея специального садоводческого образования, всячески искал специалистов в этом деле. Мария Васильевна убедила его, что консультации мичуринцев будут очень полезны, а потому следующей весной Капиталина Васильевна с моей дочкой Олей, тогдашней студенткой МичГАУ, приехала на святой

остров. Случайно или нет, но в то же время здесь осматривала сады делегация питерских ученых. В процессе общения стало очевидно, кто из ученых лучше знает сады, и отец Григорий сделал выбор в пользу мичуринцев.

И вот в августе того же года моя мечта свершилась — я ступила на эту обетованную землю, точнее на скалы... Мама, как настоящий ученый и садовод, прежде всего занималась работой именно в усадебных садах и на скитах. И я, естественно, тоже. Я по первому своему красному диплому о высшем образовании — агроном-плодоовощевод.

Но меня неодолимо тянуло в храм. Тем более что я в храмах уже была (в поездке в Санаксары, Дивеево, Муром). Казалось, я все знаю.

Но здесь все было по-другому. Не было суеты. В полумраке нижнего храма царила атмосфера загадочности, торжественности, сосредоточенности на чем-то главном, высоком и непостижимом. Служба невероятно долгая и непонятная. Поразил один эпизод. В какой-то момент я присела на скамью и по привычке и по незнанию положила нога на ногу, что совершенно естественно в миру. Представляю, как меня обшিকাи бы и пристыдили во всеуслышание старушки в наших храмах. Там же молодой монах с подносом хлебцев, обходящий всех и предлагающий их, слегка наклонился ко мне, предлагая хлебец, и на ухо, так, чтобы никто не слышал, очень спокойно и тактично сказал мне, что так не принято. Мелочь, но я была поражена.

Тогда же я впервые в жизни исповедовалась, как могла. А вслед за мной и мама. Какой-то молодой батюшка долго, терпеливо выслушивал мои сбивчивые речи вперемежку со слезами, попытался что-то понять, дал, как мне тогда показалось, совершенно нелепый совет и все же прочитал разрешительную молитву, после чего стало невероятно легко и спокойно на душе.

В тот первый приезд, я уверена, это был главный результат. Вообще же, в душе осталось ощущение таинственности и удивления. Монахи, изредка встречающиеся на дорогах, в своих развевающихся мантиях напоминали больших черных птиц. Загадочные, не поднимающие глаз, они внушали чувства уважения и даже преклонения.

Жили мы у Марии Васильевны в работном доме в весьма скромных условиях, в келье со сводчатым потолком, и это тоже добавляло определенной романтики. Поразили еще интонации разговоров. Было непривычно везде слышать спокойный, дружелюбный (смиренный, как я сейчас бы сказала) тон общения людей друг с другом. Ни одного окрика, даже намека на повышение голоса или раздражение (что совершенно обыденно в миру). Уплывая на большом трехпалубном теплоходе, я чувствовала, что на душе посветлело. Суета, веселье, флирт развлекающихся на теплоходе туристов резко контрастировали с атмосферой спокойного, светлого, торжественного Валаама. И очень захотелось вернуться сюда еще раз.

Поэтому, когда через год мама робко поинтересовалась, не хочу ли я снова поехать на Валаам сделать снимки для нового буклета, который наш университет решил издать к юбилею И.В. Мичурина, а также сделать кое-какие учеты, я чуть не запрыгала от радости. «Только поедешь одна, согласна?» «Конечно!»

Занимаясь снова своей наукой, а также восстанавливая уникальный грушево-вишневый садик на скиту Всех Святых, объединенный зимой лосями почти до основания, я начинала ближе узнавать обитателей острова и монастыря. Монахи оказались не такими уж угрюмыми, странными и

молчаливыми. Спокойный отец Сергей в прошлом окончил художественное училище. Пишет картины и иконы. Мы познакомились с ним, когда я помогала отцу Григорию заготавливать баклажанную икру на зиму. Молодой монах Агапий, в прошлом то ли панк, то ли рокер, а теперь эконо-ном Всесвятского скита, однажды увидев, что я допоздна заработалась в саду, подвез меня до усадьбы. А потом на службе вынес из алтаря и подарил мне просфору!..

В этот второй мой приезд и произошло главное событие — мое крещение на Валааме. И хотя я вроде бы была крещеная староверами, отцы сказали, что надо все сделать, как положено, и сознательно. 28 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, и случилось это знаменательное в моей жизни событие в церкви Валаамской иконы Божией Матери — крещение было совершено отцом Софронием и отцом Григорием.

Надо сказать, что и маму мою, Капиталину Васильевну, тоже окрестили в этот год, но чуть раньше — 9 мая. Этой весной она привозила первую группу студентов на весеннюю обрезку садов. А вот через год мама из-за болезни не смогла приехать на Валаам, и пришлось мне взять руководство студентами на себя. В 2006-м году новые встречи, новые впечатления подарил мне Валаам. Поселили нас со студентами в агрономской гостинице, за порядком в которой присматривал послушник Александр Лютов. Высокий, крупный, общительный молодой монах, он сразу окружил вниманием и заботой наших студентов, вечерами рассказывал про монастырские порядки и байки, водил на экскурсии по острову в редкие выходные, приносил банками красную икру. А на дорогу выдал нам такой богатый сухой паек, какой студентам и не снился — тушенка, сгущенка, постные вкуснейшие пряники и печенья, ароматнейший монастырский хлеб...

...Трудились весной весь световой день часов по 12-14 часов, благо в мае белые ночи. Работы уж очень много и в усадебных старых садах, с их 100-150-летними яблонями, и на скитах, где есть небольшие насаждения плодовых и ягодных культур: Всесвятском, Ильинском, Предтеченском,

Ирина Кондрашова (вторая справа) с помощниками

Смоленском, Владимирском, Гефсиманском, Никольском, Ферме, на очистных сооружениях, на электростанции, да еще на питомнике.

И опять-таки (удивительное дело!) при такой-то нагрузке, а силы были, усталость проходила за ночь. Ребята сами удивлялись: «Видно, Господь помогает!». Когда по окончании нашего пребывания на острове они увозили подарки от отца Мефодия — свежие номера газеты «Свет Валаама», молитвословы, календари с изображениями икон, иконы Валаамской Божией Матери — чувствовали, что увозят с собой частичку святого острова, память и благословение на всю оставшуюся жизнь. Были ребята, которые приезжали еще на остров — кто на практику, кто поработать после окончания университета, кто после армии, желая остаться в братии. По-разному сложились их судьбы, одно общее — все они идут теперь по жизни с Богом, значит, крепко стоят на земле. А я бесконечно счастлива тем, что немного причастна к этому и что помогала сохранению садов Валаама, уникального явления, живого чуда Валаама.

Скоро я поняла, что место это святое, что здесь живет Бог. Потому что, когда у меня возникал какой-либо мучительный вопрос, проблема, терзания — Господь тут же подводил меня к решению этой проблемы, подсказывал выход из положения или посылал человека, который давал ответ на мой вопрос или решал мою проблему, во всяком случае утешал, приводил мое состояние в равновесие.

Один из самых главных уроков — урок смирения — я усвоила, общаясь с женщинами, с которыми познакомилась на Валааме.

Матушку Неонилу впервые я увидела осенью 2006-го года, когда привозила на остров декоративные растения и кустарники по заказу отца Агапия со Всевяцкого скита. Заглянув в садовый домик в Среднем саду, увидела, что в доме хозяйничает худенькая немолодая женщина, и не придавала этому особого значения. Потом меня поселили вместе с ней в одной комнатке. Вот так, живя бок о бок рядом с матушкой, я впитала ее нехитрые православные уроки. Она окружала вниманием, заботой и истине материнской любовью любого. Человеколюбие светилось в ее глазах. «Главный наш грех — осуждение, главный наш враг — язык наш, — часто приговаривала она. — Нельзя никого осуждать, а нас медом не корми, дай посплетничать. На себя больше смотреть-то надо, на свои грехи». И считала, искренне считала себя последней грешницей, хотя, по моему мнению, чище и правильнее ее никто и не жил.

Трудилась она по хозяйству с утра до ночи, успевая и готовить для многочисленных гостей, и прибираться за ними, и цветники перед домом в порядке содержать, и пирожки печь для туристов. И все с молитвой... При этом другим прощала их немощи, не замечая их. Терпение, смирение, неосуждение, доброта и любовь к каждому — главные уроки православия, которые я получила от матушки Неонины. — «А как же, Ирочка, ведь в каждом человеке надо образ Божий видеть, даже в самом, казалось бы, худом, молиться за него и любить», — тихо, без нажима или назидания приговаривала она, хлопоча по хозяйству.

Оглядываясь назад, понимаю, что ничего в жизни не происходит случайно, все по воле Божьей, по Божьему Промыслу. Вот и на Валаам Господь привел меня, чтобы смирить гордыню мою и тщеславие, чтобы показать истинные ценности, показать настоящего человека... Я стала чувствовать, что остров живой, всем и всеми распоряжается по-своему.

Поэтому уже где-то после третьего приезда я перестала планировать что-то в отношении Валаама, ибо каждый раз случалось что-то мной не-

предвиденное: уходили те, чье место на острове казалось стабильным, появлялись новые люди, новые обстоятельства, существенно менявшие работу или расстановку сил, порой и сами люди менялись до неузнаваемости. И далеко не всегда перемены эти были со знаком плюс. Сколько трудов было потрачено впустую, сколько обид, горя и, к сожалению, невосполнимых потерь пережито!

И пришлось четко усвоить одно: пусть будет все не так, как я хочу, но по воле твоей, Господи! Уезжая каждый раз с острова, благодарила его за гостеприимство, за то, что все сложилось так, как сложилось, и робко просила позволить приехать снова. И Он позволял. Каждое лето, потом два, три раза в год. Ненадолго, бывало, и осенью, и зимой. На праздники Рождество, Пасху, Крещение, Прощеное воскресенье. Я узнавала не только отцов и братьев, с которыми приходилось общаться по роду работы, но и подружилась со многими местными мирскими жителями. Практически все они оказались интереснейшими, талантливыми, трудолюбивыми людьми, беззаветно и трепетно любящими свою малую родину, остров. О каждом из них можно книгу написать. Не случайно Господь позволил им находиться в этом месте.

Это — и Мария Васильевна Порфоева, долгое время работавшая в садах, и Борис Витальевич Татарский, сейчас руководящий всем, что происходит в садах, и Лена Михалева, работающая в природоохранном парке, знающая весь животный и растительный мир острова, и конюх Николай Волков, и экскурсоводы высочайшего уровня Таня Сошкина, Света Графова, Лена Бояршинова, имеющие множество других талантов. Елена Груздева — сама прекрасная вокалистка, создала детский вокальный ансамбль «ВалАнс». Невозможно не отметить Ксению Румянцеву, директора клуба и руководителя детского православного театра и взрослого, неутомимого организатора совершенно бесподобных праздников, концертов, фестивалей, организующую всю яркую культурную жизнь мирского населения. Эта жизнь, кстати, совершенно не идет вразрез с православной монастырской жизнью. Наоборот, монастырь, в лице отца Мефодия и созданного им культурно-просветительского центра «Свет Валаама», всячески поощряет и помогает и клубу, и детскому саду, и школе, и пенсионерам. Со множеством других необыкновенных прекрасных людей свел меня Господь именно на Валааме.

Работа в монастыре имеет свои особенности. Здесь нет трудового кодекса, обязанностей, оговоренных в законодательстве, как в миру. Каждый приходит в монастырь, имея в душе свою, никому не ведомую цель. Задача у каждого своя. И понятия свои. Было, с одной стороны, трудно находить общий язык с ними и при этом добиваться от них той помощи, того результата, которого требовали сады. А, с другой стороны, очень интересно. Такой калейдоскоп судеб, характеров...

Каждый приезжал на остров со своей болью, за помощью. И ты понимаешь, что тоже являешься в этот момент частичкой острова, значит, в чем-то тоже можешь и должна помочь, поддержать человека. Ведь монастырь — поистине лечебница душ человеческих. В том числе и твоей души.

Человеком, повлиявшим на мое духовное воспитание, могу назвать Любашу Березову. Это немолодая, интеллигентная, ухоженная женщина появилась в первой (и, увы, единственной) пробной группе волонтеров, набранных для работы конкретно в садах. Работала добросовестно, хотя чувствовалось, что землю видела до этого только в цветочном горшке на подоконнике. Жилищные условия достались им, мягко говоря, неваж-

ные — мрачный перенаселенный вагончик с деревянными нарами... Одна девица сбежала уже на второй или третий день. Люба переносила все тяготы спокойно. Но в разговоре с ней я поняла, что главное, зачем она, далеко не бедная, умная, успешная женщина, вырастившая двух дочерей, приехала сюда — это духовная помощь, которую она ждала от отцов. Однажды мы проговорили почти всю ночь после службы, стоя у ограды над Нижним садом, о жизни. Она вправила мне мозги, заставив подняться над суетой обычных житейских проблем, открыв радости духовной жизни. Это было удивительно. Она показала, что и обычный светский человек, живущий в мегаполисе (жила она в Питере), тоже не может жить, не думая о душе. Мы подружились. Она не раз потом помогала мне в самых сложных ситуациях и словом, и делом.

С каждым годом я узнавала о монастыре все больше, старалась понять законы этого особого мира, в котором мне приходилось нести свое особое послушание.

Об одном из монашествующих не могу не сказать. Тем более что это, пожалуй, главный человек в моей и не только в моей жизни, в глазах которого я увидела Бога. Это — отец Георгий. Он привел к Богу огромное число людей, не произнеся, наверное, ни одной проповеди в привычном понимании — просто своим примером, всей своей жизнью показал, как надо жить, как надо любить. Его земной путь оборвался 5 августа 2007 года.

О нем есть фильм-воспоминание, пишется книга, написаны стихи... Все, что мы с мамой могли сделать в память о нем — это назвали новый сорт черной смородины, выведенный нами в его честь — Георгий...

Он нес послушание в одном из скитов — возделывал на полях овощи. Я занималась садами. Наши послушания довольно тесно переплетались. С ним мы запланировали масштабные посадки ягодников. Его живой, неподдельный интерес к каждому человеку подкупал, и каждый сразу же проникался симпатией и уважением к нему.

В первый же год нашего тогда еще поверхностного знакомства мне стало ясно, что это настоящий хозяин этой земли. Ему было дело до всего. И не из пустого любопытства. Нет, он просто любил остров и монастырь, как любят отца или мать — всей душой. Это был его дом родной. И он пытался, как мог, не только свое послушание выполнять добросовестно, но и помогал другим. Переживал за все в монастыре. У него был удивительный дар любви. Он просто не умел пройти мимо человека.

В нем чувствовался какой-то крепкий духовный стержень. И постоянная работа над собой, самоконтроль. В миру я часто слышала такое мнение, что в монастырь уходят слабые люди, у которых что-то в жизни не сложилось. Георгий — ярчайший пример обратного. Он сам говорил, что «ушел не от ненависти к миру, а от любви к миру».

Такими людьми, как Георгий, наша вера держится. Так вышло, что я уехала с острова за пару дней до его смерти. Уезжала с обидой, в сердцах обронив матушке Неониле: «Больше я сюда не приеду!». Узнав о трагедии, чудом успела вернуться, попрощаться, проводить его. Матушка Неонила, утешая меня на кладбище, сказала такую фразу: «Нет, милая, вот теперь ты будешь всегда сюда приезжать. К нему...»

Она была права. Я приезжаю на остров вновь и вновь, по воле Божьей, конечно, и по молитвам отца Георгия, который болеет душой за всех и молится. И за сады Валаамские тоже. Значит, все будет хорошо. Главное — верить...».

...Инвентаризация выявила, что к 1986 году в садах произрастало 379 яблонь, из которых 181 дерево возрастом от 100 и более лет, 47 деревьев от 40-90 лет и 151 дерево от 20 до 60 лет; 2 дерева — груши возраста более 100 лет; смородины красной — 178 кустов, черной — 212, белой — 4, крыжовника — 382, малины 160 квадратных метров, поросль вишни и сливы — 125 квадратных метров.

Для восстановления насаждений садов в их первоизданном виде необходимо был посадочный материал, который должен был выращиваться на месте. С этой целью был создан маточник и питомник...

За годы работы Кондрашовых на острове хорошо прижились новые сорта яблонь — Июльская Черненко, Китайка золотистая ранняя, Медунница, Мелба, Бессемянная Мичуринская, Жигулевская, много сортов смородины, крыжовника, малины, сливы, вишни...

Не произраставшая на острове облепиха, высаженная весной 1990 года, ежегодно дает хороший урожай.

Впервые на Валаам завезена новая культура — жимолость, которая созревает гораздо раньше земляники и после зимнего авитаминоза весьма и весьма полезна. Впервые также высажен виноград раносозревающих сортов мичуринских селекционеров Лены Тимофеевны Штин, Людмилы Ивановны Филиппенко.

Спрашиваю у Капиталины Васильевны, что главное в селекционной работе? Отвечает:

— Прежде, чем утвердиться новому сорту, требуется лет двадцать серьезной работы. И надо быть уверенной, что твой труд не пропадет даром, его продолжат твои ученики, поэтому главное в моей деятельности — кураторская работа, работа со студентами. Я без них не могу, а они без меня ни шагу...

До болезни «с ногами» она каждый год ездила на Валаам. Увозила туда саженцы новых сортов яблонь, груш, позаимствованных у селекционеров Мичуринска, Россоши, Орла... С Валаама привозила саженцы пихт, черенки яблонь и груш, которые плодоносили здесь многие столетия назад. Она прививает их на мичуринские подвои. Затем почти исчезнувшие сорта возвращаются не только на свою исконную землю, но и распространяются по всей стране. Именно поэтому, кажется мне, труд педагога, ученого, селекционера Капиталины Васильевны Кондрашовой дал плоды с великим и глубочайшим смыслом. Это особая духовная связь поколений, связь духовная садов мест святых с нашей землей, становящейся на путь духовного возрождения.

Владимир Евгеньевич Андреев родился в 1951 году в Мичуринске. Окончил факультет русского языка и литературы Мичуринского государственного педагогического института. Профессор кафедры литературы при МичГАУ. Автор ряда книг литературно-исследовательского характера, вузовских учебников и пособий. Лауреат премии им. Е.А. Боратынского. Член Союзов журналистов России, театральных деятелей РФ. Живет в Мичуринске.

Владимир Андреев

САДЫ ОПАЛЬНОГО ПРОФЕССОРА

(Из институтской хроники 1930-х годов)

Осенью 1934 года на работу в институт был принят по рекомендации И.В. Мичурина его последователь, уже известный в мире плодоводов ученый, профессор Николай Григорьевич Жучков (1892-1962), который занял пустовавшее после смерти первого завкафедрой плодоводства А.В. Панюшкина место.

Профессор Н.Г. Жучков счастливо сочетал прекрасную академическую подготовку (еще до Первой мировой войны он окончил садовое училище при Никитском ботаническом саду и в начале 1920-х — МСХА) с практической работой в садовых хозяйствах России и Германии, где находился в плену во время Первой мировой войны. Во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х годов он трудился в высших учебных заведениях (завкафедрой плодоводства Средне-Азиатского СХИ) и в науке был своим человеком (работал директором НИИ плодо-виноградно-овощного хозяйства).

В то же время в институте учился Валентин Будаговский (1910—1975), в будущем известный ученый-плодовод, профессор, доктор сельскохозяйственных наук, лауреат Государственной премии России, присужденной ему через 30 лет после смерти.

В Мичуринский институт его привела высокая мечта стать специалистом в садовом деле. Родился будущий ученый-плодовод в с. Подбелевец близ г. Мценска Орловской губернии. С юных лет работал с растениями на особом участке, выделенном ему в семейном саду отцом, Иваном Ивановичем, сельским учителем, который по делам садоводства вел переписку с самим И.В. Мичуриным.

Впервые в столицу мичуринских идей и дел молодой Будаговский попал в начале февраля 1932 года. Дело в том, что 1 февраля в г. Козлове в здании Большого Советского театра (ныне Мичуринский драматический театр) состоялся торжественный пленум Козловского горкома ВКП(б), заседание райисполкома по поводу переименования г. Козлова в г. Мичуринск.

Молодой Будаговский попал в манивший его воображение город в интереснейший момент истории: перемена имени. И не просто перемена имени, а наименование старинного русского города в честь великого современника, живущего рядом, в тот же день выступавшего на сцене театра.

Все делегаты всесоюзной Мичуринской конференции (а Валентин Будаговский был одним из них) стали участниками исторического заседания.

Номер газеты «Мичуринская искра», приуроченный к этому дню, вышел под шапкой: «Нет Козлова — есть Мичуринск! Его строителям пламенный привет!» В статье директора комбината имени И.В. Мичурина М. Злотина «И.В. Мичурин, мичуринизм и Мичуринск» говорилось: «Правительство Союза, оценив по справедливости многолетние работы И.В. Мичурина, ознаменовало это не только активной поддержкой мичуринских организаций в повседневной работе, но и переименовало гор. Козлов, где десятки лет протекала работа И.В. Мичурина, в гор. Мичуринск».

На торжественном пленуме после приветственных речей выступил с ответным словом сам И.В. Мичурин. Валентин Будаговский впервые слышал великого ученого с необычной внешностью старого волшебника.

— Искренне благодарю трудящихся бывшего города Козлова за особое внимание и честь, оказанные неоднократно мне и моим работам, — говорил Иван Владимирович. — Но особенно высоким чувством должны быть проникнуты все мы к тому государственному акту, который встречаем в переименовании города, поскольку этим актом Коммунистическая партия и Советское правительство со всей полнотой подчеркнули всю важность и необходимость селекционной работы в целях качественного улучшения сортов плодовых растений...

Великий ученый заключил свою речь совсем по-мичурински: «Да здравствует партия большевиков! Да здравствует Советская власть! Да здравствует массовая селекция!..»

Таким образом, Валентин Будаговский стоял у истоков наукограда, когда еще и самого этого слова не было, но в сознании ученых, работавших в Козлове, ставшем Мичуринском, он уже существовал как единство науки, учебы и производства.

На конференции Валентин увидел многих знакомых, которые уже учились в институте плодовых культур, и понял, что его место среди них.

12 марта 1932 года он написал заявление в Козловский институт селекции плодово-ягодных культур имени И.В. Мичурина с просьбой о приеме в число студентов. А после того, как руководство совхоза «Красный

сад» все же отпустило перспективного садовода-агронома на учебу, Будаговский, наконец, попал на учебу в Мичуринск.

Флодоовощной институт имени И.В. Мичурина был образован в 1931 году, научные традиции здесь только начинали формироваться, но научный уровень собравшихся в вузе преподавателей был высоким. Многие были еще и практиками-садоводами, авторами пособий и статей. Достаточно назвать несколько имен. Иностранные языки преподавала Валентина Павловна Церндт, переводчица, дочь петербургского ученого-плодовода П.С. Штейнберга, труды которого до сих пор публикуются современными издательствами. Профессор Н.Г. Жучков получил профессорский аттестат из рук Ученого комитета под председательством известного советского политического деятеля А.В. Луначарского. Среди преподавателей молодого плодового вуза был и Сергей Иванович Исаев, приехавший на работу в вуз по приглашению И.В. Мичурина. Впоследствии он работал в Саратовском СХИ и МГУ, где создал Мичуринский сад, вывел немало сортов яблоки.

Уже во время учебы в институте (1932-1936 гг.) Валентин Будаговский попал в поле зрения профессора Н.Г. Жучкова. Во-первых, ему понравился этот яркий студент, все свое время отдававший учебе и научным исследованиям. В 1935 году ему первому из студентов присудили стипендию имени И.В. Мичурина. Во-вторых, они встречались на заседаниях Мичуринского кружка, который курировал профессор Жучков, а Валентин Будаговский был активным его участником и даже руководителем. В работу кружка были вовлечены не только студенты и преподаватели вуза, но и езажие знаменитости, например, такие, как профессор И.П. Кренке.

Сдружило их и то, что студент Будаговский был одним из главных активистов в расчистке территории бывшего Сенного рынка, которую обыватели Козлова-Мичуринска загрязняли бытовыми отходами на протяжении полутора десятков лет, после того, как советская власть запретила свободу торговли. Профессор Жучков, словно чеховский доктор Астров, хотел землю украсить садами, а здесь, рядом со зданием института, пропадало под мусором столько земли. Вскоре участок расчистили, а с началом весны 1935 года под руководством профессора тут начались работы по планированию очищенной территории для садовых растений.

В молодом вузе тогда проявлялся большой интерес к карликовым растениям, которые Жучков активно культивировал в институте и которые на долгие годы станут любимой научной темой также и Будаговского. Работа со слаборослыми плодовыми деревьями выльется в мощное научное направление, которое теперь справедливо называют школой профессора В.И. Будаговского.

В 1936 году к экспериментальному садовому участку рядом с институтом добавились площади на загородной базе института в учхозе «Ударник». В статье Г. Мосина «Перспективы совхоза «Ударник» говорилось и о внимании к карликовым культурам в новом направлении работы учхоза: «Большое место отводится в совхозе карликовым культурам, причем на организацию этого нового дела НКЗ РСФСР по представлению профессора Жучкова отпущены специальные средства в размере 50000 рублей».

Результаты этой работы должным образом поощрялись. 13 февраля 1936 года нарком земледелия РСФСР Н.В. Лисицын издал приказ № 126 «О премировании работников и профессорского персонала

Мичуринского института плодоводства». Пунктом номер 2 было приказано «профессора Н.Г. Жучкова за умелое руководство работой кафедры плодоводства, тесную связь кафедры с производством и организацию в короткий срок плодового опытно-коллекционного участка при институте премировать в размере 1000 руб...».

В автобиографических заметках В.И. Будаговский летом 1974 года писал: «Лето 1936 г. я провел на производственной практике в совхозе «Красный комбинат» Калужской области, где выполнял дипломную работу по формированию плодовых деревьев. Хотелось ехать на юг, к карликам, но такой возможности не представилось...».

9 июня 1936 г. руководство плодоовощного института вновь объявило благодарность профессору Н.Г. Жучкову и наградило его путевкой на курорт за умелую работу «по организации учебно-опытного участка и создание живой лаборатории».

1936 год сложился для Жучкова удачно. В Москве в столичном Сельхозгизе у него вышла книга, которую он написал уже в Мичуринске — «Карликовое плодоводство на новых основах». Здесь он обобщал все, что было известно о плодовых карликах, раскрывал перспективы их использования для нового, советского, плодоводства. Надо упомянуть, что первой его книгой стал сборник «Промышленный плодовый сад: Основы агротехники» (М.; Л., 1932). Обе книги профессора Жучкова содержали много новых идей для молодых садоводов, среди которых был и Валентин Будаговский.

14 декабря 1936 года студент В.И. Будаговский блестяще окончил Плодоовощной институт имени И.В. Мичурина. Об этом свидетельствует полученный им Диплом с отличием № 215920. На работу В.И. Будаговский был направлен по распределению в Иркутскую область. Но судьба распорядилась по-своему.

Позже В.И. Будаговский вспоминал: «После окончания института меня и моего товарища Г.А. Лобанова пригласил профессор Н.Г. Жучков и предложил поступить в аспирантуру. «А как же Иркутск?» — спросил я. «Нам министерство разрешило отобрать из окончивших двух человек», — последовал ответ. Аспирантура, заниматься наукой, возможно, карликами! Захватывает дух от открывающихся возможностей...».

4 января 1937 года институт направил ходатайство начальнику Управления вузами и техникумами НКЗ РСФСР А.И. Червякову об утверждении В.И. Будаговского аспирантом по кафедре плодоводства с лестной характеристикой: «Тов. Будаговский исключительно способный человек. Окончил ВУЗ в 1936 году, имеет производственный стаж 3 года, до ВУЗа окончил Орловский техникум». Ходатайство подписал зам. директора Плодоовощного института имени И.В. Мичурина Н.Г. Жучков (17).

31 января 1937 года на основании письма из Наркомата земледелия РСФСР директор плодоовощного института М.Т. Афанасьев издал приказ, где значилось: «Зачислить аспирантом при кафедре плодоводства с 1-го февраля 1937 года тов. Будаговского В.И. и тов. Лобанова Г.А. с одновременным зачислением их на стипендию в размере, который будет установлен НКЗ РСФСР на 1937 г.».

В автобиографическом очерке В.И. Будаговский об этом событии писал так: «Все оформлено, мы с Гаврюшей (мой товарищ, теперь доктор с.-х. наук, работает во ВНИИС им. И.В. Мичурина) в аспирантуре. Моя тема: «Карликовые подвои для яблони». Активно работаю над методикой, много читаю, перевожу иностранную литературу, изучаю подвои, завезен-

ные Н.Г. Жучковым из-за рубежа и собранные у нас. Работы очень много, выходных не знаю, вечера заняты, но на душе радостно». Научным руководителем аспиранта В.И. Будаговского был утвержден профессор Н.Г. Жучков.

Так они стали работать вместе. 16 марта 1937 года профессор Н.Г. Жучков в соответствии с Соглашением между Плодоовощным институтом им. И.В. Мичурина и Управлением плодводства НКЗ дает директору института М.Т. Афанасьеву письменное обязательство, по которому «кафедра плодводства отпустит в 1938 г. 20 тысяч черенков парадизки и 10 тысяч зимних черенков мичуринских сортов, а весной 1939 г. отпустит 15 тысяч отводков Липецкой парадизки».

Исполнение этого обязательства станет источником больших неприятностей для профессора Н.Г. Жучкова. Годы обучения Валентина Будаговского в аспирантуре под руководством профессора Н.Г. Жучкова (1937 — 1940), когда наставник передавал свои знания, опыт, идеи молодому, горящему желанием принести пользу науке последователю, когда известный ученый и ученый молодой в непрерывном общении формировали и совершенствовали идеи интенсивного садоводства, востребованные наукой и практикой уже в 1950—1970-х годах, — все эти годы профессор Н.Г. Жучков жил под неослабевающим прессом придирок, клеветы со стороны руководства плодоовощного института.

Еще летом 1935 года директор института М.Т. Афанасьев, проявивший себя на фронтах гражданской войны, отмеченный Почетным оружием и кожаным обмундированием за свои подвиги в братоубийственной схватке, рассылал по местам прежней работы профессора Н.Г. Жучкова и в его родные места запросы, в которых хотел выяснить разные стороны прежней жизни профессора Н.Г. Жучкова. На своих письмах Афанасьев ставил в углу гриф «Не для оглашения». И о, чудо! В ответе из Щекинского сельсовета от 15 июля 1935 года директор института прочитал, что отец профессора служил управляющим в имении генерала Стерецкого (на самом деле князя Старицкого. — В.А.). И пусть отца Н.Г. Жучкова не было уже в живых, пусть мать профессора жила на съемной квартирке в деревне Троицкое, собственного жилья не имея, но компромат из прошлого был налицо. По своим каналам узнал директор и о том, что брат профессора агроном Василий Григорьевич Жучков, был осужден в 1933 году за антисоветскую деятельность и выслан в Казахстан.

Афанасьев поджидал момента, чтобы пустить скопившийся компромат в дело. Удобный случай — дело об исполнении договора о поставке черенков, точнее, о просчетах, допущенных при выполнении этого договора. И здесь уже старый воин Афанасьев знал, как наносить беспощадный удар.

19 апреля 1937 года директор М.Т. Афанасьев издал приказ № 36, в котором в адрес профессора Н.Г. Жучкова значилось: «За опoшление принципа поощрения и премирование, произведенное без предварительной личной проверки качества работы, за которую объявлена благодарность и выдана премия, поставить на вид».

А в это время, весной 1937 года, под руководством профессора Н.Г. Жучкова аспирант Валентин Будаговский закладывает опыты по выведению клоновых слаборослых подвоев, которые оказались успешными. В автобиографических заметках он писал: «Все слаборослые подвои из южных районов оказались незимостойки в средней полосе. Поэтому мною еще в первый год аспирантуры были проведены скрещивания

французской парадизки с зимостойкими формами яблони: китайкой, мичуринским сортами Таежное, Красный штандарт. В 1938 году я уже радовался новому гибриднему потомству — сеянцам».

Летом 1937 года аспирант В.И. Будаговский по предложению директора НИИ плодоводства В.А. Одинцова вновь участвует в научной экспедиции, хотя для этого опять пришлось преодолевать сопротивление директора института Афанасьева.

Изучение садов Киргизии вызвало восторг у молодого исследователя: «Киргизия — страна гор, речных долин, больших озер и ущелий. Захватывающая красота ландшафтов. Природные условия чрезвычайно разнообразны... Садов мало, они запущены, разбросаны небольшими массивами. Но они говорят, что Киргизия располагает хорошими возможностями для развития промышленного плодоводства... Устаем мы чертовски, но остается одно желание, которое толкает вперед: больше видеть, больше слышать, полнее улавливать всю специфику и многообразие этой исключительно интересной страны...».

Дело, которым занимался профессор Н.Г. Жучков и его аспиранты, получало противоположные оценки: руководство института устраивало профессору показательные порки, а руководство Наркомата земледелия неизменно его поддерживало.

Так, 14 августа 1937 года начальник Управления вузов и техникумов НКЗ РСФСР А. Червяков направил служебное письмо директору института М.Т. Афанасьеву, в котором писал: «Сообщается Вам, что темы, над которыми работает кафедра плодоводства, а именно, ускорение плодоношения и перенесение южных культур на север методами агротехники, НКЗ РСФСР считает весьма полезными для развития плодоводства в СССР и актуальными. Предлагается Вам создать все необходимые условия для проведения кафедрой данных тем и использовать отпущенные НКЗ РСФСР двадцать тысяч рублей на опытно-производственные типы насаждения по прямому назначению в целях предоставления проф. Н.Г. Жучкову возможности углубленного изучения отдельных вопросов, связанных с проводимой им темой научно-исследовательской работы...».

А на другой день, 15 августа 1937 года, состоялось заседание парткома плодовоощного института, на котором было принято решение исключить профессора Н.Г. Жучкова из группы сочувствующих ВКП(б), так как он «не обеспечил работу по учебной и научной части института и не проявил себя как сочувствующий ВКП(б)».

От ученого, видимо, потребовали публичного признания ошибок, покаяния. Поэтому 23 ноября 1937 году профессору Н.Г. Жучкову пришлось выступить на заседании секции плодовоощных культур ВАСХНИЛ с заявлением о своих ошибках, в том числе о своем увлечении при посадке садов однолетками плодовых растений, о том, что он допускал неглубокую заделку минеральных удобрений в садах. Жучков подчеркнул, что борется с ошибочными и вредными теориями в плодоводстве. Доложил, что в Мичуринске написал книгу «Карликовое плодоводство на новых основаниях».

Но давление на ученого не прекратилось. 29 ноября 1937 года на заседании институтского парткома состоялось рассмотрение «характеристики на профессора Н.Г. Жучкова». В вынесенном постановлении говорилось, что в текст характеристики нужно внести дополнения о том, что профессор Н.Г. Жучков неумело поставил научную и учебную работу на должности завуча института, «упрощенчески читает лекции, вел и ведет

беспринципную борьбу с руководством ВУЗа...». Эти нелепые дополнения призваны были унижить крупного специалиста, они отражали атмосферу враждебности, которая окружала ученого в 1937-1939-х годах. А борьба с руководством вуза выражалась, оказывается, в том, что профессор иногда критиковал некоторые приказы и распоряжения полуграмотного директора.

А в жизни аспиранта Валентина Будаговского той же осенью 1937 года происходят два разномасштабных, но весьма значительных и позитивных для него события. В Москве, на Чистых прудах, в квартире дяди Петра Ивановича Будаговского и его жены Марии Михайловны (урожденной Зориной) он знакомится со своей дальней родственницей Екатериной Черненко. Брат тетки, Федор Михайлович Зорин, был женат на Юлии Семеновне Черненко, старшей сестре Кати. Это знакомство перерастет в дружбу и любовь. Семейный союз Валентина Будаговского и Екатерины Черненко впишет немало ценных страниц в историю плодводства.

От отца Кати Черненко, известного последователя Мичурина, профессора С.Ф. Черненко (в будущем — создателя яблоневого календаря, лауреата Сталинской премии) и его коллеги И.В. Белохонова узнал Валентин о существовании в Армении яблони Марга Хндзор. Изучение этой яблони приведет молодого ученого к открытию: родиной карликовых яблонь является Передняя Азия.

Зимой 1938 года В.И. Будаговский попросил своего бывшего однокурсника У.Г. Аракельяна, приехавшего в плодоовощной институт на стажировку, прислать из Армении черенки и отводки яблони Марга Хндзор. Ученые с увлечением разгадывали тайны карликовых яблонь.

В это время директор института М.Т. Афанасьев продолжал свои маневры против профессора Н.Г. Жучкова. 28 января 1938 года в своем письме в ВАК он сообщил, что «возбужденное ранее ходатайство о присвоении ученой степени доктора с/х наук профессору Н.Г. Жучкову снимается». За этим последовали еще более резкие нападки на ученого, носившие уже характер политического доноса.

В характеристике, выданной профессору 5 февраля 1938 года, звучали обвинительные ноты: «...дирекция института считает, что профессор Жучков не удовлетворяет ни одному признаку подбора кадров, выдвинутых тов. Сталиным — ни политическому, ни деловому. В силу чего проф. Жучков исключен из рядов сочувствующих ВКП(б). Дирекция категорически отводит кандидатуру профессора Жучкова от присвоения ему ученой степени доктора с.-х. наук без защиты диссертации...».

Между тем руководители Наркомата земледелия обращаются к профессору Н.Г. Жучкову как к крупному специалисту в области плодводства. 11 марта 1938 года начальник управления вузов и техникумов Ступов в письме к директору плодоовощного института М.Т. Афанасьеву просит организовать в учхозе насаждение различных плодовых культур с целью их последующего размножения. В их число предлагается включить «мичуринские и другие сорта, как природные карлики на 9 га», «южные культуры в стелющихся формах на 6 га», «маточники липецкой парадизки на площади 1 га», «опытные насаждения по ускорению плодоношения на территории 1,5 га». На эти насаждения Наркомзем РСФСР выделяет 20000 рублей, но можно рассчитывать на сумму даже и 23000 рублей. Ступов предлагает ответственность за насаждения возложить на профессора Н.Г. Жучкова.

20 марта 1938 года кафедра плодородства (рук. проф. Н.Г. Жучков) заключила Договор с Управлением плодородства НКЗ РСФСР о поставке 20000 черенков липецкой парадизки для совхозов. А 23 марта 1938 года Жучков составил предварительную смету на проведение предложенных насаждений, которую вместе с ним подписал директор института М.Т. Афанасьев. Предполагалось иметь дикоштамбовый сад (400 растений), природные карлики (600 растений), южные стелющиеся культуры (1300 растений), маточники карликов (20000 растений), на участке ускоренного плодоношения площадью 1,5 га планировалось иметь 400 растений.

Весной 1938 года У.Г. Аракелян присылает В.И. Будаговскому черенки и отводки яблони Марга Хндзор. Молодой ученый внимательно изучает высаженные на коллекционном участке укоренившиеся отводки, приходит к выводу, что Марга Хндзор и французская парадизка — одно и то же растение. Позже В.И. Будаговский писал: «Зреет мысль о поездке в Армению, где эта яблоня культивируется. Но где взять деньги, время? Принимаю решение — за счет аспирантской стипендии, время — мой отпуск. Я независим, отпрашиваться не надо...».

В.И. Будаговский расширяет работу по селекции подвоев яблони. В своей статье «Первые итоги по селекции клонных подвоев яблони» он писал: «Помимо воспитания и изучения сеянцев посева 1937 года, с целью выведения карликовых и полукарликовых вегетативно размножаемых подвоев, вполне зимостойких в средней зоне Союза, было проведено скрещивание французской парадизки (тип VIII) с садовой китайкой, мичуринскими сортами Таежное и Красный штандарт. Французская парадизка была выписана из совхоза «Кара Кият» (Крым) в 1935 г. и посажена на коллекционном участке Плодоовощного института им. И.В. Мичурина. В 1938 г. она обильно цвела и плодоносила».

8 июня 1938 года руководство института вновь дает профессору Н.Г. Жучкову характеристику, в которой вновь сильно заметен обличительный пафос: труды профессора, оказывается, носят компилятивный характер, учению И.В. Мичурина он противопоставил собственное направление в науке и т.д. Самое страшное место — о политической несостоятельности и неблагонадежности: «В подборе кадров на кафедре плодородства ориентируется на привлечение работников чуждого происхождения и сомнительной политической благонадежности и в ряде случаев сомнительной квалификации.[...] В силу чего проф. Жучков из рядов сочувствующих ВКП(б) исключен. (Далее подписано ручкой: «В общественной жизни вуза не участвует. Как член депутатской группы в подготовке к выборам в СССР, а также в РСФСР совершенно не участвует».

В летние месяцы 1938-1939-х годов в соответствии с планом научной работы, утвержденной профессором Н.Г. Жучковым, В.И. Будаговский исследует клоновые подвой яблони во многих садовых хозяйствах юга СССР, в том числе в совхозах и научных учреждениях Ростовской области, Краснодарского края, Крыма. Об этом он писал: «В 1938-1939 гг. нами проведена работа по апробации клоновых подвоев на маточных плантациях и в питомниках 5 крупнейших плодовых совхозов Союза: «Сад-база», «Сад-Гигант», «Приморье», «Кара-Кият», «Красное». За основу были взяты типы, выделенные Ист-Моллингской станцией, номенклатура которых признана в международной литературе по плодородству. Всего по совхозам апробировано 242771 растение на площади в 15,43 га».

Научный руководитель всегда был в курсе дел своего аспиранта, на-

правлял его работу, обсуждал с ним перспективы исследования. Так, 1 июля 1938 года В.И. Будаговский подает заявление директору института М.Т. Афанасьеву: «Прошу один месяц отпуска перенести с августа на сентябрь, т.к. в этот период я буду занят работой над диссертационной темой. Будаговский. 1/VII-38». Научный руководитель ставит свою визу: «Согласовано. Проф. Жучков. 3.VII.38».

Летом-осенью 1938 года аспирант В.И. Будаговский исследует процессы корнеобразования у подвоев яблони. Позже он об этом писал: «Окореняемость различных подвоев неодинакова. Лучшее других корнеобразование проходит у типа III. В сильно засушливое лето 1938 г. в условиях учхоза «Ударник» корнеобразование на типе III началось только со среды сентября, а уже в октябре отводки имели мощные корешки первичного строения».

Профессор Н.Г. Жучков понимал, насколько важной для работы аспиранта является возможность проверить правильность своих наблюдений в настоящих промышленных садах, поэтому помогает ему получить поддержку Наркомата. 31 июля 1938 года В.И. Будаговский подает директору института М. Афанасьеву следующее заявление: «Прошу мне предоставить возможность в течение августа м-ца проводить работу по диссертационной теме в совхозах Управления плодоводства НКЗ РСФСР. Это положение полностью соответствует утвержденному плану научно-исследовательской работы по моей теме. Средства на расходы по поездке отпущены НКЗ РСФСР. 31/VIII-38 г. К сему Будаговский».

17 сентября 1938 года директор института М.Т. Афанасьев издал приказ № 97, в котором изложил суть неприятного для института происшествия, когда кафедра плодоводства 20 марта 1938 г. заключила Договор с Управлением плодоводства НКЗ РСФСР о поставке для нужд совхозов 20000 черенков липецкой парадизки, но при транспортировке этих черенков 5047 штук оказались непригодны, погибли в пути. Ответственному за выполнение договора зав. кафедрой плодоводства профессору Н.Г. Жучкову, зав. учебно-опытным участком Г.А. Дылевскому, технику-садоводу П.И. Кузьмину объявили выговор. Было предложено возместить убытки, понесенные совхозами в результате неисполнения договора. В случае неисполнения этого требования бухгалтерия института должна была взыскать с виновных необходимые суммы в судебном порядке.

Но уже 14 октября 1938 года приказом № 391/К по Наркомату земледелия РСФСР директор Мичуринского плодовоовощного института М.Т. Афанасьев был освобожден от работы, а исполняющим обязанности директора Мичуринского плодовоовощного института назначен В.П. Мишин.

В конце декабря 1938 года в Мичуринске проходило Всероссийское совещание по плодоводству. С докладом выступил начальник управления плодоводства НКЗ РСФСР В.В. Лебедев. По итогам совещания принят сортимент плодово-ягодных культур для пяти географических и климатических зон РСФСР, включающих 52 региона. Само проведение этого форума садоводов, его результаты косвенно свидетельствовали о победе профессора Жучкова и его соратников. Но очень скоро их ожидало большое испытание.

Зимой 1938-1939-х годов полностью вымерзла маточная плантация клоновых подвоев. В.И. Будаговский пишет об этом в спокойном тоне, но можно представить, что было у них на душе, сколько трудов нужно было положить ему, профессору Н.Г. Жучкову, сотрудникам кафедры пло-

водства, чтобы восстановить маточник клоновых подвоев! В разгар садовых работ, весной 1939 года, вокруг профессора Н.Г. Жучкова разгорается новый скандал.

13 апреля 1939 года новый директор института В.П. Мишин объявил выговор профессору Н.Г. Жучкову за якобы имевшее место его опоздание на курсы директоров совхозов на 20 минут. На самом деле случился технический сбой, и заурядный факт оброс небылицами и документами, превращаясь в событие чрезвычайное.

Чаша терпения ученого была переполнена. 16 апреля 1939 года профессор Н.Г. Жучков обратился к директору В.П. Мишину со служебной запиской, где напомнил о важном значении своей работы для народного хозяйства, потребовал нормального делового отношения к себе и своей научной работе:

«Директору ВУЗа тов. Мишину В.П.

Мною был разработан новый метод ускоренного размножения вегетативно-размножаемых подвоев, который впоследствии разработан аспирантом Будаговским. Этот метод позволяет в короткий срок размножить редкие формы карликовых подвоев. Этот метод вошел в агроуказание ЦНИИ и стал применяться в совхозах.

Кафедра плодоводства (аспирант Будаговский) разработала подробную инструкцию для НКЗ, которая сдана НКЗ.

ВУЗ в 1937 и 1938 гг. отпускал черенки Липецкой парадизки для окулировки в питомниках. Часть летних черенков в пути подсохла. Черенки отправлялись с коллекционного участка ВУЗа, находящегося не в ведении кафедры плодоводства, а в ведении дирекции ВУЗа. Летние черенки имелись у ВУЗа в избытке (их осталось около 4 тыс. штук). Никто из совхозов никакого убытка не понес.

Воспользовавшись данным случаем, б. директор ВУЗа на почве преследований меня в той обстановке, которая широко известна, объявил мне выговор «за дискредитацию мичуринского дела». В октябре прошлого года я опротестовал приказ перед Вами и НКЗ РСФСР. С тех пор несмотря на мои многочисленные личные письменные и устные заявления — дело с отменой приказа не получило никакого движения.

Фактически получилось так, что я за новый метод, принятый производством, получил не поощрение, а выговор, да еще с тенденциозной неграмотной формулировкой «за дискредитацию мичуринского дела». Прошу об отмене приказа. Профессор Н.Г. Жучков».

Письмо профессора Н.Г. Жучкова указывает на плодотворные творческие отношения ученого и его ученика, выразившиеся в создании нового метода размножения подвоев. Одновременно оно свидетельствует о неприятии руководством института успешной научной и производственной работы профессора Н.Г. Жучкова и его научной школы.

Вместо того, чтобы защитить ученого от несправедливых гонений, собравшийся 8 мая 1939 года на свое заседание Ученый Совет института «исправил» ранее принятое решение Совета от 28-29 июня 1938 г. (протокол № 7), но как? В протокол майского заседания Совета были записаны еще более жесткие формулировки в отношении профессора Н.Г. Жучкова: «1. Отмечая имевшее место упрощенчество и вредительство в плодоводстве, осудить упрощенчество профессора Н.Г. Жучкова. 2. Опубликованную статью доктора с/х наук профессора С.Ф. Черненко и Сухаче-

ва считать вполне правильной. На основе допущенных ошибок представление профессора Н.Г. Жучкова к ученой степени дирекцией ВУЗа было снято. Последние решения Совета о профессоре Жучкове не пересмотрены и остаются в силе». В конце «характеристики» тем не менее значилось, что профессор Н.Г. Жучков состоит членом Мичуринского горсовета, работает председателем плодовой секции горсовета.

Принятый документ отражает продолжение нелепой борьбы с профессором Н.Г. Жучковым, причем активно используется так называемый административный ресурс. В атмосфере государственных репрессий, пик которых приходился на 1937-1939 годы, это становилось особенно страшно.

Тем не менее всего через несколько дней 16 мая 1939 г. состоялось распоряжение № 65 по Управлению вузов и техникумов Наркомзема РСФСР, в котором говорилось: «Отменить взыскание, наложенное на профессора Н.Г. Жучкова приказом по Плодоовощному институту им. И.В. Мичурина от 17 сентября 1938 г. № 97, как неправильное». Распоряжение подписал и.о. начальника управления Грановский.

В канун 4-й годовщины смерти И.В. Мичурина, 6 июня 1939 года, в Основном питомнике его имени был открыт памятник ученому (скульптор Н. Шильников). В Основном питомнике собралось 10 тысяч жителей г. Мичуринска, представители окрестных колхозов. На трибунах для почетных гостей находились заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР академик Т.Д. Лысенко, академик Б.А. Келлер, депутаты Верховного Совета РСФСР Г.П. Силкин, И.Т. Козырьков, С.Ф. Черненко, дочь И.В. Мичурина — М.И. Мичурина, а также последователи великого ученого. Думаю, на этом митинге присутствовали и профессор Н.Г. Жучков, и его аспирант В.И. Будаговский.

Отмененное сверху раннее решение по Н.Г. Жучкову не остудило пыл и нового руководства плодовоощного института. И уже 8 июня 1939 года, не успели высокие гости покинуть Мичуринск, как руководство института утвердило новую «характеристику» на проф. Н.Г. Жучкова, в которой усилен обличительный пафос: книги Н.Г. Жучкова де получили отрицательные рецензии, он не проявил себя как сочувствующий ВКП(б). Документ подписали директор В.П. Мишин, секретарь парткома И.А. Кондратьев, председатель месткома профсоюзов А. Романычев.

В июне того же года аспирант В.И. Будаговский по договоренности с профессором Н.Г. Жучковым обследует насаждения карликовых яблонь в Грузии и Армении. В Грузии он посетил Скрынскую опытную станцию, обследовал разные уголки республики и собрал образцы яблони Хомандули для будущих исследований. В Армении с помощью своего знакомого по плодовоощному институту У.Г. Аракеляна, работавшего директором СХИ, он провел детальные обследования насаждений карликовой яблони Марга Хндзор. Итоги исследований были опубликованы в статье В.И. Будаговского «Карликовая яблоня Марга Хндзор» в журнале «Вестник сельскохозяйственной науки: плодово-ягодные культуры» (№ 3, 1940 г.). И опять 28 июля 1939 года зам. наркома земледелия РСФСР П. Лядин в своем письме № 37/7 директору плодовоощного института В.П. Мишину предложил пересмотреть «характеристику» на профессора Н.Г. Жучкова и дать объективную оценку его преподавательской и научно-исследовательской работы.

В последние мирные месяцы В. Будаговский вместо оформления диссертации был занят общественной работой. 30 ноября 1939 года началась

война СССР с Финляндией. Здание Плодоовощного института им. И.В. Мичурина было занято под военный госпиталь. Плодоовощной институт был переведен в здание НИИ садоводства им. И.В. Мичурина (ул. Советская, д. 284).

Поэтому 26 декабря 1939 года В.И. Будаговский подает заявление об отпуске за 1939 год. Получив разрешение на отпуск, В.И. Будаговский уезжает, но не в Москву, а к родителям в Калугу, где работает над текстом диссертации. Бытовые условия были ужасными, но этот месяц был счастьем — рядом были родители, впереди была защита диссертации.

В конце января 1940 года Валентин Будаговский вернулся в Мичуринск с готовым текстом диссертации, в феврале-марте руководитель, профессор Н.Г. Жучков, читает диссертацию, делает незначительные замечания, рекомендует диссертацию своего ученика к защите.

В начале апреля 1940 года В.И. Будаговский выступил на конференции молодых ученых в Москве. На конкурсе молодых ученых, объявленном ВАСХНИЛ, за свою работу В.И. Будаговский получил 3-ю премию.

А 29 апреля 1941 года в зале Клуба профсоюзов недавний аспирант защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вегетативно размножаемые подвой для яблони». Профессор Н.Г. Жучков высоко оценил работу своего ученика. Оппоненты — кандидаты наук из НИИ плодоводства им. И.В. Мичурина А.Н. Веняминов (позднее возглавлял Воронежский СХИ) и Г.К. Карпов — увидели в представленной диссертации труд молодого ученого, обещающий важные для науки открытия.

Как свидетельствует Е.С. Черненко, «После защиты диссертации Будаговского оставили на кафедре плодоводства. Он исполнял обязанности старшего преподавателя, затем доцента, читал курс лекций «Агротехника плодового сада»... Профессор Жучков в его лице получил надежного помощника.

Процедура назначения В.И. Будаговского на должность старшего преподавателя кафедры плодоводства заняла несколько месяцев: с мая по июль. Коллеги избрали его председателем профсоюзного комитета, что говорило об авторитете, каким он пользовался в коллективе. В октябре 1941 года именно на него новый директор института И.Н. Симонов возложил ответственность за эвакуацию студентов, преподавателей и имущества института из Мичуринска на Алтай.

Есть один документ, авторство которого у меня не вызывает сомнения: это Будаговский. В этом документе ученик возвращает честное имя своему Учителю.

7 мая 1941 года на профессора Н.Г. Жучкова составлена еще одна «характеристика», необходимая при защите докторской диссертации. Содержание этой «характеристики» — невероятно положительное.

Всеми своими положениями она снимает прежние обвинения и нелепости, которыми были заполнены прежние приказы по вузу. Отмечено, что на должность зав. кафедрой плодоводства Н.Г. Жучков был назначен по приглашению И.В. Мичурина, что им развернута большая работа по внедрению идей И.В. Мичурина, по ускорению плодоношения яблони. Также указывалось: «По инициативе Н.Г. Жучкова и под его руководством в учебном хозяйстве института заложены крупные опытно-производственные насаждения различных пород и сортов на основе новой агротехники. За время работы на кафедре плодоводства в институте профессором Жучковым Н.Г. подобраны и выращены кадры преподавателей-плодоводов, из которых 3 защитили диссертации на ученые степени кан-

дидата наук. Кафедра плодоводства профессором Н.Г. Жучковым хорошо оборудована. Профессор имеет ряд научных трудов по плодоводству, из которых «Карликовое плодоводство» является учебным пособием для вузов. Он активно сотрудничает в центральных и местных журналах и газетах по вопросам плодоводства...». Также указано на активную работу профессора в плодоводстве страны, его участие во Всесоюзных сельскохозяйственных выставках (1939, 1940 гг.), отмечена его работа в составе экспертной комиссии Всесоюзного Комитета по высшей школе, Ученого Совета НКЗ РСФСР. Обращено внимание и на активную общественную работу профессора Н.Г. Жучкова, ударника и стахановца, награжденного грамотами и премиями. Под текстом стоят подписи директора В.П. Мишина и председателя профкома В.И. Будаговского. На тексте документа Н.Г. Жучков написал карандашом: «Два экземпляра получил. 8 мая 1941 г. Жучков».

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Этот документ подвел черту под несправедливыми гонениями на замечательного русского ученого-плодовода, которые устраивали глупые и завистливые люди. Клевета, неоднократные отказы от ходатайства о присуждении Николаю Григорьевичу Жучкову степени доктора наук без защиты диссертации нанесли урон здоровью ученого, задержали общественную оценку его многолетней работы в науке. В конечном итоге это привело к тому, что уже в разгар Великой Отечественной войны 50-летний ученый через всю страну из Алтая вез свою докторскую диссертацию в Тбилиси, где 28 марта 1942 года с блеском защитил ее в Грузинском СХИ имени Лаврентия Берия. Как смог Николай Григорьевич проехать в Грузию и вернуться назад, одному Богу известно. Ведь уже в мае 1942 года на южном направлении развернулись такие боевые действия, что ни о каком проезде в Грузию не могло быть и речи.

К чести грузинских ученых-пловодов, они высоко оценили вклад профессора Н.Г. Жучкова в науку, присудили ему давно заслуженную им степень доктора наук, рекомендовали опубликовать материалы докторской диссертации отдельной книгой.

Многолетний труд профессора Н.Г. Жучкова в плодоводстве был отмечен орденами, а в 1952 году ему была присуждена Сталинская премия.

Профессор Николай Жучков и профессор Валентин Будаговский... Учитель и ученик, достойный своего Учителя. В 1945 году В.И. Будаговский стал руководить кафедрой плодоводства, которую до него 10 лет возглавлял его Учитель. Тридцать лет профессор В.И. Будаговский руководил кафедрой родного вуза. За эти годы им были созданы новые перспективные подвои для яблони, сформировано перспективное научное направление, результаты которого очень важны и для современного плодоводства.

*Творчество
студентов
Мичуринского
государственного
аграрного
университета*

ОБЛАКА

Егор Никитин

Не раскачивай качели нелюбви,
Когда маятник любви еще в движенье;
Люди часто утопают на мели,
Потому что дно им кажется спасеньем.

От бездействия иль гордого словца
Никому из двух, увы, не станет легче.
Кто-то нагло заиграет в мудреца,
Ну, а кто-то будет плакать, словно свечи.

Когда любишь, одеяло перемен
Даже в слабости дотянешь до вершины,
Руку верную вручишь своей судьбе.

Но порой чего-то хочется взамен,
А под ноги смело катятся причины,
И не веришь даже самому себе...

Анна Киреева

ПИСЬМО

Я все пишу тебе письма и убираю в стол.
Ты и не знаешь, что я память тащу как вол,
Память о нас — у виска равнодушный ствол,
Что стреляет каждый месяц второго числа.

Ты совсем растворился, как сахар
в горячем чае,
Вэтом гребаном Питере. Боже, я что скучаю?
Я теперь никому ничего не обещаю,
И все чаще теперь на себя чрезмерно зла.

Я стараюсь казаться милой, быть в стороне,
А от тех, кто похож на тебя, — вдвойне.
Сучьих детей, как ты, я узнаю и по спине.
И даже от голода бы их не спасла.

Как много извинений приносили ты и я,
Доказывали, что каждый из нас свинья,
У меня уже ни жалости, ни обиды, ни нытья:
Я все это с трудом, но переросла.

Ну а ты что? Все так же гневишь богов?
Я знаю, ты зачем-то умчался в Псков
От поэтических питерских облаков,
И какая муза тебя туда понесла?

Мне пора бы перестать эти письма писать,
Я до сих пор себе обещаю не вспоминать,
И у меня уже получается не скучать,
Иначе я бы плесенью заросла.

За те пять лет, что были слишком лихи,
На лицах наших шрамы, а не штрихи.
А я все как раньше пишу стихи,
Знаешь, нет абсурднее ремесла.

Кирилл Гальцев

* * *

Облака рисуют нам картины,
Солнце больше красок им дает.
Кто-то видит в блюде апельсины,
Кто-то — белоснежный самолет.

Каждый человек теперь художник,
Представляет мир как полотно.
Даже мимолетный мелкий дождик
Им не помешает — все одно.

Что ж, взгляну и я на это небо,
В нем найду опять свою мечту,
Окажусь я там, где раньше не был
И не видел эту красоту.

Ангелина Кулешова

* * *

Прошу тебя, останься в моем мире,
Тут ровно так, как нравится тебе,
Тут музыка тяжелая в квартире,
Тут можно просыпаться на заре.

Прошу тебя... Еще чуть-чуть... останься,
Тут можно не стесняться ничего,
Тут можно закружиться в вихре вальса,
Хоть не умеем танцевать совсем его.

Тут, как ты любишь, сахара две ложки,
Тут разговоры долго ни о чем,
Тут суп горячий в белой с кантом плошке,
Тут, если хочешь, тортик испечем.

Тут можно не скрывать своих обличий,
Не путать маски, как хамелеон,
И наслаждаться манией величья,
И закупить конфет на миллион...

Тут, как ты любишь, всем открыты двери,
Тут, если хочешь, будет тишина,
Тут почитаем Данте Алигьери,
А, может, погуляем дотемна.

Ты оставайся, тут всегда спокойно,
Здесь место есть хоть многим, но не всем,
Всегда тепло и не бывает больно,
Прошу тебя... останься насовсем...

* * *

Я видела город, стоящий над самой рекою,
Я видела солнце — садилось в асфальтную пыль,
Я трогала травы, касалась их нежно рукою,
И тень свою бросил на водную гладь церкви шпиль.

Вдыхала я воздух, наполненный сладким дурманом,
Там пахло вином, немного песком и рекой,
На плечи ложился дым серый ночного тумана,
И небо манило закатной своей красотой...

Считая ступеньки и метры моста подвесного,
Я чуяла кожей, как время быстрее идет,
Я молча просила: «Помедленней можно немного?»
Заката момент пусть еще часа два подождет...

Не слушало время, и солнце разбилось о стены,
Стекло красным цветом, испачкавшись в тину и ил,
Последним лучом зацепилось за телеантенны...
Закончился вечер, но счастлива я, что он был...

Елизавета Коробихина

* * *

Сыграем в карты. Я дураком
Останусь в этом финальном споре.
И, может, я тебя недостойна.
Пылаю спичечным коробком.

Когда развлечься реально нечем,
Рифмую буковки, текст вяжу.
И знаешь, я тебе докажу,
Что без меня там не будет легче.

Никто теперь не поставит чайник,
С мороза встретит в прихожей кот.
А я теперь убегаю от
Себя, надеясь, что ты скучаешь.

Создатель милостив, ветер горяч,
Тебя твои охраняют боги.
А я стою на твоём пороге
И убеждаю себя: «Не плачь...»

Обрывки встреч в моей голове,
Эффекты действия без финала.
И если я тебя не узнала —
До встречи в следующей главе.

Мария Дубинина

СНЕЖНЫЙ КОРОЛЬ

Сердце пронзили хрустальные иглы,
В мертвых глазах замерла пустота.
Где же та девочка, что обещала
Нужное слово сложить из льда?

Годы покрыли инистой коркой
Нежную кожу и шапку волос.
Где же та девочка, что обещала
Ласковым взглядом развеять мороз?

Нет Королевы. Зима одеялом
Накрыла безвольное тело юнца.
Где же та девочка? Как ее звали?
Больше не вспомнить родного лица...

В новенькой шубе из белого меха,
В черном венце, леденящей горой
В белой степи в окруженье метели
Шел одинокий Снежный Король.

Валерий Семенович Аршанский родился в 1945 году в городе Магнитогорске Челябинской области. Окончил строительный техникум, отделение журналистики Воронежского государственного университета. Служил в ВВС, работал инженером на строительстве магистральных газо- и нефтепроводов, журналистом в региональной прессе, главным редактором, генеральным директором издательских домов в Мичуринске и Тамбове. Автор 12 книг прозы и документалистики. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат различных литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Мичуринске.

Валерий Аршанский

ЦЫГАНКА МНЕ ВЧЕРА СКАЗАЛА

Повесть

За окнами моего дома, девятиэтажки пепельного цвета, второй день подряд вытанцовывает на зонтиках прохожих, крышах торговых палаток и тротуарах разудалый майский дождь. Принесенный на крыльях облаков обильный водяной поток безоглядно панует на воспаленной земле, как десант завоевателей в незащищенном урочище мирных поселян, злобно урча, журча, негодуя, грозя превратить всю близлежащую округу в Атлантиду. Неиссякаемый водный вал оставляет за собой не просто озерца и овалы луж, а форменные затоны, фьорды, шхеры, лиманы, лагуны.

И все же тотально лущающая городской ландшафт дождевая шрапнель, если внимательно к ней присмотреться, окажется не так уж и безжалостна: атакуя, она в то же время получше иных дворников отмывает охваченную болезненным жаром пыльную листву, поднимает головки совсем было поникших цветов на клумбах и рабатках, возвращает первозданный облик пожухлым каштанам в парках и кустам барбариса в аллеях, очищает замусоленные тысячами подошв пешеходные тропы. В конце концов, просто снимает с города блокаду безжалостно палившего в сто сорок солнц Светила.

Журнальный вариант

В девятиэтажке-близняшке, что через дорогу напротив, да и в других домах поодаль, куда ни посмотри, люди настужь распахнули навстречу озону створки окон, форточки, двери балконов, лоджий, эркеров. В открытых и затянутых марлевой кисеей проемах мелькают чьи-то руки, веселые женские, восторженные детские личики.

Нехило наблюдать за событиями быстротекущей жизни отсюда, с просторной лоджии, под защитой оцинкованного козырька междутажного перекрытия. Мастера-кровельщики, стеклившие рамы год назад, вняли просьбе сделать над головой выпуск железного козырька пошире, вот он и предохраняет теперь от погодных катаклизмов: косых дождей весной и летом, от залпов снега — зимой. Спасибо, ребята!

В дождь и в слякоть, в жару и в холод полифония жизни, торжествуя, правит свой бал, аккомпанируя тому, что где-то с кем-то что-то происходит, к кому-то кто-то там приходит. А что уж творится за стенами квартиры в праздной тишине иль в громогласной обстановке — иной вопрос, не соседского ума дело. Но происходит! Иначе не было бы самой жизни, без ее звуков — приятных и противных, ласкающих и угрожающих, оглушающих и призывающих, приглушенных и вкрадчивых, навязчивых... никаких.

Интересно, что поделявают в этот ранний утренний час друзья мои — писатели?.. Точно не знаю (никто из них не откровенничает о сокровенном), могу лишь догадываться, что новую повесть творит в своей воронежской квартире на улице со странным названием Средне-Московская мой строгий литературный учитель и почти земляк Иван Иванович Евсеенко. Автор удивительных книг — «Дети войны», «Паломник», «Когда печалются колокола» и добрых двух десятков других. Тех, которые я видел не только у нас, в Белореченске, а и на книжных развалах, выставочных стендах многих других городов России, на прилавках книжных магазинов в Украине, Беларуси, даже — в пору туристского вояжа — в Берлине и Лейпциге...

Могу себе представить, что сочиняют сейчас и более географически близкие друзья-однопольчане. Наверняка тонет, но выплывает из тенет и перипетий любовных походов наш местный Шодерло де Лакло —

успешно сочетающий в себе серьезнейшее достоевсковедение с легкомысленным признанием прежних донжуанских походов — некий Николай Николаевич, охотно скрывающийся под фамилией Домашнев.

А Василий Васильевич уже ничего не напишет. Прощай, Вася... Со всем ненадолго пережил ты жену... Не думал и не гадал я, что придется произносить эти горькие слова прощания.

Эх, други-писатели... Что бы ни сочиняли сейчас согбенные за письменными столами братья мои — романисты, повествователи, рассказчики — им все равно легче, чем мне. Им гораздо легче. Хотя бы потому, что не перед ними лежит сейчас эта кипа тоненьких тетрадок 16-летней девочки, которая так и не увидела, а теперь уже и не увидит никогда свои стихи напечатанными в настоящей книжке. Не моим друзьям-писателям выпала доля, зажимая душу свою и сердце в тиски, рассказывать о том, что страшно рассказывать. Но надо! Не им смотреть в невыплаканные и годы спустя глаза отца, мамы, сестры, племянников Тани, безмолвно спрашивающие: «А вы обещание свое выполните? И рассказ о Тане, и Танечкины стихи, хотя бы некоторые, правда, увидят свет?»

А я тяну, тяну, тяну с ответом... Как тяну и сейчас время, всячески отстраняясь от белого листа бумаги и выдумывая для себя всякие отмазки, уловки, находя любые отговорки: то дождем полюбоваться, то пустопорожнюю телевизионную передачу посмотреть, то изнемогающее от лечебно-врачебной рекламы радио послушать, то с кем-нибудь по телефону новости обсудить, потом с женой посудачить, опять кому-то позвонить, перезвонить, друзей-писателей вспомнить. Все-все-все, что угодно, лишь бы не оставаться наедине с Таниной фотографией и с той же стопкой — сколько их, кстати, — одна, две, три... восемь школьных ее ученических тетрадей в линейку и в клеточку. Где так или иначе запечатлена вся такая до ужаса короткая и такая светлая жизнь поэта Татьяны Обьедковой. Прости меня, детка! И ты, Господи, прости. Простите все. Правда, тяжело...

* * *

Этажом выше заходится в плаче болезненный двухлетний даун Артурчик. А его мама, всегда такая элегантная, улыбчивая и кокетливая при встрече на улице или в подъезде мадам Нелли, орет на него хриплым, как у безумной уборщицы, меццо-сопрано: «Замолчи, тварь! Замолчи, гаденыш, а то я тебя сейчас же в больницу отправлю, на уколы, к доктору...». Прекрасное пожелание ребенку, которому действительно еще не раз придется переступать пороги кабинетов психиатра, терапевта, невропатолога, окулиста, отоларинголога, сжимаясь от страха и думая, что все эти улыбающиеся дяди и тети в белых халатах только притворяются добрыми, а на самом деле они вампиры, кровососы, звери, только и жаждущие всадить ему в попу страшный укол, чтобы нахлебаться его младенческой крови. Ему есть, отчего биться сейчас в истерике, в корчах, захлебываясь от рыданий и наполняя сверх краев и так уже переполненные памперсы...

Чета пенсионеров, проживающая справа, ловко переоборудовав с помощью башковитого сына-инженера лоджию в жилую летнюю комнату, с семи часов утра до одиннадцати часов вечера каждый Божий день, включая выходные и праздники, без передышки смотрит все подряд телевизионные передачи, не делая перерыва ни на рекламу, ни на сводку погоды, ни на прогнозы финансового рынка. Оба тугоухие, они врубают

громкость на полную да еще и, перекрикивая друг друга, вслух комментируют все увиденное или с трудом услышанное.

— Ты глянь, Леш, ты только глянь, какая сволочь эта Сильвия! Опять женатого мужика к себе потащила, — с хрустом заламывая подагрические пальцы, охает и ахает, осуждая нравы мексиканской героини, моя престарелая соседка — в героическом прошлом та еще комсомольская и партийная чайка, битый не только моллю и перхотью вожак молодежи. По возрасту, кажется, ровесница Днепрогэса...

— Ты, Антоновна, с ума сошла, что ли? — осаживает женушку муж ее — басовитый, как Шаляпин, бывший начальник трамвайно-троллейбусного депо. — Это ж у Сильвы роль такая, она ж разведчица. Щас она этому дону Педро задаст в постели ерцом-перцом, щас надерет ему задницу, ты погоди.

Квартиру слева постоянно сдает внаем и почему-то лишь молодоженам никогда никем не виданная здесь владелица, которую раз в год, именно под Новый год, можно только услышать по телефону. По-голубиному воркуя, на каждом слове с псевдоартистичным к्लекотом повторяя «как бы», «как бы», невидимая миру, мне и Риму квартирсдатчица, мило картавя, интересуется, не досаждают ли чем новые обитатели ее «двушки» нам, ее как бы замечательным соседям? Утешает: «Вы, если что, как бы не стесняйтесь, звоните мне напрямую, без стеснения, я их оттуда как бы живо налажу...».

Когда и, главное, куда именно звонить ей напрямую, она каждый раз сказать «как бы» забывает. А мы «как бы» стесняемся спрашивать. И суть ее звонков остается так же неясна, как неясно и то, когда, кому и куда перечисляют квартиранты плату за временно предоставленный им кров над головой, как они вообще познакомились с домохозяйкой, каким образом поддерживают с ней связь.

Но нам, как бы соседям (тьфу ты, Господи, прилипло!), до этого какое, в общем-то, дело. Главное, молодые люди никому не досаждают, не водят к себе пьяные компании, не орут, не безобразничают. Ну, порой вполне слышимо устраивают они по ночам какую-то возню, но вполне понятную каждому взрослому. Ну, так это же жизнь.

* * *

...На уроке химии, когда класс корпел над самостоятельной работой, Таня получила записку от соседки по парте: «Прочти!» Искоса отметив лукавые глаза подруги, она поняла: что-то пикантное таит в себе маленькая газетная вырезка, иначе не стала бы Катерина так усердно одной рукой подталкивать ее в бок, а другой подпирать подбородок, старательно изображая из себя, на радость учительнице, прилежную ученицу. Мы, мол, вне подозрений! Аргентум, феррум и другие элементы бессмертной таблицы старика Менделеева при всем уважении к их валентности, пока читалась почта, могли спокойно отдыхать.

«Сенсационные, но при этом совершенно достоверные статистические данные были оглашены на одной из недавних пресс-конференций известной петербургской «звезды» Тани Булановой. Оказалось, что 65 процентов девушек хотя бы раз занимались любовью под песни нашей царевны-несмеяны. В сознании многих представителей молодежного поколения, таким образом, понятия «Таня Буланова» и «секс» оказались неразрывно связаны.

Отвечая на вопрос корреспондента, под какую музыку наша Таня сама занимается любовью, певица ответила, что больше всего ее возбуждает раннее творчество Стива Уандера. От него исходит, по мнению Тани, такая мощная сексуальная энергия, как и от песен в ее собственном исполнении. Все собравшиеся без долгих дискуссий пришли к согласию в том, что Таня, вне всякого сомнения, является «самой эрогенной певицей».

Катерина, внимательно проследив, дочитал ли адресат ее послание, уже сгибалась над столом, приглашая подругу разделить с ней веселье. Но всегда отзывчивая на юмор Таня, в этот раз, лишь слабо улыбаясь, медлила, задумчиво поглаживая ноготком большого пальца конспиративно сложенный вчетверо листок. «Заниматься любовью»... «Секс»... «Царевна-несмеяна»... «Звезда»... Экая дурь об эрогенной певице... А где же сама любовь? Та Любовь, которую обожаемый Таней Ремарк очень ясно и очень просто уложил в формулу из семи слов: «Любовь — это когда нельзя друг без друга». Значит, если можно, это уже не любовь. Хотя вы совсем охрипните от надрыва и тоски в своих ритмах — Стив Уандер, Майкл Джексон и Луи Армстронг, вместе взятые.

— Объедкова, Антипова, что вы там, как Шерочка с Машерочкой шепчетесь? — ворвался вдруг в далекие от окислов Танины мысли резкий голос Валентины Павловны. — Уже решили уравнения? Давайте мне тетрадки, я проверю...

Таня протянула конспект по химии учительнице. И вновь, стоило только строжайшей Валентине Павловне отправиться к своему любимому шкафу с мензурками, «Шерочка» утонула в не очень-то веселых раздумьях.

Утром, по пути в школу, когда дождь, заходясь и неистовствуя в пляске святого Витта, полировал всепокорный асфальт, у аптеки, под кирпичной аркой-сводом, нашлось укромное прикрытие Тане и ее маме, выбежавшей вслед за дочкой «на минутку» за лекарством. Им обоим поневоле пришлось стать свидетелями пусть недолгой, но все равно тягостной и вовсе не желанной сцены, участники которой так были поглощены выяснением отношений, что абсолютно не замечали никого и ничего вокруг. Мир или война? Если мир, то без уступок какой-либо из сторон, аннексий и контрибуций! Если война, то всерьез и надолго. Вот что было поставлено на карту непримиримыми сторонами, приютившимися под аптечным сводом. Таня, присмотревшись, узнала обоих: то были ее ровесники из параллельного класса, «бэшники»: Витька, как раз сын «химички» Валентины Павловны, высоченный сухопарый волейболист в излюбленной своей красной с белым спартаковской футболке и высоких белых кроссовках на «липучках» (прошлым летом в спортивном лагере он оказывал Тане вполне внятные знаки внимания, не встретившие никакого интереса с ее стороны). С ним Иринка, девочка сочная, полностью созревший белый налив, у которой бровки дугой, губки бантиком и, как одеждой ни скрывай, вызывающе топорщится все то, чему и положено, наверное, топорщиться для девицы ее лет. Отец Иринки, как и Танин папа, тоже работал осмотрщиком вагонов, по-старому башмачником, в столетней давности привокзальном депо. Когда-то они вместе, маленькими, Ира и Таня, выполняя поручения своих мам, бегали к папам на работу, приносили им горячий обед в судках, а домой забирали «призы» — то вяленую ростовскую рыбку — чебака да воблу в сетках, то янтарные душанбинские дыньки-торпеды в заплочных сумках, то эмалированные («обливные»), по-местному) ведра с жемчужными

ягодами-жерделями, то ли купленными, то ли полученными в дар заботливыми главами семейств от проводников проходящих поездов — астраханского, ашхабадского, таджикского, ростовского, — приторговывающими на станциях своим товаром.

Свистели вполголоса, стараясь не перепугать девчонок, снующие на путях маневровые локомотивы; одобительно улыбались обеим «красным шапочкам» обычно такие суровые дяди-машинисты. И пахли дальними путешествиями, дивными странами, загадочными встречами-узнаваниями раскаленные от зноя рельсы, уходящие туда-туда, далеко за горизонт, откуда уже не увидишь даже в самый сильный, многократно увеличивающий бинокль их узловую станцию, перемигивания светофоров, полосатые слагбаумы. Но как приятно было слышать потом, по возвращении, от мам и бабушек, какие они хорошие девочки-помощницы в своих семьях, а вечером ощущать ласковое поглаживание по волосам признательных родителей. Год за годом подросли помощницы, стали стесняться былых походов. Благо, и нужда в домашних обедах к тому времени у отцов отпала: учитьвая необходимость в людях отмирающей, стариковской профессии, которой категорически не хотела заниматься молодежь, в деповской столовой стали кормить «башмарей» бесплатно. А как же рыбка, мандарины да жердели? Господи! Да не надо теперь никаких проходящих поездов с торгующими в них проводницами: все, что хочешь, есть на прилавках магазинов, пожалуйста, плати денежки да забирай...

И вот они, Витя да Ира, стоят нос к носу, по-воробыиному нахохлившись, и объясняются на повышенных тонах, постоянно перебивая друг друга, Танины школьные знакомые, Ира и Витя...

Ковыряя носком обуви серый песок, Витька первым сдался, умолк, словно судом приговоренный. И, не зная, как прекратить пустой разговор, как уйти от него и как бы еще избочениться, выставлял то левое плечо вперед, то правое, одними только жестами пытаясь отстранить от себя подальше Иркины пулеметные очереди. А та ни слов, ни тембра голоса не жалела, сочетая выразительные телодвижения с набором октав настолько высоких, что даже птицы на проводах перестали щебетать, прислушиваясь — нет, не к спору — скорее уже к перебранке, с виду таких милых школьников.

— Так что, кавалер мой дорогой, добегался? — сама, наверное, того не замечая, теснила Витьку с тротуара подальше и еще подальше от пешеходной тропы раздумывавшая обвинительница. — Раскатал губенки, захотел сразу двух птичек в один силок поймать? Ну, и как? Меня не удалось склеить, так ты ее ухватил, донжуан с улицы Широкой... Ха! А мне твоя Жанночка в тот же вечер все рассказала, понял? Позвонила и расписала во всех подробностях, куда ты ее водил, что говорил и куда ручоночки свои совал. Как? Не стыдно? — набухшими от слез глазами сверлила Витькино подлобье Иринка.

Она немного помолчала в надежде, наверное, услышать от нахмуренного зажурившегося волейболиста хоть какие-нибудь слова объяснения, оправдания, извинения. Пусть даже глухое мычание, невнятные междометия, что-то путаное, нелогичное, шитое белыми нитками, лишь бы остужавшее ее наступательный пыл. Но изобретательный, как Фарадей, на волейбольной площадке, Витька здесь, под арочным сводом, как под турецким небом, враз ставшим ему чужим, молчал, аки наг, аки благ. Да и что было говорить, если болтушка Жанка все уже растрепала, доложила? Рассказывать, как его на той проклятой дискотеке от стакана вонючего вер-

мута на подвиги повело? Кому теперь это нужно, когда финиш отношений ясен... Скорей бы уж только заканчивался этот тягостный допрос. Невыносимо смотреть, как кривятся, подрагивают губы Иринки, как с нервной дрожью пляшут по сумке с учебниками ее длинные музыкальные пальцы, слышать, как срывается и так предельно натянутый голос.

Не дождавшись ни слова оправдания, ни слова объяснения в ответ, Ирина, теперь уже сама став к Витьке вполоборота, скорее для себя, вслух, чем предназначенная сказанное ушедшему в полную «несознанку» юноше, только и смогла прошептать: «Как я тебе верила! Дура!» И, уже уходя, все с той же приглушенностью, добавила: «Письма мои все верни сегодня же! И знай, отольются кошке мышкины слезки...».

Дождь, выдав на прощанье громовыми кастаньетами и железными пальцами струй чудовищной силы брейк по крышам панельных зданий-блинецов и помидорного цвета стенам кирпичных домов, вдруг внезапно прекратился. И тут же выкатилось из-за седых косматых туч вишневое солнце, беспечно улыбаясь, хитро жмурясь, лицемерно распахивая объятия во всю ширь, чтобы тут же вновь обдать землю знойным опахалом. И помчалось шаг в шаг сопровождать понуро шаркающего по тротуару высоченного парня-волейболиста, теплом своим пытаясь утешить его, убедить в том, что, мол, всякое в жизни бывает. Погляди, дружок, повнимательнее вокруг, вот даже и на мне — господствующей силе — есть пятна. Так что не кручинься особото, молодой человек, не грусти, скоро выйдешь из темной полосы...

Подбежала тем временем, быстро-быстро почмокала в обе щечки свою Танюшку загруженная микстурами мамуля. Не преминув, как когда-то маленькой детсадовке, напомнить о внимательном переходе через дорогу перед школой. Ах, мамчик! Хорошо, хоть ты не видела того, что пришлось насмотреться здесь минутами раньше дочке. И заспешила Лидия Борисовна домой, где при муже и двух дочерях не заскучаешь без работы, дел хватает.

А у Тани каждый ее неспешный и поспешный шаг невольно, без всякого понуждения рифмовался с только что сейчас увиденным. С тем пульсирующим ритмом, который вдруг принялся мелодично выстукивать в голове невесть каким путем рождавшиеся слова. Те, которые потом останутся лишь занести в тетрадку.

До тебя уходили многие,
Да и после тебя уйдут;
Поменяют свои дороги,
Поменяют вдруг свой маршрут.
И на зыбком песке ничего,
След-потеря за столько лет.
Ты однажды тоже пришел
В незнакомый чужой рассвет.
И печаль в зеркалах на меня
Поглядит. Я боюсь темноты.
Я не стану искать тебя.
Опустели мои мечты.
Я привыкла терять друзей
И при встречах глаза опускать,
И зализывать раны, как зверь.
Боль души от других скрывать.
До тебя продолжался век,
Так же тихо вертелась Земля.
Будет так еще тысячи лет,
Даже если ты бросил меня...

— Вау! Вэй! Пи-у-у-у! Г-р-р-р! — взывала, угрожая немедленной расправой, лихо летящая машина как раз на том самом проклятом перекрестке у школы, где столько раз попадали или чуть ли не попадали под колеса зазевавшиеся ученики и ученицы.

«Простите меня, дядечка, миленький, простите! Я больше не буду!» — крепко-накрепко прижатые к груди руками выражала свое раскаяние смущенная поэтесса, в который раз ставшая жертвой нахлынувшего внезапно, как майский дождь, вдохновения. Спасенья от которого не было и нет никому из пишущих на всем белом свете.

* * *

«Привет, братанчики! Не знаю, что вам там наплели ваши глупые соседи, все эти Пидкуйки — пере... (заретушировано цензурой) будто я отбываю срок за лохматое золото. Не верьте им, я вас прошу, братишки. Посылайте их в одно из пяти заповедных мест, так... На самом деле я в данный момент нахожусь с хорошей командой на шхуне «Экзотика» в районе Бермутского (пардон, мне подсказывает семьянин: БермуДского) треугольника. Это недалеко от столицы Мордовии — три лаптя по карте и все лесом, лесом. Так... Тут мы пытаемся найти хотя бы следы тараканов, муравьишек, всяких гадов и гнид, тех нор, где живут подлые человечки, заложившие меня, хорошего мальчика, несколькими плохим дядечкам в шинелях цвета маренго, которые и повязали ни за что, ни про что юного Вертера. Так... Узнайте, кореша мои дорогие, где они теперь находятся, те лилипутики из цирка шапито? Понятно, да? Приветик им при встрече от меня передайте, скажите, мол, томится уже пятый годик по вашей милости юный узник в темнице сырой и вас частенько вспоминает незлым тихим словом. А при случае сделайте нечаянно тем осведомителям в подворотне или в нашем любимом парадном оверкиль через канифас-блок. Помните, как наша Маша всегда говорила: «Я не уличная, зайдите в парадное. Гы-гы...». Кстати, как там она, Манюня, поживает, принимает гостей по-прежнему? Ну, вы у меня пацаны сообразительные, не мне вас учить. Так... Подскажу только, что обычное место отдыха лилипутиков около нашего любимого кабачка «Три поросенка», точно, у вокзала! Выступают там они по субботам.

Ну, что еще, кенты мои дражайшие, сказать вам, пока конвой дрыхнет? Лично я верю в существование у цирка лилипутиков камешков-рыжиков и цветиков-самоцветиков с брульянтиками, а поэтому и предлагаю вам экспедицию. Так. Будет жаль, если пробоина случится, и раньше вас конкуренты идею перехватят. Но ничего, если даже и так, ведь кто из нас на палубе большой не падал, не блевал и не ругался, как писал Сережка Есенин...

Братва тутошняя зовет меня капитаном. Откуда-то пошла параша, вроде я в армии какого-то капитана задвинул к ангелам... Не оспариваю. Быть по сему. А для вас я по-прежнему Konst (как меня на воле звали, если помните). По-латыни это «постоянность» или «постоянство», леший его знает. В общем, ваш Konst на шхуне почти ничего не делает... Хотя, да, мыслишки путаются, чувствую, балданул сегодня малость лишнего, я уже говорил об этом. Так, так... Чифирнул, пардон, малость лишнего, балда, наверное, плывет... Щас, братаны, прикемарю часок за лесопилкой, потом допишу...

Ну, все, очнулся. Значит, капитан ваш, конечно, командует, какие

тут предъявы? Без этого, дорогие мои юнги, никуда не денешься. Так... Как вы поняли, курс шхуны очень насыщен островами, атоллами, рифами. Мимо них мы проплываем тихусенько-притихусенько, аккуратненько-преаккуратненько, хотя на тех островах амазонок, епсель-мопсель, это просто беда! И все они, как на заказ, такие гурии-фурии, что у моего боцмана-поцмана последние волосенки на загривке дыбом встают! И не только на загривке. И не только у боцмана. Так... Но те сирены, русалки то бишь, те нахалки-махалки назло нам формами своими крутят, как цирковые хула-хупом, гы! Вовсю кружат бошки моей команде, рулят ими, как хотят. И приходится капитану ругать команду и оттаскивать от борта боцмана, когда он... это самое... передоз... А то уж через окно барака на форштевень лезет вроде как с цветочками...

Ну, это все пройдет. А так шхуна, значит, у нас быстроходная; где лежат Канарские острова с амазонками, я знаю по лоции, стараюсь проходить их в ночь глухую, когда, кроме матросиков, стоящих собачью вахту, никого нет на палубе.

Пацаны! В следующее плавание я — зуб даю! — вас беру с собой. Так... Только с одним условием: школу закончить на «ять», чтобы у каждого в табеле за год была только одна четверка — по поведению, а остальные пятерки. Мне дубы и лодыри не нужны. Так... Вот все, дорогие. С уважением, каперанг Konst».

А! Забыл, бекас! Табор мой, то бишь шхуна, после перевода на мордовский язык (гы!) значитя под новым номером и новым почтовым ящиком, адрес смотрите повнимательнее на конверте со штемпельком лиловым. Все поняли? Тогда пока, братишки! А, а, а!!! Склероз проклятый! Еще один момент. Эту маляву свою с постскриптумом я передаю вам со своим семейником, который завтра отчаливает с нашей шхуны на берег. Как земляк, он передаст все по адресу, а так бы мои путевые заметки цензура не пропустила б. Тут, на шхуне, с этим дюже строго. И количество посланий ограничено — два в месяц. Зашибись, да? Зато получать могу — сколько хочу, секете, братанчики?»

* * *

«Я привыкла терять друзей», — написано у Тани. Это в неполные ее 16? Ну и что? А сколько лет было Джульетте? Наташе Ростово́й? Наталье Гончаровой? Да столько же. У юных принцесс начинается своя взрослая жизнь. Когда придиричивый отбор друзей становится едва ли не самым главным делом. И это уже далеко не уроки химии...

* * *

В домотканом, деревянном городке,
Где гармоникой по улицам мостки,
Где мы с летчиком, сойдясь накоротке,
Пили спирт от непогоды и тоски...

Знал бы великий и незабвенный Константин Симонов в 1941-м, что десятки лет спустя некий грешный, мало кому ведомый, только-только начинающий литератор, он же строитель по первой профессии, то бишь я, проведет шесть командировочных дней в забытом Богом и ЦК профсоюза том же самом домотканом северном городке. Где до сих пор, действительно, гармоникой по улицам мостки, точнее — деревянные гати-трогу-

ары. Где, правда, нет никаких ни летчиков, ни аэродромов, ни судовых портов, а у безжизненно-вялой реки лишь галки ходят по песку, ловят клювами тоску, да и там, где стлали гать, птиц путевых не видать... В том городке нельзя — местные сразу предупредили — нести купленный хлеб в опущенной руке: здоровенный кусман от буханки тут же слету могут отхватить похожие на откормленных телят высокорослые дворняги, насколько добродушные, настолько вечно голодные... Спокойно, как священные коровы по улицам индийской столицы — города Дели, разгуливающие здесь в любое время суток, оставляя автографы у столбов и покосившихся заборов, на загаженных тропах, в чертополохе кривых-косых улочек и кривоколенных переулочков, по которым даже самые захудалые автобусы-«пазики» не ходят.

Константин Михайлович Симонов, прибывший сюда с удостоверением фронтового корреспондента в первый год войны, на далеком расстоянии от столицы заодно излечивался под неярким солнцем норда от несчастной любви к женщине-москвичке с золотой короной волос, по-королевски распускаемых ею по ночам, перед сном. И наверняка покуривая знаменитую свою трубочку-носогрейку, раздумывал, как встретит его команда подводной лодки, как отнесется к тому, что прославленному автору «Жди меня» предстоит вместе с экипажем пройти не одну сотню миль в затыжном подводном плавании, порой выходя на поражение целей. Мой дядя Андрей был тогда замполитом на той подводной лодке. В убеждениях не шаток, в словах лаконичный до крайности, дядька оценку побывавшему на Северном флоте в его распоряжении военному корреспонденту «Красной звезды» дал краткую: «Хорошо себя показал». И все. Понимай, как хочешь.

Мне пришлось с командировочным удостоверением инженера производственно-технического отдела не крупного, но и не мелкого строительного треста выбивать в том же городке отправку шести сборных щитовых домов. Которые изготавливали только в нем, «домотканом», заключенные здешних колоний. Без железнодорожных квитанций об отправке той проклятой полудюжины избушек я мог домой не возвращаться. Нет, мог. Но при возвращении налегке, без документов со штампами МПС и указанием номеров платформ, я должен был сразу по прибытии писать заявление об увольнении по собственному желанию и чесать в гнусный отдел кадров за трудовой книжкой. Такое нерадостное будущее предрек мне, напутствуя в далекую поездку, лично управляющий трестом — медведеподобный Герой Социалистического Труда Петр Савельевич Гришин. Злые языки поговаривали — родственник самого первого московского секретаря В.В. Гришина, который очень много лет правил Белокаменной. Вроде бы альтруист и бесребреник, хотя и хам законченный, от жуткого ора которого, судя по запоздалым мемуарам очевидцев, иные чиновники лужи прямо в его кабинете напускали. В.В. в меру щедрот своих вроде бы подарил любимому племяншу Пете нехилую квартиру с видом на рубиновые звезды Кремля. Не знаю, не ручаюсь, сам в столичном доме управляющего ни разу не гостил. А вот то, что полуторачентнеровый Петр Савельевич после получения им геройской звездочки пил на званом ужине вместе со своим школьным другом и моим соседом по квартире Алексеем Васильевичем Пидкуйко водяру не рюмочками и стаканами, не фужерами даже, а из пивной кружки, наполненной всклень, по ободок, видел самолично. И закусывал шеф ту махом опрокинутую в бездонное чрево спиртосодержащую жидкость не мясом, не салом и не копченой рыбкой,

а огромными ломтями сахарного арбуза, каждый величиной, если бы вы видели, чуть ли не с метеорологической зонд. Ягоды эти (да-да, по ботаническому статусу, арбуз есть ягода!) специально доставили тогда к банкетному столу ребята из мехколонны, строящей трубопровод от Астрахани к Каспию, в направлении на Баку. Ой... или наоборот?.. Да, скорее всего, так, по второму варианту. Конечно — от каспийских месторождений нефти в направлении бесконечных бахчей-баштанов астраханских степей. Но не иначе. Вот ведь, чуть не обмишурился. Виноват!

Поселковая изба, которую только с большой долей преувеличения можно было назвать гостиницей в силу отсутствия в ней малейших удобств, но зато «наличия присутствия» целой армады пучеглазых рыжих тараканов-прусаков (потомков, пожалуй, первых усатых пращуров из постельного белья непобедимой прусской армии), вмещала в казарменных помещениях не менее полутора десятков таких же бедолаг-командированных. Разновозрастных людей чисто мужеского полу, прибывших сюда со всего Союза выбивать заказы, но затянувших с исполнением в лучшем случае на полгода, в худшем — на год. Именно наши, трестовские, заказы, например, пережили смену уже троих начальников отделов снабжения, умиравших, не к ночи будь сказано, всех, как на подбор, от водки, но не от простуд. Мой грозный босс Петр Савельевич, поклявшийся в Москве министру нефтяной и газовой промышленности (в войну — командиру стрелковой дивизии) ровно за месяц расселить в домиках на новой северной трассе шесть семей иностранных специалистов-радиографов и катодников, без которых трубе — труба, как всегда на особо ответственных совещаниях, в экстремальных случаях не орал, напротив, переходил на зловещий шепот с немигающим взглядом. Но это было форменное поедание жертвы глазами питона, что куда страшнее любого разноса с матерными словами.

В тот раз лютый взор управляющего уперся на планерке в меня. Формально это было вполне по существу, по долгу службы, подспудно — вымещая зло за недавнюю критику Его величества на открытом партийном собрании треста, где черт меня дернул полезть на трибуну... Петр Савельевич не промахнулся в выборе цели: знал, мин херц, я или загоню себя, дохну или останусь живым, но в любом случае поручение его выполню.

Ожидая тогда в «домотканом» приеме у царя-батюшки, всесильного директора лесокомбината, запись к которому вела его жена, лихо постреливающая карими глазками на каждого входящего в приемную милордидная евреечка Лина Иосифовна — эйх ляну эрэц ах! — поневоле довелось изучить до родинки всю прелесть ее нечаянно приоткрытых бедер. И слева. И справа. Чтобы потом, в ожидании обещанного звонка «на вызов», бесцельно валяться на гостиничной койке, представляя себе нашу с ней, кгм... невинную встречу и нежную прогулку по смешанному песочку, где на каждом шагу с белокорых берез неслышен, невесом спадает желтый лист. А пока — до заветной прогулки — играть с соседями по «палате» в подкидного дурака или в домино. И с утра до вечера слушать нескончаемые рассказы этих ушлых мужиков о порядках, бытующих в местах, не столь отдаленных. Где они, как вольнонаемные, работали по десятку и более лет строителями, механиками, снабженцами...

Омский балагур Олег, заведующий мастерскими в какой-то колонии, близоруко щурясь на стопарик с водкой, прежде чем принять ее в заросшее курчавой бородкой розовое губное отверстие, недовольно вспоминал вечно гуртующихся вокруг пахана эков на дворе у барака. «Ди грайе ист

цу энде!» (художник Саврасов, «Грачи прилетели»). Вечно эти «грачи», стоя вплотную или сидя на корточках, покуривая, поплеывая, гутарят в своем кругу только об одном — грядущей амнистии. Десять лет будут сидеть и все эти десять лет не устанут талдычить об одном и том же. До самого освобождения по истечении срока, но никак не по монаршему соизволению.

— Ну, и це? А це ты от них хочешь? Цебя бы в барак упец на цервонцик, ты бы це запел? — с неподражаемой то ли вологодской, то ли архангелогородской прицокивающей скороговоркой перебивал Олега старожил лагерей Пашка, просивший называть его именно так, без фамильярностей в виде чинов, званий и полных «имен-отцеств». Пашка и все. Пашка Скопцев. Остроскулый, бритый наголо, худой, как скелет, остяк. Между прочим, трижды награжденный за какие-то подвиги в Афганистане неслабыми наградами, да и по должности не хухры-мухры: заместитель начальника Почтового Ящика по режиму... Сладострастник Пашка! Кроме как об «овечках» и «телках» из вверенного ему женского поселения, он ни о чем другом не говорил. Овецки и телочки. Все! Рассказываю своими о бесчисленных связях с подневольными женщинами Пашка вызывал очень нездоровый интерес у Олега, с потайным, видимо, удовольствием отмечая при этом изменения — от румянца, пурпура до посинения, происходившие в лице молодого человека. И тогда с новой творческой силой и новыми срамными подробностями повествовал престарелый школьник Пашка годящемуся ему в сыновья Олегу пикантные детали шуры-мурных своих приключений.

— Подходит ко мне утром овечка, — шумно втягивая соплю в нос, закатывал глаза к потолку Пашка, — а я сразу, по глазам визу, цо просить будет: дай, мол, нацальник, поспать лишних пару цасиков под кусточком, потом и сам приходи. Цо мне, залко, сто ли, иди... Поспала? А я вот он, нарисовался, сымай станы, а то пойдес копать трансею...

Брешет или правду говорит Пашка да и весь иной волею судьбы собранный под одной крышей несуразной поселковой избы разночинный люд — без грамотных экспертов не разберешь. Но эксперт тут один — водочка. На завтрак она у прокуренных, пропитых, кажется, навсегда позабывших о своих семьях, женах и детях мужиков-снабженцев идет вприкуску к яичнице или спутницей к пустой каше «Геркулес», на обед — к пшениному столовскому супчику без единой ниточки мяса в порции, ну, а уж на ужин — сам Бог велел — под консервы-сайру или привезенную с собой тушеночку. О водке, как завсегдатаи ипподромов о лошадях, а цветоводы — о розах, о водке-белоголовке, «гжелке», «парламенте», о самогонке, денатурате, медицинском спирте-ректификате и неочищенном техническом спирте, о боярышнике на спирту и других заменителях магазинной водки разноплеменной прикомандированный народ с глубоким знанием дела с утра до вечера плетет насколько пустые, глупые, никчемные, настолько нескончаемые разговоры — кто, с кем, когда, где и сколько выпил, как выжил он сам или его напарник после дикого промилле алкоголя в крови, а кто и не выжил, кто оглох, кто ослеп, кто получил травму на производстве, а кто и вообще пал смертью храбрых в неравной схватке со злодейкой с наклейкой.

Но кто бы что ни делал, кто бы о чем ни говорил — подспудно думка в подкорке сидит у всех одна, как примет их завтра-послезавтра в своей резиденции грозный царь-лесопромышленник Аркадий Михайлович Лизогуб. Таковую необычную и странноватую малость фамилию носит ди-

ректор комбината (хотя бывают фамилии еще веселее; со мной, прекрасно помню, учились в сумском строительном техникуме Катя Скакодуб и Боря Слива, Коля Шило и Светлана Нога, а позднее встретившимся на жизненном пути двум замечательным врачам, видать, по воле Божьей, были даны еще более удивительные наречения: Волкорезов — хирургу изумительному и Возлюбленный — онкологу...). Да. Так в каком же настроении пребудет завтра царь-государь? С благодарностью или равнодушием примет он подношения посланцев из Вологды, Омска, Саратова, Тулы этот вечно хмурый Иван Грозный? Не покажется ли ему дар малым, зряшным, не достойным высокого вкуса не столько его самого, сколько пресветлейшей княгини Лины Иосифовны, дамочки, как вполголоса поговаривают старожилы, шалой, бесшабашной, избалованной поддельным и неподдельным мужским вниманием всяк сюда приезжающего...

Если угодишь подарком и в масть сказанным лестным словом — Лизогуб, пусть и деланно хмурясь, тиснет на своем необъятном столе кнопку потайного звонка — и беги тогда, счастливчик, во всю прыть в отдел сбыта, немедля оформляй документы на отправку вагонов леса или платформ со сборными щитовыми домиками. Правда, счастливчик! Видишь, мил был, угодил. А ласковое телятко всегда двух маток сосет.

Если же ты попытался с порога качать права, кричать петушиным фальцетом, почему, мол, да отчего, да по какому случаю происходит задержка заказа на целый год — вот же у нас с вами еще когда был заключен договор, а вот, смотрите, мы потом подписали с вами дополнительное соглашение, а вот — я привез копии — еще вам было два письма от нашего председателя исполкома... Лизогуб упрется тяжелым, как у йоркширского быка взглядом, в полированную крышку сделанного ему по особому заказу рабочего стола. Сожмет недовольно тонкие губы в линеечку. И, не поднимая головы, глухо пророкочет из-под густых усов: «Отдебитовываем мы сегодня же ваше авизо на третий квартал. Ждите». И все! Разговор окончен.

Что такое «отдебитовываем», как понимать это странное слово «авизо», хорошо это или плохо — перенос срока на третий квартал, когда сейчас заканчивается только первый, обо всех этих бюрократических премудростях никогда не узнать привыкшему к болтам, солярке и гайкам, но не к финансовой терминологии работяге-механику, присланному сюда в «домотканый, деревянный» толкать заказ. Хоть смейся, хоть плачь, хоть вой, хоть ты расшибись в доску, а прием на сегодня да и навсегда для тебя закончен, пропадай моя черешня, с ней четыре колеса. Аркадий Михайлович дважды свое решение не повторяет. Если ты совсем тупой и будешь в сотый раз повторять одно и то же, он лишь буркнет: «Я сожалею». И разведет в сторонку короткопалые свои ручки, обтянутые тонкорунным английским джемпером модного оранжевого окраса. И тут же вырастает на пороге два мордатых охранника. Прощевай, значит, окончательно, голубь сизый. Ну, можешь еще перед отъездом в бухгалтерию леспромхоза наведаться, поспрашивать насчет «авизо». И гуд бай! Обладательница фиалкового цвета глаз с миндалевидным смуглым личиком, улыбка голубка Линочка — солнышко ясное, куколка золотая, миде кец — миде путер, миде шмелц — миде цутер, утешение на старости лет верного котика Аркашеньки — приглашает на randevu с муженьком-директором уже другого клиента. Хотя, стоп! Шеф вызывает ее саму! Зайди ко мне, Линчик, зайди, котик, карамелечка моя сладенькая, дай я тебя поцуююкаю, поюзуююкаю малость, обождут эти гонцы, давай-ка, кофейку

попьем со сливками, с мармеладочками... Ах ты, майн кацхен, как я устал!..

Лишь один раз, говорят все те же аборигены здешних мест, ветераны снабженческого движения, единожды за всю многолетнюю карьеру дрогнул тореро этот, Лизогуб. Когда пришвартованный сюда на неделю бывший штурман-военмор из Краснодарского края, а на «гражданке» снабженец, насмотревшись на местные нравы и взбешенный поведением Аркадия Михайловича, чуть ли не устроил над директором самосуд. Минут двадцать гонялся за ним по кабинету, вознеся над головой выдернутое из-под раздавшейся от пережора двудомной тыквы Лизогуба кожаное кресло. И обещая визжащему в страхе хозяину снести ему череп за все те выходки, которые устраивает тут зарвавшийся чинодрал. Лина Иосифовна, полумертвая от ужаса, еле дозвалась отлучившуюся, как назло, охрану. И неделю потом приходила в себя в неврологическом отделении больнички, с содроганием вспоминая схватку на ринге, где мелькало оскаленное в ярости лицо одного и синюшное, залитое страхом свиное рыло другого, отдаленно напомилавшее сытую физиономию мужа.

Удача — дама капризная, но и не такая уж неверная. Если сильно-пресильно что-то захочешь — сбудется! Чем-то я сумел прийти по душе Лизогубу с первого же захода. Набело. Чем? Ну, не комплиментами же в адрес его шикарного административного особняка. Лести он и до меня вдосталь наслушался, хвалебными побасенками до отвала накушался. И, наверное, не только фирменной подарочной коробкой с тремя полными комплектами поршневых колец и вкладышами — заветным тогда дефицитом для обладателей всех автомобильчиков первых серий «Лады» — тронул я его заскорузлую душу... «Хмуриться не надо, Лада...». Ага! Вот в чем отгадка! Это его Лада — августейшая и всемилостивейшая Лина Иосифовна — благосклонно приняв от меня презент в виде недоступного тогда простому человеку набора экзотических джемов и варенья в полимерной пленке японского производства, сама проводила меня в чертоги монарха. Сделав за моей спиной, я почувствовал это периферийным зрением, условный знак благоверному, заставив его даже привстать с широченной тыквы — о, боги! И первым протянуть мне, на удивление, мускулистую ладошку. (Полный абзац!). Его величество даже соизволило благосклонно поинтересоваться, как там обстоят дела с урожаем у нас в черноземной губернии. Ерунда, что при этом спутал ее название с расположенной прямо противоположно вотчиной, отстоящей от границ нашего урочища верст этак на триста. Или даже на пятьсот. Точно не знаю.

Зато было абсолютно точным, а не кажущимся ином: продолжительный звонок Лизогуба в отдел сбыта с начальственным рокотом по внутренней связи насчет ускоренной отправки «моему другу» — слышал бы управляющий трестом эти слова! — «шесть коробочек». И почтительные проходы меня до самой двери, где, вывалившись в тамбур, я чуть ли не гландами глотал застоявшийся воздух душной приемной. Прощальный взгляд Лины Иосифовны, почему-то особенно задержавшийся на центральной части моего тела, так сказать, на гультфике (позже-то я, сильный задним умом, понял, что к чему...). Ее более чем для вежливости высказанное сожаление в связи с моим экстренным отъездом. И приглашение в следующий раз приехать погостить (именно «погостить») в краю белых ночей подольше... Мое лживое обещание о непременно повторном посещении этого удивительно красивого северного края! Мое наглое заверение о том, что как только сладкие консервы в полимерной упаковочке,

которые поставляются в Кремль (как я не покраснел?), будут ею, так сказать, исчерпаны — тут же последует их возобновление посылкой ли, бандеролью (хотя, откуда мне было знать, когда джемы да варенья Лизогубами «исчерпаются»)… И — адью, чао, прощай, адская контора, будьте вы неладны, истлевшие заборы, накренившиеся столбы, выбитые тротуары, вечно голодные собаки, скособоленные чукотские или какие там юрты-яранги, стойбище-гостиница в центре поселения, где все еще пребывали в летаргическом сне после вчерашнего обильного возлияния омичи, архангелогородцы, пензяки и тамбовчане — поклонники Бахуса в неразведенном виде…

С необъятным казенным портфелем, выданным мне в командировку (на счастье!) бессмертным главбухом треста — бывшим чапаевцем Модестом Мефодьевичем Манеркиным, в подпитии уверявшим всех, что к нему на позиции приезжал сам Председатель Реввоенсовета Лев Троцкий, я шествовал по Привокзальной площади, кум королю и сват министру! А как по-другому, если в портфеле шуршат транспортные накладные, дорожные ведомости и копии квитанций о том, что мой груз отправляется, согласно выданной доверенности, в заданном направлении. И внутренний карман моего пиджака согревают сэкономленные три купюры, равные моей месячной зарплате. Не отданная Лизогубу взятка! Она мне самому не будет лишней при двух малых детях и часто болеющей жене. Манеркин поймет, отчет не потребует. А управляющий трестом настолько обрадуется спасению своего реноме перед министром, что о такой ерунде, как те три кгм-мг… и думать не станет… Спишется! Не впервой.

И вдруг, разом позабыв об одержанной победе, распиравшей молодецкую мою душу, я застыл на месте, увидев, как из распахнутых мрачных ворот колонии строем по четыре выходили на работу молчаливые люди в одинаковой черной форме, с белыми нашивками номеров на спецовках. Все в тяжелых башмаках, одинаковых кепи… Заключение. Ни страха я не испытал, ни дрожи, поневоле оказавшись в центре их круга. Если и был, спрашивал я потом себя, некий интерес, то — что они скажут обо мне, как отзовутся о белой вороне, вольняшке, залетевшей в их аспидный мир. Колонна эков мерно шаркала по деревянному настилу грубыми подошвами бахил. Не подавал им команду свернуть в сторону, обходя гражданского человека, старший отряда — вохровец в офицерской шинели с навешенным на плечо автоматом АК-47, хорошо знакомым мне по армейской службе. А тем временем оторвавшийся от общего отряда некий вьюнок-паренек подбежал к проходившей мимо конной повозке, где на ржаной соломе виднелись пустые, с откинутыми крышками, молочные фляги, между которыми уместилась ядреная возница-девка, смело выставившая, будто специально на погляд, округлости наливных колен. Ихто с неудержимой страстью и тискал, мял, гладил тот, видать, до смерти истосковавшийся по женской ласке парень, напрочь позабывший на счастливые три минуты о конвое, бараке, строе… Хоть стреляй в него, хоть за шиворот оттаскивай!

Но, что удивительно (а может, и не удивительно, а одобрительно!), не отталкивала его настойчивые руки, хотя и не приближала их к себе, с понимающей улыбкой и жалостью глядящая на его старания возница, сельская доярка ли, учетчица ли на ферме, неважно, просто — женщина. Колонна в черном похмыкивала, погикивала, выкрикивала одобрительные реплики в адрес самовольщика. И без надрыва в голосе, без истерики велел ему немедленно занять место в строю старший лейтенант с

автоматом на плече. Конь уводил повозку с молодой женщиной — немного смущенной, робко смеющейся, в одну сторону, колонна — правое плечо вперед! — поворачивала в другом направлении, к строящемуся мосту-путепроводу.

— Ты гля, какой шикарный сармак, — кивая на мой троцкистско-чапаевский портфель, повел глазами кто-то из одинаково экипированных.

— А шкары?! — высоко оценил мои надраенные черные башмаки другой.

С тем и проследовали бы они дальше, искоса ухмыляясь, не задевая меня ни словом, ни взором, если бы не короткий, как выстрел, вопрос того самого сексуально озабоченного «вьюнка», который оказался совсем рядом со мной: «Эй, кент, откедова будешь?» Я назвался.

— Сдохнуть, земля! Ну, фартит... Слышь, зема, позвони там Юрке Мандибуре, передай от Конста привет, он знает. Скажи, мол, скоро валит Конст в Мордовию, слышь?

Знал бы я тогда, кем они окажутся, эти «земы» из блатного мира, носители скотских кличек. Но, как оказалось, это все же были их настоящие имена и фамилии. Только выяснилось это значительно позже. На суде.

* * *

Танины стихи. Ученический почерк в школьной тетрадке. Буквы с легким наклоном, упрямо пробивающие себе дорогу на листочках...

Мне для счастья немного надо.
Раз немного, так что же, скажи.
Увидать прелесть всю листопада
И вернуть след прошедшей весны.
Вместе с птицами в небо синее
Я хочу взлететь высоко.
Мне для счастья немного надо.
Солнце, речка, лес и тепло,
Край родной, домик свой в деревушке,
Разве это так много, скажи,
Увидать, как с зарей на опушке
Начинают петь соловьи.
Как встают, просыпаются люди,
Кто-то песню с грустинкой поет...
Разве это так много для счастья,
Что ж оно ко мне не идет?

Слегка покалывало, малость холодило и проскальзывало уже тогда в ее строках чуть горьковатое, неясное еще предчувствие несчастья, поэтическим наитием своим ощущала она смутный пока оскал беды. И совсем по-детски выставляла перед ней руки, отстранялась от нее, как это делает ребенок, наивно полагая, что уж за его-то растопыренные пальчики лихо не проскочит, не просочится, не пройдет. Негромок был Танин голос, с искренним вопросом — восклицанием — вскриком о ее праве на маленькое человеческое счастье — «солнце, речка, лес и тепло»... Речка... Ах, Таня... «Разве это так много, скажи...» Но, погоди, погоди. Может быть, все еще обойдется, образуется, угроза окажется ложной, да и вообще все плохое уже к утру улетучится, развеется, растает, как химера, как мираж, как плод болезненной мнительности? И не надо нагнетать стра-

хи, приплетать мистику, выдавая неясные контуры непонятных примет за зловещие реалии. Мало ли какие тучи хмурятся, набегая средь бела дня на небо синее? А потом, глядишь, дунул легкий ветерок, они тут же подхватились, взялись за ручки, да и рассосались, рассеялись. Какой там у барда рецепт от грусти: «...Нам надо песню запеть, нам нужно меньше грустить». Одним словом, отвлекаться надо.

На счастье, и благой повод подвернулся: недельная экскурсия школьников-выпускников в город над вольной рекой — Санкт-Петербург. Сказка!

* * *

Танины шестнадцать девчоночьих лет — мои шестнадцать мальчишеских лет... Я попытался сравнить и сопоставить, чем мы с ней в том возрасте жили, несмотря на разные ветры эпохи, дувшие в наши паруса. А 16 лет бывает всем — мальчишкам и девчушкам, русским и эстонцам, татарам и японцам, египетским бедуинам, развлекающим прогулками на верблюдах доверчивых туристов, и шведским принцессам, озаряющим лучезарной улыбкой своей строгие своды официальных хором, где происходит вручение Нобелевских премий... Да что там говорить! 16 лет и счастье от полноты жизни — настоящие близнецы-братья!

Слава Богу, сохранился у меня юношеский дневник именно той поры. И ничего не надо придумывать, ничего не надо выдумывать за себя, якобы шестнадцатилетнего, когда тебе сегодня в четыре раза больше. А можно просто взять в руки, как обычный документ из архива, и развернуть страницы пухлой тетради с пометками 1961 года. Только пусть ровно так, как в медленном вальсе или танго, неспешно крутится диск виниловой пластинки Апрелевского завода, установленный на никелированный рычажок незабвенной радиолы «Латвия». Шикарной по тем временам аппаратуры, купленной на первую мою самостоятельную зарплату рядового строителя, плотника-бетонщика... Пусть долго-долго поет «Это было недавно, это было давно», словно угадавший сейчас мое настроение, басовитый сосед Алексей Васильевич Пидкуйко, что-то там такое ремонтирующий у себя на лоджии. И пусть бы замолчала хоть на полчаса визгливая красавица Нелли, не прекращающая запугиваниями и страхами воспитывать несчастного своего мальчишку... Сколько можно?

Из дневника-тетради на 75 страниц, озаглавленной для конспирации, то есть для защиты от досужих глаз родительницы и брата «Конспект по электротехнике учащегося 3-го курса 74-й группы», вначале выпал листочек «Газеты по-одесски» с анекдотом той еще, времен Хрущева, выпечки.

— Еду вчера в трамвае, сидит барышня, ноги от ушей, красавица. Я ей и подмигнул.

— А она?

— Встала и уступила мне место...

Потом показала красным шрифтом набранная крохотная листовка «Клятва молодежи», принятая не понять в честь какого события, но в Москве, на Красной площади, именно в те, 1960-е, годы космического столетия.

«Партия дала нам вечный огонь-ленинизм. С партией ЛЕНИНА наш народ сорвал оковы рабства, с партией ЛЕНИНА он построил новый мир — Союз Советских Социалистических Республик.

Рабочей правдой, не сломленной кандалами и каторгой, свободой, восставшей на баррикадах, кровью, пролитой комиссарами, клянемся, что вечно будет жить в наших сердцах огонь ленинизма, огонь борьбы, огонь революции!

КЛЯНЕМСЯ!

Мужеством первых палаток, трудовой гордостью, комсомольской честью клянемся отдать свои силы во славу и могущество нашей Отчизны!

КЛЯНЕМСЯ!

Молодостью своей клянемся тебе, товарищ партия, быть верными делу коммунистов! Наше поколение никогда не свернет с ленинского пути! Каждым ударом сердца, каждым прожитым днем, всей жизнью своей клянемся утверждать на земле коммунизм!

КЛЯНЕМСЯ!

...А вот и они, вполне разборчивые строки, писанные синими чернилами для авторучки. Это стихи 16-летнего мальчишки, малость уса-того, обильно прыщеватого, поддерживающего по рекомендации друга Леньки прическу-кок на голове желеобразным бриолином. И постоянно испытывающего в свои годы такое томление духа и страсти в каждой части тела, что и врагу не пожелаешь. Хотя, нет, врагу как раз можно... Да! И еще, не знаю, с какой стати, но в стихах каждый куплет пронумерован.

Л.Ш.

1. Свет очей твоих прекрасных
Освещает путь во мгле,
Потеряв тебя, о, счастье,
Лучшей не найду нигде!
2. Целовать тебя хочу я,
Обнимать тебя хочу,
И, прощаясь у калитки,
Руку жать горячую.
3. Если б только было можно,
Я б тебя не отпускал,
Не сводил бы глаз с тебя я,
Гладил руку и... молчал.

9.IV-61. Вчера в техникуме был смотр художественной самодеятельности всех групп. Наш номер, судя по смеху, аплодисментам и одобрительным взглядам жюри, прошел хорошо. Домой шел со Светой, Любой Ш. и Людой. У Любы все спали, она грюкала, грюкала, потом я перелез через забор и постучал в окно, вышел ее батя и впустил, даже чмокнуть не успел мою гимнастку... Сегодня надо зубрить сопромат, может, успею начертить и тосканский ордер... О Любе думаю постоянно, какая же она была красавица в той юбке-колоколе! Ну, сам смак. И чего я облажался под лестницей ее поцеловать, ждала же, глаз не сводила. Нюня! Лопух! Тютя...

10.IV. Теперь начинает мучить математика. Наверное, Игорю Николаевичу нос мой не нравится? Или фамилия? Сейчас бегу в общагу, доде-львать сопромат. Ах, Люба, Люба, что же ты делала мне вчера пальчи-ками за своей спиной фигуры речи, а сама прижималась к футболисту этому, макаке...

13.IV. Ура! Ура! Ура! Запустили человека в космос — это майор

(27 лет) Юрий Алексеевич Гагарин. Радио торочит об этом уже второй день (его запустили вчера). Это событие как-то не укладывается в мозг...

Кончил я, наконец, сопромат. Теперь по математике надо выучить черт-те сколько. Сейчас буду зубрить, а то хана степухе, Игорь Николаевич не пощадит. Люба откуда-то узнала о моей «параше», сощурила в буфете глазки, вроде бы ненароком поинтересовалась: «Как ты у Игорька, прогнулся?» Сквозь землю бы провалиться!.. Помычал и чухнул от нее под звонок. Скорее бы уже экзамен, чтоб сдать и не мучиться.

ПЕРВОМУ В МИРЕ КОСМОНАВТУ Ю.А. ГАГАРИНУ
ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ СТИХ.

1. Запустили Человека!
Это ж замечательно.
Ты, Гагарин, герой века,
Фактик основательный.
2. Ты герой, тебе хвала!
Да! Хвала и слава,
Проявил ты героизм,
Мужество, отвагу.
3. И, конечно, навсегда
В памяти останутся
Скупые, храбрые слова:
«Я с заданьем справился!»
4. Тебе при жизни памятник воздвигнуть надо,
Ты заслужил его, как заслужил почет,
И к монументу твоему вовеки
Народная тропа не зарастет!

Прочитал я свой стих вслух маман, она в восторге. Побежала хвастаться к своей подруге, тете Фире, большому человеку — театральному кассиру. Батя ее видеть не может, зовет «Уйсфорф Фира — юность мира!». В субботу фатер был поддатый после бани, высказывал упреки маман, а я ладил на крыльце велосипед, все слышал: «Как ты можешь дружить с этой Фирой, ее ж весь театр использовал?..» Интересно, как это?

3.V. Записываю дневник под аккомпанемент фатера. Он опять пришел бухой, ну и начался концерт. Как всегда. Маман бегала за ним вокруг печки с поленом, папа удирал от нее с песней «Черное море мое». Двенадцатый час ночи. Дела у меня учебные путаные. То заблещут, то потускнеют. Черчение, задания, а самое страшное — математика. Первую задачу на экзамене решил, вторую наполовину, на третьей погорел. Теперь пересдавать. По сочинению «пять», по устному русскому «четыре», но техникум-то мой строительный, кому нужны мои сочинения? Игорь Николаевич и так всю дорогу шпынует: «Тебе надо было поступать в какой-нибудь библиотечный...». У Любы завтра выпускной, пригласила сквозь зубы. Понятно почему: макака от нее не отстает. Мне вообще кажется, что она уже не ц...

16.10. Позавчера приехала тетька Марина из Лиепаи, мамина сестра, куртку мне кожаную в подарок привезла. Отпад!!! Назначили мне степуху! Вот сколько событий. Маман купила материю на костюм, хоть на третьем курсе сошьют, сколько можно ходить в батином перелицованном пиджаке, Любка от этого наряда на вечерах всегда нос своей морщила. Нафталином, правда, подванивало... Ну, пусть теперь она макаку своего нюхает, футболиста класса «Б». Прошла утром, еле поздоровалась, как

вроде это я от нее бегаю. Да и не надо. Ходил со Светой в воскресенье в кино «Знамя кузнеца», завтра вечером пойду с ней на «Битву в пути», пусть второй раз, Ульянов играет там пречудно. Было бы только побольше денег! А нам до сих пор за колхоз не заплатили, месяц пахали там на кукурузе. Не могу туфли черные купить, надо семь рублей на все...

1.1.62. «Год нынешний и год минувший». Все-таки это был отличный год. Пофилософствую о нем с точки зрения государственной и личной.

Запущено два человека в космос, 22-й съезд партии, 4-й конгресс профсоюзов и прочая, и прочая, и прочая. Мы получили квартиру, мне исполнилось 16 лет, меня приняли в комсомол, я получаю стипендию, женился брат, на областном концерте мне и Сашке Стребежу дали призы за лучший конферанс. Все придумали с ним сами — и стихи, и песни!

Да, этот год был замечательным. Случались, конечно, и неудачи, и огорчения, но когда этого не бывает? Если бы и Новый год был такой же! На Новый год отгуляли путем, танцевали дома у Светы — моей одноклассницы, только из текстильного техникума. Батя у нее — отличный мужик, бригадир электриков на суконной фабрике, выпили с ним вина. Даже пели! Матушка строгая, бухгалтер: «Я Светочке запретила ближе чем на полтора метра к мальчишкам подходить, но вы, я смотрю, настойчивый кавалер...». Не! Ну, а танцевать как же? Я и притиснулся к Светке, когда сама на дамский танец пригласила, и чуть не это... Она почувствовала, конечно. Заулыбалась хитренько так, глядя в сторонку, а, может, по другому поводу, не знаю... Завтра идем с ней в «Дружбу» смотреть эстонский фильм «Друг песни». Старики мои смотрели, хвалят, говорят, богатейшие песни и природа изумительная. Посмотрим!

* * *

Не только я, но и тетя Фира — вот что значит квартира коммунальная! — услышала тогда, что папа о ней сказал. Пришла к нам с шампанским на Новый год и тост произнесла, глядя на фатера в упор: «Мужик проспится — забудет все, что сказал, баба проспится — припомнит все, что о ней сказали...».

Мама все поняла, хотя и улыбалась подруге, ворковала там с ней за печкой. А только соседка ушла, кинулась к папе:

— Ну, что, доигрался?

Папа пожал плечами, причесал густые брови, хмыкнул: «Хлопоты мне великие».

Все ясно. На папином языке его реплика означала: боюсь там я эту Фиру, как белка зайца... Мне она — что шла, что ехала...

Таня обиды прощать не могла, не умела. И друзей теряла не так уж безобидно, не всепрощенчески. Хотя и пыталась пересилить себя. Иногда удавалось. Тогда и стихи рождались без ершистости. Относительно смиренные.

Смотрю на картинку старую,
Вижу на ней тебя.
Со временем все изменится,
Верю в лучшее я.
Со временем боль позабудется,
Останется все за спиной,

Со временем стерпится, слюбится,
С другим я пойду домой.
И пусть не с тобой поцелуюсь я,
Меня не осудит никто.
Со временем стерпится, слюбится,
Будет и мне хорошо...

Когда столкнулась с откровенным предательством — ни на какие компромиссы не пошла. Сожгла все мосты за собой сразу и навсегда.

Я тебя никогда не прощу
За измену, за ложь, клевету,
За слезу на моей щеке
И за лед в твоей гордой душе.
За мечту, что умрет на заре,
За печаль, что придет по весне
И поселит в сердце тоску —
Это я никогда не прощу.
Будь же проклят, гори в огне,
И встречай меня только во сне.
Вспоминай, вспоминай, вспоминай
И пойми, что есть ад и есть рай.

Может быть, позднее, готова стихи к печати, Таня решила бы что-то в них смягчить, изменить, что-то без сожаления выбросить. Может быть... Но в рукописном виде, так, как они занесены набело в ее поэтическую тетрадь, ничего нет зачеркнутого, исправленного, подчищенного. Как говорят актеры, сыграно без грима. Без дубля. Набело!

* * *

«Сегодня воскресенье, братанчики, а через неделю я буду на воле. О, Господи! Пацаны, юрла, что вы понимаете в этой жизни? Моряк вразвалочку сойдет на берег... И прощай, шхуна «Экзотика», сколько ты мне стоила за эти пять лет крови и слез. Да, я не стыжусь этих слов, пацаны, именно, слез. Понюхали бы вы с мое, пацаны, что я тут нанюхался, толчок пахнет лучше. Потому и говорю «прощай», только так и не иначе. И никаких «до свидания». А если снова, храни Господь, сюда попаду на эту шконку — лучше сразу взять гвоздь и два пальца в розетку на 380. Семейнин мой (по-вашему, по-граждански, это значит кореш, друг, в общем) освободился раньше. Без него тоска. Все, кто тут остался, такая вшивота — взял бы табуретку, так и бил бы их по тыквам всех без разбора, век свободы не видать! Сейчас еще глотну чифирка, пацаны, свежачок заварил в каптерочке, потом продолжу. А-а-а, кайф!

Матросы! Что вы мне все хвалитесь Машкой? Машка она и есть Машка, кому она отказывала? Четверо детей — и все от разных пап. Пап-пап-па-пара-па-пап-пап... А я там ни при чем, зуб даю. Хотя, не скрою, был принят в ее обществе. И не раз. Так... Но я выше того сброда блатных и нищих. Это не бахвальство, не самовозвышение, но я выше всей той мерзкой малины, а в натуре, низины с жирными грязными лапами и вонючими ногами, где профуры ходят с неумытым рылом, вонью изо рта и в рваных колготках. У меня зимой исподнего такого нет, все постирано... А те... профурсетки с покрашенными пергидролью волосами. А дальше у них что? О, Господи... Поэтому практикуйтесь, конечно, на этом памятнике Мопассану, вам зачтется. Но помышляйте о свежей овечке, которую

мы с вами обязательно поймаем и забодаем-забодаем в три рога... Яндекс будет первым, Индекс вторым, а я уж, Кодекс грешный, завершающим... Эх, прокачу! Ну, а если без булды, пацаны, то вот такой расклад.

Майне либер муттер, с тех пор, как у нее появился новый бойфренд, подогревать меня совсем перестала. Так... Поэтому сижу я в настоящее время на крохотных «бобах», наодалживался тут у всех, у кого только мог, пора отдавать — с этим у нас на шхуне строго, а шансов — ноль. Припухаю, пацаны! Как хотите, а найдите возможность, вышлите срочно, сколько сможете, телеграфом на мой почтовый ящик, только укажите 1-й отряд. Честно, Яндекс, Индекс, иначе мне тут совсем хана, а я обещаю сразу отдать с пенёй, или с пеней? Пени... Как там правильно? Я уж нормальный язык забыл в этой... да, на этой шхуне. Хотя, кроме меня, никто тут ни одной газеты не выписывает, только мой «Спорт» тырят или кляччат, а про библиотеку вообще молчу. Слышь, Яндекс, ты у нас там самый начитанный, так знай: тут на каждой книжке библиотечной штамп лиловый стоит: «Запрещается листами чистить ногти». О'кей? Так я про бабки. Никогда никому не был должен, верну. Прошу пардона за свою наглую просьбу, но в долгу не останусь, так уж сложились обстоятельства. В общем, выручайте, пацаны, помогите поддержать штаны, пока у меня перестанут дрожать ноги после курорта и дальнего плавания. Пока все... Вижу, как морщитесь, надоели, видать, мои каракули? А я иероглифов, видишь, сколько нацарапал. Обнимаю, пацаны, до скорой встречи! Капитан Konst.»

* * *

Уличный фонарь то надолго затухал, то принимался моргать часто-часто, как подслеповатый глаз; все, видимо, потому, что сильно раскачивал провода и защитный колпак над лампой шквалистый ветер. Плясали на светлой стене квартиры причудливые тени, напоминая бой древней пехоты с кавалерией. И думалось Тане: как было бы здорово сейчас перенести весь этот бой теней, эти причудливые батальные сцены карандашиком в блокнот, разместить их на двух, трех, четырех страничках, а потом в красках воспроизвести абрисы, эскизы во всей полноте. На холсте или на ватмане. Но шевелиться не хотелось. Так бы сидела и сидела всю ночь на любимом диванчике, уютно обхватив колени руками. У папы сегодня ночная смена, вернется под утро, когда она уже будет в школе. Сестра Инночка первый раз отправилась в гости домой к жениху, на смотрины к его родителям. Бедная мама так исстрадалась вся, собирая и провожая старшую дочку, что, не дождавшись ухода Инны, не просто легла, а рухнула спать. Не услышав, как старшая, уже на пороге, быстро-быстро зашептала младшей: «Танюш, я, наверное, у них заночую, — она кивнула в сторону терпеливо ожидавшего ее парня, — ты тогда мамулю успокой. Придумай, что сказать... Давай щечку, чмокну!» И растаяла в синей сутеме.

Оставалось Тане одно из трех: тащиться на кухню, разогреть остывший чайник и лакомиться мамулиными блинчиками с «смородишным», как зовет его папа, вареньем, которое любит вся их семья. Мама и ее научила варить такую прелесть, считая килограмм спелых ягод на килограмм сахара-песка и добавляя цедру лимончика в закипающее «сладострастие». Так. Это раз. Второе — можно потянуться чуток и достать из книжного шкафа затрепанный томик Ремарка, чтобы вновь окунуться в его неповторимую прозу. Начнешь читать — не оторвешься. И почему

только не задают в школе ни сочинений, ни изложений по романам Ремарка? Гюго? Хемингуэя? Молодая учительница с несмываемой боевой раскраской на фарфоровом личике, Эльвира Максимовна, которая при каждом удобном случае удивленно распахивает глаза: «Объедкова, скажешь опять, что сама сочинение писала?» — отвечает однозначно: раз нет таких авторов в школьной программе, значит, в министерстве так решили. Ну, а почему нет-то? Ремарк от фашистов не меньше наших писателей горя видел, сам нахлебался. И только потому, наверное, что познал этот человек за годы скитаний, лишений столько слез и столько мук, родились у него самые лучшие слова о любви. И дело, наверное, не столько в физической близости, сколько в тончайшей духовной связи Его и Ее. Осязаемой на расстоянии в двадцать тысяч лье, за тысячи миль и километров... Боже, где она, та Любовь — верная, чистая, преданная, настоящая, крепкая и цельная, как паутиная нить, которая может, если ей не мешать, протянуться без связок и разрывов на расстояние от Земли до Луны. Ну, а если любовь только с одной стороны, без взаимности? Как у соседней семьи, у тети Маши?..

Весь их густо заселенный дом, вся улица знает и лукаво посмеивается, когда каждую весну муж ее — шофер Николай — получает из военкомата повестку явиться на сборы и отчаливает в двух-, а то и трехмесячную командировку черт-те куда, как папа говорит, за кудыкину гору. А жenuшка его, официантка Маша, Манюня, полная иллюстрация к учебнику Дарвина «О происхождении видов», тут же сплавив четверых непохожих на отца с матерью ребятишек к бабке, устраивает «Подмосковные вечера» с тем военкоматским майором, который как раз и ведает призывом воинов запаса на армейские сборы. Редкий день не приносит почтальон в почтовый ящик Марии открытки с треугольным отиском полевой почты от Николая. А Машке по фигу. Такая у нее страсть ненасытная... Совсем Мессалина опустила: девчонки-одноклассницы засекали, что и уличное хулиганье, переростки Пашка Телятников и Юрка Мандибурта то поврозь, а то и вместе у нее ночевали...

Так что же, Татьяна Николаевна, — встряхивает себя покинувшая, наконец, диван юная мыслительница, — может быть, займемся самым важным делом — порисуем картинки на библейские сюжеты? Вдобавок к уже имеющимся. И начнем с прародительницы Евы. О которой нам известно что? А ровным счетом ни-че-го! Ничегошеньки. Значит, правильно сделали в художественной школе, что не стали разжевывать тему непререкаемым учительским языком, а, наоборот, посоветовали просто обратиться к умным книгам и каждому нарисовать потом прочитанное так, как кто понял, как сам представляет себе каждый библейский образ. Таня выбрала Еву.

«И Господь образовал Еву из ребра Адама. Рассудил Господь так:

— Не сотворю ее из головы его, дабы она не была высокомерной; не из глаза его — чтобы она не была любопытной; не из уха — чтобы она не подслушивала; не из уст, чтобы не была болтливой; не из сердца — чтобы завистливой не была; не из рук — чтобы не была любостыжательной; не из ног — чтобы не была праздношатающейся.

Из ребра — скромной и скрытой части тела — сотворил Господь женщину и по мере образования каждого из членов тела ее приговаривал: «Будь кроткою, женщина! Будь добродетельной, женщина!»

Однако же ни от одного из перечисленных недостатков не свободна женщина...».

Дочитав последнюю строчку, Таня громко расхохоталась. Да так, вся в плену смеха, и побежала на зов телефонного звонка. Догадываясь, что в такой поздний час может она потребоваться только одному человеку — Катюхе. И не ошиблась. По извечной своей привычке — не здороваясь и не интересуясь, удобно ли Тане говорить с ней в данную минуту — подруга затребовала полного внимания и немедленного отклика на перл, то ли где-то вычитанный, то ли откуда-то ею выписанный.

— Таньчик, ты у нас девушка умная, зацени, как, на твой взгляд, — звенел в упоении Катин голос: «Ошибается каждый. Признает ошибки мудрый. Просит прощения, — Тань, ты слышишь, — просит прощения сильный. Восстанавливает отношения — любящий». Как? Ты согласна? Насчет прощения, согласна?

— Я-то согласна, — плотнее прижимая трубку к себе, не столько выговорила, сколько вздохнула Таня, косясь на беспокояно заворочавшуюся во сне маму.

— А! Ну да! Я поняла, Тань... Как он теперь поймет, а, Тань?

Вот именно. Он... Тот, с кем провидение самым неожиданным образом, когда она ни сном, ни духом о такой встрече и не помышляла — взяло да свело за тысячу верст от дома родного, в городе-сказке Санкт-Петербурге...

* * *

Майское солнышко ласково голубило гранитные берега, зеркало Невы, парапет набережной у Эрмитажа. А еще, раз за разом повторяя попытки, старалось побыстрее отогреть все фасады старинных домов вдоль реки, совсем уж очугуневшие за зиму решетки парков и скверов, Ростральные колонны. Предприимчивый народ — питерцы, не довольствуясь крохами тепла и зная, что солнечное утро может уже через час смениться проливным дождем, занимали облюбованные места у Петропавловки, подставляя сметанные спины ультрафиолету и мечтая о будущем сплошном загаре. Те же из них, кто не мог себе позволить такую роскошь и блаженство, как ничегонеделанье на главном городском пляже, с некоторым удивлением наблюдали из окон троллейбусов и трамваев ранних пташек — группку школьников, вереницей тянущихся за торопливой женщиной-экскурсоводом, энергично объяснявшей своим подопечным историю то ли Адмиралтейства, то ли Медного всадника...

Внимательно прислушиваясь к пояснениям гида, Таня зябко сжимала ладошками плечи под легонькой вигоневой кофточкой, ругая себя на чем свет стоит, что не послушалась мамы, пренебрегла и курткой, и плащом. Уезжали — такая жара стояла в Белореченске, что, казалось, солнце затопило зноем весь белый свет до самого Владивостока. Ан нет, на тебе, своенравный город Питер показал свой холодный нрав... «Но вреден север для меня...». Хотя бы Катюшка далеко не отходила, стоять в обнимочку с ней так тепленько. Еще теплее — в быстром темпе шагать с подружкой по запруженной разноголосыми экскурсантами Дворцовой площади к Эрмитажу, разглядывая на ходу и знаменитую арку Генерального штаба, откуда, по преданиям, революционные матросы почти век назад мчались на штурм Зимнего, и построенный без внутренних опор и каркаса великолепный Александрийский столп, да и саму брусчатку (кое-где, кстати, выковырянную, то ли на сувениры, то ли для уличных боев) легендарной площади. Мальчишки-«бэшники», окружив лепные фигуры

атлантов, поддерживающих свод над входом в музей, поочередно фотографировались, подхватив беломраморные статуи под ручки. И как же они старались при этом выбрать фон посмешнее, особенно усердствуя с короткими туниками изваяний, а еще — припадая к мускулистым туловищам, бедрам и могучим рукам застывших в камне греческих богов. Девчонки, доверчиво посматривая туда, куда направляли их взоры бесовские отроки — под мраморные туники храбрецов-воинов, отворачивались, похикивая, перешептываясь, пряча от ребят лукавые улыбки. С пониманием, хотя и внешне укоризненно, посматривала на хорошо знакомую ей школьную самодеятельность малоулыбчивая женщина-экскурсовод, знающая о каждом уголке своего Питера столько, сколько может знать человек, бесконечно влюбленный в родной город, с малых лет исходивший его пешком или изъездивший на всех видах транспорта вдоль и поперек много-много раз.

— При всем огромном росте основателя Петербурга — Петра Первого, а он равнялся более чем двум метрам, тело его было несоразмерно, — успокаивающе положив руку на плечо самого бойкого мальчишки, делала в то же время знак глазами девчонкам (вы-то уж, мол, стрекозы, сами угомонитесь) экскурсовод. — У императора были от рождения тонкие ноги, а еще — маленький размер стопы. И потому живописцы, как вы, ребята, это увидите на портретах в Эрмитаже, обращаясь к фигуре царя старались, конечно же, всячески скрыть, завуалировать природные недостатки государя. Напротив...

Увлеченная интересными подробностями рассказа гида, Таня испуганно дернулась, внезапно ощутив на своих плечах чьи-то чужие, явно не Катюшкины, руки. А, обернувшись, увидела, как старательно пристраивает ей под стать вполне сносный, жаль только не очень-то ею любимого — салатового цвета — шерстяной кардиганчик Витька. Тот самый волейболист Витька Токарев, которому совсем недавно на Таниных глазах устраивала сцену у фонтана обиженная, уязвленная, раздосадованная на своего кавалера пампушка-Иринка.

— Ты что? Откуда такой трофей? — благодарно светились вместе с прокатившейся по телу волной тепла Танины глаза.

— Да я вчера еще видел, как ты мерзнешь, хотел к тетке сгонять, она тут недалеко живет, где канал Грибоедова, попросить какую-нибудь фуфаячку. Видишь, пошла навстречу. А то окоченеешь, кто за тебя будет отвечать? — делал смешливые глаза пан спортсмен.

— А че это, че это тебе отвечать? — вдруг подлетела и тут же вмешалась в разговор двоих тараторка-балаболка Катерина. — Я за Танечку отвечаю, понятно?

— Ха! Она отвечает... А что же ты тогда, ответчица, вчера, когда мы в этот... как его, паноптикум, нет...

— Пантеон, — хохотала Таня.

— Вот в него, в колумбарий этот, в планетарий ходили, ты подружке даже шарфик свой не дала? Ась, мадемаузель? — по-прокурорски строго хмурил брови высоченный волейболист. — Нехорошо-о-о...

За Катюхой не задержалось бы ответное острое словцо, Таня уже и зажмурилась, предчувствуя, что именно ляпнет сейчас язвительная одноклассница. Но благо, рядом оказалась спасительница-экскурсовод, и Катюха прикусила язычок: не хватало еще в глазах этой высококультурной дамы прослыть законченной грубиянкой.

В щедром подарке Витиной родственницы, пришедшемся как нельзя

кстати легком и теплом пальто, они гуляли потом до самого вечера по Невскому проспекту, хорошо знакомой Виктору Набережной канала Грибоедова, пока не подошли к Пушкинскому дому на Мойке, в котором уже были утром и куда, не сговариваясь, подошли вечером вновь, теперь уже попрощаться. Таня долго стояла у ворот с номером 12, что-то неслышно шепча и шепча про себя, может быть, напоминая самой себе нахлынувшие строки стихов поэта. Потом медленно, взявшись за руки, подошли к храму Спаса-на-Крови, где заканчивался, наконец, растянувшийся на двадцать лет ремонт. И по аллеям Нескучного сада незаметно-незаметно вышли на освещенное заходящими солнечными лучами Марсово поле. Прибранное до малейшей соринки, настраивающее на особый лад удивительной конфигурацией своих нигде в других местах не виданных дорожек, тонким ароматом жасмина, акации, персидской сирени, обрамляющей Марсово поле со всех сторон.

Остановившись у одной из гранитных плит знаменитого Поля, они вместе вслух, синхронно читали высеченные на скрижалях без знаков препинания обращения к декабристам: «Против богатства власти и знанья для горсти вы войну повели и с честью пали за то, чтоб богатство власть и познание стали бы жребием общим».

И Таня тихо спросила: «Вот как ты понимаешь смысл сказанного?» Виктор вздохнул, пожал плечами, помолчал, раздумывая. В наплывающих сумерках он — и так высокий, на добрую голову выше Тани — сейчас вообще казался недостижимым гигантом. Как те атланты и кариатиды у входа в Эрмитаж. Таня уже и не рассчитывала услышать от него ответ. Но великий немой заговорил. И как! «Я понимаю эту эпитафию, Татьяна Николаевна, в виде политического завещания. Ну, типа того, что все борцы за революцию, а первые были, понятно, декабристы, увы, неминуемо погибнут. Такая участь всех революционеров, хоть английских, хоть французских, хоть наших — героев Февральской и Великой Октябрьской социалистической. Все революции обречены умереть, такая их доля. Вначале ярко полыхнуть, как спички, свет озарить, а потом и сгореть дотла. Нет? Я не так понимаю?»

Согнувшись в полупоклоне к спутнице, вместо ожидаемой улыбки Виктор увидел иное: отрешенные, на чем-то далеком-далеком сосредоточенные Танины глаза и тихо шепчущие слово за словом губы. Разобрать, о чем или о ком она что-то говорила, было просто невозможно. Но одно утверждение вслух Таня произнесла: «Знаешь, мне кажется, все они, все до одного, и мужчины, и женщины, были неудачниками. Фаталистами. И знали об этом. А если не знали и не признавались в том вслух, все равно, подспудно чувствовали. Не могли не чувствовать».

Виктор неуверенно повел плечами: трудно было с ходу понять, что именно имела Таня в виду. Неудачники? Зачем же тогда затевали они такую грандиозную бучу, поднимая народную волну, обещая людям светлое будущее? Хотя... Все они обещают. Может, только до конца не осознают, что за свои слова рано или поздно обязательно придется отвечать. И если не хватит собственной жизни, отвечать придется их потомкам — перед людьми, перед историей, да просто перед самими собой. А в 16 лет, как, наверное, ни в каком ином возрасте, мысли о жизни и смерти особенно жалят, не дают покоя, жгут и требуют ответить на сакраментальное: зачем пришел ты на эту землю? Что ты ей дал? Что дала она тебе?

И как же раздирают душу сомнения, гложет волнение, какие сонмы дум обуревают тебя, когда ты ищешь, ищешь, ищешь везде и всюду — от книг

до вопросов бабушкам — ответы на эти вопросы. Да так их и не находишь, оставляя зияющие пустоты в сознании. Созвучными душевным терзаниям становятся тогда и рождающиеся в разладе мыслей стихи, в подтексте которых заложен расчет поэта на чисто человеческое сочувствие, утешение, сострадание, жалость. Словом, на людскость! Вот в чем состоит поддержка духа у человека колеблющегося, шатающегося, оступившегося. Того, кто замер в отчаянии на уступе скалы, боясь шевельнуться, посмотреть вниз. А ты обязан прийти на помощь такому человеку, не считаясь ни с чем. Ибо все мы в этом мире находимся в одной связке: сегодня над пропастью я, завтра окажешься ты. Мы все ответственны друг за друга.

«Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...» — надрывался, хрипел, умолял и упрашивал судьбу голос за стеной соседнего с Таней и Катей гостиничного номера. Под этот гибельно-восторженный речитатив девочка, торопясь, округляя и обрывая строки, записывала в дорожный блокнотик, как пронзительный вскрик, еще одно свое стихотворение. Помеченное звездочками сверху, не получившее названия.

* * *

Если я умру — жалеть не будут,
Только лишь плечами все пожмут.
Посочувствуют немного маме,
Что так быстро кончился мой путь.
Да зачем жалеть о неудаче,
Ведь такой была вся жизнь моя,
В стороне лишь кто-нибудь поплачет,
Но тот плач уж не услышу я.
Жизнь моя текла без перемены —
Черная и белая волна.
Если я умру — жалеть не будут,
Ничего я в мир не принесла.
Оглянуться бы назад, да слишком поздно.
И не надо никого винить.
Просто с самого начала неумело
Начала свой отведенный срок я жить.
Если я умру — жалеть не будут,
Да кому тогда слова нужны?
С неба упадет одна звезда лишь —
Может быть, мы будем прощены.

Наутро, сидя рядом с Виктором в экскурсионном автобусе, отвозившем их группу в Петергоф, Таня тихо, вполголоса прочитала родившийся ночью стих. Не спрашивая о впечатлении (совсем не для того читала), торопливо добавила: «Знаю, знаю, есть погрешности. Но это пока так, проба. Я дома еще посижу, посмотрю, почищу».

И с признательностью сжала крепкую ладонь Витьки, услышав не похожий на его обычный — заметно было, волновался — с возникшей хрипотцой голос: «Таня! Я понимаю, поэтам ничего диктовать нельзя. Но я тебя очень прошу, пожалуйста, больше о смерти не пиши, не надо. Как моя тетка ленинградская говорит: «Не буди лихо, пока оно тихо».

Но, слушая да не слыша Виктора, с грустной улыбкой нездешними, отрешенными глазами смотрела в свое будущее маленькая вещунья, полноправный создатель и повелитель рифм, строф, строк и чьих-то опозитированных жизней. Только невластная над своей собственной судьбой.

«И вот я на воле, семьянин ты мой дорогой! Никак не привыкну, что нет ни сзади, ни сбоку овчарок или конвоя. И дома вместо продолбанного, сам знаешь чем, барачного матрасика — маманина пуховая перина. Эт-то что-то! Со шхуны сошел я ровно неделю назад, в понедельник, как говорится, на католическое рождество. Не знаю, кент, как тебя, а нас всех гуртом везли от вокзала до комендантуры со всякими передрыгами, ты ж знаешь, как оно обстоит с арестантами: перевалки, пересчеты, долгий путь домой, вспоминай меня без грусти, ненаглядный мой... А вечером мы (освободили, кроме меня, еще троих — Сяву, Беса и Кабана), помытые и побритые, были уложены в свежие постельки в пустующей общаге медучилица, представляешь? Другого места вольняшкам не нашли. А там плавают ароматы парфюма и в комнатках панцирные сеточки. Где они, мои заочницы, я бы в ту ночь все кельи так бы отблагородил — зуб даю! Ты понимаешь. И такие же мысли, зуб даю, блукали у Кабана и Сявы, и Беса... Потом прокатили медкомиссию, кум выдал малявы на трудоустройство, башлята проездные. И представляешь, даже бухнуть на прощанье не успели, всех поразогнали кого куда: меня отправили на ж.д., пацанов — на автовокзал, там им перевалка. Кум спешил, подгонял, кажись, его в городе подруга ждала, все названивал он ей, наш воспитатель несознательных масс.

Ну, а утречком поезд мой в Белореченск прикатил, я и потопал до дому переулочками. Смотрю, новая мода пошла: в окнах и на витринах все в огоньках, гирляндах, елочках... Европа! Народ теперь вот так вот Новый год встречает. Так. А я с порога — котомку закинул, всем привет! — и убежал скорее в баньку. До потери пульса парился, весь тот дух с себя сгонял, да только с одного раза его разве сгонишь. Но соскучился я, брат, по шаечке, верхнему своему полку и дубовому веничку, даже по базару старых парильщиков соскучился, а они, как и не расставались, все о том же гугарят, о вечном. Цари, короли, правительство, мать бы его за ногу!

Ну, а какое блаженство принять, когда захочешь — в любое время дня и ночи, горизонтальное положение, и никакой вертухай тебя за это не турнет, не поднимет. Какой балдеж выкурить хорошую цыгарочку под музыку, шандарахнуть пойла пару фужерчиков, да помечтать о скорой встрече с моей невестой (маман время не теряла, присмотрела тут одну телочку, правда, в возрасте и вдова, зато с набитым сармаком...). Да по мне щас хоть кого, а то эндокринные железы лопнут от длительного сверхнапряжения. Это у тебя, женатика, голова не болит. А тут... сам понимаешь, так. Ну, пока все, фуцан, предки зовут за стол, надо уважить. И желанная моя вот-вот придет... Жду от тебя подробенькую ксиву, как ты там, что ты там... Жму грабки! Капитан Konst.»

«Салям, Кот! Мои приветы со свободой, дорогой мой семьянин! Не обессудь, что малость задержался с ответом, но тут такие обстоятельства наплыли непредвиденные. Да и характер мой мягкий виноват: как влился я в рабочий коллектив, так и пошло: сегодня одно мероприятие, завтра — другое. А чего? Люди мы вольные. Сабантуй только после трудового дня. Можем себе позволить. Ша, контора! Но ты меня сильно за

где ж не ругай, я исправлюсь, какие наши годы. А исправляться надо, Кот, страшное это дело — белые лошади или по-научному запой. Руки трясутся, зрачки расширены и полыхают алым пламенем, во рту — как твой тезка (прости!) побывал, в общем, сам себе не нравлюсь, как Сява говорил. Даже какой день недели на дворе, забываешь. В общем, два дня уже не пью никакую бяку, налаживаю силу воли, Кот. Правда, я и тогда-то до потери пульса не нажирался, да и сейчас ноги пока еще молодцы, держат. Это кавун у меня на плечах дурной, в каждую бочку затычка, когда податый, сразу лезу порядок наводить и справедливость восстанавливать. За то и попал с тобой на шхуну... А тут начал я как-то начальнику цеха вправлять мозги насчет заливки и кокилей, хотя он в литейке уже лет двадцать отмантулил, а я-то без году неделя на «Центролите» и то по направлению. Но пер я ему и про формы, и про ферросплавы, ты б удох, если б слышал. Кореша потом рассказывали, мол, так ты убедительно бородой своей тряс, мы аж заслушались. Но сегодня как раз утром начальник подошел, смеется: давно, говорит, я на партсобраниях не был, устроил ты мне критику снизу... Нормальный он мужик, ты усохнешь: бугром меня ставит, процесс отладить... А жена, Кот... «Как рано он семью завел, печальная история...» Пока не буду трогать эту тему. Потом. Жму «пять».

* * *

И вновь были родная улица, все тот же мигающий фонарь и круглосуточно работающая аптека, возле которой, если выглянуть из окна, с наступлением сумерек постоянно толклись какие-то подозрительные личности, то ли скидываясь на «фуфырики» — флакончики со стограммовой настойкой боярышника на спирту, которыми наутро будет усеяна площадка за мусоркой, то ли договариваясь о покупке шприцов и снадобий для более сильного употребления... Но хранил извечное домашнее тепло любимый диван, самое уютное место для вечерних размышлений, и как всегда вечерами лежал на коленях альбом — в этот раз новенький совершенно, не тронутый ни на одной странице ни карандашами, ни фломастером, ни красками.

Шершавые ватманские страницы вкусно пахли бумагой, клеем, ароматом слабеньких духов. И призывали к давно затеянному делу: отвести каждую страницу двум-трем маленьким иллюстрациям к прочитанным романам, особенно поразившим ее воображение. Тем, которые дарят всплеск фантазии, рождают интригу, домысел, неожиданный для самой себя пикантный вымысел — ах, эта Франция; ах, эта Испания... Ну, а что же, все березы под окошком да мамины герани на подоконнике рисовать? А тут, пожалуйста, твори, изображай, в твоей воле королевский бал, все недоступные юные красавицы на нем и их мамочки — чопорные великосветские дамы; зоркие импозантные кавалеры в гусарских мундирах, артистических смокингах, штатском платье, угодливые слуги с подносами, мерцание свечей в углах необъятного дворца, оркестровая яма, плюмажи, камзолы, украшения: серьги, подвески, колье, мониста, кольца, браслеты... А на неведомых дорожках следы невиданных зверей... Твори с ними что хочешь, выдумывай, пробуй! Не хочешь, Золушка, на бал? Не надеешься встретить там своего принца? Ой, ну тогда сколько всего и вся можно вложить в придуманные пейзажи той же Испании, в предместья и замки Франции... Погодите еще чуток, чужестранные го-

рода и веси, я обязательно постараюсь побывать в ваших дальних краях, о которых столько прочитано. А сейчас будет кое-что и нарисовано, пока в набросках.

«От середины рощи к дому спускалась красивая лужайка, у вершины которой, из скалы, покрытой елями, бил роскошный ключ, образуя вечный каскад футов в тридцать вышиной, падавший не по правильным уступам, но по беспорядочно раскиданной природой обломкам замшелых камней. Достигнув таким образом подножия скалы, он уже с гораздо меньшей прытью змеился далее по кремнистому руслу и у подошвы холма, в четверти мили к югу от дома, впадал в озеро, которое было видно из всех комнат, расположенных по фасаду. Из этого озера, которое заполняло центр красивой равнины, убранной купами буков и вязов и служившей пастбищем для овец, вытекала река; на протяжении нескольких миль она извивалась среди восхитительных лугов и лесов и впадала, наконец, в море, замыкавшее горизонт своим широким рукавом, с островом посередине...»

Руки делали свое дело: скользил по бумаге карандашик, накидывая абрис роскошных елей, контуры хрустального ключа, очертания самого озера, овальной формой своей напоминающего изящное дамское зеркало. А мыслями Таня все возвращалась к тому ночному разговору с Виктором, который они вели на обратном пути из Питера, то перешептываясь у окна плацкартного вагона, то выходя в тамбур «покурить». Что означало и наобниматься до умопомрачения, и нацеловаться до больных губ... Славные попались пассажиры-попутчики, ни разу никто из них не вышел следом за таинственной парочкой, не помешал тесному единению двоих.

— Ты мне скажи, Витенька, чем Иринка тебе оказалась плоха? — поправляя сбившийся у него воротник спортивной сорочки, всматривалась в лицо своего волейболиста Таня. — Только так, по-честному...

— Да я и не собираюсь врать, зачем, — пожимал плечами Виктор. — Понимаешь, Тань, она очень хорошая девчонка, веселая, добрая, компанейская, гостеприимная. Знаешь, мама у нее какие пирожки готовит — это песня. Но... Как тебе сказать. Вот сколько мой отец колесил по гарнизонам, столько лет за нами ездила его библиотеке. Они с мамой на этой почве, грубо говоря, чокнутые. А мне что оставалось делать в военном городке, где из развлечений только строевой плац и спортплощадка с турником, брусьями, волейбольной сеткой. Накрутишься с пацанами на перекладине до одурения, пресс на брусьях час-другой покачаешь, мячик погоняешь, а потом что? За книжки, конечно. Я столько перечитал во время наших кочевий, в школе на уроки литературы мог не ходить.

— Это нам, Витенька, известно, — мягко погладила Таня своей ладошкой шершавые руки парня. — Наша русалка — Эльвира Максимовна — тащится, когда говорит о твоих сочинениях. Шолохов! Зато мои опусы всегда кругит-вертит, даже у Катюхи, представляешь, допытывалась, не сдираю ли я тексты у классиков? Вот! Теперь я ей буду говорить, что кое-что частично у Виктора Токарева слямзила, из 10«б». Ты как, не против?

Тане понравилось, как Виктор по-мужски, по-взрослому — едва уловимым движением бровей — отреагировал на ее шутку. Но он все же продолжил:

— Слушай, об Иринке, чтобы все было ясно. Последнее время мне стало жутко скучно с ней, не о чем говорить, представляешь? Я начинаю о Хемингуэе, Мураками, Хелсе, а в ответ — тишина. Или начинает рас-

сказывать, что она видела по первому каналу. И каждый раз одно и то же: «я была в шоке», «это было супер», «просто офигеть»...

— Но, Витя, сейчас все так говорят...

— Положим, не все. Ты вот, например, на таком сленге не говоришь?

— Ой! Зато я знаю за собой другое, что с детства от бабушки переняла и в кожу въелось. Как она говорила на кастрюльку «корчажка», так и я повторяю за ней «корчажка», как она говорила на мужской пиджак «костюм», так...

— Таня, ерунда это, — не дослушав даже, выказал свое нетерпение Виктор. — Ты не мешанка, не плебей духом, вот в чем разница. И не такие уж неприличные слова те, что люди из народа говорят, иначе мы вообще перейдем на эсперанто.

— Ну, ладно, ладно, профессор, с тобой не поспоришь. С Иринкой разобрались, все понятно, вопрос закрыт. А чем тогда тебя Жанночка очаровала?

Виктор помолчал, собираясь с духом. В трудных ситуациях, он знал, действует один принцип: если совсем уж нечего сказать — говори правду.

— Во-первых, у нас с ней оказались схожие судьбы...

— Ой, да что вы, князь? — не выдержала, прыснула в ладошку Таня.

— Да-да, мамзель, не смейся. У нее отец был военный и у меня военный. Только Жаннин папа служил при каком-то штабе в Восточной Германии, покуда наших оттуда не турнули, благодаря Горбачеву...

— А что он натворил, Горбачев?

— Вот именно, натворил. Отдал всю нашу военную территорию по всей Германии за трамвайный билет. Отец мой, знаешь, как ругался... И не он один. Хорошо помню, как тогда на квартире у нас, в Забайкалье, они каждый вечером с командиром полка, командирами эскадрилий у нас собирались, крыли Михаила Сергеевича и Шеварднадзе на чем свет стоит, мать меня во двор выгоняла, а я в чулан залезу, сижу в уголке, все слушаю. Интересно же, когда взрослые беседу ведут!

Батя кричит: да пока живы в России последние ветераны войны, сколько уж их осталось, немцы должны каждый месяц платить им такие же пенсии, какие они отваливают там своим воякам вермахта. За то, говорит, что отцы наши или вообще с войны не вернулись, или вернулись измученными, искалеченными, некоторые вообще обрубками-самоварами. И это — молодые, здоровые, красивые ребята. По чьей милости? А давно ли, говорит, мы из землянок вылезли, в панельные хрущобы заползли, у немцев даже переселенцы в таких не живут... Мы что, говорит, приглашали к себе гитлеровцев в 1941-м свой порядок в СССР наводить?

В общем, все они — полковники, подполковники — одного были мнения: случись, не дай Бог, в той войне наоборот — потомки Кребса и Гудериана до седьмого колена не выпустили бы Россию из долгов, вжимали бы ясак по полной программе, только так... За одни только миллионы загубленных наших жизней надо было приговорить их к пожизненной расплате.

— Суровый, Витя, приговор.

— Но справедливый! Чтобы навеки о реванше забыли.

— Так... Ладно. И с этим покончили. Ты мне обещал «во-вторых». О Жанночке, — одновременно требовательно и лукаво свела брови к переносице Таня.

— Я не забыл. Просто отвлекся. Сама виновата.

...Увлечшись воспоминаниями, Таня и не заметила, что из дверей родительской спальни, малость затемненной из-за того, что выключен был

верхний свет, а горела только настольная лампа, на нее давно уж с любопытством поглядывает мама. Улыбаясь тогда, когда улыбается дочь, и хмурясь вслед за Таней, когда тонкая морщинка озабоченности перерезает высокий Танин лоб.

— Слушай, Танюш, я смотрю, ты скоро, как тот дед Митяй разговаривать сама с собой вслух начнешь, — скрестив руки на груди, улыбалась мама. И, не давая вспыхнувшей спорщице-дочке слова для оправдания, прижала ее неопровержимым: а кто обещал мне и папе о Ленинграде рассказать? Такой город, такой музей под открытым небом, как о нем говорят, а мы с отцом ничего услышать от родной дочери не можем. То ей некогда, то завтра, то послезавтра...

— Мамулечка, родненькая, ну права ты, как всегда, права, прости ты меня, толкушку свою неразумную... (Ой, нельзя теперь так говорить «толкушка», профессор мой услышит — оскорбится, наморщится. С ним надо ухо держать востро, помнить о чистоте родной речи.) Mam, даю честное слово, вот приедет папа с ночи, все-все-все вам расскажу, все, что увидела, что услышала, что записала. И фотоснимки Витя обещал к завтрашнему дню отпечатать...

— Витя? — насторожилась Лидия Борисовна. — Это какой такой Витя? А-а-а! То-то я и смотрю, сидит она тут одна в полутьме и чему-то такому улыбается. Значит, теперь Витя у нас появился. Ну-ка, давай начистоту, все, как на духу, матери выкладывай. Какие-такие у тебя с этим Витей отношения?

Была бы рядом сестричка Инна, та вмиг нашла бы выход из положения, закричала бы, например, заполошным голосом: «Мама, у нас, кажется, пироги горят на кухне» или про давно включенный утюг сплела бы легенду, отвлекая мамулю от неминуемой разборки с дочерью. Но Инна все чаще теперь остается у суженого — скоро свадьба. А без сестры... Хочешь, не хочешь — надо признаваться в новом знакомстве. Хотя... Что тут запретного? Век, что ли, мама будет зонтик над головой держать, оберегая от всех напастей? Пора уж Танечке и самой твердо на ноги становиться.

А Витя... Что Витя? Садись, мамчик, рядышком, альбом кладу в сторону, будем теперь долго-долго с тобой разговаривать обо всем, что хочешь...

* * *

Ровно в это же самое время и Виктор бодрствовал, покончив со школьными делами. Родителей дома не было — завзятая театралка тетя Нелли, старая мамина приятельница, утащила их на премьеру «Медеи». Потом по освященной веками традиции они пойдут обсуждать спектакль в «Калинку». А это значит, что вернуться тогда, когда он будет видеть десятый сон. Но какая же красота побыть в тиши квартире одному. Правда, есть что-то целительное и в одиночестве. Недаром умный папа любит повторять вычитанное у Кырлы Мырлы, как Витька маленьким называл Маркса: «Человеку уединение нужно точно так же, как и объединение». Умри, Денис, лучше не скажешь. Если бы еще Таня была рядом... Что бы он ни делал в последнее время — истязал себя до изнеможения на тренировках в спортзале, готовясь вместе с городской сборной к зональным соревнованиям, пылесосил ли дома, выполняя единственную возложенную на него обязанность... Хотя, нет, вторую, еще одна — мусор выно-

силь... Не говоря уже о встречах в школе, где неотступными были Танины глаза, Танин смех, Танина привычка смешно накручивать локон на указательный пальчик, когда во время урока раздумывала над контрольной или сочинением, мысли его были только с ней. И в такие минуты в голове рождались монологи — ну, только успевай записывать. Столько хотелось ей нежного, честного, откровенного, признательного сказать, рассказать, не сомневаясь в понимании и ответной признательности.

Как отблагодарить Таню за тот стих, что подарила она ему после возвращения из Питера? Если только вырезать из дерева похожую фигурку художника, Танин прообраз? А что, идея! И подходящий брусок липы есть в отцовской мастерской, и нужные инструменты. Вот будет подарок к выпускному!

Маленький художник,
Нарисуй меня
Лучиком от солнца,
Капелькой дождя.
Кистью своей тонкой
Напиши глаза,
Взяв от неба синего
Краски для меня.
Маленький художник,
Чудо сотвори,
В мой портрет немного
Теплоты вдохни.
Шум от моря вечного
В грудь мою впусти
И немного грусти
В сердце посели.
Белую березу
Нарисуй со мной,
Церковь за спиною,
Радость и покой...
Устели туманом
Горечь и тоску,
А слезой своею
Сотвори росу.
Наряди в одежды
Чистые, как снег,
Я — сама природа,
Я — весь белый свет.
Ты, с тоской воюя,
До утра сидишь.
Маленький художник,
Мой родной малыш.

Когда запел-запиликал в прихожей сигнал домофона, возвещающий о приходе родителей, фигурка маленького художника из-под Витинового резца была готова. Наутро оставалось лишь дорисовать крохотные детальки, углубить разрез глаз и выразительнее сделать улыбку. Точно такую, как у Тани, — легкую и мечтательную. Еще надо будет вывести тоненькую дарственную надпись на обороте статуэточки. Наверное, на мотив тех шуточных прозвищ, какие они придумали в Питере друг для друга: «Чижик-пыжик — от Малыша!» Точно. Лучше не придумаешь. Пусть по смеется.

Какие только названия — пестрые, вымученные, напыщенные — не давали часто меняющиеся хозяева этому привокзальному кафе, наследию знаменитой с довоенного времени на весь Белореченск «Пятой чайной», только такое народное прозвище хранилось за ним упорно и неотступно. Древний, как мир, сто раз перестраивавшийся бывший купеческий кабак, харчевня, забегаловка, пивнушка — можно называть ее как угодно — хранила все приметы той старины далекой, когда стояла здесь в разошедшейся кадке утыканная окурками пыльная пальма, поливавшаяся не столько водой, сколько пивными осадками, на грязноватых стенах выделялись незабеленные и незакрашенные пятна от снятых или украденных картин. Но зато удачно преломлялся в нетронутых владельцами высоких окнах полуовальной формы дневной свет, создавая нужную обстановку теплоты и уюта. В распахнутые форточки доносился шум пролетающих поездов и гулкий ропот близрасположенного базара. Словом, лучшего места отдыха для местной благодати трудно было и придумать. Учтывая еще и то, что «Пятая чайная» имела целых три малоприметных входа-выхода, известных только особо посвященным ее клиентам. А это означало для них прекрасную возможность свалить, когда в действие вступал известный закон преступного мира: «В случае облавы когти рвать поодиночке».

Когда-то здесь, в тихой и неприметной боковой комнате для наиболее значимых персон, заседали после «трудов праведных» известные воры. Яша Робинзон, простреленный в бедро и в руку в суровых схватках за верховенство между своими же. Громко гоготал потерявший в северном лагере левый глаз и пользовавшийся вставным протезом гигант Толик Сова. С ними делили яства и напитки кадры помоложе, еще только набиравшие очки в суровой гонке за старшими — домушники Артюша и Сява, катала-картежник Зульфикар, иногда приходили на долгую беседу достойные приглашения серьезные люди из городской управы.

Но меняются времена, меняются и люди. Как правило, не всегда к лучшему. Как писала госпожа де Воланж к президентше де Турвель (Шодерло де Лакло «Опасные связи»): «Род человеческий не совершенен ни в чем — ни в дурном, ни в хорошем. Негодяй может иметь свои достоинства, как и честный человек свои слабости. Мне представляется, что считать это истиной тем более важно, что именно отсюда вытекает необходимость снисхождения к злым так же, как к добрым, и что истина эта одних предохраняет от гордыни, а других — отчаяния». С классиком не поспоришь, тем более, на расстоянии веков. Но насчет «снисхождения» к волкам — уж вы меня извините!

По немислимому совпадению за четыре дня до роковой встречи с волками в человеческом обличье, которым в тот четверг расторопная официантка и близкая знакомая уркаганов Маша накрывала в боковушке Пятой чайной обильный стол, Таня дописывала пророческий свой стих. Датируемый 11 июня. Читаешь и веришь: они действительно пророки, настоящие поэты. Знающие все наперед. Жаль только, не наделенные силами и способностями предотвратить беду...

Зеленые глаза вокруг деревьев сверкают,
И раздаётся вой в полночной тишине,
И стаи злых волков добычу поджидают.
И душу холодит добычи этот крик.
Один какой-то миг, всего секундный миг,
И сгнуло с земли какое-то зверье.
И снова вой стоит и навевает жуть.
И вновь в какой-то миг раздаётся громкий крик.
И тихо снег скрипит
Под лапами волков,
И где-то сук трещит
От этих грозных лап,
И душу холодит
В злоеющей темноте
Сверканье хитрых глаз
В полночной тишине.

...Они заседали за дальним столиком харчевни в почетном кабинете троим — с утра изрядно пьяный, а потому то вдруг засыпающий, то резко просыпающийся некогда известный в области боксер Юрка Мандибубра; подставляющий ему плечо для лежки, умильно заглядывающий атаману в глаза, учащийся строительного профтехучилища Пашка Телятников и еле-еле вырвавшийся на заре из объятий любвеобильной невесты устроитель обещанной холостяцкой встречи на свободе, тот самый капитан Konst. В миру Константин Шкирятин.

К нему, безошибочно приняв за главного, робким шагом и устремился в приоткрытую дверь старый вор Тютя, весь ободранный, оборванный, с заметным синячищем под глазом, давно небритый, с содранным до крови на переносице вислым носом и запекшимися губами. Робко кивнув на тлеющий огонек сигареты в опущенной руке капитана, Тютя, преодолевая сиплый кашель, прохрипел: «Дозволь прикурить?» Конечно, не только ради пары затяжек табачным дымом рискнул заглянуть к незнакомой братве бывший трамвайный щипач. Голод, элементарный зов давно пустого брюха толкнул его на непозволительный в уголовном мире шаг: мешать честной компании спокойно отдыхать в тесном кругу. А тут столько бацилл на заставленном тарелками обеденном столе... Может, выгорит — кинут эти буржуи мясную кость ветерану подпольного движения?

— Слышь, дед, — незаметно подмигнул Телятникову капитан, — я тут только освободился, все кости в карцере перебиты, не могу и руки поднять, ты давай уж сам как-нибудь...

Пригасая в глубине слезящихся глаз враз вспыхнувшую ненависть к вальяжно полулежащему в кресле сявке-босявке, устроившему заслуженному вору, да и просто старику такое унижительное испытание, Тютя все же склонился долу, беспомощно зачмокал своей сигареткой от огонька-прикуривателя и бормоча себе под нос самые страшные лагерные проклятия молодому хамлету, не подлежащие печатному воспроизведению ни в каком случае. Разогнувшись, он еще малость постоял, как бы рассматривая, хорошо ли принялся огонек, а на самом деле ожидая полстаканчика под бутербродик... И невозмутимый хан на самом деле движением мизинца пододвинул в сторону Тютя «ерша» в пивной кружке, а слуга Пашка угодливо подложил рядом хлебную горбушку с кружком колбасы, ломтиком сыра и кусочком селедки поверху.

— Благодарствуйте, — не замедлил оприходовать соточку водки в смеси с пивком Тютя. — Извиняйте, что нарушил ваш покой. Свидимся.

И захромал на выход, по старой блатняцкой привычке, закрепленной многими лагерными командировками, крепко зажав в кулаке подаренный бутерброд.

— А плюнул ты ему в кружку зачем? — стряхивая с плеча вконец отяжелевшую голову разомлевшего Мандибуры, не удержался, спросил Пашка.

— Да ну его в пень, козла старого, что ты за него батон крошишь? — посуловел голос банкующего за столом предводителя. — Он тебе нужен? Вот и пусть валит отсюда, пока трамвай ходят.

Затушив сигарету в тарелке, но не в пепельнице, сквозь сжатые зубы Конст добавил: «Мало что ль они моей кровушки попили...»

— Врежем? — вдруг очнувшись, нарушил затянувшуюся тягостную паузу Мандибура, продирая заспанные глаза. — Я чей-то не волоку, щас времени сколько?

И вновь улегся, теперь уже уронив патлатую голову посреди стола на клеенчатую скатерку.

— Слышь, Паня, ты мне вроде собирался доложить обзор окрестностей, — с неохотой тыча вилкой в овощной салат, повернул физиономию вполоборота к Телятникову хан. — Ну и...

— В общем, дела такие, Костя, — наверняка благодарный своему тузу козырному за то, что тот не наградил его, как не раз бывало, хлесткой пощечиной за неумение вести разговор со старшим, захлебываясь, заторопился докладывать обстановку Пашка. — На Бабском пляже нам не проханже, там народу с утра до вечера пропасть, так. На Молодежном тоже отвал: Зульфикар со своими братьями все держит под колпаком и дурью там торгует, я знаю. Так. (Он явно старался подражать Консту и в словах, и в манере их растягивать, и в характерных словечках.) Остается одно местечко, я знаю: Гремячка.

— Так это же конец света, фуцан, — поднял на Пашку недоуменные глаза капитан. — Туда добираться заморишься.

— Вот! — обрадованно потирал короткопалые веснушчатые ручонки, навряд ли пригодные к будущей профессии плиточника-облицовщика, первогодок ремеслухи Телятников. — Потому туда и ходят только дачницы без мужиков да школьницы с вот такими вот бульонками, понял? — делал выразительные круги на бедрах и от груди сладострастно ухмыляющийся Пашка. — Я разведал, там кругом посадки, а у берега ивы, кустики, камыши и песочек, бабцы ничего не боятся, голышом купаются, так... Я только одного не пойму, Котя, тебе они зачем, эти перепелки, сам же говорил, маман жену подыскала?

— Не фунди, бекас молодой, — после некоторого молчания одними уголками едва растянутых тонких губ выказал свое неодобрение обозревателю окрестностей капитан. — Что ты сравниваешь? Это же такой кайф — поймать в силки трепыхающуюся птичку. С пылу, с жару, со слезинками... А жена... Она мне даром не нужна, жена эта, возьми ее себе, хочешь? А, ну да, друзья одной помадой губ не мажут... В общем, так, телятко. Завтра в десять едем на Гремячку. Я мотор возьму, сбор тут же, ты понял, в десять. Этому, — он кивнул на спящего Мандибуру, — скажи, когда проснется, что если завтра хоть грамм с утра примет, удавлю на месте. Бухать будем на прудах, в Гремячке. Пойла привезу до отвала. Как ты говоришь, с бульончиками?

Пашка не успел поправить капитана. Тот, отщипнув из пухлого бумажника несколько сотенных, сунул их под вазочку, стоявшую посере-

дине стола, небрежно кинул на ходу в рот дольку лимона и абсолютно трезвый, лисьей танцующей походкой отправился к потайной двери пивнушки. Той, что вела прямехонько к надворному рыночному туалету. Где, забившись в закутке, заваленном картонной тарой, скрытно покуривал в кулачок да поплеывал внимательно оглядывающий всех прохожих старый вор Тютя. В миру Тютюнников. Алексей, если угодно.

* * *

«Природа не соглашалась принять участие в освященной традиции скорби. Река, журча, несла свои воды под мостами и расстилалась сияющей полосой среди безмолвных полей. Апельсиновые деревья, эти кадила ночи, раскрыв тысячи белых уст, насыщали воздух ароматами трепещущей плоти. Пальмы шевелили перистыми ветвями над мавританскими зубцами Алькасара. Харальда, словно голубой призрак, пожирающий звезды, вздымалась ввысь, закрывая часть неба стройной громадой. А луна, умывшись ночным благоуханием, казалось, улыбалась и земле, взбухающей весенними соками, и сверкающему огнями городу, и кипящему в его недрах муравейнику — всем, кто радовался жизни, всем, кто пил и пел, превращая воспоминание о давно свершившейся смерти в нескончаемый праздник...».

Любимые Танины иллюстрации к поразившим ее страницам западных романов — это сплошное буйство красок, парящие между небом и землей силуэты высоких стильных дам в немислимых шляпках, тонких перчатках, накинутах низко на лоб вуалях и с артистическим декольте. Рядом с ними или чуть поодаль коленопреклоненные испанские мачо, своими крепкими широкими плечами, распахнутыми на мускулистой груди сорочками и пламенным взором угольных глаз напоминающие знаменитых тореадоров. Место действия — открытая апельсиновому солнцу площадка, похожая на боксерский ринг, но в окружении пальмовой рощи, за которой угадывается аквамариновая полоса морского прибоя.

Никаких нет ссылок на источник вдохновения. Зато на заключительной странице альбома, той, где, положив друг другу руки на плечи, все-таки с легкой поволокой грусти смотрят не глаза в глаза, а в разные стороны Он и Она, торопливо записанный стих Тани. Трудно понять, чем навеянный: прочитанной ли в книге историей, сменой настроения, просто внезапно накотившим капризом — так ведь тоже бывает... Заглавие сразу не родилось, и придумывать потом, наверное, не хотелось, так и остались рифмованные строки под звездочкой.

* * *

Добрый ангел с дьявольской душой
Говорил мне о любви большой,
И, на сердце руку положи,
Улыбался, голову склоня.
Ты скажи, на милость, дорогой,
Добрый ангел с дьявольской душой,
Как вернуться мне в свой Вавилон,
Я устала птицей в клетке жить златой.
Отпусти меня в потусторонний град,
Где жила я много лет назад.

Видишь, вновь ликует воронье
И бросает тень от крыльев на окно.
И невольно вновь бежит слеза,
Добрый ангел, не неволь меня...

К внутренней обложке альбома пришпилен медной скрепочкой листочек из блокнота с записью петербургской поры (может быть, конспективная запись пояснений экскурсовода). «Если идти по Невскому в сторону Фонтанки, дойдя до Владимирского проспекта, повернуть направо (зачеркнуто), налево, к дому №12. Там находится театр имени Ленсовета. Знаменитый дом, там некогда играл в карты пушкинский Германн. А напротив театра еще дом, где висит мемориальная доска, на которой написано, что в нем жил Федор Михайлович Достоевский, где и написал роман «Бедные люди». Это старый петербургский дом, там всегда масса иностранцев. Заметьте, Достоевский никогда не снимал квартиру, если из ее окна не была видна церковь»...

Под листочком вкривь-вкось — тоже, значит, писалось на бегу — беглые пометки: 1. Почему церковь — как радость и покой? 2. Обязательно побывать в следующий раз в Ленсовете и в доме Достоевского. Ничего о нем не знаю. А Витя? Катюха?

Подруга дорогая! Ну, как подслушала: «Танюш, это я, слушай, приезжай! Сходим на Гремячку, покупаемся, там вообще нет никого. Потом у меня крошечку порубаем, математику поучим. Я жду, Тань, через часок у остановки, о-кей?» Не так прельстила речка, Гремяченский пруд точнее, сколько возможность с хорошим математиком Катериной кое-что подучить и понять про эти противные синусы-косинусы. Хотя и поплавать в такую жару — красота! Жаль, Вити нет в городе, поехали бы на Гремячку вместе, он так классно ныряет с мостика, меня бы научил. Но отправила строжайшая мама добродетельного сыночка, реального кандидата на золотую медаль, подалше от кино, дискотек, велосипеда и других соблазнов в село Агафоновку, к бабушке, зубрить учебники перед последним экзаменом. Значит, еще три дня его не будет. У-у-у!!! Хотя бы позвонил лишний разок из глубины сибирских руд, декабрист! А то единственное, что успел перед отъездом, — вызвать на минутку в подъезд, чтобы чмокнуть и передать фигурку похожего на чижика-пыжика моего маленького художника. Уморительный получился малыш, не подозревала даже у Вити талант резчика по дереву. Ой, ну ладно. Никуда не денется, объявится еще мой скульптор, Роден Антипович...

А вот где мой новый купальничек и где мои шлепанцы, мамочкой подаренные? Киса, искать! Катюха, бегу я, бегу, гу-гу-гу...

* * *

...Весь поздний вечер и вся ночь ушли у оперативников на осмотр места преступления, сбор вещественных доказательств, опрос свидетелей и разговор с Таниными родителями. Если только это можно было назвать разговором.

— Как я ее просила, как уговаривала не ездить днем никуда, отец бы сам на мотоцикле нас к вечеру на речку отвез, — раскачивалась из стороны в сторону почерневшая, охрипшая от криков и плача Лидия Борисовна, слегка отстраняя от себя новую мензурочку с пряным успокоительным, которую протягивала ей такая же заплаканная женщина-медсест-

ра. — Нет, как же, подруга зовет, мамочка не волнуйся, вот ее телефон, да я и сама оттуда тебе позвоню. Позвонила...

Бессильно падала на грудь поникшая голова мамы. И вновь маячили перед скорбными ее глазами дикие картины увиденного в свете фар милицейской машины: изуродованное тело девочки, закиданное окровавленными ветками деревьев ли, кустарника, ее обгоревший купальник, порванные на тесемках пляжные шлепанцы. И невыносимо тяжелый запах горелого, эти по-волчьи, зло мерцающие угли костра...

В молодости и в зрелые годы никогда не куривший отец Тани, бесильно моргающий всегда от табачного дыма, щедро парящего на его пункте технического осмотра вагонов, сейчас, послушно приняв в коридоре из рук следователя сигарету, неумело затягивался ею. Перхая, кашляя, давась противным никотиновым смрадом.

— Николай Васильевич, а что же подруга дочери вашей так себя повела? — понимая состояние собеседника, все равно не мог не спросить прокурорский.

— Катя-то? Сам ума не приложу, как так можно было? Подруга... Ей Лида первой стала звонить: Катя, мол, скажи, где Танюшка, дочки дома нет, уже вечер, мы места себе не находим... «Ой, тетя Лида, не знаю, не знаю, от нас она давно уехала». И все. Ну, если уж ты струсила, бросила Таню, убежала — первым делом позвони нам сама, в милицию позвони, а она, как сулик, в норку закопалась, и ни мать ее, ни она — ни гу-гу. Лида опять им звонила, я звонил — никто трубку не берет, представляете? А жена за сердце хватается, бледней мела стала, а она и так больная, вторая группа... Давай, говорит, Николай, выгоняй мотоцикл, поехали искать. А я куда с ней в таком состоянии? Где искать? Кинулся к соседу, дай ему Бог!.. Тот беду почуял, сразу по газам, на его машиненке поехали. И Лида с нами...

* * *

Виновато и потерянно жались к камышам притихшие цинковые воды илистого Гремяченского пруда. Безжизненными барханами выглядели песчаные берега, на которых семьи пляжников обычно устраивали громкие пикники, веселые танцы, бадминтон да волейбол. Дикий терн с обломанными ветками, обрушив наземь недозрелые сливки, простирал свои культы к небу, безгласно вопия и требуя поквитаться с убийцами. И замерли в ужасе подальше от людских глаз сороки-вороны, слышавшие здесь дикие вопли обезумевшего Конста: «Юрка, бей по хребтине, все равно всем теперь чалить по сто второй!..» Растоптанные здоровенные кроссовки Мандибурсы тоже были изъяты следователем в качестве вещдоков. Потные, грязные и в крови...

* * *

Утром на секретный номер убийного отдела позвонил осведомитель: «Тута они, в Пятой чайной, опохмеляются...».

— Ну что, мужики, пошли? — раздавая три пары наручников на шестерых, не столько вопросительно, сколько утвердительно распорядился старший опергруппы.

— Момент, парни, я только «дуру» сдам — и с вами, — заторопился в дежурку избавиться от пистолета («Еще продырявлю сгоряча этих бе-

сов») привлеченный из ночного патрулирования в новый наряд лейтенант взвода патрульно-постовой службы.

— Догоняй, Серый! — постучал по циферблату своих наручных часов командир оперативников, давая понять, что нельзя волынить, каждая минута на счету. — Догоняй, а мы потопали.

Нервно посмеивающийся своим же шуточкам небритый, утративший обычный лоск Конст, стоя у запасных ворот пивнушки, что-то втолковывал нервно поглядывающим на каждого прохожего понурым Мандибуре и Телятнику, когда около него возник веселый, симпатичный парень. «Глянь, не твои?» — протягивал он новенькие «котлы» атаману. Но стоило лишь хищной длани Шкирятина ответно потянуться к заманчиво блеснувшим часам, как тут же «котлы» стали блесной, на которую и накинул стальной наручник старший опергруппы (второе звено — к своей руке). Еще через пару секунд такими же браслетами и таким же методом были окольцованы надувший тут же от пива и страха в штаны Пашка Телятников и тупо реагирующий на все происходящее («Э! Я чей-то не волоку!»), с утра успевший хорошенько заложить Мандибура.

— А теперь — тсс! — и тихонечко за мной пошли на выход, — свистящим шепотом приказал парализованной страхом троице командир оперативников. — Кто в сторону рыпнется, пусть пеняет на себя.

Но как ни маскировали задержание братвы опытные сыщики, прикрывая свои и фигурантов локтевые суставы и запястья накинутыми шарфами, куртками, кепками, базар есть базар: через пять минут о том, кого и куда ведут, стало известно всему разношерстному люду, стоящему по обеим сторонам нескончаемых продовольственных и промтоварных лавочек, киосков, прилавков. Тем более, что в таком маленьком городке, как Белореченск, ужасная весть о происшедшем ночью к утру облетела все дворы и улицы.

Наверное, приданием огласки происходящему на рынке немало поспособствовал все тот же патлатый, нечесаный и немывтый Тютя, зимой и летом не вылезавший из привычной униформы — залоснившихся до безобразного канализационного окраса спортивных штанов и брезентовых ботинок-«шкар», подобранных, скорее всего, где-то на помойке близ жаркого депо и надеваемых летом раз в неделю на заскорузлые, никогда не стиранные носки. Зато был у Тютя упрятан глубоко-глубоко во внутренний карман ржавого цвета всепогодной куртки мобильный телефончик с единственным забитым в него номерком убойного отдела милиции. Где он каждый месяц в определенный день и час получал положенное вспомоществование за оказываемое содействие.

— Мордами в грязь этих тварей, выродков! — потрясала могучими кулаками продавщица из мясной палатки. — Чтоб им ни дна, ни покрышки!

— Гореть им в геенне огненной антоновым пламенем, извергам, невинное дитя загубили, — неслышно для окружающих шептали губы сухонькой старушонки в ветхом одеянии, всегда стоящей с пучками зелени — укропа, петрушки, базилика — на одном и том же месте, около молочниц.

— Командир, отдай нам этих пидормонов, мы им сами тут бошки со всеми причиндалами поотрываем! — не в шутку, а всерьез рвался вплотную к задержанным плотно сбитый и явно прошедший уличную школу боев без правил, средних лет наголо бритый качок в красных шортах и сандалиях на босу ногу.

В низко пригнутые пылающие физиономии конвоируемых кто-то метко запустил одну за другой три расквашенные помидорины, следом в спину Шкирятину угодила увесистая картофелина, а в затылок Мандибуре — крепкая, как камень, груша. Пускающему сопли и слезы Пашке Телятникову вообще досталось принять в лоб крупное куриное яйцо, пустившее ему на глаза и на нос слизкие желтковые и белковые потеки.

«Сергеич, вызывай подмогу, а то народ тут самосуд устроит», — чувствуя накал толпы, уже взявшейя за метание в задержанных щепенки и асфальтных ошметков, заволновался тот самый лейтенант, что бегал сдавать в дежурку пистолет перед выходом на задержание шкирятинской компании.

— А вы почему бандитов от народа прячете? — вздымал, как на митинге, руки, обтянутые кремовым чесучовым кителем сталинского покроя, низкорослый тонкоголосый мужчина интеллигентного вида. — Знаем мы ваш продажный суд, демократы ельцинские. Требуем суда народа!..

— Ой, Надь, какая же нынче молодежь пошла, — стоя в отдалении от происходящего на тротуарчике, перешептывалась с товаркой рыхлая бесформенная тетка с заметными усиками над толстой верхней губой, увенчанной бронзовой бородавкой размером с клубничную ягоду. — Ить это что за девки пошли, чтоб, на ночь глядя, кудый-то переться с мужиками на пруд, тама купаться, водку жрать, ширяться там. Ну, ты скажи, Надь, в наше-то время было такое?

— Ты че, глупая, гонишь-то? — неожиданно в интимный разговор двоих ворвался громыхающий бас продавщицы мясной палатки. — Ты чьих бредней наслушалась, неумная, иль своих детей не растила? Твою бы дочку так, а?

Она еще долго продолжала бы что-то гневное, накопившееся в душе выкрикивать, та женщина в синем халате с биркой работницы мясоптицекомбината, но только что стоявших сплетниц уже не было рядом, их как ветром сдуло.

А в это время уже подкатил к рыночному входу-выходу зарешеченный милицейский фургон. Из него высыпали и стали цепочками с обеих сторон, создав недоступный кордон, бойцы патрульно-постовой службы. И единственное, в чем не могли отказать себе и народу ребята-оперативники, так это в том, чтобы каждый из троих, прикованных к ним наручниками, вдруг случайно не оступился на ступеньках перед посадкой в «обезьянник» и не оказался мордой в вонючей луже...

* * *

— Встать! Суд идет!

— Прошу садиться.

ПРИГОВОР

Именем Российской Федерации

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда, рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению Шкирятина Константина Владимировича, гражданина РФ с незаконченным высшим образованием, женатого, судимого областным судом по ч.4 ст.117, ст.17 и ч.3 ст.117, ч.3 ст.144, ч.1 ст.149 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы, освобожденного условно-досрочно на 1 год 9 месяцев 17 дней, в соверше-

нии преступлений, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «д» ч.2 ст.132, п.п. «д», «ж», «к» ч.2 ст.105, ч.4 ст.150 УК РФ,

Мандибуры Юрия Кимовича, гражданина РФ со средним образованием, холостого, судимого Белореченским городским судом по п.п. «а», «б», «в» ч.2 ст.158 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год, в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «б», «в», «д» ч.2 ст.132, п.п. «д», «ж», «к» ч.2 ст.105 УК РФ,

Телятникова Павла Федоровича, гражданина РФ с неполным средним образованием, холостого, ранее не судимого, в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «б», «в», «д» ч.2 ст.132, п.п. «д», «ж», «к» ч.2 ст.105 УК РФ

УСТАНОВИЛА

Шкирятин К. В., Мандибура Ю. К., Телятников П.Ф. совершили насильственные действия с применением насилия к потерпевшей группой лиц по предварительному сговору в отношении заведомо несовершеннолетней — в том числе лицом, ранее совершавшим изнасилование. Также Шкирятин, Мандибура, Телятников совершили убийство потерпевшей с особой жестокостью группой лиц по предварительному сговору, избивая по приказанию Шкирятина и вместе с ним жертву руками и ногами.

При осмотре места преступления обнаружены и сфотографированы (т.1, л.д.124) следы обуви, а при обыске в доме изъята такая же пара кроссовок, принадлежащих Мандибуре. По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть наступила от сочетаний травмы тела, проявившейся в закрытой черепно-мозговой травме, ушибе головного мозга тяжелой степени, тяжелой травмы шеи, переломе подъязычной кости...

(Так три здоровых обезумевших пьяных волка убивали беззащитную девочку, художницу и поэтессу, школьницу, еще не получившую аттестата. — *Авт.*)

...На основании изложенного и, руководствуясь ст.ст. 301-317 УПК РФ, судебная коллегия

ПРИГОВОРИЛА

Шкирятина Константина Владимировича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «б», «д» гл. 2 ст. 132, п.п. «д», «ж», «к» ч.2 ст.105, ч.4 ст.150 УК РФ, по которым назначить наказание в виде лишения свободы сроком: по п.п. «а», «б», «д» ч.2 ст.132 РФ — на 7 (семь) лет — по п.п. «д», «ж», «к» ч.2 ст.105 УК РФ — на 18 (восемнадцать) лет; по ч.4 ст.150 УК РФ — на 5 (пять) лет.

На основании статьи 69 УК РФ окончательное наказание Шкирятину определить по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний в виде 24 (двадцати четырех) лет лишения свободы.

На основании ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию присоединить часть не отбытого наказания и окончательное наказание Шкирятину К.В. по совокупности приговоров определить в виде 25 (двадцати пяти) лет лишения свободы с отбыванием первых 10 (десяти) лет в тюрьме, а остального срока наказания в исправительной колонии строгого режима.

Мандибуру Юрия Кимовича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «б», «д» ч.2 ст.132, п.п. «д», «ж», «к» ч.2 ст.105 УК РФ, по которым назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком: по п.п. «б», «д», ч.2 ст.132 УК РФ на 6 (шесть) лет; по п.п. «д», «ж», «к» гл.2 ст.105 УК РФ — на 8 (восемь) лет. На основании статьи 69 УК РФ окончательное наказание Мандибуре по совокупности преступлений определить в виде 9 лет 6 месяцев лишения свободы. В со-

ответствии со ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию присоединить часть не отбытого наказания и окончательное наказание Мандибуре Ю.К. по совокупности приговоров определить в виде 10 (десяти) лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Телятникову Павла Федоровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «б», «д» гл.2 ст. 32, п.п. «д», «ж», «к» п.2 ст.105 УК РФ, по которым назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком: по п.п. «б», «д» ч.2 ст.132 УК РФ — на 5 (пять) лет; по п.п. «д», «ж», «к» ч.2 ст.105 УК РФ на 7 (семь) лет. На основании статьи 69 УК РФ окончательное наказание Телятникову П.Ф. по совокупности преступлений определить в виде 9 (девяти) лет 6 месяцев лишения свободы в воспитательной колонии общего режима.

Гражданский иск потерпевшего удовлетворить. В случае отсутствия имущества у несовершеннолетнего Телятникова П.Ф. возложить обязанность на возмещение ущерба на его родителей.

Вещественные доказательства во вступлении приговора в законную силу: кроссовки Мандибуры Ю.К. — возвратить ему; шлепанцы Объедковой Т.Н. возвратить Объедкову Н.В.; образцы волос Объедковой Т.Н. — хранить в деле. Фрагменты купальника, сумки, расчески — уничтожить, как не представляющие ценности.

Приговор может быть обжалован и опротестован в кассационном порядке в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ путем подачи жалобы через областной суд в течение 7 суток со дня вынесения, а осужденным — в тот же срок со дня вручения копии приговора...

* * *

Кто сказал, что родители трех насильников и убийц — люди далеко небедные: работники банка, врачи, владельцы нехилых магазинов — покалялись перед убитыми горем родителями невинно убиенной девочки? Ни они, ни отпрыски их и не подумали каяться ни до, ни во время, ни после суда. Маман одного из бандюг — главный бухгалтер отделения банка, папан другого — заведующий хирургией ведомственной больницы, и еще одна маман вкупе с отчимом осужденного — держатели супермаркета — первым делом кинулись с помощью адвокатов писать иски о освобождении их имущества от ареста. Скорее катать такие прошения, скорее! Вот они, их грамотные, с расставленными по всем правилам знаками препинания иски о освобождении их имущества от ареста, приобщенные к уголовному делу:

«Стенка (5 секций) приобретена до ареста сына путем купли-продажи на рынке; мягкая мебель (кресло и диван), а также журнальный столик были также приобретены до ареста сына на рынке путем купли-продажи. Телевизор «ВЭЛТ» подарен дядей из Кургана. Обоснование возвратений могут подтвердить дядя, тетя и соседи...».

Похороны Тани, которую вышел провожать в последний путь весь Белореченск... Едва передвигающаяся на кладбище ноги мама... Не поднимающие к небу слепые от слез глаза отец и сестра Тани...

Подателям заявлений с просьбой скостить наложенные судьей резолюции по имуществу было не до того.

И ни разу не видел никто никого из родственников палачей у скромной Таниной могилки, где мемориальная табличка хранит такие две до ужаса короткие даты 11.01.1983—16.06.1999. Всё.

Ни одна повесть и ни один рассказ из десятка написанных книг не давались мне так тяжело, как эта. И поедом грызу я себя. Наверное, не хватило мне литературных способностей хотя бы в книге сохранить Танину жизнь. А об этом так просили и читатели, с которыми я делился замыслом своей, тогда еще не написанной повести на библиотечных встречах, и мои друзья-писатели в разговоре о творческих планах (и так, мол, жестокости и грязи в реальной жизни хватает)... Да что читатели и писатели, когда больше них выла и стонала изболевшаяся моя душа, казнившая автора за то, что он принял на себя такую муку — а лучше бы написал десяток оптимистичных очерков или рассказов о героях труда, например, строителях «высоток» или производителях сладкой карамели на кондитерской фабрике. По несколько месяцев не садился я к письменному столу и не мог взяться ни за какую иную вещь из области художественной прозы. Занимался чем угодно, вплоть до газетной поденщины, лишь бы находиться как можно дальше от заключительных глав этой повести. Но надо было пересилить себя, понимая, в какой жестокий век мы живем. Нужно было поднять голову и трезво, хладнокровно, пристально всмотреться и оценить те реалии XXI века нашей эры, которые мы видим, слышим, знаем не только из газет и телевидения, а по окружающей нас жизни, с которой сталкиваемся сами, изо дня в день... И сделать хоть что-то, что в наших силах, чтобы волчья муть не могла затмить человеческое в людях. Людскость. Пусть для этого понадобятся не только писательские вразумления, а и беспощадный судебный удар по извергам.

Я бы еще сомневался в своих словах, если бы не нашел неожиданную поддержку в творчестве прекрасного поэта России — Андрея Дементьева, который словно увидел все происходящее своими глазами и рассказал об этом в номере «Литературной газеты» от 17-23.07.2013 года.

Пацаны насилуют девчонку...
 На костре палаят,
 Чтоб не было следов.
 Я б в отместку вырвал им печенку,
 Или к стенке — под пяток стволов.
 Мы же либеральничаем с ними, —
 Позабыв, что ладим со зверьем...
 И, гордясь законами своими,
 Дарим жизнь им...
 И приют даем.

...И все же ты, девочка, меня прости, что не смог, не сохранил, не спас. Но ты вечно будешь жить в своих стихах, как того и хотела. Вот оно, твое завещание. Твой последний стих. И твоя, Таня, прощальная улыбка.

Виктор Константинович Кострикин родился в 1935 году в селе Заворонежское Мичуринского района Тамбовской области. Окончил Выборгское военно-морское училище, Мичуринский государственный педагогический институт. Служил на флоте, работал учителем, журналистом. Автор книг прозы «Димка с улицы Мост», «Во дворе — трава», «Рабочий переулочек, один» и др. сборников стихов и прозы. Член Союза российских писателей. Живет в Мичуринске.

Виктор Кострикин

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

* * *

*Памяти
старейшего художника
Козлова-Мичуринска
Сергея Георгиевича Архипова*

Жил в России живописец,
Рисовал речную тишь
И берез тамбовских ситец,
А художнику Париж

Снился тайно, виновато,
Будто в год голодный сласть,
И во сне соблазн Монмартра
Приобрел над юным власть.

Так ему хотелось, чтобы
К мэтрам, не на променаж,
Съездить — как Брюллов в Европу,
Как Иванов, все туда ж.

Он прошел бы там ученье
(Только б не лишили виз!)
И освоил там течение —
Этот импрессионизм.

И не мелочно зависим
Стал бы мир на полотне,
Как пейзажи у Матисса,
И Сезанна, и Мане...

А Монмартр меж тем манила
Даль на галльский их манер:

— Оля-ля! Давно в Россию
Душу тянет на пленэр!

Там, у русского медведя,
Нас, пресыщенных, маня,
Живописное наследье —
Наше перед ним — мазня!

И такой вот вышел бартер,
Умилительный до слез:
Русский пишет на Монмартре,
А с Монмартра бойкий мастер —
Русских рощицу берез.

После будут вернисажи
И в России, и в Москве,
Будут авторы в пейзаже —
Каждый при своем мазке.

Без рецензий всех пространных
Зритель скажет от души:
— Эти русские каштаны,
Вид берез француза странный —
Всяк на свой лад, хороши!

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ

...Мама кормит беженцев
Киселем овсяным:
Пожилую женщину
С внучкой...
В дом крестьянский
Занесли и вещи к нам
(Сложены на лавке)
Изможденной женщины
В черной, с сеткой, шляпке.

Девочка-стрекозка —
Так глаза огромны.
Льнет к ребенку кошка
И мурлычет томно.

В окна тычут рожицы
Ребятишки с улицы...
Расписные ложки,
Глиняные блюда.

В них кисель овсяный.
Он дрожит, как студень.
(Врут, что постоянное
Самых сытых блюдо?).

Ели чинно, медленно,
Но дрожали руки.
Все до капли съедено.
Крестятся по-русски

В угол на Спасителя,
Жалостно вздыхая.
Станут звать их жители
К ним на чашку чая —

Кипяток на травах...
(Будут сниться после
Мне старуха в трауре
И глаза стрекозьи...).

Так вот, слава Богу,
Всею слободою
Мы делили крохи
С горькою бедою —

Ленинградцев семьями,
Кто Господней властью
Смог из плена смерти
К нам сюда добраться —
До земли Тамбовской,
Слободы Заречной...

...Девочку-стрекозку,
Все надеясь встретить,
Я бродил курсантом
По проспектам стройным.
Сколько показалось —
Столько раз и вздрогнул.

Девушки смеялись:
Обознался, видно!
Дамы отстранялись:
— Что пристал, мужчина?

Стариком искал я
В дебрях Ленинграда
Девочку из сказки
Страшной — про блокаду.

Беженки ровесник,
Я ведь жив. Быть может,
И она до пенсии
Дотянула тоже...

Случаем обещанным,
Веры не теряя,
Девочку ту в женщине
Я узнал в трамвае.

Еду с ней, надеясь:
Вспомнит понемножку
Избу нашу тесную
И меня, и кошку.

Как глаза знакомы мне!
В них все те же боли.
...В коммунальной комнате
Встреча хлебом с солью.

Не увижу странного
В том, что не салями,
А подаст овсяного
Блюдце киселя мне.

Я скажу ей с нежностью,
Как она, ранимый:
— Разве я не беженец,
Временем гонимый?

ТАМБОВСКИЙ ХЛЕБ

Июль сжигает облака,
Под ними пепел сёл.
Слинял комбедовский плакат,
Что рисовал «ПОМГОЛ».

Мужик — ну краше в гроб кладут.
У хлебных погребов
Убитых скоро будет тут —
Не сосчитать гробов.

Скорее, с боем жизнь, чем хлеб,
Уступят мужики.
И вот на их амбар и хлев
Бросает власть полки.

Мужик тамбовский вопиет
К таким же, как и он —
Живой, не на стене, скелет
Штыками устрашен.

Костями голодными гремит
Русь, вновь раба, вокруг.
И черепами пирамид
Судьбы очерчен круг.

Но ведь беременна земля!
Безумью вопреки,
Поля рожают зеленыя,
Баюкают ростки...

Шла пахота... Мужик упал
Перед землею ниц,
Когда в отвале черепа
Разверзлись тьмой глазниц.

Другое время... Облака...
И поля черный креп.
И будет из зерна мука,
И испечется хлеб.

БАЛЛАДА ОБ УШЕДШИХ В БЕССМЕРТИЕ

*Воинам Козлова-Мичуринска,
погибшим в сраженьях двух столетий*

В тревожный для Отчизны час
Сквозь время поступь раздается.
То, шаг чеканя, мимо нас
Полки проходят шлемоносцев.

Полк за полком по мостовой
Идут, идут, не оглянутся,
Чтобы надгробною звездой,
Простым крестом домой вернуться.

По мостовой, по мостовой,
Как по истории самой!

Пылает дальний небосклон,
Идут солдаты утомленно.
Козловский полк — идет и он,
Времен войны с Наполеоном.

Шумит знамен пробитый шелк
То на горе, то под горою —
Козловский полк, Тенгинский полк
И Томского¹ полка герои.

Взята Варшава, пал Берлин...
Письмом в века — не на бумаге! —
«Я из полка дошел один!» —
Автограф скорби на рейхстаге.
Один, как перст, идет солдат,
И костыли в асфальте тонут,
А солнце, высшей из наград,
Катилось яблоком в ладони...

¹ Эти три полка были сформированы из граждан Козлова, Томский полк — в 1914 году.

Храни тебя Господь, сынок!
А вспыхнет пламя мировое,
С тобой пойдут Козловский полк,
Тенгинский полк
И Томский полк —
Все поколения героев!

По мостовой, по мостовой,
Как по истории самой!

ДАР

*Из Козлова, где в конце 70-х —
начале 80-х годов XIX века жили
дети Пушкина — генерал
А.А. Пушкин и его сестра
М.А. Гартунг, к открытию
памятника великому поэту в
Москве в дар Румянцевскому музею
был передан сундук с бесценными
рукописями их отца.*

В июле месяце Козлов еще терпим,
И улица Московская чиста.
Денщик сдирает цепкие репы
С лошажьего дрожащего хвоста.

...Он десять верст за утро проскакал.
Игумен Троицкого монастыря
Благословил, хоть он и не искал
Совета ни у Бога, ни царя.

И вот теперь под липой на скамье
Присел; в листве синели облака,
А за оградой холили коней
Его гусары, Нарвского полка.

Велел позвать сестру. Пришла Мари.
Огонь в глазах, порывиста в отца.
Спросила:
— Что решил ты, говори...
— Начала не бывает без конца, —

Ответил Александр. — И мы вольны
Распорядиться. Есть всему цена.
Как в сказочном дворце, душа страны
Таинственно в строках заключена

Стучащихся на белый свет страниц,
Что под замками мы с тобой храним,

И едут к нам гонцы из двух столиц,
Но нам давать ответ не только им.

Тот петербургский господин был прав:
Нет сундуков таких, подвалов нет,
Чтоб запереть не бриллиантов прах —
Мгновенья жизни, что воспел поэт.

Подобным вправе мы одни владеть?
Не пьянице, что песнь, как вещь, пропьет,
А то, за что не грех и умереть,
Вручим владельцу с именем Народ...

Пора в дорогу. — Молча обнялись...
...И вот — Москва и монастырь Страстной,
Народ, народ — куда ни оглянись,
И шепот:
— Пушкин!.. Глянь-ка, как живой!..

...Мы здесь, отец! Исполнили завет.
Ключ передан. Открыт волшебный клад.
Скажи хоть слово! — Но молчит поэт,
Загадочен в тяжелой бронзе взгляд,

Как будто прозревает впереди
Все то, что недоступно никому.
Пред ним встают народы и вожди,
То тьма сквозь свет, то луч пронзает тьму.

И, может, этот маленький Козлов,
Где не был он, и все ж, всесущ, объял
Божественною музыкою слов
И смыслами — началом всех начал,

Где на исходе века, у межи,
У ближнего Тамбовского угла,
Двух пушкинских кровинки малых жизнь
Однажды благодатно протекла.

Валентина Тихоновна Дорожкина родилась в Мичуринске. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт. Работала учителем, редактором региональных газет, редактором Центрально-Черноземного книжного издательства. Автор поэтических сборников «Причастность», «Венок солдату», «Неотправленные письма» и др. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин г. Тамбова, лауреат многих литературных премий. Награждена орденом Дружбы. Руководитель детского литературно-творческого объединения «Тропинка». Член Союза писателей России. Живет в Тамбове.

Валентина Дорожкина

МОЯ БАБУШКА

Главы из повести

*Светлой памяти мамы
Наталии Ивановны
и бабушки
Клавдии Васильевны
Дорожкиных*

1

Много лет я живу на свете без близких родственников. Все умерли — в разное время, при разных обстоятельствах: кто с войны не вернулся, кто в мирное время погиб, кто умер, как говорят, «своей смертью». Всех вспоминаю добрым словом, всех вижу живыми. Поярче других во мне — образ моей бабушки. Часто рассказываю о ней друзьям, передавая по возможности своеобразие ее речи. И теперь по поводу разных событий друзья спрашивают: «А что сказала бы твоя бабушка?» И еще: «Ты записывала ее афоризмы?»

Нет, не записывала. И очень жалею об этом. Но тогда и в голову не приходило записывать. Зачем? Бабушка казалась мне вечной. И о том, что ее когда-нибудь не станет, даже мысли не было. Конечно, за давностью лет многое забылось. И чтобы не выветрилось из памяти все окончательно, я решила записать то, что помню о бабушке, которая никогда меня ничему не учила специально, не воспитывала, а про-

сто жила рядом, все дни проводила в какой-нибудь работе, была добра и милосердна. И — что немаловажно — обладала особенным юмором: о ней говорили: «Скажет, как вмажет...».

Сильных, выносливых людей часто называют двужильными. Сказать о моей бабушке, что она двужильная, — мало.

Она была, но крайней мере, десятижильная. Небольшого роста, худенькая, с вьющимися волосами, надевавшая платок только зимой, она всегда была на ногах, Я не помню ее отдыхающей. Только когда ее возраст перевалил за девяносто, я в очередной свой приезд застала бабушку в постели. Вид у нее был виноватый. Но это стрелки ее жизненных часов делали уже последние круги. А до этого бабушка была, как она сама любила выражаться, «истая молодуха».

На нашей улице водопроводной колонки не было, а был колодец — очень глубокий. Чтобы достать воды, надо было долго крутить ворот с цепью и бадьей. Мужики где-то на середине отдыхали, бабушка — никогда. Она ходила за водой с четырьмя ведрами: два на коромысло и на плечо, два — в руках. И хоть бы капля выплеснулась!

В доме у бабушки было два входа-выхода — с улицы и с огорода. Огород, утыкавшийся строгими бороздами в пустырь, от которого бабушка отгородилась забором, чтобы не видеть людскую бесхозяйственность, засаживался картошкой — меньшая часть, а на огромной территории царствовали подсолнухи. Кое-где островками зеленела морковь, вытягивал стрелки лук, но в основном огород был подсолнуховый. До сих пор явственно вижу бабушкину белую, похожую на пушистый одуванчик голову, мелькавшую среди желтых шляпок подсолнуха. Она называла это — «обходить владения».

Прямо около дома росло несколько яблонь, и в некоторые, особенно урожайные годы, бабушка подставляла под отяжелевшие ветви пепина шафранного и антоновки палки с перекладиной для поддержки, чтобы не обломилась. Во всей округе только одна бабушка не стала «портить» антоновку — прививать, скрещивать. Посадила саженец и ухаживала попросту: окапывала, да поливала, да навоз добавляла в землю.

— Пусть останется безгрешной, — говорила бабушка. — Хоть пахнуть будет собой...

И антоновка (бабушка называла ее «антонка») в самом деле пахла собой. В августе-сентябре, в зависимости от того, какой год выдастся, дерево одаривало хозяйку крупными желтобокими плодами, аромат которых забивал все другие запахи сада-огорода. Мне даже казалось, что в плодопитомнике Мичурина, где доводилось бывать не раз, антоновка пахнет не так ароматно, как бабушкина.

— Моя антонка в голову бьет, как вино, — хвасталась бабушка соседкам и подводила к дереву — нюхать.

Если падала есть — бери, сколько хочешь, а с дерева безо времени рвать не полагалось. Сама она из-за отсутствия зубов яблоки есть уже не могла, только нюхала. Иногда потрет на терке и поест. Но, видно, без удовольствия: железом, говорит, отдает. Сколько раз просили мы:

— Бабушка, сходи к врачу, новые зубы сделает.

— Ну их, — отмахивалась она. — Бог дал, Бог взял. Мне «искусственные» не нужны...

Так ничего «искусственного» никогда не признавала, отговариваясь одним: «Бог дал, Бог взял». Таблеток и настоек не пила сроду, мазями не пользовалась. Да и чтобы травы какие употребляла, не помню. Впервые

с медициной столкнулась за день до смерти, когда неожиданно упала с кровати, и перепуганная дочь, моя тетка (мы все ее звали «крестной», хотя крестила она только одного моего брата), сбежала на станцию в «полуклинику» (так именовали поликлинику) за доктором. «Полуклиника» была крохотная, и сидел там Симка Белый, как звали его и взрослые, и дети. Я думала, что у него фамилия такая. Оказалось, прозвище. Но почему Белый — непонятно: он был брюнетом. Скорее всего, потому, что он всегда ходил в докторском халате: на работу в нем и с работы в нем. И зимой было видно, как он торчал у него из-под короткой шубы.

Пришел Симка Белый, посмотрел на бабушку — ее уже крестная с помощью соседок с полу на кровать перенесла — и спросил:

— Сколько же ей лет?

Крестная только плечами пожала. Действительно, никто точно не знал, сколько бабушке лет. Паспорт свой она случайно сожгла в печке и с тех пор на вопрос о годах отвечала:

— Сколько есть — все мои...

Совершенно определенно знаю, что сказала бы бабушка, если бы услышала песню «Кукушка», в которой Алла Пугачева поет о годах: «Все они мои...». Бабушка сказала бы:

— Вот молодец девка, вся в меня!

Что касается «случайно» сожженного паспорта, то, думаю, дело было так: бабушка нарочно сунула его в печку, когда поняла, что он ей уже никогда не пригодится. Зачем он нужен-то? В Москву — семечки продавать — она по старости уже не ездила, пенсию не получала, посылки и переводы ей сроду никто не присылал. Только мы приставали, став взрослыми: покажи да покажи паспорт. Очень уж нам хотелось посмотреть, какая бабушка на фотографии и сколько ей действительно лет. Вот она и избавилась от документа, чтобы не надоедали. И в отличие от многих пожилых женщин (да и всех женщин вообще), убавляющих себе года, бабушка любопытным с улыбкой повторяла: «Скоко есть — все мои...» А одна из бабушкиных соседок на вопрос, сколько ей лет, отвечала: «Без двух семьдесят». И так — лет десять...

Зная возраст теток, бабушкиных дочерей, приблизительно определяли возраст бабушки: если крестной — шестьдесят, бабушке — восемьдесят. Но могло быть и больше.

Когда бабушке надо было отправляться в Москву, она брала от уличного комитета справку, что такая-то проживает там-то и так далее.

«Уличным комитетом» был хитрый мужичонка, сумевший как-то увильнуть от фронта, но ходивший в галифе и в хромовых сапогах со скрипом. При его маленьком росте, нескладной фигуре это выглядело очень смешно, и бабушка никогда иначе не говорила о нем, как: «Ульком, зад кульком». Только она употребляла более выразительное слово.

А в Москву бабушка возила семечки со своего огорода. И в улькомовской справке обязательно указывалось, что «товар», увозимый в столицу на продажу, «выращен собственным трудом». Это — чтобы не обвинили в спекуляции...

Но до Москвы с семечками было еще много возни. Помню особенные дни выколачивания шляпок. Бабушка звала нас, внуков, расстилала во дворе мешковину, выдавала нам палки, и мы, перевернув подсолнечное решето семечками вниз, били палкой по обратной его стороне.

Мы никогда не видели, как бабушка срезала шляпки. Нам она делать этого не разрешала — боялась, что пораним руки. Странно выглядел под-

солнуховый огород с торчащими палками без шляпок. Вытаскивать палки, или, как она их называла, «коренюшки», бабушка не спешила. На них она нанизывала освобожденные от семечек шляпки для просушки. Вместе с высохшими коренюшками они шли зимой на растопку печки.

«Околачивание» продолжалось несколько дней. Потом семечки сушились под навесом, провеивались, и начиналось самое главное — семечки жарились. Опять же из-за отсутствия зубов грызть их бабушка не могла, чтобы попробовать, готовы ли. Нам не доверяла: «Вам все хорошо, лишь бы скорей». Но, помешивая серые вороха на плите, интуитивно чувствовала, когда надо сбрасывать семечки на расстеленную на полу мешковину. На ней они «отдыхали от жара» и только потом пересыпались в мешки, которые бабушка зашивала толстыми белыми нитками. В такие дни нам не надо было, как говорила бабушка, ни воды, ни еды. Мы грызли семечки. Мы были сыты. Пить, правда, хотелось. Но это не проблема: ведро колодезной воды, накрытое выскобленной доской, всегда стояло в сенях и у мамы, и у бабушки...

Такие же вкусные жареные семечки, как в детстве, я купила только однажды у старушки, живя уже в другом городе. Беленькой, как одуванчик, головой старушка напомнила мне мою бабушку. В отличие от своих угрюмых товарок по рынку, она была без платка, улыбалась, как-то очень уж складно говорила, насыпала стакан с большим верхом. Я залюбовалась ею: чистенькой, шустрой... А дома, пробуя семечки, вздрогнула от воспоминаний. Сколько потом ни ходила на рынок, моего «одуванчика» не было. А спрашивать о ней у других обладательниц мешков с семечками не могла из-за боязни услышать что-нибудь неприятное. Иногда мне кажется, что это моя бабушка привет мне передала, напомнила о детстве...

Мы с мамой (нас у нее было четверо) жили на той же улице, что и бабушка, только на противоположной стороне, через несколько домов. Вместе с другими ее внуками мы «паслись» все время у нее, особенно когда благоухал всеми запахами бабушкин сад-огород. Мы — внуки от ее сына, нашего отца, погибшего на войне, а еще были внуки от дочери, жившей в самом конце улицы, ближе к железнодорожной станции. И хотя она приходилась нам теткой, мы звали ее Любой — наверное, за озорство, смешливость, легкость, с какой она общалась с нами, растила своих детей, рожая их почти ежегодно. Ко времени моего отъезда из родного города их было девять. Потом родились еще трое. И все, как сказала бы бабушка, «вышли в люди».

— Любка и за себя, и за Саньку рожает, — говорила она.

— Так что, все как раз...

Санька — это крестная, которая замуж не выходила, улыбалась редко, и ее, по-моему, даже бабушка побаивалась.

Муж Любы — дядя Вася — работал проводником товарных вагонов. Бабушка звала его Жека. Как это прозвище появилось, не знаю. Первый раз услышала его, когда бабушка однажды, придя к нам, села на лавочку у дома и сказала маме: «Наш Жека-то, говорят, пьяный на станции валяется. Любка пошла за ним. Да рази она допрет такую махину одна? Пойду подмогну...».

Люба, сколько я ее помню, постоянно мыла в доме пол, потому что кроватей на всех детей, конечно, не было, и она на ночь стелила на полу две перины поперек, а днем скатывала их рулоном в угол.

Каждый вечер она наливала в большое корыто воды, собирала своих голопузых, купала их по очереди, «промокала» своим старым халатом и

отправляла на перины. Перед тем, как лечь самой, обязательно подходила и пересчитывала детей: все ли на месте? Так она стала делать после случая с трехлетним Славиком, который, наигравшись, уснул под смородиновыми кустами, где его, выйдя на рассвете во двор, и обнаружила Люба. Хорошо, что было жаркое лето, и малыш не простудился.

Хотя Любины дети росли крепкими и некапризными, но среди ночи раза два-три то один потребует маму, то другой. И она, конечно, не выспалась. Попробовала как-то «добрать» днем — где там! Теряют, чуть ли не стаскивают с кровати. Но Люба придумала одну хитрость. Выпустив накормленных детей на улицу — всех: ползающих, еле ковыляющих и уже бегающих, она, приказав старшим присматривать за маленькими, — я, мол, в магазин сбегая — выходила на улицу и незаметно возвращалась через огород в дом. Залезала под кровать, заранее вымыв пол, и, скрытая от глаз белым подзорником, натянутым между ножками кровати, час-полтора спала. Благо, машины по нашей улице не ездили, и в этом смысле за детей не надо было беспокоиться. Они забегали в дом, убеждались, что мама еще не пришла из магазина, — и снова на улицу.

Сколько так продолжалось, не знаю. Но как-то мы с бабушкой пришли к Любе. Все открыто, а ее нет. Я и не догадалась, где она. А бабушка прищурилась на подзорник, подошла к кровати и вытащила Любу за ногу. Но ругани никакой не было, посмеялись и только. Кто-кто, а бабушка понимала, как нелегко дочери с такой оравой.

У бабушки был большой двор с сараями. Она сама вырыла в углу двора громадную яму, залила ее водой и пустила туда уток. Но они почему-то не прижились, бабушка их вскоре перевела. А вот куры у нее были всегда. И на Пасху бабушка одаривала всю «голытьбу», как она нас называла, крашеными яйцами.

Крестная ей в домашней работе почти не помогала. Она работала стрелочницей, и мы редко видели ее дома. В Москву с бабушкой она не ездила: дом без присмотра не оставляли.

Ко времени отъезда бабушка старалась управиться с садом-огородом. Но оставались куры, регулярно требующие корма, выгона из сарая на волю и загона обратно. Но главное — они ежедневно неслись, для чего в углу сарая имелось большое гнездо...

Как только бабушка объявляла срок поездки в Москву, крестная брала отпуск. И сразу все мрачнело вокруг: так вольготно, как при бабушке, мы себя уже не чувствовали — на огород крестная нас не пускала, говоря: «Нечего, нечего там делать, и так все притоптали...» Сарай, всегда открытый при бабушке, без нее запирался на замок. А мы знали, что там, в большом ларе, хранились ржаные сухари в белых холщовых мешках, сушеные яблоки и груши; в круглых корзинах лежали яйца — отдельно белые и желтые. Их крестная носила на базар. Бабушке продаже яиц она почему-то не доверяла.

Меня крестная с огорода не гнала: я ходила осторожно, без спросу ничего не брала, даже яблоко-падалицу. Хотя иногда хотелось гикнуть и промчаться по огороду на воображаемой лошадке, оседлав одну из валявшихся во дворе палок. Но я сдерживала себя, каким-то внутренним чутьем понимая, что я огорчу прежде всего бабушку, что крестная после этого никогда никого в сад-огород не пустит. Этот неосознанный протест, сама не знаю, против чего или против кого, держался во мне недолго: дурья, кусты смородины и крыжовника, ухоженная бабушкой земля, удивительные запахи, которых сейчас и в помине нет, наполняли сердце

нежными чувствами, и я ходила по протоптанной стежке из одного конца огорода в другой, смотрела сквозь деревья на небо, и мне было хорошо. В такие минуты забывались детские обиды, притуплялось постоянное ощущение голода...

Как-то в отсутствие бабушки крестная, зайдя в сарай, вынула из гнезда и показала мне яйцо без скорлупы, в прозрачной оболочке, сквозь которую виден был желток.

— Не доносила, суматошная, — с досадой сказала она о коричневой курице, только что вылезшей из гнезда.

С этой курицей вообще происходили чудеса. Иногда она кукарекала, как петух. Говорили, что это не к добру. Бабушка в первый раз, как услышала, хотела ей голову отрубить и уже за топором отправилась, но тут пришли печники, которых ждали давно, и курица была спасена. Пока мужики клали новую печку, было не до нее, а потом и вовсе забыли. Следующий петушиный ор курицы уже не так испугал бабушку, и за топором она не пошла... Теперь вот яйцо без скорлупы снесла. Крестная долго держала его на ладони, потом махнула рукой, пошла в дом, позвав и меня, и я не поверила глазам: достала сковородку, влила подсолнечного масла, разогрела и, проткнув булавкой оболочку яйца, вылила его на сковородку. Раздавшееся шипение, умопомрачительный запах приостановили мое дыхание... Когда яйцо изжарилось, крестная отделила себе маленький кусочек, остальное подвинула мне. Так я впервые в жизни попробовала яичницу. Мне хотелось рассказать об этом всем, но крестная предупредила: «Не болтай никому. Съела и съела...». Не знаю, почему она не захотела, чтобы о ее доброте кто-то узнал. Я, конечно, не проболталась, хотя таить в себе такое мне, ребенку, было ох как нелегко! С тех пор я как-то по-иному стала смотреть на крестную и, к удивлению всех, защищала ее, если о ней говорили плохо...

Из Москвы бабушка, продав семечки, привозила дары, от которых не то, чтобы разбегались глаза — дух захватывало: связки румяных сушек, большие голубоватые куски сахара, копченая треска; ее белое мясо в коричневой шкурке издавало незнакомый запах — от него еще больше подводило живот, а рот наполнялся слюной... Все это выкладывалось на стол, окруженный со всех сторон нашими напряженными, застывшими в ожидании фигурками. Каждый из нас получал по две сушки, по куску сахара. Одну большую треску бабушка отдавала маме, и мы ели ее уже дома, в своей семье. Если сушки и что-либо другое мы съедали практически мгновенно, то сахар держался: расколоть кусок не хватало сил, да и отскакивающих крошек было жаль. И мы бегали на другую улицу к колонке, подставляли сахар под струю воды, а потом высасывали сладкую прохладу. Сахар не таял сразу, как современный рафинад и не разваливался, от него можно было откусывать понемногу. Наслаждение длилось несколько дней...

Бабушка моя не умела ни читать, ни писать. Когда мы стали ходить в школу и кое-что уже соображали, то часто приставали к ней:

— Бабушка, давай мы тебя хоть читать научим.

— Ну вас, — обычно отмахивалась она. — Раньше не умела, а теперь и вовсе ни к чему. Сыны с фронта редко письма слали, так было кому прочесть да ответ отписать. А теперь и читать нечего, и писать некому...

Кроме моего отца, у бабушки погибли в войну еще два сына. Неженатых. Пенсию она не получала, хотя, по совету соседок, хлопотала. Отказ мотивировался тем, что есть дочери — прокормят. Вот и жила бабуш-

ка садом-огородом да зарплатой крестной. Мама же на нас, четверых, получала пенсию за погибшего отца. По мере того, как братья мои становились совершеннолетними, пенсия уменьшалась и совсем прекратилась, когда совершеннолетней стала я, последняя.

Зимой, в первые послевоенные годы, мама с бабушкой ходила ранними утрами, затемно, на железную дорогу, или, как обе они говорили, «на пути». Знакомый машинист, работавший до войны вместе с отцом, зная нашу бедность, рискуя потерять работу, а может быть, и свободу, сбрасывал с паровоза в определенном месте уголь. Мама и бабушка складывали его в мешки и везли на салазках на базар. Продавали они его или меняли на хлеб, не знаю точно. Наверное, все-таки продавали, потому что принесли домой не только хлеб, но и соль в бумажных кулечках, и концентраты, которые в красивых упаковках стояли на полках магазинов. Иногда — и это было праздником! — мама доставала из кармана завернутого в бумажку сладкого петушка на палочке. Петушок был один, а нас — много, и мы по очереди лизали его, пока он не истончался, превращаясь в хрупкое стеклышко, которое тщательно делилось на осколочки поровну. Лизнуть петушка мы предлагали и маме, но она всегда отказывалась, говоря:

— Что я, маленькая?..

В отличие от бабушки, мама была грамотной. Не так, чтоб уж очень, но расписаться могла без посторонней помощи, пятерку от двойки в таблице успеваемости (дневников тогда не было) отличала, крупные вывески на вокзале читала свободно. Однако в Москве никогда не была — боялась. А неграмотная бабушка, уверовав раз и навсегда, что «язык до Киева доведет» (она говорила — «до Кеева»), ездила в Москву ежегодно и в последний раз была там в очень преклонном возрасте.

С удивительной легкостью затаскивая мешки с семечками в тамбур, она могла так в тамбуре и ехать всю ночь, даже не думая, что это неудобно. Просто каких-либо удобств она никогда не знала. Билеты брала только в общий вагон — подешевле. А чаще всего ее сажали в вагон знакомые проводники. И, восседая на мешках, довольная, что удалось влезть в вагон, бабушка махала нам, стоящим на перроне, маленькой ручкой:

— Ну, все, все, идите...

— Бабушка, — спрашивал мой старший брат, — ты что, так и будешь в тамбуре всю ночь сидеть?

— Бог терпел и нам велел, — весело отвечала бабушка. — Идите, идите...

Мы провожали бабушку «всей гольтьбой». Крестная, мама и старшие братья помогали с мешками, которые везли на вокзал на тачке, а маленькие просто вертелись возле, гордые тем, что вот, мол, бабушку в Москву провожаем, а через несколько дней и встречать будем... если возьмут. И если дождя не будет. В дождь нас не возьмут — это точно. Не потому, что промокнем, а потому, что даже при небольшом дожде наш чернозем развозило так, что ноги из грязи не вытащишь. И хоть вокзал находился совсем близко, особенно от Любиного дома, дойти до него в ненастье было проблемой немалой, особенно с грузом. Лужи, образующиеся во время сильных ливней, не успевали просохнуть за лето, оставались в осень, увеличивались в размерах так, что соединяли обе стороны улицы. Зимой лужи превращались в каток, чем мы и пользовались в свое удовольствие.

Возвращалась из Москвы бабушка всегда возбужденной.

И только однажды приехала она подавленной, испуганной. Это было в пятьдесят третьем году. Осенью пятьдесят второго крестную на три ме-

сяца перевели на другой участок железнодорожного пути, где она и жила в будке стрелочника до самых холодов. Потому бабушка не смогла вовремя съездить в Москву, а поехала только в первых числах марта. И попала там в толпу, прущую неизвестно куда, обезумевшую от сообщения о смерти Сталина.

— Только и успела снять калоши с валенок да сунуть в мешок, рассказывала бабушка. Спасибо, что семечки уже продала, а то бы привезла вам шипс с маслом.

— А калоши-то зачем сымала? — поинтересовалась крестная.

— Не сняла бы, без них бы и осталась... В толпу, не дай Бог, попасть — стопчут. Уж и не помню, как выскочила, да скорей на вокзал. В ларьках набрала, что было, и домой...

Два года после этого бабушка в Москву не ездила, а семечки продавала на местном базарчике. А так как ее знали все, и она знала всех, то семечки не столько продавались, сколько раздавались, за что крестная выговаривала ей:

— Ты еще штаны отдай.

— А у меня их и нету, штанов-то, — парировала бабушка.

— А то, может, и отдала бы.

Она действительно не признавала никакого нижнего белья, кроме длинных трикотажных рубах, называя их «крикотажными». На них надевались длинные юбки, кофты, почти всегда синие в белый горошек.

— Буду я еще в штанах путаться, правда? — бабушка почему-то всегда обращалась ко мне, как бы за поддержкой. — Есть когда мне с ними возиться...

2

Не могу утверждать, что бабушка любила меня больше других внуков. Она всех нас одинаково привечала. И когда вместе с нами прибегали к ней чужие ребятки, она давала нам всего поровну — по стакану семечек, по яблоку или по кусочку хлеба. Я даже замечала, что чужим она старалась дать и яблоко покрасней, и хлеба побольше. Как-то мой брат выговорил ей с обидой:

— Что же это ты, бабушка, чужому вон какое яблоко дала огромное, а мне...

Бабушка очень рассердилась:

— И-ишь ты-ы... Ты-то сам зайдешь в сад да схватишь любое, а ему схватить негде...

Голод заставлял в детстве совершать маленькие преступления: делать набеги в общественные сады. К соседям ни в сад, ни в огород никогда не забирались, избави Бог! Это был, как говорила бабушка, «позор на весь поселок». Правда, хоть и редко, но случалось, что, выйдя поутру в сад, какой-нибудь хозяин обнаруживал «отрясенную» яблоню или грушу и ругался, на чем свет стоит. Такие «подвиги» мальчишек были ничем иным, как мстью за жадность. Бывало, идешь мимо высокого забора Свиридова, поднимешь голову — яблони и груши стоят усыпанные. В дырочку между досок видно, как хозяин ходит от дерева к дереву, любитесь небывалым урожаем.

— Дядь, кинь яблочка! — хором просим мы.

На голоса поворачивается свирепое лицо Свиридова, и вот он уже летит к забору с палкой:

— Пошли отсюда! Я вам покажу яблочко! Приходите на базар да покупайте...

— Дядь, — чуть отбежав от забора, продолжаем мы клянчить, зная, что все равно не даст, но уже из азарта подразнить жадюгу, — вон сколько на земле валяется, все равно пропадут, кинь, а?

Но никогда ни одного яблока никто от Свиридова даром не получал.

— Он и сам-то их вряд ли жрет, — с досадой говорила бабушка, если узнавала, что мы опять вертелись у его забора.

— Все на базар носит... Потерпите, на тот год и у нас опять будут свои яблочки. Пожуйте пока сушененьких.

Но сушеные ломтики яблочек хороши зимой, а летом хочется свежих. А бабушкин сад давал плоды через год, как по расписанию. Ежегодно плодоносила только «китайка», из которой бабушка варила варенье.

Странно, что у Свиридова не было собаки, как у других, не менее жадных владельцев больших садов. Как-то мы спросили об этом у бабушки.

— А зачем ему собака? — удивилась она. — Он сам, как шакал...

С тех пор так и прилипло к Свиридову это прозвище.

Но и у Шакала трясли яблоки — с деревьев, растущих ближе к забору. Делали это, наверное, взрослые парни, чтобы угостить своих девочек. Случайно услышанный разговор подтвердил мою догадку.

— Мы вчера ночью у Шакала яблочек позаимствовали, — рассказывал Колька Власов моему брату. — Даже не знаю, какой сорт. У твоей бабушки таких нет...

— А как же забор-то? — спрашивал брат.

— А так... — улыбнулся Колька. Один станет вплотную к забору, а другой — ему на плечи, и яблочки рядом. Конечно, третьего не хватает: яблоки на землю не бросишь — вдруг Шакал услышит? А ловить некому... В карманы много не набьешь. Так, девчонкам только... Пошли в следующий раз с нами?

Брат промолчал, но я знала, что он не пойдет — ни в сад к Свиридову, ни в чей-либо другой: бабушкин запрет на этот счет был строгим. А вот к походам в общественные сады она относилась снисходительно — не одобряла, но и не запрещала. Мама отговаривала:

— Не ходите, ребята! Вдруг охранник пальнет из ружья — избави Бог!

— Мы осторожно, у самого края... В случае чего убежим...

Я всегда с волнением ждала братьев, выходила на самый край, чтобы издали увидеть, как возвращаются они с полными пазухами: яблоки складывались по всей окружности рубахи, заправленной в шаровары, которые мама шила сама из черной ткани «в рубчик». Наши «добытки» возвращались, довольные тем, что идут с яблоками, и по дороге угощали всех, кто встречался.

Как-то в один из таких «яблочных» дней я не выдержала томительного ожидания и, увидев братьев уже от бабушкина дома, побежала навстречу. Ходили мы, конечно, босиком. Я не заметила валявшуюся на дороге кость и глубоко порезала ногу. Боли сразу не почувствовала и только с удивлением смотрела на обильно текущую кровь: откуда ее столько? Братья донесли меня до дома, рану мама промыла, чем-то смазала (йода тогда мы не знали), завязала и посадила на лавочку у дома, сказав и с жалостью, и с досадой:

— Прищемись хоть на недельку, а то без головы останешься.

Неделю я не выдержала и уже на другой день доковыляла до бабушкина дома:

— Пройдет, — убежденно сказала она, и я как-то успокоилась, напу-
ганная вначале прогнозами соседок: «Как бы без ноги не осталась...».

Все-таки меня бабушка как-то выделяла среди других внуков. Может
быть, потому, что я была единственной девочкой в нашей семье, да еще и
младшей, да еще похожей на отца, бабушкиного сына. Иногда посмотрит
она на меня внимательно-внимательно и скажет каким-то особенным го-
лосом:

— Отец-то об тебе прямо обмирал. Тебе ведь годок всего был, когда
его на войну взяли. А уж как хотел дождаться, чтобы ты ему платочки
носовые стирала...

Но ударяться в воспоминания, да еще в такие, бабушка себе не позво-
ляла. Сама себя обрывала и уходила на огород.

В мамину жизнь она не вмешивалась, не учила ее, как хозяйство ве-
сти или нас воспитывать. Тем не менее за меня заступалась часто, оказы-
ваясь у нашего дома в тот момент, когда мама поднимала над головой
«жичину» — упругую ветку акации.

— Будя, будя, размахалась, — сердито говорила бабушка и уводила
меня к себе. Она категорически была против порки, даже если вина моя
или кого-то из братьев была несомненной.

Мама ей не перечила, относилась с уважением. Свекровью бабушка
была образцовой. Я ни разу не слышала, чтобы они ссорились, хотя осо-
бой теплоты в отношениях тоже не было. Маме почему-то казалось, что к
Любиным детям бабушка и крестная относятся лучше, чем к нам. Но я
этого не замечала или не понимала.

Когда мы учились в школе, мама в какие-то затруднительные момен-
ты обращалась к бабушке за советом. Обе они были верующими, следи-
ли, чтобы и мы, садясь за стол, «лоб перекрестили». Фанатиками, конче-
но, не были, но религиозные праздники чтили, особенно Рождество, Пас-
ху, Троицу. Постов строго не соблюдали, кроме Великого — предпасхаль-
ного. Не очень сытая жизнь и так была сплошным постом: мяса никогда
не покупали, о сливочном масле понятия не имели, но молоко ели часто.
Наша улица заканчивалась на границе с селом, носившим странное на-
звание — Громушка. Там водили коров и продавали молоко городским
жителям. Бабушка делала вкусное квашеное молоко и называла его «кис-
лушкой». Молоко ели и в пост. Это было единственное лакомство. Моло-
ком забеливали свекольские щи, запивали сухую пшеничную кашу.

— Грех из уст, а не в уста, — говорила бабушка.

Мы не понимали, что это значит, и она объясняла:

— Слов плохих не говорите, зла людям не делайте — это грех. А еда —
она жизнь поддерживает: побольше поешь, подольше поработаешь. Бог
труды любит...

Нам больше нравилась Любина поговорка: «Грех — в орех, а ядрышко
— в рот». Так отвечала она всем, кто выговаривал ей за стирку в праз-
дник или за молочную пиццу в пост. Люба вообще, по-моему, верила в Бога
только тогда, когда болели дети. В остальное же время она молитвами себя
не утруждала. Устав с детьми за день, она часто валялась в постель, не
перекрестясь. Не в пример моей маме, которая каждый вечер, прежде чем
лечь, подолгу стояла перед иконой, шепча молитву и часто опускаясь на
колени...

Каких-нибудь сложностей при вступлении в пионеры не помню. Но
когда мне исполнилось четырнадцать лет, и в школе вручили анкету для
вступления в комсомол, не сказать об этом дома я не могла. Мы воспитыва-

вались не только в послушании старшим, но, я бы даже сказала, — в некотором страхе. Больше всего боялись маминых выговоров — таких долгих, многословных, что невольно думалось: «Уж лучше бы побила...».

Мне кажется, что все годы я училась в школе на одни пятерки, прежде всего, из-за боязни огорчить маму. Она гордилась тем, что я отличница, все мои похвальные грамоты складывала в сундучок, и благодаря ее аккуратности и бережливости, эти «знаки отличия» сохранились до сих пор. И это единственное, что взяла я из маминого дома после ее кончины, предоставив распоряжаться всем остальным брату и крестной...

Под большие религиозные праздники нам не разрешалось оставаться на школьные вечера. Мама говорила, что она позволила бы, если бы была уверена, что мы не будем петь, плясать или, что хуже всего, «богохульничать», как определялись ею все антирелигиозные представления со сцены. Бабушка была не так строга в этом отношении и иногда даже помогала нам уговорить маму отпустить нас на вечер:

— Все равно на улице дотемна шатаются, пусть уж лучше в школе побудут...

Не понимала бабушка только нашего пристрастия к кино.

— И чего вы там хорошего нашли? — с недоумением спрашивала она. — Вам картиночки передвигают, а вы глаза пялите, да еще деньги за это несете. Опять небось на буханку хлеба отволокли?

Ворчать ворчала, а денежку нет-нет да и сунет...

Итак, я принесла анкету домой. Мама тут же сбегала за бабушкой. Еще не заполненная анкета лежала перед ними на столе. Бабушка отправила меня на улицу, но далеко уходить не велела. Да и как уходить! Я и сама, чувствуя важность момента, сидела у дома на лавочке, готовая вскопичить, как только позовут.

И вот позвали. Бабушка, бережно держа анкету обеими руками, протянула ее мне со словами:

— В Божьем Писании сказано: «Вперед не иди и сзади не отставай»...

Так я получила благословение на вступление в комсомол...

Сколько я потом, учась в институте, занимаясь в различных философских семинарах, перечитала «Божьих писаний», но ни в одном сказанных бабушкой слов не встретила. У нее, видимо, было какое-то свое «писание», и она ссылалась на него по всякому поводу. Из-за неграмотности лежавшее у нее за иконой евангелие она читать не могла. Скорее всего, посещая церковь, она впитывала все молитвы, все разговоры монашек, богатую на афоризмы речь прихожан и по-своему переосмысливала их...

В церковь бабушка ходила нечасто — по большим праздникам. Надевала новую юбку, кофту и из такого же материала платочек: в церковь женщине с непокрытой головой ходить нельзя. В платке бабушка становилась непохожей на себя, какой-то чужой, и все норовила высунуть из-под него то одно ухо, то другое.

В церковь брали и нас. Мы, истово крестясь, приводили в умиление старушек, которыми храм набивался так, что можно было в какие-то минуты, когда шло исповедование или причащение, поджать обе ноги, не боясь упасть: толпа держала со всех сторон плотно. Удивительно, что хилые на вид старички и старушки становились в толпе монолитом, сквозь который невозможно было протиснуться. Сколько раз их острые кулачки и локоточки до боли впились в мою спину и бока...

Духота от скопления людей, горящих свечей, в конце концов, превращалась во влагу: с потолка капало, по стенам, расписанным ликами свя-

тых, тоже стекали капли, и казалось, что по обнаженному телу Иисуса Христа на огромном, во всю стену Распятия, струится пот...

Выйдя из церкви, бабушка с облегчением снимала платок:

— Чуть не удушилась в нем...

А дома, переодевшись во все повседневное, она опять становилась нашей родной бабушкой.

— В церкву у нас и ходить-то — один грех, — сетовала она. — Обязательно в этой толкучке что-нибудь непотребное скажешь. Да и на виду у всех молиться не люблю.

Но в очередной праздник мы опять наряжались и шли навстречу звонившим колоколам.

У входа в церковь, начиная от самых ворот, было много нищих. Они ссорились между собою, ревниво следили, сколько кому положат в полусогнутую грязную ладонь. Бабушка торопливо раздавала мелочь и спешила уйти, не дожидаясь благодарности. Нищие и благодарили-то скороговоркой, небрежно крестясь и жадно протягивая руки каждому, проходившему мимо. Но были среди них и скромные, стесняющиеся своего положения. За подавание они смиренно благодарили, повторяя несколько раз:

— Спаси вас Господь...

Некоторые из подающих милостыню делали это как-то даже торжественно, напоказ, словно говоря: «Вот какие мы добрые!» Бабушку это всегда выводило из себя:

— Подавание надо делать тайно, — сердито говорила она.

— Дать-то надо так, чтобы и незаметно было... Рази можно добро напоказ делать?..

И, помолчав, успокаиваясь, добавляла:

— Ну вот, опять согрешила, хоть не ходи...

На нашей улице, в самом конце, в крохотной, вросшей в землю, избушке, которую все называли землянкой, жила монашка. На самом деле монашкой она не была, в церкви я ее ни разу не видела. А прозвали ее монашкой за черную одежду и тихую, незаметную жизнь. Она была старая, иссохшая, но летала по своему маленькому огородику быстро. Даже не бегала, а как-то скакала. Ее почему-то боялись, говорили что-то про черный глаз, черную магию и шепотом произносили слово «колдунья».

— Была бы колдуньей, не голодала бы так, — останавливала бабушка ретивых сплетниц. — Наколдвала бы себе пирогов да избу новую и жила бы припеваючи.

Вблизи я монашку никогда не видела, только издалека, когда проходила мимо ее землянки с мамой или бабушкой по дороге в церковь. Завидев людей, она моментально исчезала.

Вот этой монашке бабушка под каждую Пасху специально пекла кулич, заворачивала его в белую тряпицу, клала туда же два крашенных яичка, немножко творожку, освящала все это в церкви вместе со своим и в сумерки относила к порогу землянки. Иногда, если я очень приставала, бабушка брала меня с собой. Мы подходили к избушке, бабушка аккуратно ставила кулич на единственную доску порога, оставшуюся поверх земли, стучала указательным пальцем в тусклое окошко и, взяв меня за руку, быстро вводила прочь.

— Бабушка, — спрашивала я, — что же мы не подождем, пока она выйдет?

Мне и страшно было, и в то же время очень хотелось увидеть монашку поближе, посмотреть, какие они бывают, колдуньи.

— Ни к чему это, — тихо говорила бабушка. — Выйдет она, увидит, подумает: «Господь послал». Ей и радостно станет, и у нее праздник — и на душе, и в желудке...

В открытую можно было только возить монашке воду. Это делали мои старшие братья. Они наполняли водой из колодца огромную флягу, ставили ее на тачку и везли к землянке, со стороны огорода. При них монашка из землянки не вылезала — может, зная разговоры о себе, боялась напугать? Воду переливали в железную бочку, врытую в землю. Такая процедура повторялась еженедельно по воскресеньям. Бабушка строго следила за этим. Когда братья, увлеченные летом игрой в футбол, зимой — коньками и лыжами, сопротивлялись, не хотели везти монашке воду, бабушка с возмущением говорила:

— Это вы что же вытворяете-то, а? Может, у ней уж и попить нечего.

— Захочет пить — сама сходит, — отвечали братья.

— Да рази она сама донесет ведро в такую даль? Колодезь-то от нее — за километр!

— Пусть наливает из колонки, она у нее рядом, — не сдавались братья.

— И-их вы, из колонки... В ней ржавь одна, в колонке-то. А старому человеку колодезная вода пользительна. Ну, гоняйтесь, гоняйтесь, я сама отвезу...

Но этого братья допустить не могли и бегом гнали тачку с флягой к землянке. Зимой воду возили на санках, но в бочку не выливали, чтобы не замерзла, а разливали в заранее подготовленные монашкой ведра, которые она потом, как мы догадывались, переносила в свою землянку...

Вода в нашем колодце была действительно отменная.

— Ледяную выпьешь и не остудишься, — уверяла бабушка.

А непитой водой, то есть той, которую еще не брали из наполненного ведра, умывали от сглазу и людей, и скотину.

В летнее время у колодца собиралось много народу: колонка на соседней улице часто ломалась, и тогда все шли за водой к нам. Устанавливалась очередь, начинались разговоры, чаще всего о политике и, конечно, о делах семейных. Бабушка принимала в них самое активное участие. Но она терпеть не могла, когда какая-нибудь соседка начинала «честить» сноху или зятя, надеясь вызвать сочувствие слушающих. Бабушка сразу обрывала такую ораторшу:

— Ты все это им скажи, а нам-то на кой? Такого добра в каждом дворе — на рупь кошелка...

Зато разговоры о политике, которые вели преимущественно мужчины, ее очень интересовали. Часто дело доходило до бурных споров, до ругани, не обходилось и без крепкого словца. Бабушка косилась на нас и других детей, крутившихся возле: слышим ли? Но того, кто «выразился», не оговаривала, не перебивала — очень уж момент был напряженный. Почти всегда спорившие обращались к бабушке, как к арбитру:

— Ну, вот ты, пожилой человек, скажи...

И бабушка высказывала свои соображения.

Интересно, что, ежегодно бывая в Москве, она не представляла, что есть где-то другие города, области, другие государства. Как говорится, теоретически, конечно, знала, но конкретно представляла только свою, Тамбовскую область. Она и была для нее — «наша страна». Не нашей была Германия, отнявшая у нее трех сыновей.

И вот как-то при обсуждении событий вокруг Египта, грозивших вылиться в международную трагедию, у колодца разгорелся спор, будет

война или нет. И то ли серьезно, то ли в шутку кто-то по привычке спросил у бабушки:

— Вот ты, пожилой человек, скажи: война будет?

Ни на минуту не задумавшись, бабушка отчеканила:

— В Божьем Писании сказано: «Война будет, но победа будет за Танбовской областью...».

Секундное гробовое молчание ошарашенных мужиков сменилось таким диким гоготом, что из ближайших домов стали выходить люди узнать, что же такое стряслось у колодца.

Бабушка смиренно сидела на опрокинутом ведре в ожидании своей очереди набирать воду. Вид у нее был довольный.

С этого дня, сколько бы ни было народу у колодца, бабушку всегда пускали без очереди и даже предлагали бадью за нее вытаскивать. Но этого она не допускала, говоря:

— Что я, улогая, что ли? (Улогая — то есть убогая, инвалид).

И, залив водой, как обычно, четыре ведра, бабушка гордо шла к дому под взглядами покачивающих головами мужчин:

— И откуда у нее столько силы? Маленькая, немолодая уже, а ты погляди, что вытворяет.

Да, ни один мужчина, не говоря уж о женщинах, не мог нести сразу четыре ведра воды. Мы видели, как пробовали некоторые пройти хоть несколько шагов с двумя ведрами на коромыслах и с двумя — в руках. Куда там! Ведра мотались из стороны в сторону, вода плескалась, все смеялись, а очередной «пробователь» смущенно ставил ведра на землю и говорил:

— Ну, вообще... Не знаю, как она их носит.

Мы втайне гордились нашей бабушкой. Она и сама удивлялась своей выносливости. Часто, придя с огорода, где с самого раннего утра окапывала яблони или полола, она опускала ноги в таз с холодной водой и с каким-то даже наслаждением говорила:

— Лошадь бы давно сдохла, а я щас ноги вымою и на базар слетаю.

Она никогда не говорила «схожу», всегда — «слетаю» или «сбегаю».

3

В отличие от бабушкиного, мамин огород был преимущественно картофельным. И только небольшие участки, ближе к дому, занимали кусты помидоров и огуречные плети. Мама тоже сама копала, сажала, убирала урожай. Когда мы подросли, ей стало немного легче: старшие помогали копать огород, а маленькие — сажать и выбирать картошку. Мне вначале казалось, что бросать картошку в лунку — пустяковое занятие.

Но после первой же пройденной борозды мнение на этот счет изменилось. Из экономии семейную картошку разрезали пополам, и бросить ее в лунку надо было так, чтобы ростки оказались наверху. Поэтому часто приходилось нагибаться и поправлять половинку картофелины в лунке, которую тут же засыпал землей кто-нибудь из братьев или мама. Борозды были длинные, мама строго следила, чтобы они получались ровными, и проводила нам вначале лопатой черту по вскопанной земле.

После того, как картошка была посажена, наступал небольшой перерыв в работе — до всходов. А потом начиналось самое нелюбимое мною занятие — прополка. Сорняки росли быстро, повитель норвила опутать

еще неокрепшие кустики картошки, и приходилось вырывать ее очень осторожно. Но самым противным был осот. Он колот руки, которые потом зудели и чесались так, что ночью невозможно было заснуть. Днем зуд не так донимал, как ночью. Никаких кремов или мазей у нас тогда и в помине не было, и бабушка, видя мои расчесанные до волдырей руки, советовала:

— Ложись спать навзничь, а руки суй под спину, они и не будут так чесаться...

И правда: придавленные телом, руки слегка унимались. А может, это было просто отвлечением: я начинала думать, усну я в таком положении или нет. И незаметно засыпала.

Окучивание картошки мама нам не доверяла: без привычки мы сшибали тяпкой кусты, мама ругалась и прогоняла нас с огорода. У нее борозды получались глубокие, красивые. Я видела, как мама была довольна, когда бабушка, зайдя на наш огород, говорила:

— Ну, нарядила, как на выставку.

Бабушка, хоть и немного, но сажала картошку — несколько борозд. Она у нее родилась мельче нашей, помидоры краснели тоже почему-то позже. Наверное, оттого, что всю силу и любовь отдавала она яблоням и подсолнухам, а все остальное росло само по себе. И маме льстило, когда бабушка говорила соседкам:

— У нашей Натоськи (так она звала маму — Наталью) помидоры медовые, а мои кислые — вырви глаз.

Сорвав на нашем огороде помидор, бабушка разламывала его, любовалась обнажившимся розовым инеем и с удовольствием ела без соли и без хлеба.

— Ты понюхай, как пахнет куст-то помидорный, — говорила она, срывая разогретый на солнце листок и растирая его между пальцами.

— Смородиновый лучше, — замечала я.

— Не, смородинный не то, — не соглашалась бабушка. — Хорошо, но не то...

Кроме огорода, у мамы был еще небольшой участок земли прямо под окнами. Огород — это то, что «за двором». А перед домом полукругом росли вишневые деревья, скрывавшие летом всю убогость нашего домика — единственного на всей улице под соломенной крышей. Осенью и зимой, когда листья опадали, домик сквозь голые деревья казался большим гнездом, и мне всегда хотелось поскорее войти внутрь, где было светло и чисто, — так, что и не подумаешь, глядя на него с улицы.

В сильные дожди соломенная крыша протекала, и тогда в маленькой комнатке, где и так повернуться было негде, там и сям расставлялись тазы и ведра, в которые с потолка капала вода. Таковую тоску навевал звук падающих капель: кап-кап-кап... Мама то и дело поглядывала на потолок, по которому расплзались темные пятна. Она боялась, что подгнившие от постоянной сырости балки обрушатся и придавят нас. Еще маму расстраивало то, что в комнате из-за тазов и ведер — беспорядок. Она любила чистоту, даже половички у порога у нас были аккуратненькие и всегда с веселой расцветкой. Мама сама шила их из кусочков старой одежды. Вообще она, несмотря на тяжелую вдовью жизнь, не была угрюмой, часто пела, подыгрывая себе «на губах». Убирает постель — поет, чистит картошку — поет. Пела она частушки, но не с плясовым мотивом, а протяжные, раздумчивые и называла их «приписками». Некоторые я помню до сих пор:

Ты пропой мне, канарейка,
Про судьбу мою пропой...
Возвращайся поскорее,
Мой миленок дорогой...
Иду полем-огородом,
Иду, песенку пою.
Не хочю перед народом
Открывать тоску свою...

Такие прибаски, которые пела мама, я больше никогда не слышала, и мне невольно пришла в голову мысль: может, она их сама и сочиняла?..

Стоило прекратиться дождю, как сразу исчезали тазы-ведра, мама вытряхивала половики, мыла пол, а когда пятна на потолке высохали, она разводила мел и подбеливала их. Потолок был низкий, и мама доставала до него щеткой без всяких подставок.

Как я ее теперь понимаю! Тогда-то нам, ребятишкам, было непонятно, почему мама так уж сильно расстраивается из-за текущей крыши. Став взрослой, испытывая на себе «прелести» потолочных разводов, я поняла, какой это ужас. Всегда со страхом жду дождя. А уж когда начинает таять снег, жизнь моя вообще превращается в ад. Если бы бабушка знала, что меня за погибшего отца «осчастливят» двенадцатиметровкой на пятом, последнем, этаже, она бы сказала:

— Знать, тебе на роду написано жить с худой крышей!..

Я любила зимние вечера, когда к нам приходила бабушка. Она садилась на коник (вделанная в стену неширокая лавка) и доставала из большого внутреннего кармана фуфайки вязание. Фуфайку бабушка называла «куфтейкой», и мы смеялись. Многие ее слова были для нас смешными, но бабушка не обижалась, а всегда смеялась вместе с нами. Тротуар она называла «продувал».

— Иду это я в Москве по продувалу, — начинала она рассказывать, а мы покатывались со смеху.

— А что? — с улыбкой спрашивала бабушка. — Не так, что ль?.. Ну, похоже маленько и ладно.

Зимние вечера были самыми интересными. Летом-то дотемна на огороде, а зимой дома сидели, но опять же не без дела. Мама и бабушка вязали или штопали, а мы учили уроки. Братья, став старшеклассниками, занимались во вторую смену, так что я вольготно располагалась за нашим обеденным столом (письменного стола, конечно, не было) с тетрадами и книгами.

— Ну-ка, почитай нам что-нибудь умное, — просила бабушка. И я читала.

Помню, в один из вечеров читала я вслух «Живые мощи» Тургенева из «Записок охотника». Это у нас по школьной программе было. Ни мама, ни бабушка не перебили меня ни разу. Впечатление от прочитанного было такое, что словами не передашь. Обе отложили вязание и сидели молча, с каким-то особенным выражением на лицах, что заставило и меня по-новому взглянуть на них и впервые осознать, что на свете есть не только жизнь с ее радостями — бегом, игрой в лапту и футбол, с огородами, семечками и яблоками, но и что-то другое — страшное, когда не можешь бегать, смеяться, когда ничегошеньки не надо... О смерти я тогда не думала осознанно — просто не понимала до конца, что это такое.

Никогда я больше не испытывала от чтения вслух такого состояния,

как тогда: волнения, гордости и слитности всех — меня, бабушки, мамы — с тем, о чем написал Тургенев.

Однажды я при бабушке открыла наугад взятый в библиотеке томик Пушкина. Мне попались строчки:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей.
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Мама вскинула голову, отложила работу, подошла ко мне и строго спросила:

— Ну-ка, где это написано? Покажи!

Я показала. Она с недоверием прочла по слогам первую строчку, повертела книгу в руках — не самодельная ли какая?

Покачала головой:

— Бог знает, о чем пишут...

— Ты, Натоська, прямо, как минцанер, — вмешалась бабушка. — Чего напужалась-то? Это все равно, как обо мне. И про кружку, и что веселей станет, — все точно. Все по правде написано. Только пить-то надо к делу да понемногу. А тут, слыхала? С подружкой он встретился, горе какое-то у них. Бедные, наверно. Вишь, спрашивает: где кружка? Знать, и стаканов-то нету, одна кружка на двоих.

Мама делала бабушке знаки, но та еще что-то говорила по этому поводу, вспоминая печников, которые помимо денег требовали за работу еще и кормежки, обязательно с выпивкой, про дядю Васю-Жеку: «Этот дурак-то пьяный сложит где-нибудь голову на путях, оставит Любку вдовой с оравой. Люди как-то пьют с умом, а этот...».

Часто заходили разговоры о прежней жизни. Из них я узнала, что мама и папа жили в соседних селах, познакомились на одной из «гулянок», как называли сходки на огромном лугу между селами, где по большим праздникам собиралась молодежь. Папино село — Сестренка, мамин — Старое Тарбеево. Оба были из трудолюбивых семей среднего достатка. Дедушка с маминой стороны построил даже кирпичный дом, что для села было тогда большой редкостью. Держали корову, несколько овец. За этот, не ахти какой достаток (в семье было восемь детей) дедушку раскулачили, отобрали все, даже сапоги, и он в одних шерстяных носках пришел в соседнюю деревню, к старшим дочерям, а оттуда — к младшей, к нашей маме, которая жила уже в Мичуринске. У нас дедушка и доживал свой век...

Бабушка любила рассказывать, как дружно жили в те годы простые люди, помогали по-соседски убирать урожай. Семьи у всех были большие, земли выделяли много, и если год выдавался урожайный, то одна семья не могла управиться с уборкой до дождей. Вот и объединялись несколько семей: убирают, например, у бабушки — она и кормит всех работников. Так и другие хозяйки. Как-то убрали у одной многодетной семьи, последний день работали. Окончательно управились только в сумерки: ссыпали последнее зерно, умылись, сели к столу. Хозяйка подавала еду, никто никаких перемен в ней не замечал. А когда работников проводили, она сказала мужу и детям: «Теперь давайте девчонку обмывать: Манька-то наша померла утром... В чулане лежит... Льдом я ее всю обложила...».

Холодильников раньше не было, и скоропортящиеся продукты хранили в погребах, куда плотно набивались куски льда. Лед возили с бли-

жайшего пруда, когда в самом начале весны, перед таянием, его можно было колоть ломом. Он был синий-синий, прозрачный, и мы вместе со взрослыми складывали его в рогожные мешки и спускали в погреб, вырытый в сарае и обложенный кирпичом. Лед в нем хранился все лето. А для картошки, капусты, свеклы — всего, что давал огород — погреб менее глубокий был в доме...

Бабушкин рассказ расстроил меня и всех, кто его слушал. Мама, видимо, зная об этом случае, только покачала головой и сказала:

— Да... И не такое еще бывало.

— Бабушка, — спросила я, — а почему хозяйка сразу никому не сказала, что девочка умерла?

— Хотела, чтоб с полем управились... Боялась, что из-за покойницы работники за стол не сядут. А надо, честь по чести, — накормить, отблагодарить, чтобы все, как у людей... Маньку-то все равно не воскресить.

— А почему эту девочку к врачу не отвезли? — допытывалась я.

— Их щас-то в селах нету, — с неудовольствием проговорила бабушка. — А тогда и вовсе... Да и что врач может сделать, если болезнь в тело вошла? Бог дал — Бог взял. У ней и без Маньки едоков много осталось.

Воспоминания продолжались и за чаем. Мама бросала кусочек плиточного чая в кастрюлю с кипятком, накрывала полотенцем, чтобы настоялся. Давала нам по сухарю. Бабушка свой сухарь пододвигала ко мне. Я вопросительно смотрела на маму.

— Ешь, ешь, — опережала бабушка мамин протест. — У меня чтой-то на желудке нехорошо. Я кипяточку попью...

Я чувствовала, что бабушка хитрит насчет своего желудка — он у нее никогда не болел. Но голод заставлял не протестовать против лишнего сухаря. А мама молча брала его, разламывала пополам и половинку отдавала бабушке со словами: «Для желудка-то сухарик как раз и хорошо...». А мне отделяла от своего еще кусочек, чтобы бабушке легче было принять мамино «сухарное» решение...

Потом мы шли провожать бабушку домой.

— Пойдем, снежком подышим, — говорила она, складывая вязание и надевая «куфтейку».

Если крестной не было дома, бабушка обязательно давала нам либо сушеных яблок, либо семечек.

Наша многочисленная семья съедала весь урожай с огорода довольно быстро. Квашеная капуста еще тянулась, а картошки до нового урожая не хватало. Семенная считалась неприкосновенной. Мама ссыпала ее в погреб в отдельное место, и ее как бы не было. Так что бабушкины дары всегда приходились кстати — они вносили разнообразие в скудный стол, состоявший в основном из квашеной капусты, которую, когда надоедала сырая, парили в большой глубокой сковороде, и называли это блюдо солянкой.

А еще мама варила суп из размолотой пшеницы — грюил. Кто дал супу такое название, понятия не имею, но он спасал нас в первые послевоенные голодные годы. Мы не ели ни лебеду, ни барду, как многие. Папины сослуживцы подарили нам небольшую ручную мельницу и к ней — довольно объемистый фанерный ящик с пшеницей. Они же этот ящик и пополняли, принося пшеницу всегда поздно вечером. Ящик стоял в углу комнаты, прикрытый от посторонних глаз связанным из простых катушечных ниток покрывальцем-скатертью, и заменял нам мебель. Мама так и называла его «наш комод». На нем стояла глиняная кошка-копилка, в

которую если и бросали изредка мелочь, то на следующий день вытряхивали, поддевая ножом застрявшую монетку.

Мельница была на длинной доске. Ее надо было ставить на две табуретки. Двое братьев, а иногда и я с кем-нибудь из них садились верхом на доску по разным сторонам и начинали крутить ручку. Мельница делала из пшеницы не муку, а крупу, и бабушка называла ее крупорушкой. Крупу мама засыпала в кипяток, и получался удивительно вкусный суп.

Однажды мама, неся на стол большой чугунок, подхваченный рогачом (два соединенных металлических полукруга на палке), зацепила дном о край стола, с трудом удержала, но из чугуна все же выплеснулась горячая масса и через стол полилась мне на колени. Зажгло нестерпимо, но я заплакала не столько от боли, сколько от сознания, что огорчила маму и что теперь нам всем достанется не по полной чашке, а по половинке. А мама, устроив, наконец, чугунок на деревянной подставке, еще и наградила меня подзатыльником: «Не садись раньше времени за стол!» Я думаю, это она от испуга.

Вообще-то, мама нас поколачивала частенько. Это называлось «учить». Братьев — за то, что баловались в школе, и маму вызывали на педсоветы. Я в школе была примерной, но не могло же это продолжаться и на улице, да еще в летние каникулы. Я наравне с мальчишками стреляла из рогатки, играла в ножички, в футбол. Вот за это мне и доставалось. То есть не за игру собственно, а за то, что во время нее оказывалось испачканным или, не дай Бог, разорванным платье.

Один раз в год мама получала «помощь семье погибшего»: детскую одежду. Как-то среди других вещей оказалось черное сатиновое платье, предназначенное мне. Оно было очень длинным, но мама ни за что не хотела его подрезать, говоря: «После стирки сядет... Да и сатин — материал прочный, на несколько лет хватит...». Сначала мне разрешалось надевать это платье только по праздникам, потом — каждый день. По мере того, как я росла, оно становилось мне все больше впору, а вначале я путалась в нем, и бабушка подпоясывала меня красной лентой, которую при мне достала из сундука и сказала:

— На-ка, подпояшься, все покороче будет, а то ходишь, как монашка.

Мама вначале не приняла красную ленту, и я подпоясывалась ею тайком, уходя на улицу. Потом, видимо, смирилась и не обращала внимания. И вот во время игры в прятки, выскочив из-за угла дома, я нашлась рукавом за гвоздь, выдрав небольшой клочок ткани. Тут уж, конечно, стало не до игры, и я побежала за спасением к бабушке. Рукав она зашила, но не заметить изъяна было нельзя. Несколько дней я при маме ходила боком, стараясь скрыть зашитый рукав. Но... нет ничего тайного, как говорила бабушка, ссылаясь на Божье Писание, что не стало бы явным... Досталось мне порядочно. Я почти никогда не плакала от боли, только от обиды. И тут тоже: разве я виновата? Я же не нарочно разорвала рукав...

Синяки и ссадины на моих локтях и коленях не проходили. При игре в футбол меня ставили в ворота. Мальчишки почему-то не хотели быть вратарями — очевидно, боялись оказаться виноватыми в проигрыше: ведь гол-то, в конце концов, всегда вратарь пропускает. А меня, единственную девчонку, согласившуюся играть с ними, потому что в команде нашей улицы не хватало одного человека, уговаривали быть вратарем:

— Ты не трись, — убеждали меня братья. — Мы мяч и до ворот-то не допустим.

Но допускали, и нередко. Один раз бабушка смотрела нашу игру. Мне так хотелось не опозориться перед ней, что я, забыв обо всем на свете, кидалась на мяч, как на заклятого врага. И даже — о, счастье! — не пропустила одиннадцатиметровый (штрафной!) удар. Правда, мяч больно саданул мне в живот, я вся скрючилась, хотелось заорать, но — бабушка смотрит! — разве можно? И я сделала вид, что просто продолжаю прижимать мяч к животу от радости, что удалось не пропустить гол. А на другой день бабушка принесла мне стеганые куски от своей старой фуфайки на резинках и велела при игре в футбол надевать их на коленки и на локти. Мама говорила, что я в этих «тряпках» похожа на чучело огородное. Зато синяков стало меньше...

Геннадий Петрович Былкин родился в 1963 году в городе Мичуринске Тамбовской области. Учился в железнодорожном профессионально-техническом училище, мореходном училище. Работал в порту, на флоте, на железной дороге. Богатые жизненные впечатления реализовал в литературном творчестве. Публиковался в региональной периодике, коллективных сборниках. Автор книги «Стихотворения». Живет в Мичуринске.

Геннадий Былкин

КАПЛЯ СИНЕВЫ

* * *

На море штиль, жара — как в бане,
В раскисших мыслях — чепуха.
Глянь, закипает, будто в чане,
Балтийско-рыбная уха.

Ни облачка на синем небе,
На синем море — ни волны.
Определи, где юг, где север,
В бездонной капле синевы...

Все моряки легли на баке
В размашисто-потешный ряд.
Дракончик-боцман без рубахи
И в шортах, как у октябрат.

Загар сквозь дымку, ох, опасен,
И вот гремит командный бас,
Старпом всемогущ и всевластен:
— Окончен адмиральский час.

Поднялись нехотя, зевая.
Улыбки грустны, видно, вновь
Всем снилась жизнь береговая
И обязательно любовь.

* * *

Б.Е.

Может,
Ничего и не было меж нами?
Две души столкнулись во вселенной —
Не потоп и даже не цунами
От любви, с другими несравненной.

Может,
Время, как такси с зеленым глазом,
Возле нас на миг притормозило?
Просигналило манящим джазом,
Но в салон нам двери не открыло.

Может,
Я, безумный от стихотворений,
Выросший на их словесных горах,
Для тебя был, словно дождь осенний,
А хотелось — небо в изумрудах.

* * *

Разменяй последний грошик
Прожитого дня,
Наскреби минут, как крошек,
К чаю для меня.

Наскреби минут проворных,
Золотых минут,
Их немного было в спорной
Жизни двух зануд.

Посидим, съедим окрошку,
Ночь — как полынья.
Может, выпьем понемножку —
Только без вранья,

Без упреков, без истерик,
Без игры в слова.
Мы открыли сто Америк
На реке Нева.

Мы открыли сто Америк
На реке Любовь.
Это наш последний берег —
В спину не злословь.

* * *

Сороковые. Тихий. Зона Чили.
Ветра поют вокализ в пять октав.
Мы держим нос по ветру, как учили,
И тянем трал, как паровоз состав.

Романтики хватило на две вахты.
Внезапно перестав быть пацанвой,
Мы оценили жизнь из трюмной шахты,
Смотря на облака над головой.

Конечно, промысел не пляжи Тенерифе.
Сюда идут работать, но чтоб так?
Здесь с «Отче наш» запоминают рифы,
Чтоб не попал на них плывущий танк.

Здесь делят жизнь на рейсы и заходы,
Авралы да ночные кабаки,
Ведь здесь война, война с самой природой,
И выживают только чудачки.

Василий Васильевич Кравченко (1937—2013). Родился в городе Брагино Гомельской области Белорусской ССР. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт. Работал в редакции мичуринской районной газеты, в различных районных учреждениях. Автор романа «Графский наследник», многих повестей и рассказов. Член Союза писателей России.

Василий Кравченко

УТРО ОЛИГАРХА

Рассказы

Утро в сосновом лесу было точной копией картины Шишкина, не хватало только медвежат, но зато прыгала на деревьях рыжая белочка. Андрей Иванович смотрел на нее с постели через широкое окно веранды, и умильная улыбка блуждала на его лице. Как прекрасен этот мир!

Особняк Хмырова, можно даже сказать, дворец, был построен недавно в заповедной зоне паркового леса, совсем рядом ютились санатории и дома отдыха, протекала тихая речка. Ее запрудили и образовали «море», в котором всегда была прохладная вода. Подумав о возможности искупаться, Андрей Иванович сел на постели, сделал несколько гимнастических движений руками.

Да, нужно освежиться, смыть с себя все то славословие, которым вчера обильно смазали его с головы до ног. Что о нем, безвестном инженеришке Андрее Ивановиче Хмырове, могли сказать еще несколько лет назад? Да ничего. Тьфу — вот что. Потрепанные штанишки, разбитые башмаки, волосы клоками, карманы пустые. Со своим другом Егором Котовым они бродили по городу в поисках хоть какой поживы, халявной выпивки. А теперь?

«Наш юбиляр сумел преодолеть трудные времена. Его талант организатора...»

Кто из прихлебателей это сказал? Какой еще талант у Хмырова? Авантюрист он, Хмыров, и прохиндей — вот что нужно было сказать. Да кто бы осмелился? В его руках фактически жизнь всего региона, щупальца холдинга «Прометей» достигли Москвы, где холдинг взял подряды на строительство высотных домов. Миллиарды долларов крутятся в десятках дочерних фирм...

А с чего все начиналось? С перестройки. Был прекрасный завод, на котором работали Хмыров и Котов, заказы поступали даже из-за границы. А потом вдруг завод оказался банкротом. Директора отстранили от руководства, а осуществлять распродажу поручили... Ну, кому пришла в голову такая блажь? Ему поручили, Хмырову! Нет, Андрей Хмыров не был дураком, он только им прикидывался — так было легче жить при советской власти.

Пораскинув мозгами над проблемой банкротства и распродажи, Хмыров первым делом приказал ликвидировать транспортный цех.

Все оборудование сдать в металлолом, как устаревшее и никому не нужное. Сам же присмотрел заброшенное здание бывшей мастерской пригородного совхоза, тоже пущенного с молотка, и поручил своему другу Котову вывезти все оборудование не в металлолом, а именно туда. Дело в том, что мастерская стояла у самой дороги государственного значения с направлениями на юг и на Москву. Котов этот маневр понял и отказался от авантюры. Вот с тех пор их дружба и дала крен.

Хмыров буквально за гроши купил помещение бывшей мастерской, отремонтировал с европейским шиком, прикупил общежитие совхозное, приспособил его под гостиницу, рядом открыл автозаправку... Все это блистало чистой, белой краской и зеленым газоном. Небольшой прудик был расчищен, зарыблен, обсажен ветлами. Оазис! Дальнбойщики и туристы сразу потянулись сюда чередой.

Но это что... Недалеко пролежала труба бензопровода — с востока на запад. Вот к ней и присосался Хмыров. Почти год качал он бензин в свои АЗС, разбросанные вдоль дороги на сотни километров. Хмыров понимал всю опасность этого криминального бизнеса и вошел в сговор с оператором перекачивающей станции. Бензин воровали только в его дежурство. Оператор не фиксировал падения давления...

Хмыров своевременно прекратил этот бизнес, да и необходимость в воровстве отпала. У него уже был достаточный капитал, и он занялся другим бизнесом — строительным. Заимел дружбу с мэром города и получал солидные подряды. А там — и теплые отношения с губернатором, с руководством соседних областей и даже Москвы.

Сколько у него денег — он и сам не знает. Много. В круговерти жизни совсем забыл о друге Егоре Котове. Вспомнил только перед юбилеем, когда стал составлять список приглашенных. Размышлял: как быть? Послать приглашение? Позвонить по телефону? Решил сам с ним встретиться, поговорить о жизни, может быть, помочь человеку. Сказал водителю, чтобы тот взял в гараже самую скромную машину. Не ехать же на «ролс-ройсе». Еще подумает Егор, что Андрей перед ним выхваляется, унижить хочет.

Вечером он застал Егора дома, все в той же «двушке», с годами совсем обветшавшей: полы скрипели, оконные рамы прогнили и едва держались на петлях. Бедность проглядывала во всем: и в истлевших шторах, и в сиротливой, обсиженной мухами лампочке, висевшей в прихожей.

Хмырова встретила вся встревоженная семья: Егор, его жена Нина, сухопарая и чем-то рассерженная женщина, которая когда-то была красавицей, а позади них — девочка лет двенадцати.

— Андрей? — изумился Егор. — Вот это сюрприз!

Обнялись, похлопывая друг друга, повоскликнули. Андрей Иванович передал Нине пакет с гостинцами, она стала хлопотать насчет чая.

Традиционный вопрос «Как дела?» Хмыров задавать не стал, и без того видно было, что дела у хозяев квартиры идут плохо. Девочка ушла в соседнюю комнату и уселась у компьютера.

— За уши не оттянешь, — пожаловалась Нина.

— Я уж силком отправляю ее на улицу, подышать. Ну, иногда мне помогает. Я ведь теперь дворником работаю. Наш НИИ закрыли.

— Ты прости, Егор, что я не показывался, — сказал виновато Хмыров. — Еще подумаешь, что я зазнался. Жизнь закрутила.

— Что ты, Андрей! Я же понимаю. У каждого из нас свои заботы.

— Это я вижу. Ты-то чем занимаешься теперь?

— Инженер по электронике в статистическом управлении. Слежу за исправностью компьютеров. Вот один списал. Дочери наладил, — горько засмеялся Егор. — Сам видишь, живем негусто.

— Я вот что подумал: иди работать ко мне. Найдем подходящее дело.

— Андрюша! О чем ты? Я же прирожденный сачок. Анекдотчик. Бездельник.

— Знаю. Сам был таким. Но это время, Егор, ушло. Нужно заниматься делом.

— Я и занимаюсь: чиню компьютеры!

— Но ведь это — гроши! Что это за жизнь?!

— Ну, я пойду, поработаю, — сказала Нина. — Не буду мешать мужскому разговору. Надя! Идем, — позвала она дочь.

И когда жена и дочь вышли, Егор сказал:

— Не любит она говорить о бедности. Да, перестройка захватила нас врасплох. Не подготовлены мы к таким темпам и законам жизни.

— Все в наших руках, Егор. Я найду тебе подходящее место, высокую зарплату.

— Синекуру?

— А хотя бы и так.

— И чтобы все на меня пальцем показывали: вот он, хозяйский прищипчик... Спасибо, Андрюша, на добром слове, верю, что это искренне... А все же, что привело тебя ко мне?

— Искреннее желание увидеться! Юбилей у меня. Вот и приглашаю тебя с Ниной на банкет.

— Небось, соберутся лучшие люди города?

— Без сомнения! Губернатор будет, и даже кое-кто из правительства приедет, — не преминул похвастаться Хмыров.

— Во! Где уж нам с суконным рылом — в калашный ряд! Нет, дорогой юбиляр, не будем портить тебе картину. Поздравляем, конечно, желаем... Чего тебе пожелать? У тебя же все есть!

— И ты тоже... Не может у человека быть всего вдоволь. Даже денег. Есть — и еще нужно.

— А зачем?

— Как это? Деньги нельзя делать без денег. Они могут прирастать только к деньгам.

— Но зачем?! — воскликнул Егор. — Зачем человеку мешки денег?

— Да чтобы не жить вот так, — зло сказал Хмыров, обводя взглядом комнату.

— А что? У меня семья. Жена, которую я люблю, дочка, которая нас радует. Разве этого мало? — без обиды ответил Егор. — Мы своей жизнью довольны. Бедно, конечно. Но ведь не мы одни так маемся. Переживем.

— Помнишь, как мы бегали на митинги «Мемориала»? Мечтали о демократии... О свободе творчества, предпринимательства. Вот же оно: твори, предпринимай!

— Ну да... Грабь, воруй, убивай, — горько сказал Егор. — Положили вы демократию в карман.

— Кто — вы?

— Олигархи, те, кто набил мешки долларами. Не обижайся, конечно. Я ведь по-дружески.

— Понимаю. У тебя обывательское представление об олигархах.

— Я и есть обыватель!

— Дескать, богачи грабят людей, убивают неудобных. А я честно нажил свои миллионы!

— Андрюша! Не вешай мне лапшу на уши. Покопайся в своей жизни, в своем бизнесе.

— Я приехал не отчитываться, а пригласить тебя на юбилей! — рассердился, наконец, Хмыров.

— Спасибо, дружище. Искренне тронут.

— И хочешь тебе помочь! У тебя будут деньги, сменишь жилье, обеспечишь дочь.

— Спасибо, Андрей, я подумаю, — примирительно сказал Егор, понимая, что разговор у них получается недружелюбный. — Но скажи мне... У тебя много денег. Ты олигарх! Ты счастлив?

— А ты в этой халупе счастлив? — уже более сердито парировал Хмыров. — Тоже не вешай мне лапшу. Семья, дети... Их кормить, одевать нужно. Это раньше строили социализм и радовались, когда вручали почетные грамоты.

— Благословенные были времена! — засмеялся Егор.

— Да уж... — неохотно улыбнулся Хмыров. — Наотдыхались мы вдосталь. А нынче надо трудиться. Ладно, Егор. Вот вам с женой приглашенный. Тут все сказано. Жду вас. Там еще поговорим...

Такая у них была встреча. Егор, конечно, на юбилей не пришел. А Хмыров ждал, все время посматривал на прибывающих гостей. Почему-то ему было важно, чтобы Егор Котов видел это торжество, видел этих людей. Зачем? Хмыров сам не мог этого понять, ведь все собравшиеся были Егору не только чужими, но даже незнакомыми.

Рядом с кем бы посадил Хмыров своего друга? С вором в законе Зубовым? С прокурором Бредихиным? А еще лучше было бы познать его с Витюшкой Юродивым, педерастом. Кого только не приглашал Хмыров! И все — нужные люди. Все выступали, говорили красивые слова и жрали, жрали до того жадно, словно три дня не ели, а потом дорвались на халяву.

Юбиляр смотрел на этот пир, его мутило, в голове все время вертелся вопрос: зачем все это, зачем он позвал этих людей? Ведь можно было обойтись домашним столом. А кого бы он позвал к себе домой? Кто у него друг? Егор? Был, да весь вышел, как говорится. Потерял его Хмыров в круговерти жизни. И почему эти люди пришли к нему, Хмырову, — ведь некоторых из них он даже не видел никогда раньше. Снобизм. Где-нибудь

сказать при случае: «Помните, мы с вами встречались у Хмырова?» Это как пароль, как пропуск к большому корыту...

Женщины явились в лучших нарядах, переливались шелка, бархат, сверкали поддельные и настоящие бриллианты. Половина из них шлюхи, это ему доподлинно известно. Надменность, презрение, зависть — все можно прочитать в их глазах. И все алчут денег, денег... Зачем Zubову деньги? У него нет семьи, нет законных детей. Он владеет тремя заводами, хотя «по статусу» вора в законе не должен иметь собственности. Офформил на подставных лиц. И здесь, на банкете, подошел к Хмырову с предложением: а продай-ка мне спиртзавод в пригороде. Зачем он ему, непьющему? Ради новых прибылей? Зачем, зачем...

...И утром после банкета, глядя на первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь ветви высоких сосен, Хмыров с новой тоской подумал: зачем? У него уже всего-всего — хоть попой ешь. Чего он еще хочет? Хапать, хапать все подряд... Егор просто плюнул ему в лицо. Он, Хмыров, не погордился, приехал к нему, а тот нос воротит... На юбилей не пришел. А Хмыров ждал, смотрел на дверь. Даже жена заметила это и ехидно спросила:

— А ты ее точно пригласил?

— Кого? — не понял Хмыров.

— Ну, свою... Не знаю, думаешь?

— Иди ты, — выругался Андрей Иванович.

Он давно ненавидел ее, еще до богатства. Женился когда-то по глупости, проще говоря — влетел. Нужно было предохраняться, а он обрадовался, что дорвался до женского тела; думал, поиграет — да в сторону, а она — бац ему: беременна! Вот и женился. Все бы ничего: и на морду неплоха, и на кухне справляется, но дура, каких поискать. Вот и на банкет вырядилась, как пугало, все золотые побрякушки нацепила, жирную спину до задницы оголила, словно не знает, что ей столько же лет, сколько и юбиляру, — шесть десятков...

Конечно, она имела в виду Машу. Ну, знает, конечно, про любовницу. Как не знать, если весь город знает. И что с того? Как сыр в масле катается, ни в чем отказа не имеет, из-за границы не вылезает. Что еще нужно? А Хмыров должен иметь хоть одного настоящего друга, кому можно излить душу, кто своей лаской снимет напряжение, добрым словом обогреет. Вот что значит для него Маша.

Хмыров буквально подобрал ее на дороге. Дело было вечером, он возвращался из дальнего района, где строился новый сахарный завод. На одной из пустынных улиц в свете фар увидел трех парней, которые избивали девушку. Хмыров приказал остановиться, охранники в один миг разбросали хулиганов, подняли с тротуара еле живую жертву нападения. Хотели везти ее в «Скорую», но девушка отказалась. Домой тоже не захотела. В общем, постепенно выяснилось, что она ушла из дома. Шла к подруге, а муж с друзьями настиг ее, хотел вернуть, а затем обозлился и стал избивать.

Привыкший быстро решать проблемы, Хмыров забрал девушку, которую звали Машей, в машину и отвез в одну из своих гостиниц. Администратору было приказано денег не брать: пусть живет, сколько хочет, и кормить ее в ресторане за счет заведения. Маше он дал свою визитку и просил зайти, когда «выветрятся» синяки.

Она пришла через неделю. В общем-то, неробкая, но и не нахальная. Лицо интеллигентное, приятное, волосы коротко стриженные, не кра-

пешные, а от природы пепельные. Маша производила хорошее впечатление. По образованию — учительница английского языка, но в школе не преподавала. Она была переводчицей в том самом НИИ, в котором работала и жена Егора и который закрыли за ненадобностью.

Все это Андрей Иванович узнал от Марии Видяпиной за пять минут. А еще через минуту решил все проблемы.

— Будете исполнять у нас те же функции переводчицы. К нам часто приезжают из-за рубежа. Поживете пока в гостинице. Вас это устраивает?

— На гостиницу не хватит моей зарплаты...

— Фирма не обеднеет. Живите бесплатно. И вот что, вам нужно приодеться, все же у нас солидное учреждение. Вот, возьмите пока как материальную помощь.

Хмыров достал из ящика стола пачку купюр, перетянутую банковской лентой.

— Но это... — начала было возражать Маша. Однако Хмыров остановил ее жестом. Она покраснела и с опаской взяла пачку. Таких денег она никогда в руках не держала.

— Идите в отдел кадров. — Хмыров снял трубку телефона. — Виктор Петрович, к тебе сейчас придет Мария Видяпина. Оформи ее переводчицей. Зарплату положи приличную. Найди ей жилье. Что у нас есть? Общежитие? Нет мест? У коменданта целая квартира под кабинет. Пусть освободит. Действуй... Все, Маша. Идите на второй этаж в отдел кадров.

— Андрей Иванович... Все это, как в сказке. Я не могу поверить.

— Ну, конечно: посмотрелись серийных фильмов про олигархов, которые только тем и занимаются, что грабят народ и убивают невинных людей, — засмеялся Хмыров, сам удивленный своей добротой...

Так Маша появилась в его жизни.

Подошла зима, выпал обильный снег, затем установилась отличная солнечная погода.

Из Австрии приехал господин... Уж и фамилия его забылась. Не в нем дело, а в том, что решено было организовать охоту. Хмыров вызвал переводчицу.

— Такое дело, Маша... Нужно будет поехать с нами в лес. Там у нас имеется охотничий домик. Это километров сорок. Ну, завалим мы лося или не завалим, а шашлыки будут, — посмеялся глава фирмы. — Возможно, придется заночевать. Скорее всего, так. Вы не возражаете?

— Как прикажете, Андрей Иванович, — улыбнулась Маша. Она знала, что рано или поздно, а ей придется расплачиваться за господскую доброту.

— У тебя есть дубленка, зимние сапоги?

— Нет, Андрей Иванович.

— Там придется и по снегу ходить, и вообще... Вот, возьми деньги. Экипируйся как следует.

Короче говоря, он купил ее с потрохами. Тут уж отступать некуда.

В новой дубленке, в сапогах из натуральной кожи и на натуральном меху Маша выглядела прекрасно. Все участники охоты тоже приехали в женском сопровождении, даже австриец привез из посольства какую-то тощую фройлен.

Было очень весело. Охотничий домик оказался трехэтажным зданием с центральным отоплением и камином в большой гостиной. Везде ков-

ры, шкуры, кресла, диваны... Метровый телевизор. Бар с набором дорогих вин. Что и говорить — олигархи устраивали свою жизнь с роскошью и навечно.

Лося завалили. Он сам, по своей животной глупости, а может, по доверчивости пришел к людям.

Ароматы свежего мяса, печенки, шампанского кружили голову.

Сначала угощались возле дома, у костра. К ночи перешли в гостиную. А когда поднялись наверх, Хмыров сказал:

— Вот диван, вот кровать. Выбирайте, Маша, где вы будете спать.

— Гм... А, может, Андрей Иванович, мы сразу ляжем вместе? Зачем усложнять?

— Я сразу понял, что ты умная девочка, — одобрил Хмыров. — Кровать широкая, поместимся. Только учти — это твое решение. Я не принуждаю...

— Да чего уж там...

Конечно, Андрей Иванович отметил, что из всех женщин, приехавших на охоту, Маша отличалась и манерой держаться, и начитанностью. Он ею гордился! Смешно... Так можно гордиться своей дочерью. Но у него был сын, который уехал учиться в Штаты и там застрял, открыл свое дело еще до того, как Хмыров стал богачом в своем Отечестве. Связь между ними едва теплилась, оба не испытывали ни родительских, ни сыновних чувств. В народе это называют — «отрезанный ломоть».

Мать к сыну ездила, рассказывала чудеса о заокеанской жизни. Жлобство, а не жизнь! Все рассказано до мелочей.

Андрей Иванович ездить за рубеж не любил. Зачем? Он здесь живет, как король. У него десятки холуев, которые ловят каждое его слово и тут же исполняют...

Маша стала его отдушиной. Недели через две после поездки в лес Хмыров пригласил ее и попросил принести паспорт. Она с удивлением посмотрела на него, а он коротко пояснил:

— Я хочу сделать тебе сюрприз.

Из паспорта он узнал, что она разведена, но это для него мало что значило. Через некоторое время он снова позвал ее, подал ей конверт:

— Здесь твой паспорт, здесь документы и ключи от квартиры. Она твоя. Отныне и навсегда.

Об этом Маша не могла и мечтать. В центре города, в новом доме, двухкомнатная квартира, полностью обставленная и оснащенная всем — вплоть до туалетной бумаги!

Ну, как после этого она могла сомневаться в его любви? Он просил ее подарить ему ребенка, лучше девочку. Она тоже этого хотела, но не получалось. Сильно она навредила своему организму частыми абортными...

Конечно, весь синдикат знал об их связи, и Хмыров счел за благо убрать Машу подальше от посторонних глаз. Он построил ей дом в одном из ближайших сел, и сам подолгу жил там, вдали от всех забот.

Маша была его отрадой, ее дом был его приютом, убежищем. Только здесь его не мучил извечный вопрос: зачем, зачем все это? Он создал промышленно-финансовую империю, над которой уже сам почти не властен — настолько она обширна. Но и он не может вырваться из цепких лап всевозможных обязательств и обязанностей. Как в болоте, увяз в роскоши, в деньгах. Хочется жить просто, как живут обычные бедные инженеры. Бедные! Трудно представить, как это будет. Тоска берет...

...Хмыров оделся и крикнул:

— Борис!

Тотчас дверь открылась, вошел охранник.

— Доброе утро, Андрей Иванович.

— Угу... Едем в Покровку.

— Слушаюсь.

Да, уехать к Маше, уткнуться в ее родную грудь, надышаться ее запахом.

Счастлива ли она? Он никогда не задавался этим вопросом. Мечта каждой женщины — быть любимой, жить в достатке. У нее это есть. Хмыров безумно любит Машу. Он готов отдать ей все свое состояние. В жизни у него нет ничего дороже Маши. Да, нужно жениться на ней, пришло время развестись с женой и узаконить связь с Машей. У него достаточно средств, чтобы обеспечить жену. Она будет только рада получить свободу. Уедет в Америку к сыну, они находят общий язык...

Автомобиль «Порше» — это даже не машина, а колыбель, которая убаюкала Хмырова, и он очнулся уже возле особняка, стоявшего на краю деревни, у самого леса. Ему случилось даже собирать здесь маслята. Маша прекрасно их готовит.

Во дворе стоял ее «Ягуар». Значит, она здесь. Сейчас вылетит на крыльцо в одной пижаме. А утро зябкое. Он обнимет ее, защищая от холода, поднимет и на руках внесет в дом... Но где же она? Почему не высказывает?

Хмыров толкнул незапертую дверь (сколько раз говорил, чтобы закрывалась), вошел внутрь. На кухне беспорядок, в столовой — остатки ужина на тарелках. Не похоже на аккуратистку Машу.

Хмыров поднялся наверх, открыл дверь в спальню... Лучше бы он этого не делал... На широкой постели лежали его Маша и молодой мужчина. Их тела не были прикрыты, они уснули, держась за руки.

Не желая верить в реальность происходящего, Хмыров сел в кресло. Оно под ним слегка скрипнуло, и Маша открыла глаза. В них не было испуга, а только удивление.

— Ты чего в такую рань? — спросила она.

— Ты... ты... — Хмыров задыхался, не зная, что сказать. — И это твоя благодарность за все?

— Я тебя достаточно отблагодарила, — спокойно отвечала Маша. — Я пять лет ублажала тебя.

— Как ублажала? — закричал Хмыров. — Я полюбил тебя!

— А я тебя — нет!

— Но ведь я для тебя... Что ты со мной делаешь? — застонал Хмыров. — Я прикажу облить бензином дом и сжечь его вместе с вами!

— Жги. Это все твое. И я — твоя вещь. Ведь ты купил меня, правда?

— Но ты сама... Сама пришла ко мне, я не принуждал тебя.

— Брось, Андрей. Куда мне было деваться? Днем раньше, днем позже... Я пожалела тебя, я увидела, как ты одинок.

— А это кто? Ты его любишь? — Хмыров кивнул на проснувшегося мужчину, который пытался прикрыться скомканной простыней. Любовник был явно испуган. — Или тоже пожалела?

— Не знаю... Просто он бездельник, у него много свободного времени, и мне с ним интересно.

— Вот как...

— Да, а что? Ты же все время занят, у тебя бизнес. Деньги! Деньги! А

ко мне приезжаешь, чтобы сбросить стресс. Для этого необязательно иметь дорогую любовницу. Можешь заплатить шлюхе. Или возьми любую свою сотрудницу. Почтут за счастье.

— Ну, спасибо, Маша... — бормотал растерянный Хмыров. — Ладно, оставайся с миром. А дружка твоего мы возьмем с собою.

— Зачем? Уж он-то совсем ни при чем, Андрей Иванович. Убей лучше меня.

— Тебя жалко. Я любил тебя. И люблю. И может быть, еще прощу...

— Не нужно меня прощать. Открой клетку, выпусти на волю.

— За что ты его полюбила?

— Ни за что. Просто пожалела. Он бедный.

— Очень ты жалостливая, как я посмотрю... Прощай, Маша, ты перевернула во мне все... Все перевернула... Прощай.

— Прости меня, Андрюша. Я виновата. Одно время я тебя даже любила. Ты очень хороший. Я тебе благодарна за все. Но ты — скучный.

— Да, потому что я работаю, как лошадь. Я не рысак, нет, а именно лошадь, ломовая. А у тебя все это — от безделья.

— Именно. Я и говорю об этом. Ты меня сделал такой. Отпусти, Андрюша. Забери все это. Выпусти, в чем была.

— Я не крохобор. И вообще... Мне теперь ничего не нужно. Брошу все. Впору застрелиться!

— Андрюшенька! Не надо! Не надо, миленький! — Маша сползла на пол, прикрывая чем-то свою наготу, встала на колени перед Хмыровым. — Прости меня, Андрюша! Я люблю тебя. Люблю!

По лицу ее текли слезы. Хмыров ладонью вытирал их, и сам плакал.

— Собирайся, поедем в город, — сказал он.

— Да, да, — торопливо согласилась Маша и бросилась одеваться.

Хмыров вышел. Сердце у него сильно стучало. В последнее время это случалось все чаще. Он нащупал в кармане пластинку с валидолом, выдал таблетку и положил под язык.

За деньги все можно купить, кроме любви и дружбы...

Продать все, уехать куда-нибудь в Италию, на остров, жить там... А дальше что? Что дальше? Какой смысл? Какой смысл вообще в жизни?

Мимо Хмырова промчался полуодетый любовник. Охранник глянул на хозяина и, не уловив никакой реакции, отвернулся. Бог с ним, пусть бежит. Красотка на «Ягуаре», вилла на опушке леса — все это прельстило ловеласа. Не подумал, дурак, откуда все это, кто за всем этим стоит. А теперь наложил в штаны...

Хлопнула тяжелая дверь, вышла Маша:

— Я готова. Поедешь со мной?

— Да, — сказал Хмыров и направился к ее машине. — Поставишь в гараж, — добавил, хлопнув ладонью по панели. — Завтра мы уезжаем.

— Далеко?

— Не знаю. Может быть, в Италию.

— Хорошо, — покорно согласилась Маша.

Они выскочили на трассу, и «Ягуар» прибавил скорость.

— Не гони, — попросил Хмыров.

— Ты же знаешь, как он прет.

— Знаю.

Мелькали придорожные кусты, деревья, кафе и заправочные станции... Они не знали, куда едут.

ПИКОВАЯ ДАМА

— Снова лезешь в холодильник?! Ты что-нибудь туда положил? — грубо спросила жена.

— Слушай, Тоня, я не понимаю... В конце концов, я что — уже никто в этой квартире?

— А кто ты, кто?! — закричала жена. — Тунейдец! Сидишь на моей шее.

— Но я же не виноват, что так сложилось. Не одного меня сократили.

— Другие устраиваются. Фирмы открывают. А ты присосался ко мне. Обрадовался! Еще бы, можно днем лежать на диване, газетки почитывать... А я, значит, буду кормить здорового мужика.

— Но ведь мы муж и жена!

— А если ты муж, то и содержи меня. А не наоборот.

— Но ведь было время, когда я и содержал, зарабатывал хорошие бабки. А ты в своем банке получала жалкую зарплату, которую всю на себя и тратила, на всякие там духи и помады.

— А вот и неправда: мне косметику всегда в презент преподносили.

— Презент! Скажи уж прямо — давали взятки. Давали ведь? Давали. А ты брала. А за это кредиты незаконно оформляла.

— Если бы незаконно, то меня бы посадили. Я все делала, как положено. А тогда тебе нравилось, когда я приносила домой коньяки и сервелаты. Попивал и закусывал в свое удовольствие. Что же молчал тогда, ничего не говорил мне?

— Не хотелось ставить тебя в неловкое положение. Ведь ты и без того понимала, что ты взяточница.

— А ты — вор!

— Я — вор?! Что же, интересно, я украл в своем проектном институте? Грифельную доску? Может, лекало? Циркуль?

— Ха-ха! Рассказывай мне! А то я не знаю. Не ты ли типовые проекты выдавал за индивидуальные? И денежки брал за это немалые.

— Мы на эти деньги, между прочим, с тобою в Сочи ездили. И ты тоже мне ничего не говорила насчет воровства.

— Со мною ты в Сочи ездил, а с Галькой — в Ялту.

— Я же тебе объяснял: это получилось случайно. Совпадение!

— Знаем мы эти совпадения. В общем, дорогой Коленка, нам пришла пора расстаться. Жизнь наша идет по гениальному предсказанию Карла Маркса: экономическая независимость раскрепостила женщину.

— Стерва ты, вот что я тебе скажу. Муж попал в сложное положение, в беду, можно сказать, а ты его бросаешь.

— Ну, мы с тобою не в том возрасте, чтобы лирикой заниматься.

— Ладно, — вздохнув, сказал Николай. — Разводиться — так разводиться... Будем затевать размен.

— Какой еще размен?

— Квартиры.

— Между прочим, дорогой мой, эту квартиру получила я!

— Но мы прожили здесь вместе почти пятнадцать лет!

— И что с того? Квартиру я заработала, она моя.

— Знаю, чем ты заработала... И все в банке знали о твоих шашнях с управляющим.

— Что же ты тогда молчал? Очень хотелось иметь крышу над головой? Сволочь ты: женой торговал.

— Я не посылал тебя к нему в постель.

— Но знал. И молчал. А теперь, значит, делить захотел. Выискался... Собирай свои шмотки и уматывай подобру-поздорову...

Антонина демонстративно повернулась к мужу спиной. Разговор происходил в кухне, окно которой выходило на оживленную улицу. Она делала вид, что наблюдает за людским и автомобильным потоком. Спина у Антонины широкая, плотная, круп откормленный, крутой, хоть стакан ставь — не упадет. Она всегда была упитанной, а в последнее время вообще налилась, потяжелела. Вице-президент банка! То у них презентация, то прием иностранных партнеров, то банкет по поводу... В общем, пьют-гуляют на народные денежки. А потом вдруг объявят, что банк лопнул. И все! Ищи ветра в поле. Интересно, сколько она уже нахапала? Берет, естественно, в долларах. Ну, дочери в Москву отправляет. Дочь поступила в Плехановскую академию. Поступила! Ха-ха! Это раньше поступали, а теперь — плати денежки и приходи на лекции. Конечно, платили и раньше, но это была просто взятка. Когда Николай поступал в строительный институт, то папаша кому-то «дал на лапу» две тысячи — теми, старыми, деньгами. А теперь все официально — в кассу, даже квитанцию выдают. Все продавалось и продается...

Николай вышел из кухни, остановился в комнате у окна, которое выходило во двор. Там кипела жизнь иного рода: народ привозил со своих участков картошку, рассыпал на земле для просушки и сортировки. Вон и толстый, неповоротливый номенклатурщик Прищепкин с картошкой возится. Раньше ему домой привозили из колхоза и мясо, и капусту с картошкой, и во флягах что-то... Теперь уж никто перед ним не заискивает. Нет необходимости. Да и на пенсии он. А толстый потому, что слишком большой вес набрал, никак не может согнать лишний жирок. Ничего, время и его растрясет.

Вон доцент Гончаров ковер выбивает. Спортивный костюм на помойке, что ли, подобрал. А ковер? Да выкинул бы, чем выбивать такую рухлядь. Тоже все лето вместо того, чтобы научные статьи писать, картошку окучивал, с сорняками воевал, чтобы лишнюю морковку на зиму заготовить. Мать их... До чего довели страну! Ведь вот же он, Николай Лыков, был неплохим инженером, мог бы приносить пользу и себе, и обществу. А чем занимается? Ничем. Думает о том, как бы все же пожрать.

Он вернулся в кухню.

— Слушай, Тоня... Ну, поговорили — хватит. Я понимаю, что радости от меня мало...

— Да бери, ешь, — брезгливо, не оборачиваясь, сказала Антонина. — Мне жалко, что ли... Так, из принципа. Отыграться за прежние обиды...

Она вышла из кухни, а Николай, не теряя времени, открыл холодильник и стал извлекать продукты. «Граммчиков сто не помешали бы», — подумал он, жуя колбасу.

Жена, между тем, сновала то в спальню, то в зал, и все мимо кухонной двери. А он, уже слегка насытившись, вожделенно смотрел на ее стать. И оттого, что у них уже давно не было близости, и это было уже почти невозможно, в нем закипела ярость. «Трахается с кем-то, сучка, — думал он, приступая к чаепитию. — С чего бы она была такая довольная? Факт... Ну, тогда квартира нужна была. А теперь что? Все же есть! Разврат, один разврат кругом. Разврат, пьянство и воровство. Пропала Россия...»

Обида за Россию была настолько велика, что желание выпить и за-

глушить боль пересилило сексуальную ненависть к жене. Николай как можно обыденнее попросил:

— Тоня... В знак прежних, так сказать... Подкинь на сигареты.

— Возьми вон на подзеркальнике. И подумай насчет жилья. Я не шучу, жить вместе мы не будем.

— Ладно, посмотрим, — засовывая деньги в карман, сказал Николай. Он все еще не мог поверить в реальность происходящего.

Однако следующие дни показали, что Антонина действительно не шутит. Мало того, на улице Николая встретил амбал, под два метра ростом, и сказал угрюмо:

— Ты, что ли, Лыков? Чего обижаешь Тоню?

— Какую еще Тоню? — растерялся Николай.

— Ту самую, твою жену. Обижаешь, мужик. Не съедешь с квартиры — вынесут. Это я тебе твердо обещаю.

Сказал и дальше пошел. С таким разве поспоришь? И в морду не дашь — сотрет в порошок. Во, дела! Однако же нужно что-то делать. Где жить? Раньше устроился бы в общежитии, а теперь и общаги нет — отдали ее беженцам. Да и кто его, безработного, станет устраивать, кому он нужен? Придется в бомжи подаваться.

На улице молодая цыганка пристала:

— Мужчина! Дай погадаю. Покажи руку — всю судьбу расскажу.

— Иди ты... Я и так судьбу свою знаю. Сказала бы лучше, где денег добыть.

— Когда добудешь, приходи, все расскажу, — засмеялась цыганка.

Ей что, на ее век дураков хватит. Вот подошла молодая дуреха, кошелек раскрывает, руку подставляет. Лыков и без цыганской сноровки рассказал бы ей все, что ждет ее в дальнейшей жизни. Только нельзя говорить — ни за что не поверит, а обидится. Люди правду не любят, и даже когда знают ее, все равно делают вид, что ничего не ведают.

На память пришел мотивчик: «Цыганка гадала, цыганка гадала, цыганка гадала, за руку брала...» Идет по улице, а мотивчик крутится в голове.

А ведь его дура-Антонина тоже любит гадать. У нее даже штатная ворожейка имеется по имени тетя Валя. Ну, и что с этого? А то... Если хорошенько пораскинуть мозгами, то тетя Валя приходится Николаю какой-то родственницей, пусть и не очень близкой, но все же... И к Николаю она относится хорошо. Несколько лет назад он ей самолично трубы под газ привозил и плиту устанавливал. Должен человек добро помнить!

Через полчаса он уже был в квартире у гадалки. Тетя Валя жила в частном доме, где ей принадлежали две комнаты с отдельным входом. Лет десять уж была она на пенсии. Приходу Николая немного удивилась, но обрадовалась, усадила чай пить и даже полстаканчика водки налила.

— Смурной ты какой-то стал, — сказала хозяйка после того, как покалякали о том, о сем. — Что тебя гнетет?

— Да то, что и всех, — безработица. А тут еще моя Антонина взбрыкивать стала. Совсем баба ошалела от дурных денег. Разводиться хочет, с квартиры гонит.

— Бесстыжая, это точно, — согласилась тетя Валя. — От больших денег всегда жди беды. Ты ведь тоже покуролесил в свое время.

— Ну, тетя Валя...

— Вот тебе и ну... А от меня чего хочешь?

— Да придет она к тебе гадать! Увидишь — придет. Я же знаю: она, как чуть что решить надо, к тебе бежала.

— Тогда она бедная была. А теперь... Кто знает... А тебе-то незачем печалиться, — сказала вдруг гадалка, внимательно вглядываясь в лицо Николая. — Ты сам скоро станешь богатым.

— Как это?

— Да уж как — не знаю. А станешь, это точно.

— Ты скажешь тоже...

— Посмотришь, не пройдет и полгода.

— Ну, спасибо! Ну, удружила! Теперь мне и пиковая дама моя не нужна. Проживу без нее.

— Погоди, не торопись. А как же ты перебьешься эти полгода? Тебе без нее никак нельзя.

— И как же быть?

— А вот придет она гадать, разложу я карты и сообщу пиковой даме, что трефовый король скоро разбогатеет. Она и придумается. От добра добра не ищут. Так что жди перемен. Пословицу знаешь? «На Бога надейся, а сам не плошай». Затевай какое-нибудь дело. Ну, с Богом. Спасибо, что зашел. А ко мне сейчас клиентка пожалует...

Настроение Лыкова резко переменилось, на улицу он вышел другим человеком: плечи распрямились, взгляд повеселел, в нем дерзость появилась, особенно когда Лыков смотрел на красивых женщин. Еще не все потеряно в жизни! Можно бороться. В самом деле, нельзя же так раскисать. Ему еще только за сорок перевалило, самый расцвет сил. Что, собственно, переменилось в жизни? Народ как дурачили, так и дурачат. Только раньше под одними лозунгами, а теперь — под другими. Умные люди приспособились и живут припеваючи. Сократили из проектного института? Но это не значит, что прекратили строить, что никому не нужны проекты. Значит... А то и значит: можно организовать свою фирму по изготовлению этих самых проектов, находить денежных клиентов и облапошивать их, как он делал это и раньше...

Николай Лыков развил бурную деятельность, носился по городу, разыскивал старых приятелей, договаривался о заказах, утрясал, устраивал...

Однажды он вернулся домой усталый и голодный до невероятности. Скажи ему Антонина что-нибудь поперек, он мог бы, наверное, выбросить ее в окно, если бы, конечно, смог поднять. Но жена была, на удивление, ласкова и внимательна.

— Замотался ты у меня, замотался, — шутливо укоряла она. — Я уж два раза гуляш разогревала. Где же ты пропадаешь?

— Фирму открываю.

— Да ты что? Вот хорошо-то. А я вижу, ты прямо весь в делах, — продолжала ворковать Антонина, накладывая ему в тарелку горку пюре, над которым поднимался ароматный парок. — Тебе гуляшник рядом положить или сверху?

— Рядом.

— Я тоже так люблю. Рюмочку выпьешь?

— Выпью.

— Ну, и я с тобой.

Лыков ел и не смотрел на жену. Ему-то все понятно: была у гадалки, и та свое дело сделала, дала ей информацию к размышлению. «Погоди, зараза, — думал он, — мы еще с тобою посчитаемся, пиковая дама. Ишь,

как заголила, когда запахло деньгами, тварь продажная...». Ладно, он потерпит до полной победы, а там помашет ей на прощанье ручкой...

Неожиданно в голове Лыкова появилась смутная идея, и по мере того, как она обретала зримые черты, он все с большим дружелюбием поглядывал на жену.

— Слушай, Тоня... А ведь мы можем с тобою объединить усилия.

— Говори, говори!

— Да очень же просто! Сейчас все сидят на мели. Денег нет. Значит, не могут и строить. А будь деньги — строили бы. Ты — вице-президент, проще говоря, заместитель... по вопросам кредита?

— И по кредиту тоже.

— Вот! Я нахожу клиента на строительство. Он заказывает мне проект. Ваш банк дает ему кредит...

— Ну, в принципе... Нужно хорошенько подумать.

— Ты думай, мать, думай! У нас дочка растет, скоро замуж соберется. Ей квартирка в Москве потребуется. Ну, что?

— Я всегда говорила, что у тебя светлая голова, — с нежностью произнесла Антонина и потрепала лохматую шевелюру мужа. — Постричься тебе следует, ишь, как зарос...

В эту ночь они спали вместе...

Новая проектная фирма, открытая Лыковым, очень быстро набирала вес и процветала. Через год счастливая чета Лыковых вылетела в Арабские Эмираты на отдых. Отечественные курорты их уже не устраивали.

...Николай не забыл и про тетю Валю, привез ей в подарок браслет из поддельного азиатского золота. Они, как бывало, попили чайку, и Николай спросил:

— А скажи мне, тетя Валя, как это тебе удается угадывать? Вот же угадала ты про меня...

— Эх, Коленька... Да если бы я могла угадывать, разве я так бы жила? Дурачу я народ. Как на духу, тебе в этом признаюсь.

— Но про меня...

— А что про тебя? Скажи я тогда, что ты вскоре повесишься — ты бы так и сделал... Такое у тебя было состояние. Я тебя просто окрылила...

— Ну, и спасибо тебе за это.

— Не забывай, заходи... А с Антониной ты не разводишься. Вы пара подходящая.

Григорий Матвеевич Шифрин (1933—2009). Родился в городе Гомеле Белорусской ССР. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт. Работал в редакциях мичуринской районной газеты, тамбовской областной газеты «Комсомольское знамя», газеты «Вперед» (ЮВЖД). Публиковался в центральной и региональной периодике, коллективных сборниках и альманахах. Автор многих книг прозы и стихов. Лауреат Всероссийского конкурса патристической песни, премий и.м. М. Ольминского, и.м. А. Платонова.

Григорий Шифрин

РАССВЕТНЫЕ ОГНИ

БАЛЛАДА О САПЕРЕ

Наш отряд дежурит в палате,
Помогает врачам отряд.
Госпитальным простым халатом
Нас, мальчишек, снабдил санбат.

Лихо носимся за лекарством,
Воду черпаем из реки.
Медсанбатовское начальство
Ободряет: «Держись, сынки!..»

Легкокрылые б нам палатки,
Да костры, да бумажный змей...
А писали мы письма солдаткам
Из российских госпиталей.

Сорок пятый совсем был близко.
Отгромычивала война
И вычеркивала из списков
Имена, имена, имена...

Я ухаживал за сапером...
Был совсем молодым сапер.
— Вот, братишка, беда с мотором,
Мина целила в мой мотор.

Запивал он водою капли,
Стиснув зубы, хрипел: — Воды!
Я к хирургу: — Поможет скальпель?
— Нет, напрасны, малыш, труды.

И отсчитывал пульс удары,
И бледнело его лицо.
Был сапер для меня не даром
Неубитым моим отцом...

...А рассвет, неуютный, светлый,
Тополек у окна продрог...
Разминировал пол-России,
Только сердце свое не смог.

ОБХОДЧИК

Огней рассветных многоточье,
Где магистрали голоса,
Была профессия обходчик,
Была, да вот и вышла вся.

У ней бригадная замена:
Здесь одному не по плечу.
Но все же, если откровенно,
Я быть обходчиком хочу.

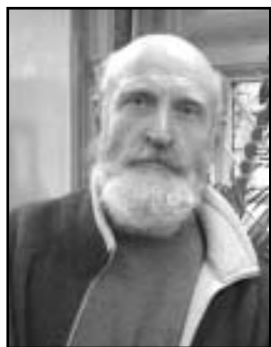
От светофора к светофору,
От огонька до огонька
Шагать бы в гулкие просторы,
Где рельсов строгая строка,

Где облака черемух белых
Над полустанками плывут,
Где у мальчишек загорелых
Свои владенья — лес и пруд.

Вот так вдоль рельсов днем и ночью,
Усталость не беря в расчет,
Обходчик, как первопроходчик,
Вслед за открытием идет.

И открываются откосы
Среди берез, среди полян,
И сердце повторить попросит
Девичью песню под баян.

Скороговорка электрички,
Сонливость загородных дач...
И с детства добрая привычка:
Всем встречным — счастья и удач!

Анатолий Тимофеевич Смагин родился в 1950 году в селе Ранино Мичуринского района Тамбовской области. Окончил Мичуринский плодоовощной институт. Работал во ВНИИ садоводства им. И.В. Мичурина. Публиковался в центральных и региональных изданиях, коллективных сборниках и альманахах. Автор книги «Свобода слова». Участник II Всероссийского семинара сатириков и юмористов. Лауреат всероссийских и региональных творческих конкурсов. Живет в Мичуринске.

Анатолий Смагин

ПОД ГОРЯЧУЮ РУКУ

Рассказы

Наверное, этот Папинчук изрядно намозолил глаза нашему директору. Или попал под горячую руку. Потому что приказ об увольнении появился мгновенно, уже к концу рабочего дня.

Кабинет директора на третьем этаже. Обзорность, как с Останкинской в ясную погоду. За час до окончания работы директор, как всегда, встает у окна, чтобы поглядеть, как дисциплина. В смысле, нет ли утечки кадров раньше времени. И тут этот Папинчук. Я потом на него внимание обратил: небритый, неглаженный, под глазами мешки. Как говорится, тот еще тип. И вот, что ни день — он шлепает. Примерно за час до конца рабочего дня. Спокойно так. День шлепает... два... три... И вот не успевает он на четвертый день как следует «отшлепать», как около него взвизгивает тормозами директорская «Волга», открывается дверца, и директор с перекосенным лицом спрашивает фамилию.

— П-папинчук, — выдавливая этот самый Папинчук, и у него даже пропадает мучившая его икота.

— Ну вот что, Папинчук! — взрывается директор. — На работу сюда, — и кивает в сторону нашего учреждения, — больше больше не ходить! Ясно?! Разве только за трудовой!

И «Волга», сделав разворот, оставляет ошеломленного и растерянного Папинчука на дороге. Тот мучительно что-то осмысливает, трясет головой, потом пожимает плечами и шлепает дальше.

На второй день к обеду является этот самый Папинчук к директору и говорит, что он пришел. Наглый такой.

— Зачем? — сердито, но резонно спрашивает директор.

— А вы чего-то там... насчет трудовой...

Директор, конечно, может быть, не совсем сдержанно говорит, что трудовая не у него, а в отделе кадров. И не успевает, как говорится, выкинуть эту картину из головы, как опять входит этот самый Папинчук и говорит, что ему ее не дают.

— Что значит не дают?! — вскидывается директор.

— Г-говорят, не числюсь, — снова впадая в икоту, говорит Папинчук. «Понятно, что не числишься! Отчислился свое!» — раздувая ноздри, желчно думает директор. И сам отправляется в отдел кадров. Кадровичка молится и божится, что нет у нее трудовой Папинчука. Что не числится такой и не числился никогда. Директор в немом недоумении смотрит на Папинчука.

— Р-работать — ни-ни, — подтверждает тот. — Пиво вот хожу пить. П-пивцо у вас в буфете свежее.

Директор пытается остудить вспыхнувшее лицо носовым платком, но это плохо получается.

— А приказ? — останавливая глаза на кадровичке, скрежещет он в надежде на что-то невероятное. — Вы же писали приказ!

Тут кадровичка, конечно, начинает всхлипывать, говорить, что-де «Вы как крикнули по-телефону: «И чтобы сейчас!!!» И что личное дело на фамилию названного им, т.е. директором, человека она не нашла. Так написала. А инициалы...

Я не знаю деталей дальнейшего разговора, только вот ходят... всякие, а из-за них нормальным людям работу приходится в другом месте подыскивать. Я имею в виду кадровичку. Хорошая была женщина. Алевтина... отчество, прошу прощения, не запомнил.

ТЕТЯ ПО ИМЕНИ МАША

Стасик с папой шли через сквер, откуда до дома было уже рукой подать, когда им встретилась тетя. Тетя была красивая-прекрасивая. Стасик видел таких только в маминих журналах, которые она смотрела перед тем, как сшить себе какое-нибудь новое платье. Причем всегда раздраженно говорила Стасикову папе:

— Вот видишь, как одеваются!

Стасик три раза оглянулся на тетю, поражаясь своему «как из журнала» еще и потому, что тетя, несмотря на прохладный день, была без головного убора.

Папа тоже оглянулся несколько раз, но споткнулся о какой-то корень и, отряхивая шляпу, слетевшую с головы, сказал словно про себя:

— Хороша Маша, но не наша.

Стасику стало интересно, откуда папа знает, как зовут эту тетю, и он спросил:

— Ты, пап, с ней работаешь? — У них в доме Стасик такой тети не видел.

— Нет, — сказал папа, — я с ней не работаю.

— А-а, — сказал Стасик, обдумывая свое. — Но все равно, почему ты с ней не поздоровался?

— А почему я должен с ней здороваться? — спросил папа.

— Ты же знаешь ее, — ответил Стасик. — Ты сказал: «Маша».

— Это я так, — сказал папа. — Образно. Так говорят. А она, может, вовсе и не Маша.

— А-а, — сказал Стасик. — А почему не наша? Она что, из другой страны?

— С чего ты взял?! — рассердился папа. — Почему это она должна быть из другой страны? Из сказки, еще скажи. Из нашей она страны, из нашего города. Она, может, и живет-то вот напротив сквера, и к ней можно запросто прийти и попить чаю. Скажешь тоже.

Они прошли немного молча.

— Пап, — сказал Стасик, останавливаясь, — давай зайдем к ней.

— Это еще зачем?

— Так просто, — сказал Стасик. — Она красивая.

— Ну и что с того?! — разозлился папа. — К незнакомому человеку идти пить чай! Я удивляюсь тебе, Стасик. И вообще ты много говоришь. Так много, что просто никуда не годится.

— Почему? — спросил Стасик. Он всю жизнь считал, что это хорошо. Сам папа говорил: «Если ребенок много говорит, значит, он нормально развивается».

— Ладно, — строго сказал папа. — «Почему, почему», давай помолчим. — Домой они пришли молча, хотя Стасику это не нравилось. Мама что-то готовила у плиты. Она встретила их в халате, клеенчатом фартуке и в железном шлеме из бигудей.

— Пришли, — сказала она. — Сейчас покормлю. — И, посмотрев на шляпу в папиных руках, насмешливо спросила: «Ты ею что, улицы подметал?»

Стасик тоже посмотрел на шляпу и увидел на ней серо-грязные пятна.

Стасик открыл уже было рот, чтобы рассказать про то, как папа споткнулся, про красивую-прекрасивую тетю, которую папа не знал, но которую назвал Машей, и которая живет напротив сквера, и к которой запросто можно прийти и попить чаю. И Стасик открыл рот, но что-то сдержало его, и он посмотрел на папу. Папа стоял с лицом в разноцветных пятнах, с широко раскрытыми глазами и умоляюще смотрел на Стасика.

— Ветер на улице, — неожиданно сказал Стасик и вздохнул. — Ветер, вот она и...

— Да, — сказал папа совсем не своим голосом, — очень ветреная погода.

Сергей Владимирович Кофанов родился 8 августа 1987 года. Окончил филологический факультет Мичуринского государственного педагогического института. Аспирант Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Работает учителем английского языка. Основатель и руководитель литературного объединения НЕ(проЗА). Участник различных литературных конкурсов в Москве и Рязани. Победитель межрегионального фестиваля «Есенинская весна-2013». Живет в Мичуринске.

Сергей Кофанов

МОТЫЛЬКОВОЕ ЛЕТО

VIVA COMMANDANTE!

Черно-белое фото Че,
Черно-белое фото Уго...
Ленин, Каддафи, Сталин на кумаче —
Все еще повторится, история ходит по кругу...

* * *

Стихия народной мечты, как единая твердь,
Во имя свободы и справедливого быта
Примером достойным так,
чтобы плакала смерть,
Не будет никем никогда на Земле позабыта.

Достойные люди
достойно пронесут свой век —
Потомки оценят их жизни, дела по заслугам,
Только историю пишет простой человек
С мечтой в рюкзаке,
а лучше еще чтобы с другом.

Он, верным оставшись
какой-нибудь светлой мечте,
Подарит надежду уже миллионам прохожих,
С футболок которых сегодня взирает Че
И олигархов продажных,
как прежде, тревожит.

Век двадцать первый однажды
сорвется с орбит
Он полевел уже —
«Левой товарищ, левой!»

Мир без героев — мир прозябанья в кредит,
Мир без любви отношений с порядочной стервой.

Пафос сегодняшних строк моих горько-упрям,
Принципы выше безбожного отблеска злата.
Я не стреляю сегодня словами по воробьям,
Просто напомнил Вам то, как мечтали когда-то...

* * *

Слава героям,
Чье имя безбожно хулят!
Слава героям,
Сумевшим сломить энтропию!
Слава героям,
Их не вели, как ягнят!
Слава героям,
Ведь их полюбила стихия!

* * *

Ленин, Каддафи, Сталин на кумаче —
Все еще повторится, история ходит по кругу:
Черно-белое фото Че,
Черно-белое фото Уго...

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Мотылек о стекло бьется крыльями,
Ночь окутала города.
Осыпаются желтые лилии,
И куда-то спешат поезда.

Мотылек о стекло холодное
Безрассудно выводит Морзе.
Было сердце когда-то гордое,
А теперь потемнело бронзой.

Мотыльковое лето тянется
Расстояньями и бессонницей.
Тук-тук-тук — бестолковая пятница
За холодный рассвет беспокоится.

Монотонно, упрямо, напористо
Мотылек, как живой метроном,
Увлекает в рассвет бессовестно,
Не давая укрыться сном.

Привыкаешь... Сквозь легкую дрему
Исчезает тревожный гость...
А к обеду, дождя б и грома —
Мотыльковую прятать грусть!

* * *

И что я значу в свои двадцать пять
Крепкий скелет, неплохо обросший плотью
Умею любить, умею мечтать — не умею молчать...
За это осыпан эпитетами по всему околотью.
В свои двадцать пять я наивен пока и жив,
По-прежнему доверяю той, которая не убила.
И знаете, люди, я разгадал ваш шифр:
Мы просто боимся того, что для вас так мило.
И мне интересно в мои двадцать пять искать,
Птицу удачи ловить по весне за хвост...
Линия жизни: я научился ждать,
Линия жизни: мир этот слишком прост.

* * *

Заразиться мечтой, как простудой от влажного ветра,
Удивляться всему, что еще не сумели понять...
В этом мире, друзья, расстояний смешны километры,
Если вы научились однажды себя заставлять...

Заставляйте себя отрекаться от грубого слова,
Заставляйте себя говорить, не стесняясь: люблю,
Заставляйте себя ошибаться, чтоб снова и снова
Поднимался ваш парус, встречая в тумане зарю;

Заставляйте себя улыбаться наивно и чисто,
Заставляйте себя не жалеть о прошедшей любви,
Заставляйте себя вспоминать и раскрашивать числа
Дней осенних, когда никому не поют соловьи;

Заставляйте себя быть немножечко выше рутины,
Заставляйте себя танцевать босиком на песке,
Заставляйте себя не искать в совпадениях причины —
Беспричинная связь идеальна в своей простоте...

Как простудой от влажного ветра ноябрьским утром,
Заразите себя, потеряв на мгновенье покой,
Вам понравится быть очень нужным другому кому-то,
Заставляйте себя просыпаться в совете с мечтой!

СЕСТРЕНКА

Нарисуй мне мишку — плюшевые ушки —
Знаю, ты умеешь, ты же старший брат,
Ты же убираешь все мои игрушки,
И из школы вместе мы идем назад...

Нарисуй мне мишку — я его раскрашу —
Будет улыбаться солнцу и цветам.
А еще, ты знаешь, я влюбилась в Сашу,
Только это тайна, понимаешь сам...

Нарисуй мне мишку — я почти большая —
Я сама умею, только твой добрей.
У меня работа важная такая
Поедать конфеты и встречать гостей...

ВЕТЕР

Самый богатый на свете ветер,
Ветер, что треплет кудри берез...
Если не верите — так проверьте,
Ветер богаче всех нас всерьез.

Сколько потрачено слов и мгновений:
Деньги на ветер, на ветер взгляды...
Ветер, наверно, просто злой гений!
Иначе... зачем ему это надо?

Ветер свободен, ничто не сдержит
Резкий порыв, ураган упрямства...
Но крылья ему предательски режет
Его же родное непостоянство...

Но все же богаче искать не стоит,
Вряд ли найдется кто-то богаче...
Кто-то, кто может под шелест прибоя,
С дырою в кармане петь об удаче!

* * *

Облака снова мчатся на юг,
Закрывая небесную просинь...
Мы проходим еще один круг —
Без пятнадцати осень...

И в кострах догорает день,
Вкусным дымом сжигая тетрадки,
Без пятнадцати осень — мигрень.
Лето мчится от нас без оглядки.

Уезжают друзья, погостив.
Поезда. Без пятнадцати осень.
Фотокамер смешной объектив
На прощанье улыбки не спросит.

Без пятнадцати осень — черта.
И в письме, дожидаясь ответа,
Вновь рождается в сердце мечта,
И мы ждем без пятнадцати лета.

Людмила Васильевна Волокитина родилась в селе Среднее Добринского района Липецкой области. Окончила Мичуринский государственный педагогический институт. Работала учителем. С 1987 года — сотрудник, а затем заведующая Домом-музеем И.В. Мичурина. Автор многочисленных газетных, журнальных, книжных публикаций о выдающемся ученом, основоположнике садоводческой науки. Живет в Мичуринске.

Людмила Волокитина

«Я РАБОТАЛ ДЛЯ СВОЕГО НАРОДА...»

(Жизненный и профессиональный путь
Ивана Владимировича Мичурина)

Всемирно известный ученый И.В. Мичурин родился 28 (15) октября 1855 года в семье отставного военного чиновника Владимира Ивановича Мичурина, проживавшего в небольшом лесном поместье Вершина Пронского уезда Рязанской губернии. Его прадед — Иван Наумович и дед — Иван Иванович Мичурины — оба «майоры и кавалеры» — принадлежали к числу бесстрашных русских воинов-патриотов. Иван Наумович участвовал в легендарном суворовском переходе через Альпы в 1799 году, а позднее оба — и отец, и сын — мужественно сражались в Отечественной войне 1812 года. По возвращении из походов они до конца жизни с увлечением занимались опытным садоводством, причем Иван Наумович, по свидетельству И.В. Мичурина, вывел у себя на родине, в Калужской губернии, несколько сортов груши под названием «мичуринские».

Отец Мичурина — Владимир Иванович — служил некоторое время на Петровском оружейном заводе в Туле приемщиком оружия для армии, но скоро вышел в отставку и, женившись, навсегда поселился в деревне. Живя там, Владимир Иванович занимался садоводством и пчеловодством, изучал агрономию и педагогику. В этот период значительное время он уделял также обучению грамоте крестьянских детей. Взгляд на садоводство, как на науку, при-

вил Владимир Иванович и своему сыну Ивану. В доме Мичуриных была собрана небольшая библиотека с книгами по садоводству, которые Иван очень скоро перечитал: «Откровение садового художника» М. Аргентова, «Подрезка фруктовых деревьев» К. Хрусталева, рукописный экземпляр книги «Помология» известного тогда русского агронома А. Болотова и другие. Страстная любовь к природе и стремление проникнуть в ее тайны резко отличали маленького Ваню от его сверстников. Самым любимым занятием для него было собирание и посев семян плодовых, огородных и декоративных растений.

Когда мальчику исполнилось четыре года, мать его, Мария Петровна, отличавшаяся слабым здоровьем, заболела горячкой и умерла. Всю заботу о нем взяла на себя тетка Татьяна Ивановна, сестра отца, жившая по соседству в своей маленькой усадьбе Биркиновка. Татьяна Ивановна была женщиной даровитой и образованной, горячо любившей своего племянника и имевшей на него большое влияние. Отец и тетка, будучи домашними учителями, знакомили Ивана с основами математики, физики, химии и особенно увлекательно и предметно преподавали ботанику. Помогая постоянно отцу и тете в поле, в саду, на пасеке, в цветниках, юный Мичурин с увлечением занимался посадкой, прививал растения, наблюдал за жизнью в лесу, на лугах. Уже в восьмилетнем возрасте Иван мастерски владел многими способами прививки плодовых растений.

«...Я, как помню себя, — писал Мичурин в автобиографии, — всегда и всецело был поглощен только одним стремлением к занятиям выращивать те или другие растения, и настолько сильно было такое увлечение, что я почти даже не замечал многих остальных деталей жизни; они как будто все прошли мимо меня и почти не оставили следов в памяти».

Учась дома, а затем в Пронском уездном училище, куда его отдали учиться в возрасте 10 лет, он часто не только весь свой досуг, но и каникулярное время, отдавал чтению ботанической, садоводческой и зоологической литературы. О большой наблюдательности и любознательности Ивана свидетельствует и уцелевший в мичуринском архиве его дневничок от 1869 года. В нем имеются записи Ивана Мичурина, который уже в то время изучал «Опыт метеорологических предсказаний за сто лет от 1768 до 1868 года». Эти записи интересны тем, что в них он уже пытался связать метеорологические данные с развитием растений.

И.В. Мичурин окончил Пронское училище в 1869 году, и сразу же его стали готовить по курсу гимназии для поступления в Петербургский лицей. Но эти планы были нарушены болезнью отца. Поместье Вершина было продано, чтобы уплатить долги. Так, в течение одного года происходит коренная ломка всей жизни юноши. Но и здесь вновь на помощь приходит тетка Татьяна Ивановна, которая помогает ему поступить в Рязанскую гимназию. Здесь его тоже ожидает неудача. Мичурина исключают из гимназии за «непочтительность к начальству», выразившуюся в том, что, здороваясь на улице в сильный мороз с директором гимназии В.Н. Оранским, Иван по причине болезни уха не снял шапку перед ним. Истинная причина исключения юноши была в другом — некому было платить за его учебу.

В другие учебные заведения И.В. Мичурин поступить не мог все по той же причине — отсутствие средств. Поэтому Мичурин очень рано начинает работать. В 1872 году дядей, Львом Ивановичем Мичуриным, он был определен на работу в товарную контору станции Козлов (ныне Мичуринск) Рязано-Козловской железной дороги с жалованием 12 рублей в месяц.

Здесь И.В. Мичурин проявляет большой интерес к железнодорожной технике и много работает над изучением физики, химии, теоретической механики и электричества. Но его непреодолимая любовь к земле и живой природе всегда была важнее всего. На работе он ремонтирует и испытывает телеграфные, телефонные

и сигнальные аппараты, измерительные приборы: манометры, барометры, часовые механизмы, проявляя и здесь страсть к изобретательности. Благодаря постоянному самообразованию, Иван Владимирович достиг многого.

В 1873 году И.В. Мичурина назначили на должность товарного кассира, а затем — помощником начальника станции. В это время по разработанному Мичуриным проекту было осуществлено грандиозное по тому времени мероприятие — электрификация станции Козлов.

В 1874 году Иван Владимирович познакомился с Александрой Васильевной Петрушиной, шестнадцатилетней дочерью рабочего винокурного завода, на которой вскоре и женился. Александра Васильевна была из большой, добропорядочной и трудолюбивой семьи. Все ее родственники впоследствии стали ближайшими помощниками в работе ученого. Должность заместителя начальника станции позволила значительно улучшить материальное положение семьи, дала возможность для дальнейшего самообразования. Но в этой должности, к сожалению, Мичурин пробыл недолго. За критику начальника станции Эверлинга он был смещен на прежнюю должность. В это время Иван Владимирович получил еще одно неприятное сообщение: родственники, узнав о женитьбе его на мещанке, уведомили о лишении права наследования.

Оставшись без средств, без земли, Мичурин не упал духом. Он продолжает изучать русский и мировой сортимент плодовых и ягодных культур. Охваченный страстным желанием начать работы по садоводству, он в 1875 году арендует в городе крохотный приусадебный участок размером 15,5 на 8 саженой и там проводит свои первые опыты с растениями. Можно сказать, что именно отсюда берут начало селекционные опыты И.В. Мичурина. Лелея с детства мечту о садоводстве, занимавшую все его помыслы, он становится на путь ее осуществления. Для этого нужны были средства. Вот здесь и пригодились разносторонние интересы и способности Ивана Владимировича. Приобретенные им знания по механике позволили открыть мастерскую по ремонту часов и других приборов. Каждую вырученную копейку Иван Владимирович тратил на приобретение книг, журналов по ботанике, садоводству.

Оставшись без средств, без земли, Мичурин не упал духом. Он продолжает изучать русский и мировой сортимент плодовых и ягодных культур. Охваченный страстным желанием начать работы по садоводству, он в 1875 году арендует в городе крохотный приусадебный участок размером 15,5 на 8 саженой и там проводит свои первые опыты с растениями. Можно сказать, что именно отсюда берут начало селекционные опыты И.В. Мичурина. Лелея с детства мечту о садоводстве, занимавшую все его помыслы, он становится на путь ее осуществления. Для этого нужны были средства. Вот здесь и пригодились разносторонние интересы и способности Ивана Владимировича. Приобретенные им знания по механике позволили открыть мастерскую по ремонту часов и других приборов. Каждую вырученную копейку Иван Владимирович тратил на приобретение книг, журналов по ботанике, садоводству.

Во время своих разъездов по железной дороге И.В. Мичурин имел возможность более широко познакомиться с организацией садоводства в средней полосе России: «Печальная картина бывшего русского садоводства вызывала во мне острое до боли желание переделать все это по-иному... Я поставил перед собой две дерзкие задачи: пополнить ассортимент плодово-ягодных растений средней полосы выдающимися по своей урожайности и по своему качеству сортами и продвинуть границу произрастания южных культур далеко на север. Однако к разрешению этих задач я пришел не скоро...».

Иван Владимирович потерял немало драгоценного времени, используя в своей работе ошибочную теорию акклиматизации ценных южных иностранных сортов плодовых растений в средней полосе России.

В 70-х годах XIX века большим авторитетом в области пловодства в России пользовался А.К. Грелль (московский врач). Известный любитель-садовод опубликовал в 1881 году руководство «Доходное пловодство. Курсы промышленно-

Иван Владимирович Мичурин

го плодоводства и огородничества, читанные в разных уголках России Александром Кондратьевичем Греллем, владельцем и директором первого и единственного в России акклиматизационного сада, устроенного в Москве». В нем автор рекомендовал южные и западно-европейские сорта плодовых деревьев прививать на холодостойкие подвои. Последние, по мнению А.К. Грелля, должны передавать выносливость южным сортам. Для доказательства правильности своих воззрений Грелль заложил в Москве так называемый акклиматизационный сад и выступил с призывом следовать его методу, обосновывая тем, что всех сомневающийся он приглашает приехать к нему и убедиться воочию в существовании сада. Первые зимы были теплые, но их сменили суровые, с очень низкой температурой. Вот после таких зим сад Грелля представлял собой пни и коряжник. Увлечению акклиматизацией отдал дань и И.В. Мичурин, доверяя первоначальному авторитету А.К. Грелля. Потом всю жизнь Иван Владимирович с тяжелым чувством вспоминал об этой ошибке, которая дорого ему обошлась: были потрачены средства, ушло время. Но он стойко пережил эти неудачи. Изучая и проверяя другие методы ученых, он пришел к мысли о возможности выведения новых сортов плодовых растений путем вмешательства в процесс опыления. Мичурин приступает к широкому развертыванию опытов по искусственному опылению наряду с массовыми посевами семян и выделением лучших растений методом простого отбора. Он вел опыты со многими растениями: плодово-ягодными, бахчевыми, декоративными, южными культурами. Мичурин был весь поглощен пополнением своего питомника новыми и новыми растениями для опытов. Кроме этого, он старается достать нужные семена, черенки, отводки, пыльцу. Коллекция растительных форм настолько восполнилась, что надо было думать о расширении участка. В автобиографических сведениях, опубликованных впервые в 1914 году в № 6 журнала «Садовод», И.В. Мичурин писал: «Скоро арендованная мною усадьба настолько переполнена была растениями, что далее не было никакой возможности вести на ней дело. К счастью, мне удалось приобрести с долгосрочной рассрочкой платы в шести верстах от города небольшой клочок луговой земли, куда я и перенес постепенно на своих плечах всех своих питомцев. Затем дело, получившее более широкое развитие, дало возможность мне оставить службу и уже всецело посвятить свой труд делу садоводства».

Участок площадью 13,5 га был приобретен в 1888 году в шести километрах от города, недалеко от слободы Турмасово. Правда, только половина его была пригодна для сада, остальную часть площади занимали кустарники и река. Из земли, которая была удобной для возделывания, лишь часть можно было использовать для опытов. Большую площадь пришлось выделить для коммерческого питомника. Продажа саженцев давала доход, который был основным источником средств существования семьи.

Количество сортов, выведенных И.В. Мичуриным, увеличивается. Появляются первые статьи в печати. Деятельность Ивана Владимировича получила одобрение со стороны редактора журнала «Вестник садоводства, плодоводства и огородничества», профессора Петербургского лесного института А.Ф. Рудского. Он писал, что «Мичурину принадлежит большая будущность», и оказывал ему содействие в публикации статей. В последующие годы имя И.В. Мичурина стало приобретать широкую известность среди садоводов. Мичуринские сорта постепенно распространялись по всей России. О мичуринском питомнике прослышали американцы и поторопились в 1890 году закупить у него растения новых сортов, переправив их в США. Это принесло Ивану Владимировичу большую известность и сильно подняло престиж его питомника. В числе вывезенных в США мичуринских сортов была вишня «плодородная Мичурина», которая попала в Канаду, где и была размножена. В 1898 году всеканадский съезд фермеров, собравшихся пос-

ле суровой зимы, констатировал, что все старые сорта вишен, как европейского, так и американского происхождения, в Канаде вымерзли, за исключением «плодородной Мичурина» из Козлова Тамбовской губернии. Канадцы прислали благодарственное письмо Ивану Владимировичу. От имени членов съезда Мичурину писал профессор Саундерс: «Достопочтимый сэр! Вы спасли вишню для садов Канады. В истекшие зимы вымерзли все вишни без исключения, кроме носящих Ваше уважаемое имя — с характеристикой «плодородная». Это, по-видимому, лучшая вишня по холодостойкости. Просим держать нас в известности о Ваших последующих открытиях и успехах».

С целью популяризации своих новых сортов в 1889 году ученый издает и рассылает свой первый торговый каталог под названием «Полный иллюстрированный прейскурант по фруктовым, декоративным деревьям и кустарникам, а также свежего сбора семян плодовых деревьев, имеющих в садовом заведении Ивана Владимировича Мичурина». Каталог был иллюстрирован рисунками, выполненными самим автором. Все свои средства, полученные от продажи саженцев новых сортов, он тратил на расширение дела, покупку различных растений, черенков, семян со всех уголков страны. Если в 1890 году в питомнике было 500 экземпляров растений, то в 1895 году — уже больше тысячи.

Турмасовский период (по названию местности) в жизни и научной деятельности ученого длился более 10 лет и принес И.В. Мичурину много радости, несомненные удачи, но здесь же его постигла новая ошибка, которая могла сломить даже такой сильный характер. Однако и на этот раз он выстоял и извлек из своих ошибок урок. А дело было в том, что почва турмасовского участка представляла собой мощный тучный чернозем, слишком жирный, который балует и изнеживает молодые гибридные растения, делая их невыносливыми. Растения хорошо росли, развивались только до первых жестоких испытаний. Год от года десятками, сотнями погибали от морозов уникальные сеянцы. Замирала жизнь то в одном, то в другом, а то и сразу в нескольких обнадеживающих и дорогих сердцу селекционера гибридах — уже заплодоносивших формах. Иван Владимирович тяжело пережил это страшное для него, но вместе с тем и великое по значимости открытие. Истина была для него дороже всего! Он принимает решение о переносе питомника в другое место, где вся работа будет начата заново. Подводя итоги сделанного в Турмасово, И.В. Мичурин отмечает главное: обоснование и применение методов оптимальной гибридизации, смеси пыльцы, ментора; получение новых сортов, используя свои методы; закладка коллекции растений, собранных со всех уголков земного шара — из Памира, Китая, Канады, Сибири, Уссурийского края...

В конце XIX столетия, когда И.В. Мичурину стало ясно, что Турмасовский участок непригоден для выращивания гибридов, потому что почва здесь представляет собой тучный чернозем, на котором рост гибридных сеянцев затягивался, зимостойкость снижалась, он принимает решение о приобретении нового участка, который отвечал бы всем требованиям, необходимым для продолжения опытов. После долгих поисков Иван Владимирович находит, наконец, подходящее место в окрестностях города, в долине реки Лесной Воронеж, близ пригородного села Донское, с географическими координатами 52°51' северной широты, 40°28' восточной долготы, 70,44 м над уровнем моря. Долина реки представляет собой пойму среднего уровня, пересекаемую оврагами, протоками, болотами, с незначительными площадями для земледелия и садоводства. Вся территория долины принадлежала помещику Агапову и судебному чиновнику Рулеву. В межевом плане Тамбовского губернского землемера М. Попова, вычерченном 25 января 1899 года, сказано: «В означенном участке поселения не было, а земля лежала впусе». Почва представляла собой тощий речной нанос, являлась наиболее подходящей для воспитания зимостойкости у гибридов, кроме этого, были очень близ-

ки грунтовые воды, да еще и морозы ниже, чем в городе, на пять градусов, так как это было самое низкое место в пригороде.

Но Мичурину надо было продать прежний участок, прежде чем купить новый. Ивану Владимировичу повезло: в город приезжает новый предводитель дворянства, рязанский помещик Снежков. Подыскивая место для постройки своего дома, он осмотрел участок, принадлежащий Мичурину в Турмасово. Место Снежкову понравилось, и он в 1899 году покупает землю у Ивана Владимировича при условии, что участок будет освобожден от растений. И тогда Мичурин сам оборудовал переправу через реку, устроив большую лодку для перевоза людей и груза (моста здесь при жизни ученого никогда не было). И сам Иван Владимирович, и члены его семьи, когда им нужно было попасть в город, переправлялись на лодке на противоположный берег.

Все растения с Турмасовского участка были перевезены на новый участок. Семье пришлось зимовать в сарае. В 1899 году по плану, составленному Иваном Владимировичем, и при его самом активном, деятельном участии на новом месте был выстроен двухэтажный дом кирпичной кладки. Нижний этаж был занят подсобными помещениями и кухней. Верхний этаж занимала семья И.В. Мичурина. Этому дому суждено было стать лабораторией, где ученый осуществит самые смелые свои опыты. Начало работы И.В. Мичурина на новом участке ознаменуется ростом его известности среди специалистов не только в России, но и за рубежом.

Питомник пополнялся все новыми и новыми сортами плодово-ягодных культур. Иван Владимирович начинает фантастическую для того времени гибридизацию винограда и персика. Разрабатывает методику опытов с дальневосточной ягодой — актинидией.

Свои методы работы Мичурин не скрывал, а стремился сделать их всеобщим достоянием. К этому времени он является постоянным сотрудником российских журналов: «Садоводство и огородничество», издающегося в Харькове, «Вестник садоводства, плодоводства и огородничества», являющегося печатным органом Императорского общества садоводства, который начал издаваться с 1859 года, «Садовод», «Прогрессивное садоводство и огородничество», редактором которого был П.Н. Штейнберг. В № 21 этого журнала за 1910 год, когда подводились итоги работы редакции за шесть лет, дается краткая характеристика сотрудников редакции, в том числе и И.В. Мичурина. И уже в этой характеристике подчеркивается, что ученого волнует не только собственное дело, а проблемы развития садоводства в России: «И.В. Мичурин в своей деятельности по разведению плодовых деревьев не замедлил прийти к мнению, что для действительного прогресса плодоводства России нам необходимы собственные свои русские сорта, полученные путем гибридизации, и притом сорта в наибольшей степени выносливые и приспособленные к той или другой местности».

И.В. Мичурин продолжает издавать свои каталоги, в них появляются все новые и новые сорта плодово-ягодных культур. Здесь же он помещает много сведений по агротехнике плодоводства, борьбе с вредителями и болезнями растений и т.д. И здесь же Иван Владимирович настойчиво подчеркивает, что его питомник не является обыкновенным торговым заведением, где большое внимание придается рекламе, а это место, где создаются новые сорта, отвечающие многим требованиям человека. Не будучи хорошо обеспеченным, Мичурин вынужден был ограничивать масштабы селекционной работы. Неоднократные обращения ученого о помощи в Департамент земледелия результатов не дали. Иван Владимирович писал: «Перемены условий жизни идут с головокружительной быстротой, и если мы пожелаем улучшить свои средства к жизни более энергичным трудом, не пожелаем вечно тащиться в хвосте других наций, мы должны проснуться от своей вековой спячки, должны энергично и дружно взяться за улучшение садоводства».

Памятник И.В. Мичурину

Правда, в это время высокую оценку работам И.В. Мичурина дали крупнейшие русские специалисты по садоводству М.В. Рыжов, В.В. Пашкевич, Н.И. Кичунов. Многие годы они переписывались, перед тем как познакомиться лично. Н.И. Кичунов так описывает свои первые впечатления от встречи с И.В. Мичуриным: «Тут сразу на месте убедился, что вижу перед собой подвижника, совершенно исключительных, не встречаемых в жизни у людей достоинств».

Мичурин был избран почетным членом Калужского, Симбирского и Российского обществ садоводства. В письме, которое получил ученый от вице-президента Российского общества садоводства А.А. Ячевского, читаем: «Многоуважаемый Иван Владимирович! Считаю приятным долгом известить Вас, что в состоявшемся Чрезвычайном собрании Общества садоводства Вы были избраны почетным членом этого общества... как скромное свидетельство нашего уважения к Вашей многолетней деятельности. Ваши работы настолько ценны для России, что заслуживают всяческой поддержки. Я это уже не раз говорил многим, но у нас любят восхищаться американцами, а своих не признают или, по крайней мере, не желают замечать».

Да, действительно, американцы продолжают интересоваться работами И.В. Мичурина. Если в конце XIX столетия американцы закупили и переправили в США некоторые сорта ученого, то теперь заведующий отделом интродукции министерства сельского хозяйства США Дэвид Ферчайлд настойчиво добивается того, чтобы купить у Мичурина всю собранную им из многих стран мира коллекцию родительских форм растений и их гибридов. С этой целью он несколько раз посылает к Мичурину ботаника Вашингтонского сельскохозяйственного института профессора Мейера. В издаваемом департаментом земледелия США «Бюллетене импортных растений» были опубликованы отчетные сведения Мейера из последних поездок с описанием достижений замечательного русского селекционера из Козлова. Из отчета Мейера видно, что от его внимания не ускользнули тяжелые условия, в которых Мичурину приходилось трудиться. Профессор Мейер ставил И.В. Мичурина выше своего соотечественника, знаменитого американского творца новых растений Л. Бербанка. Мичурин достиг выдающихся результатов, про-

вода селекционную работу в суровых условиях средней полосы России. Бербанк же занимался выведением новых сортов, живя и работая в условиях богатого субтропического климата штата Калифорния.

Дважды американский департамент земледелия — в 1911 и в 1915 годах — предлагает И.В. Мичурину с семьей переехать работать в США. Ему предлагают оклад в 8000 долларов и отдельный пароход для перевозки всех растений и грузов. Но как бы ни была сурова к нему Россия, но все же она — его Родина. В ответ на приглашения Мичурин писал: «Причин для отказа у меня много. Но главное вот что: я давно знаю, что акклиматизация растений простой пересадкой из родной страны в чужую результатов не дает. Наверное, это и к людям относится..., я работаю для своего народа, и я надеюсь, что настанет такое время, когда мои работы оценят и поймут у меня на Родине».

Вот так тонко и убедительно разъяснил И.В. Мичурин свою нерушимую связь с родной землей. О приглашении Мичурина в Америку стало известно и в правительственных кругах. Тут же Ивана Владимировича приглашают на службу в Департамент земледелия с переездом в Петербург. Ученого хотели превратить в послушного чиновника, но он не дал на это согласие.

В то же время И.В. Мичурин с глубоким уважением относился к передовым зарубежным труженикам селекционной науки — таким, как Л. Бербанк (США), Вильморен (Франция), Диль (Германия) и многим другим ученым, высоко оценивал их достижения, призывал молодых отечественных селекционеров учиться у них.

Особенно высоко ценил И.В. Мичурин американского ученого Л. Бербанка, который «...не был копиистом и не был чужеучкой, вел работы своими оригинальными методами... Разводить готовое каждый садовник может, а выводить новые сорта сможет только человек, знающий пути эволюционной работы природы, дающие безостановочную смену форм живых организмов и никогда не допускающие повторения старых форм».

Поистине трагическим в жизни Мичурина был период Первой мировой войны. Коммерческий питомник ученого работал плохо. В это время народу было не до садов, поэтому количество покупателей посадочного материала резко уменьшилось. Сократились средства не только на проведение исследовательских работ, но и на содержание семьи. Несмотря на тяжелую обстановку, которая сложилась в то время, Мичурин добивается крупных успехов. В журнале «Прогрессивное садоводство и огородничество» (№ 52 за 1914 год) он публикует статью «Что нового сделано в деле гибридизации и какие получились новые сорта растений в 1914 году». Здесь рассказывается, как появились у него такие знаменитые сорта яблоны, как «бельфлер-китайка», «пепин шафранный», груши «бере зимняя Мичурина», сливы «ренклюд терновый» и других различных плодовых, ягодных растений.

1915 год также не принес И.В. Мичурину улучшения материального положения, а летом пришлось пережить страшное горе. Во время эпидемии холеры, свирепствовавшей в городе, умерла жена Мичурина — Александра Васильевна. Иван Владимирович лишился своего верного и горячо любимого друга — жены, которая более сорока лет трудилась вместе с ним, поддерживала все его начинания. К счастью, рядом с ученым оставались преданные его друзья и родственницы жены — свояченица Анастасия Васильевна Петрушина и племянница Александра Семеновна Тихонова. Благодаря их заботам, Мичурин возобновил свою работу.

Все исторические события, происходившие в стране, коснулись жизни и работы И.В. Мичурина. Октябрьская революция 1917 года помогла ученому продолжить свои научные исследования. Несмотря на то, что в стране царили разруха, голод, хаос, новая городская власть нашла время ознакомиться с работами И.В. Мичурина.

Постановлением коллегии Козловского уездного комиссариата земледелия от 29 июня 1918 года питомник Мичурина был признан неприкосновенным, а на проведение работ в питомнике было выделено даже денежное пособие. 18 ноября 1918 года питомник был принят в ведение Народного комиссариата земледелия, Иван Владимирович был утвержден в должности заведующего. Ему было разрешено пригласить помощника и иметь необходимый штат сотрудников. К этому времени ученым было создано 150 сортов яблонь, груш, вишен, слив, абрикосов, черешни, винограда, актинидии и других плодовых растений. Получив поддержку государства, Мичурин с удивительной энергией, с огромным вдохновением продолжил свои научные труды.

В 1920 году Иван Владимирович пригласил к себе на работу в качестве помощника И.С. Горшкова, бывшего в то время уездным специалистом садоводства. И сразу же Иосиф Степанович приступил к расширению территории питомника. Благодаря его энергии и инициативе, уже в январе 1921 года к питомнику были приписаны земли бывшего Козловского Троицкого монастыря, расположенного в пяти километрах от Основного питомника. На новой территории расположилось репродуцированное отделение с задачей массового размножения и распространения мичуринских сортов.

18 ноября 1922 года Тамбовский губернский исполнительный комитет получил за подписью управляющего делами Совнаркома Н.П. Горбунова телеграмму следующего содержания: «Опыты по получению новых культур растений имеют громадное государственное значение. Срочно пришлите доклад об опытах и работах Мичурина в Козловском уезде для доклада председателю СНК товарищу Ленину. Получение телеграммы подтвердите».

Материалы, присланные из питомника, изучались почти год. Лишь 20 ноября 1923 года постановлением Совнаркома опытный питомник И.В. Мичурина был признан учреждением, имеющим государственное значение. В том же году достижения ученого были показаны на Первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Экспертная выставочная комиссия присудила Ивану Владимировичу высшую награду — Диплом ЦИК СССР.

25 октября 1925 года торжественно отмечалось 50-летие научной деятельности И.В. Мичурина. Юбиляр получил очень много поздравлений от общественности, правительства, коллег — ученых многих стран. Ивана Владимировича приветствовал Н.И. Вавилов, под редакцией и с предисловием которого вышла книга «И.В. Мичурин. Итоги деятельности в области гибридизации по плододоводству» (М. «Новая деревня», 1924 г.). Это первое прижизненное издание трудов ученого-биолога и садовода. За свою полувековую работу И.В. Мичурин был награжден орденом Трудового Красного Знамени, высшей наградой того времени, с назначением пожизненной пенсии. Отвечая на поток приветствий и горячих поздравлений, Мичурин со свойственной ему скромностью писал: «Оглядываясь назад, на пройденный мною 50-летний тяжелый трудовой путь, подытоживая количество достижений, невольно убеждаешься в их незначительности. Слишком коротка жизнь каждого человека для этого дела. Здесь требуется работа целых поколений деятелей...»

В связи с большим ростом материальной базы и числа научных работников питомник Мичурина резко увеличил масштаб научно-исследовательской деятельности. А ввиду сильно возросшего общественного интереса к опытам Ивана Владимировича в 1927 году был выпущен кинофильм «Юг в Тамбове», который пропагандировал методы и достижения ученого. Фильм с большим успехом демонстрировался не только в Союзе, но и во многих зарубежных странах: США, Чехословакии, Италии, Германии и др. В 1928 году мичуринский питомник был переименован в Селекционно-генетическую станцию плодово-ягодных культур име-

ни И.В. Мичурина, с назначением ученого-естествоиспытателя директором этой станции.

В 1929 году, наконец, исполнилась давнишняя мечта Мичурина о подготовке кадров специалистов — продолжателей его дела: в Козлове был открыт селекционно-генетический техникум. А год спустя Ивана Владимировича вторично посетил «всесоюзный староста» М.И. Калинин, который, как и прежде, глубоко интересовался достижениями и нуждами селекционера. 7 июня 1931 года Президиум ЦИК СССР за особо выдающиеся заслуги в создании новых форм растений, имеющих исключительное значение для развития плодоводства, и за специальные, имеющие государственное значение работы в этой области наградил И.В. Мичурина орденом Ленина.

Ученый по-прежнему активно и плодотворно работает, принимает множество делегаций ученых, школьников, студентов и садоводов-любителей со всех уголков нашей страны и из-за рубежа. Он консультирует, разъясняет, посылает семена, черенки, отводки. Ученый с горячей энергией включает в работу вопросы, связанные с развитием культуры технических и пищевых растений: хлопчатника, пробкового дуба, джутового дерева, цитрусовых, эфирноосных и других посадок. Он ставит вопросы борьбы с вредителями и болезнями плодово-ягодных растений, производства садового инвентаря, очень много пишет на эти и другие темы в газеты и журналы. Характерный штрих: очень много уделяет внимания работе с детьми и юношеством. Зная, что они являются продолжателями всех начинаний, он организует экспедиции молодежи на поиск новых, интересных и нужных растений вплоть до Дальнего Востока. Два больших и ярких события тех лет: к 1932 году Мичуриным было получено 120 новых продуктивных гибридов плодово-ягодных растений. А 18 мая 1932 года постановлением Президиума ЦИК СССР город Козлов был переименован в честь выдающегося ученого в город Мичуринск. Несколько позже Ивану Владимировичу было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки». Профессор плодоводства Южно-Дакотского университета Нильс Ганзен (США), пробывший в Мичуринске 10 дней, по возвращении в Америку, писал: «Мичурина можно считать великим творцом, художником, истинным философом и изобретателем в области растениеводства. Его работы будут жить в течение многих столетий, расцветут еще и принесут еще большую пользу. Такие люди, как И.В. Мичурин, идут по новым путям к смелым выводам, построенным на новых материалах и независимых обобщениях». Публикуется новое издание трудов садовода-экспериментатора «Итоги 6-летних работ», ему присваивается ученая степень доктора биологических и сельскохозяйственных наук. А в 1935 году Мичурин стал членом трех академий: Чехословацкой земледельческой, Академии наук СССР и, наконец, ВАСХНИЛ.

7 июня 1935 года закончился земной путь известного во всем мире выдающегося ученого, патриота, великого труженика, посвятившего всю жизнь служению науке, своим соотечественникам. В статье «Подвиг» корифей российской науки, первый Президент ВАСХНИЛ Н.И. Вавилов с исключительной проникновенностью, подытоживая жизнь И.В. Мичурина, сказал: «Мичурин ушел. Но его любимое дело подхвачено и не умрет. Подвиг его бессмертен...»

Постановлением СНК СССР от 13 мая 1941 года дом, в котором последние 35 лет жил И.В. Мичурин, был превращен в мемориальный музей. Он находится на территории того самого Основного питомника и подчиняется некогда основанной ученым бывшей Центральной генетической лаборатории (ныне ВНИИГ и СПР) имени И.В. Мичурина. В Зеленом музее собрана богатейшая коллекция растений со всех континентов. До настоящего времени здесь сохранились и поддерживаются в живом виде более 300 видов и разновидностей плодовых, ягодных, нетрадиционных и декоративных культур, собранных Мичуриным, в том числе лимон-

ник китайский, элеутерококк, аралия, облепиха, разновидности черемухи, бузины, барбариса, калины, боярышника, рябины, ореха, малины, актинидии, жимолости, сирени, акации, винограда и других растений.

Вспоминается проезд в город 7 августа 1993 года Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. О том, что он посетит музей, сотрудники узнали только за неделю и, конечно, старались изо всех сил с помощью города достойно встретить такого высокого гостя, ведь из всех музеев Тамбовской области он остановил свой выбор именно на этом. Целый час пробыл здесь Владыка. Много осмотрел, о многом расспрашивал, в том числе об актинидии, созревшими плодами которой (семейство киви) тогда угостили дорогого гостя. Ведь эту культуру (само киви у нас не растет) первым в мире ввел в европейских садах И.В. Мичурин, и она прекрасно произрастает. Плоды получаются сочные, зеленого цвета, с запасом витамина С в 30 раз больше, чем, например, в лимоне. Увидев проявленный интерес Патриарха к этому растению, работники музея саженцы актинидии отослали в сад Алексия II. А сам он после посещения музея оставил такую запись в книге отзывов: «С интересом мы познакомились с Домом-музеем И.В. Мичурина, где с любовью к этому великому сыну нашего народа сохраняют все, что составляло жизнь и труды ученого. Спасибо за это бережное сохранение наследия великого ученого. 7/VIII-1993 г.»

За 72 года существования музея в нем побывали сотни тысяч посетителей, и среди них немало знаменитых, выдающихся людей. Приезжает немало иностранных гостей, где также чтят память о Мичурине и созданной им садоводческой науке, из Германии, Индии, Мексики, Франции, Японии (здесь особый интерес к Мичурину!), Китая, Италии, Кореи, Швеции, Норвегии...

Сбылись пророческие слова академика Н.И. Вавилова: «Мичуринск трудами выдающегося ученого, стал Меккой для селекционеров всего мира!»

Виктор Кострикин

КОГДА РИСУНОК СТАЛ ЛЕГЧЕ ДЫМА

(Письма народного художника России
Станислава Никиреева)

“Мичуринский городской Совет депутатов своим решением от 28 июля присвоил звание «Почетный гражданин г. Мичуринска» двум замечательным уроженцам, деятелям российского искусства — народному художнику России академику Станиславу Михайловичу Никирееву (посмертно) и народному артисту СССР Владимиру Михайловичу Зельдину» («Мичуринская правда» от 17 сентября 2011 года).

«Я люблю эту землю, на которой живу, каждую ее травинку — и эту любовь хочу передать в своих работах» — такой завет оставил нам, своим землякам, художник, при жизни названный великим, — Станислав Никиреев. Скорблю о нем, моем старшем друге, товарище по цеху российского искусства, имея право на это по общему служению ему, как литератора — журналиста и писателя.

Как справедливо и логично это соединение дорогих для нас имен в документе городского Совета депутатов. В одном из последних при жизни писем (от 3 декабря 2006 года) ко мне Станислав Михайлович напишет, восторженно благодаря за присланные ему «гостинцы» (сувенирный набор открыток «Мичуринску — 375». — *В.К.*) в большом конверте»: «...А когда я увидел свой лик рядом с фотографией Владимира Зельдина, то растерялся и долго не мог успокоиться... Такого мне почему-то никто не присылал. Благодарю!».

И вот они рядом: дважды почетный гражданин — подмосковного Подольска, где художник жил и творил (это звание Станиславу Михайловичу присвоено было в последний год жизни — в 2006-м), а теперь второго города Тамбовщины — Мичуринска, и легендарный служитель Мельпомены, театра и кино Владимир Зельдин. Оба наши уроженцы.

...Станислав Никиреев родился 7 ноября 1932 года в Мичуринске, на улице Кирова, «...которую я сейчас зрю с мокрыми глазами на буклете с открытками», — напишет он мне все в том же памятном письме. Тогда, далекой осенью, старинный Козлов еще не вполне освоился с новым своим именем. Мальчик с рабочей окраины рано обнаружил тягу к рисованию, с чем и пришел в городскую художественную студию. Наверное, ничего не было более естественного для небольшого провинциального города, как подобная студия. Ведь Козлов дал к тому времени России не одного только будущего президента Академии художеств

Александра Герасимова (первая персональная выставка живописи, портретов и жанровых картин 1936 года в Москве делает его известным всей стране), но и Сергея Криволицкого со своей школой-студией, графика и живописца Сергея Архипова — участника коммуны «Творчество» в Козлове (1918 год) и уже совсем легендарного к тому периоду академика живописи середины XIX века Афанасия Надежина, предположительно расписавшего Боголюбский собор, возле него и похороненного.

Затем — учеба в Пензенском художественном училище, одном из лучших заведений подобного рода в Советской России, под руководством известного русского художника И.С. Горюшкина-Сорокопудова. Далее — Московский институт им. Василия Сурикова. Здесь одним из его наставников станет знаменитый советский график Евгений Кибрик (иллюстрировал Гоголя, Романа Роллана).

Уже в ранний период творчества его заметит столичная пресса, освещавшая жизнь искусства. О Станиславе Никирееве напишут: «Его нельзя спутать ни с кем. У него свой почерк, изящный и благородный, мягкий и выразительный. Он бесспорный мастер рисунка, его графические произведения смело соперничают с работами старых мастеров». Тогда он и был назван «русским Дюрером».

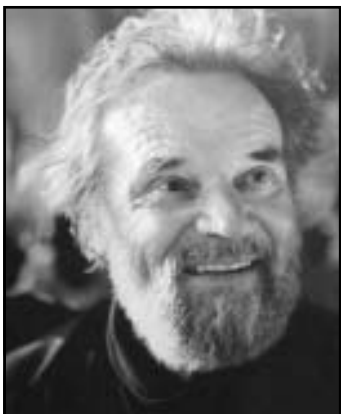
Графические листы в технике офорта молодого художника со временем начинают завоевывать художественное пространство мира. Искусство Станислава Никиреева высоко оценит знаменитый художник и писатель Рокуэлл Кент. Станислав путешествует по России и зарубежным странам. Его знают на Памире, в Индии, Средней Азии, Италии, Соединенных Штатах Америки, Франции, Финляндии, Чехии... Весь в природе и ее живом мире, он не только постоянно с карандашом и блокнотом, но и с сачком энтомолога. И тут он проявил себя, как и в графике, равным профессионалам. Огромна собранная им коллекция бабочек, жуков, пчел. Ну и, конечно, птиц. Их поразительно живые и художественно преобразованные образы едва ли не постоянные персонажи карандашных рисунков и пластинок для оттисков офортов. Недаром Станислав Никиреев занесен в Книгу рекордов Гиннесса: он единственный художник в мире, уместивший на одном квадратном сантиметре рисунка около 90 мельчайших деталей изображения...

Мичуринск платил и платит редкому художественному и сердечному дару своего великого уроженца щедрую дань. В Музее-усадьбе А.М. Герасимова экспонировались все его юбилейные персональные выставки. У Станислава Михайловича здесь не только много почитателей, но и друзей. Значителен и фонд работ С.М. Никиреева в запасниках музея.

Неутомимый труженик, способный десятилетие работать над сложным сюжетом, раз за разом совершенствуя до мельчайших деталей рисунок, путешественник и романтик, Станислав Михайлович остался верен себе и в сложном для пожилого человека путешествии в Африку. Он напишет мне в письме от 28 декабря 2005 года: «...Под угрозой (из-за намеченной персональной выставки в Подольске. — В.К.) была моя традиционная поездка январскими нашими морозами в тропики. И все, кажется, свершится. 20-го открытие выставки, а 21-го я улетаю в Танзанию, собрав свои последние силки для восхождения, хотя бы как на Эверест, до четырехкилометровой отметки, то есть — до снегов...»

Последняя добровольная творческая командировка Станислава Михайловича в Танзанию, Восточную Африку, станет для него роковой. Завороженный мечтой подняться на гору из детских сказок — Килиманджаро с ее вершиной 5895 метров, к полному загадок озеру Виктория, окунуться в новый для него растительный мир и чудо мира насекомых, он вернется домой больным, с диагнозом, не оставившим ему шансов жить и творить.

В онкологической клинике Станислав Михайлович писал воспоминания.

Станислав Михайлович
Никиреев

«Моя рукопись растолстела, около 200 страниц убористым почерком. Вы спрашиваете о моей части рукописи, относящейся к Козлову-Мичуринску, мне кажется, она интересна. Вскоре Олег (сын Станислава Михайловича. — В.К.) едет в США с моей выставкой и рукописью, там наберут ее на компьютере... Когда через месяц вернется, займется с типографией...» — вот и все, что я узнаю о воспоминаниях крупнейшего в мире искусства художника-земляка. Это письмо датировано 1 ноября 2006 года. Жить Станиславу Михайловичу останется чуть больше полгода: 24 августа 2007 года его не стало.

В Подольске на могиле ему установлен памятник. Теперь и в родном Козлове-Мичуринске Никиреев увековечен, пусть пока что только почетным званием. Судьба (уверен — бесценной!) рукописи остается пока неизвестной.

«ВАШ СТАНИСЛАВ НИКИРЕЕВ»...

Кострикину В. К.
г. Мичуринск

«Дорогой Виктор Константинович!

Примите мои пожелания хорошего Нового года. Пусть он в нашу многострадальную жизнь российскую принесет нотки радостей и наслаждений, хорошей работы и многое, многое нужное для Вашей жизни!

Я Ваш должник. Статья хороша своей простотой и умной сложностью. Малость освобожусь и пришлю Вам что-либо из офорта.

Много, жутко как много работы. Держусь!..

Самые наилучшие пожелания работникам газеты и дорогому Павлу Дмитриевичу.

Ваш Станислав Никиреев. 25 ноября 1983 года».

Это одно из первых по времени писем ко мне художника-земляка. За двадцать лет нашего знакомства мы с ним так и не перешли на «ты». Меня, в общем-то рядового провинциального газетчика и чуть-чуть сочинителя, останавливала от панибратства не столько разница в наших летах, сколько его известность в стране как признанного художника.

«Ваш Станислав Никиреев» — это местоимение у моего друга не только дань джентльменской корректности по отношению ко мне. Тут смысл расширенный. «Ваш» — в этой открытке значит и общих наших друзей. Особенно — «Павла Дмитриевича», театрального режиссера и актера Ермилова, по-отцовски трогательно влюбленного в искусство художника и в него самого. У меня хранятся подаренные мне дочерью покойного Павла Дмитриевича — Наталией Павловной — стихи отца, Никирееву посвященные. В оные времена они, отредактированные мной, были опубликованы «Мичуринкой». Вот строки из того примечательного стихотворения:

...О, как же я безмерно счастлив
И благодарен, милый друг,
За то, что гений Ваш участлив,
Хранит пожатье Ваших рук...

... «Поля», продрогшие в ненастье,
В волшебном «Инее» леса,
Цветенье сада «Бабы Насти»,
Полет «Последнего листа», —
Он гонит холода «Зимы»,
Взметнув «Козловские дымы»...

Закавыченные слова — это ведь не что иное, как название офортов, подаренных художником Павлу Ермилову, а позже и мне.

Придет время, и я стану счастливым обладателем этих шедевров графического искусства Станислава Михайловича. Потом соберутся они с немалым числом других работ земляка и друга на файле моего компьютера. Офорт, с сыновней нежностью запечатлевший родительский дом художника и сад при нем с едва угадываемым силуэтом «Бабы Насти», мамы Станислава, среди цветущих деревьев, украсит и мой дом. Достанется мне (знак доверия?) и оригинал карандашного рисунка «Мама с вязанием на коленях» Никиреева юношеских времен. Другое чудо его графики — один из авторских вариантов старого дуба, сломанного бурей (офорт «Два дерева», 1994 год) — открывает сборник избранных моих стихотворений «Шаги командора» (2011 год), а в нем самый дорогой, пожалуй, для меня раздел — письма художника ко мне с моими же комментариями к ним. И это могучее дерево с обезглавленной вершиной на обложке книги — горькая память о друге и земляке. Потрясающий по своей художественной силе офорт, созданный в 1994 году, уж не стал ли он пророческим знаком будущего слова России в ее коммунистическом коконе, из которого вылупится не прекрасная бабочка, а маложизненная химера криминальных 1990-х?

...Переписка с художником. Его рисунок считается беспрецедентным на сегодняшний день в истории мировой графики. Авторские оттиски с офортов Станислава Никиреева хранятся в лучших музеях мира — Токио, Париж, Третьяковская галерея, Библиотека конгресса США. Многие ныне здравствующие мэтры рисунка сравнивают Никиреева с Дюрером, Пиранези, боготворимым им Рембрандтом... Об этом станет мне известно еще не скоро. Первые строки его писем я восприму довольно обыденно. Они станут приходить ко мне еще в бытность мою действующим корреспондентом городской газеты. В ответ, конечно, на мой интерес к нему — земляку-художнику с растущей известностью. Словом, всего лишь хлеб с маслом для провинциального журналиста, начинающего литератора.

...Семидесятые годы ушедшего столетия. Я, молодой журналист, недавний выпускник историко-филологического факультета местного института, освещаю жизнь учреждений образования и культуры в городе. Только начинал работать выставочный зал мемориала народного художника СССР Александра Герасимова в бывшем его родительском доме, возрожденном совсем не женскими хлопотами Тамары Ильиничны Вороновой, основателя и, кажется, с того же времени — директора мемориала. И вот одна из первых по времени экспозиций в нем — офорты Станислава Никиреева. Отклики в газете, попытки рецензии... Вопреки дельному совету в известных стихах («не надо заводить архива, над рукописями трястись») архив, оказывается, случайно (!) я завел как раз тогда. В нем и оказались письма, открытки и прочие дорогие для меня следы начала общения с этим, еще одним художником из Козлова-Мичуринска.

С непростительным опозданием из письма Станислава Никиреева, а не из собственных воспоминаний, затуманенных годами, благодаря полузабытому архиву узнаю: я-то и был инициатором драгоценной переписки. Письмо от 3 марта 1983 года. Мельчайшая, но отчетливая скоропись Станислава Михайловича:

«Виктор Константинович!

Ваше письмо с просьбой помочь лучшим образом в Ваших заботах (да и моих!) я получил и волнуюсь, что помочь в этом нужном Вам деле я смогу плохо. Причина — мало времени...».

Далее — ответы на мои вопросы.

У меня нет копий моих писем Станиславу Михайловичу. Я их не делал. Не считал нужным, к великому запоздалому сожалению. Как, впрочем, не собирал и своих вне города публикаций, даже — а ведь были! — журнальных. Кроме двух опубликованных повестей (Воронеж), остались незаконченные рукописи, начатые и брошенные отрывки. Натура — дура, словом...

Но в подробностях письма художника читается и то, о чем я его вопрошал.

«...У меня почти нет фото с моих работ, а снять быстро нет возможности — страшно загружен делами. Лишь три фото посылаю. Это мало. Выход такой. Работы мои все около Вас, в музее, и дело за хорошим фотографом: расплачусь я. А на Ваше усмотрение — какие делать...».

Эти три фото, конечно, сохранились. Самые первые все-таки...

«Далее, — продолжает Станислав Михайлович, — мои путешествия! Это нужно рассказывать мне Вам, а писать — чепуха. Трата времени. Был я в пустыне Туркмении, в Армении (3 раза)... Азербайджан, Кузбасс, Памир. Много ездил по Вологодчине, в Приморском крае исходил порядочно по тайге. И все это в поисках бабочек и жуков, для встреч с необычным и незнакомым мне миром насекомых, растений...»

Коллекция растет. Бабочек — более 6000. Много жука... Все это Вам нужно видеть. А как я опишу мой тяжкий труд? Он действительно в моих офортах изнурительный. Таких тонких моментов в офортах я не видел среди наших художников. Я имею в виду ремесло...

Пока пишу статьи в журнал «Юный художник»: «Что может карандаш», «Офорт», «Как рисовать бабочек»...

Что еще о себе для Вас интересного? Люблю собирать раковины, почтовые марки (темы: энтомология, рептилии, раковины).

Люблю ходить пешком, босиком, километров по 50 в день, и особенно в незнакомых местах. Люблю быть в поездках один, хотя очень рискую. Но есть преимущество — никто не мешает мне разговаривать с природой.

Общественные дела? 1. Председатель бюро секции графики Московского областного Союза художников. 2. Член графической комиссии РСФСР. 3. Член правления Союза художников СССР.

Вот и вся моя «помощь» Вам. Жалею, что малая, но... попросите Аркадия Платицина, Павла Дмитриевича Ермилова...

*С уважением,
Станислав Никиреев».*

Придет время, и я узнаю: у него и в энтомологии имя — «бабочка Никиреева», сам поймал, изучил и описал. Как и у другого классика из России, поэта и прозаика Владимира Набокова — «бабочка Набокова», чем он гордился не меньше, чем своим вкладом в русскую и мировую литературу.

Он отвернулся от холста
И в сад глядит, любуясь свято,
Полетом алого листка
И тенью клена лиловой;

Любуясь всем, как сын и друг,
Без недоверья, без корысти,
И капля радужная вдруг
Спадает с вытянутой кисти.

Это из Набокова, поэта и художника...

У меня хватило совести не докучать выше головы занятому мастеру такой мелочью, как материал для статьи в провинциальную газету. Если только забыть при этом, что провинция эта — наш с ним родной город. Его-то, художника, родившегося еще в старом, почти не тронутым советской новизной Козлове, прежде всего.

Но как удержаться и не удивить Станислава Михайловича уже принятым к печати в очередной из номеров региональным черноземным журналом «Подъём» моего очерка о нем под названием «Наш советский Дюрер». И 10 июля того же 1983 года неожиданно приходит ответ:

«Дорогой Виктор Константинович!

Спешу ответить на Ваше письмо, из которого узнал об очерке в «Подъёме»... Что до фото и картинок, я подумал так: не нужно никаких картинок, они плохо получаются в печати, а фото с моей персоной вполне достаточно. Или вообще ничего! Я же не космонавт или поэт.

Теперь буду ждать Вашего очерка, который, надеюсь, Вы пришлете. С удовольствием прочитал Ваши рассуждения о природе и лестных отзывах в мою сторону. Что-то и верно.

Снова я за своим столом. Согнувшись, корплю над Италией. Она этого стоит! Поездка моя в Тянь-Шаньские горы чудесна. Масса впечатлений, сбора, улова, встреч и т.д.

Кланяйтесь дорогому Павлу Дмитриевичу, Вашим сотрудникам по газете. Желаю здоровья, успехов —

Ваш Ст. Никиреев».

Переписка наша прервалась. Как прервалась и судьба всего Отечества. Незадачливые вожди наши — Горбачев с Ельциным — исполнили вековую мечту западного мира: сдали без боя непобедимую и упорствующую в своем историческом и человеческом особом предназначении великую Россию. Будут письма (и прелюбопытнейшие!) из Подольска, где жил и творил наш советский Дюрер в 1988, 1991, 1992 годах. Судя по датам — до декабря 1995 года.

Но вернусь к одному из текстов моего друга за апрель 1988 года. В нем такая тоска по высокому в России, остающейся в серой провинциальности, вопреки клятвам властей изменить на европейскую ее «азиатскую рожу» (по Александру Блоку).

«...Книжку Вашу мне прислали — «Во дворе — трава». Узнал, что это всего-навсего лишь третья Ваша книжка. И, конечно, радостно Вам все это иметь. И мне. Пока не читал. Жаль очень (хуже нельзя) плохое издание. Какой периферией отдает! А говорят, с ней покончено. А какая газета мичуринская — какая тоска от ее убранства! И когда все это исчезнет. И в то же время — все это находится в гармонии с нашей убогой, изуродованной русской жизнью...»

Коротко о том, что я очень и очень рад, что пишу непосредственно Вам и высылаю то, что имею (и есть, наверное, что у Вас?). Столько внимания со стороны Вашей я имел, и сам в большом долгу. Как часто вспоминаю свой милый Козлов и всех живущих в нем художников, и вас, писателей. Дальнейших вам произведений...»

Несколькими строками раньше он выразит прочувствованную мысль об одном из близких ему по духу русском живописце из народа:

«...Я ожидаю кино «Синий кот на белом снегу» — о Селиванове И. Е., о моих разговорах с ним, живущим в Кемерово, о бабочках, иконах — все снимали у меня.

Но фильм скандальный, и его пробивают. Пробу я видел — живо! Об этом самоучке я написал 10 страниц — для альманаха в Кемеровском издательстве. Селиванов умер в 1981 году, недавно. Люблю я таких художников. Они чаще демонстрируют настоящую взволнованность от жизни, нежели профессионалы. Вышла замечательная энциклопедия примитива (Югославия), но достать ее невозможно. И я прозевал. Там есть наш Селиванов... Привет старикам Ермиловым и семье милейшего Аркадия Платицина. Письмо посылаю отдельно, все остальное в бандероли.

Ваш Станислав Никиреев.

«...Люблю я таких художников» — это от всей души о кемеровчанине Селиванове замечательно прозвучало и о другом старейшем русском художнике из нашего Козлова-Мичуринска Сергее Архипове (1897—1991):

«...Может быть, самое главное и неподражаемое в его творчестве — отсутствие суевы, спешки, желания соперничать, выпячивать себя на выставочных стендах современных экспозиций, кого-то обогнать, кого-то унижить. Святое отношение к делу — это самый главный секрет успеха, который Сергея Георгиевича не покидает никогда. Сейчас, на фоне нашего бескартинного искусства творчество Архипова становится объемнее, ярче, нужнее. И настало время оценить его вклад в русскую культуру по самым высоким меркам».

«...Вернулся я после 45-дневной экспедиции по Гималаям и Северной Индии. Багаж большой, в основном из сувениров и 5 начатых мотивов в карандаше. Теперь должен их завершить в моей зимней комнате.

Радаюсь письмам из Мичуринска. Только что написал милому Аркаше и поблагодарил его за великодушную газету обо мне с Вашей великодушной статьей о празднике Герасимовского дома. Очень вовремя статья и нужная. В редакцию «Мичуринской правды» я послал маленькое письмецо с благодарностью о появлении материалов, касаемо меня и музея...

Мой спутник художник-земляк, Вы его хорошо знаете — Виталий Попов, остался там до 20 числа. В Дели будет выставка произведений клуба Рериха. Я участвую двумя офортами. Рисунки об Индии — 10 штук — буду готовить к серьезному творческому отчету в Москве. Название серии: «100 дней в Гималаях». Здоровье не очень изменилось там, но чувствовал... в ход идут резервные силы. Теперь соображаю, как оставаться в моем образе и ходить пешком. А нужно!..»

Вот дословно это письмо в редакцию «МП» с резолюцией тогдашнего нашего шефа Валерия Аршанского: «Кострикину В.К. В новогодний №. 18 декабря 1995 года».

«Родная газета «Мичуринская правда», все сотрудники редакции!

Благодарю Вас очень, очень за подарок номера 133 (21538) от 4 ноября 1995 года.

Я только что вернулся из экспедиции по Гималаям и с восторгом узнал об этом в вашей газете. При ее крохотном формате Вы отпустили такую жилплощадь моей персоне! Я же привык жить в более измененном пространстве. Спасибо за реальный подарок.

Догадываюсь, что все это появилось с помощью моего любимейшего Аркадия Васильевича Платицина. И я Вам еще и еще раз очень признателен — благодарю!..

Ваш Станислав Никиреев. 3 декабря 1995 года. г. Подольск».

Из примерно полутора десятков писем, по моей архивной безалаберности не вошедших в главу о письмах ко мне Станислава Никиреева (сборник стихотворений «Шаги командора», 2011 год), отбираю часть, датированных годами на сломе эпох. Теми самыми, горбачевскими, приближавшими нас к ельцинским девяностым и нулевым, так схожими с едва не ставшим роковым в истории России Смутным временем начала XVII века, а ближе — конца февраля 1917 года.

Как мы зажили тогда, что чувствовали, думаю, передает шедевр народного творчества — частушка о генсеке Горбачеве: «По талонам горькое, по талонам сладкое, что же ты наделала, голова с заплаткою?». Ее напевал иногда редакционный наш шофер Борис.

Спустя почти три месяца получаю письмо от Станислава, датированное 7 февраля:

«Дорогой Виктор Константинович!

Примите же по моей причине с некоторым опозданием слова мои, в которых я выражаю Вам пожелание как можно более благополучного, с большими радостями, тихими праздниками жизни домашней и писательской в юбилейном году, здоровья!

Не стало от Вас никаких вестей. В чем тут причина? Призакрылись, оставив меньшую щель в мир наш странный?..

С благодарностью вспоминаю Вас и вместе с Павлом Дмитриевичем Ермиловым часто. В самое нужное для меня время вы уделите мне помощь. Теперь то я окреп.

Желания стали ясней в меру дара, воспитания и... зарплаты.

С. Никиреев. Березовый лес

Дважды посетил Индию в местах Рериха. Работаю над сложными рисунками с тех мест. Как мог, написал статью.

Скучаю по Козлову. Лучше всего посетить его весной и пройтись по Набережной. Желаю Вам всех возможных благ —

Ваш Станислав Никиреев».

«Призакрылись»? Спасибо, дружище: точнее не скажешь. Образ раковины очень подошел к моему душевному состоянию зимой тревоги нашей и юбилейного для меня года. Журналистика еще теплилась и даже что-то обещала. Писательство в качестве члена творческого союза литераторов России накрывалось медным тазом. Черноземное наше издательство после трех повестей (раскритикованных за убогое оформление взыскательным мастером классического рисунка) испустило дух и вернуло мне с извинениями рукопись новой книги. Областная наша писательская контора, наверное, мелочно мстя за нехорошие мои публицистические выступления в перестроечной свободной прессе, отказала в приеме. Да и писателем-прозаиком всерьез я себя не воспринимал: довольно было, в общем-то, судьбы известного газетчика губернского масштаба. Тем более что давно уже перешел на стихи, одна за другой четыре книжечки вышли в Петербурге. С помощью друзей и за свой счет...

... Чуть было не пропустил одно из вполне знаковых писем 91-го года. Привожу его коротко:

«...Сейчас разгул неискusstва. Все напачканное стало носить имя искусства. Некий Коротич и К° особенно усердствуют, завладев «Огоньком». Что там пекут и показывают! Разве лишь с целью добить остатки и ростки бывшего большого русского искусства? Не удастся. Велик источник российский. Главное, дух не уничтожен. Свет его не иссякает, а полегоньку греет тех, кто не утратил свойства русской жизни и любви к большому реализму.

Мои поклоны Аркаше Платицину, музею Герасимова, милому Козлову! С желанием удачной перестройки с сохранением всего большого, великого...»

Художник поставил точный и долгосрочный диагноз началу деградации искусства как части культуры страны, в которой и для которой он жил и творил. Цитирую одного из близких Мастеру друзей, Виктора Бурдюга, сказанное им после его похорон в 2007 году:

«...Сегодня векторы культуры с пугающей откровенностью все настойчивее прочерчиваются вниз. Туда... В бездну... В глубь-трясину. И пора бы очнуться. И вспомнить, что мы Божии дети, а не пасынки истории. Взглядеться в Божий мир. В текущую рядом реку, веками фильтрующую нечистоты, в стоящее вблизи дерево, чьи корни глубоко в земле, а крона тянется к небу...»

Могучее дерево, как в офорте Станислава Никиреева, что на обложке моей посвященной памяти о нем книги «Шаги командора», — погибающий царь русского леса — дуб, из последних сил приветствующий небо молодым зеленым отростком.... 7 ноября 1992 года Станиславу Михайловичу исполнилось 60. Наша «Мичуринская правда» не забыла об этом.

18 ноября получаю письмо из Подольска. Цитирую с некоторыми несущественными сокращениями.

«Дорогой мой земляк, обласкавший меня в мой праздник милой статейкой в «Мичуринской правде»!

Это подношение для меня очень знаменательное, как знаменательно все, что шлют друзья с родного места в письмах своих.

У меня такое впечатление, что наводит на мысль нескромную: неужто на

самом деле мои дела и фигура несколько выпячиваются на фоне моей братии по искусству? Без Мичуринска, без Платицина, без Вас в газете я относился бы к обычному отряду членов Союза художников России. Тем более, когда все награды и знаки отличия, ранее приобретенные и игравшие в этой системе роль значительную, требуют теперь иных качеств. Вроде таковых: быть авангардистом, для чего совсем неважно уметь рисовать и писать кистью; дружить с новыми (иностранные акцентны) хозяевами жизни; уметь наводить контакты для добывания валюты...

А я-то русский! Да еще ученость свою приобрел тогда, когда живо всех волновали наши передвижники, учились у Горюшкина-Сорокопудова да у Репина с Шишкиным.

Как перестраиваться? Да никак. Напротив, появились интерес, спрос, хорошие цены на дела в искусстве реалистические. Рынок сбыта я мог бы использовать своими оттисками, и недурно. Мой рисунок становится теперь легче дыма, несет черты высокого, а может быть, и невиданного ранее карандаша. Этого пожелали японцы: в Токио, где я мог бы это показать. Если случится, то будет праздник.

Много планов и задач. Хочется действовать, быть значительным мастером, чтобы не подвести моих ценителей и радателей, моего ангела Аркашу Платицина, к коим и Вы относитесь из моего милого Козлова.

Желаю Вам всех благ —

Ваш Станислав Никиреев».

И чуть раньше по времени:

«...Снова Вы меня растрогали, напомнив о былом, что я родом козловский и мать с отцом имел, и жил тяжело с надеждами, многие из которых свершились. Пришло внимание к моему творчеству, шелест ассигнаций и почетные (ныне не модные) ярлыки. Слава Богу, да моим друзьям добрым Василию Кирилловичу Дрокину, Аркадию Платицину, Льву Дмитриевичу Тарасову, Вам с Ермиловым не менее оных. Лишь одно у меня пока на подходе: совершенство в искусстве. Ох, как сложно высшее достижение того, что тебе отпущено Господом! Сейчас я занят работой в карандаше над пятью большими листами, в коих обозначается желанная высота.... А как все начиналось в 47-м. Ездил я в Пензу сдавать два раза. Оба на подожках, с мешками картошки и т.д. Вскоре выйдет книга искусствоведа Д. Алехина «Детство художников». Там, начиная с Леонардо да Винчи и до наших дней. Включен и я. Следую в книге за Рерихом. Автор сей использует Ваши «Корни» обо мне...

Испытываю большие трудности с монографией обо мне — зеванул ее в продаже, не предупредили. Спасла Лариса Пантелеймоновна Виноградова из библиотеки. Посему не могу прислать Вам, да и качество ее ужасное.

Передайте, пожалуйста, благодарность редактору Вашей газеты, милому Аркаше Платицину и Вашей семье.

Ваш Станислав Никиреев».

Комментарий автора: «Корни» — мой очерк в «Мичуринской правде», один из первых на Тамбовщине, о художнике Никирееве из Козлова. Л.П. Виноградова возглавляла многие годы библиографический отдел в Мичуринской городской библиотеке. В.К. Дрокин — председатель Мичуринского филиала Союза художников России. Л. Д. Тарасов — художник, создатель и руководитель студии для начинающих художников в Козлове-Мичуринске 20-30-х годов прошлого столетия.

«...Скоро выйдет книга о моей жизни, уже подписана в печать. Как там все будет? Волнуюсь. Желая Вам хорошего лета и декабррей хороших. Пожалуйста, передайте привет моим друзьям, отдельно Аркадию, Ермилову и газете, музею Герасимова. Мой поклон... «Ленину»...

«Поклон... «Ленину» — это художник вспомнил выразительный, полный экспрессии старый памятник в Мичуринске 1930-х годов работы скульптора Г.Д. Алексеева, автора зарисовок, выполненных в кабинете при жизни вождя революции. В 1980-х годах демонтирован и заменен на безликий осовремененный монумент...

«31 октября 2002 года.

Дорогой Виктор! Благодарю за подарок в этих двух нетолстых книжках. Пока прочесть не имею возможности, ибо собираюсь в путь дальний — на Тихий океан, на острова Гавайские. Весь в сборах. Ваши книжки для меня стали неожиданностью. Думалось мне, нерасторопная жизнь тихого Козлова помотала вас своими заботами. А вы, оказывается, были в трудной работе, за которую не всем платят хорошо. Примите мои поздравления по этому случаю. Очень неплохие рисунки в книжке стихов! (Очевидно — «Проклятие Адама», поэма, стихи». Санкт-Петербург, 2000 год. Рис. Р. Махмудова. — В.К.)... Итак — автор этих строк, ставший по какой-то случайности академиком, на пороге своего юбилея, уже одной ногой на ступеньке к 70-летию. У меня бравый, сильный, умный помощник — сын Олег. С ним мы решили очень быстро, без дебатов, почти поняли с полуслова, что выставку делать не будем. Дело это затратное, хлопотное. А главная опасность в другом. Буду стоять на фоне своих работ перед народом и слышать слова восторженные, и в этой ситуации ноги, бывает, не выдерживают. Пусть энергия ног моих понесит меня с сачком по гавайским островам, где, кажется, энтомологи — редкие гости, и кто там летает, мало кому известно. Немного досадно по времени года, надо бы лучше весной. Но хоть тропики, широта южной Индии, и по Индии знаю, что в этот период там жарко. Главное — есть джунгли. На обратном пути остановимся в Калифорнии и осмотрим гигантские секвойи и не менее гигантский каньон. В конце лета — домой. А вскорости, в марте — в Козлов: Аркаше Платицину — 80! Вот и гульнем в два юбилея! До встречи... Ваш Станислав Никиреев.»

...2 июня 2003 года. Последнее письмо из почти затерявшегося архива переписки с художником. Поблагодарив меня за посвященное ему стихотворение о врачующей силе природы — «домашнем нашем враче», он вспомнил:

«...Года два назад рисовал болотных лягушек небольших. И обнаружил в этой теме большое волнующее содержание и красоту в пластике. Затянута поверхность вод ряской, с мелкой, как горошинки, лепестками-листочками, и кое-где с просветами для неба и темных отражений. Да, жизнь наша российская нынешняя сильно похожа на болото. Только лекарями в жизни измученного народа не лягушки, а люди вроде Вас, несущих успокоение и умное рассуждение. Хотел бы и я, но много грехов за душой. И времени для работы над «Болотом» пока не имею...

Очень хорош Ваш стих «Про кота». Лучшего кота я не припомню. Как подмечено Вами в почти невидимом мире!...»

Мастер так и не успеет завершить свое лягушачье, затянутое ряской болото... Не образ ли нашей России, ее отдающего гнильцой, тщащегося походить на западные образцы так называемого современного искусства, в том числе в литературе...

Борис Панов

Я ВАС ЛЮБИЛ...

Рассказ

ОСЕННИЙ ДЕНЬ С ПАТРИАРХОМ

Очерк об известном мичуринском писателе Борисе Константиновиче Панове, авторе многих рассказов и повестей, а также романа-трилогии «Посреди степей», рассказывает о давнем, вроде бы незамысловатом случае, когда писатель-патриарх, как называет его автор, был жив-здоров и даже на склоне лет рискнул сесть за руль автомобиля. Рассказанное подтверждает ту истину, что интересный писатель интересен как личность даже в мелочах.

В самый разгар осени мы ехали к Панову на дачу... Для тех счастливичков, кто не замечает жизни и ее суматошных ускорений, напомню, что за окном теперь год двухтысячный и на дворе уже глубокая осень. Настолько глубокая, что по календарю это и не осень, а зима. Панов так и говорит: «Зима, брат ты мой, зима!.. А, впрочем, тебе-то что?! Тебе всего 50!»

Я не сразу врубаюсь в дупланоность его слов и говорю что-то типа: «А что же, 50-летних мороз не донимает?»

— Меня в 50 не донимал! — говорит Панов.

Веришь! Панову 50 было почти тридцать лет назад. Но еще, казалось бы, совсем недавно он почти круглый год купался в Лесном Воронеже, по крайней мере, это купание длилось до заморозков... А уж лыжные прогулки были естественными, как дыхание.

Нынче Панов не тот. Больница: то районная, то областная... Бывают периоды, когда из квартиры на четвертом этаже приходится только смотреть. И не спуститься на матушку-землю, не потоптать ее?.. В такие периоды мы чаще обычного обмениваемся звонками.

— Ну, ты как? — спрашивает Панов.

— Ухандокался! — отвечаю я. — С огорода только пришел!

— Это хорошо, — не без зависти в голосе произносит он. — Молодец! А у меня... Чего там теперь у меня? Аделаида Николаевна одна поехала на автобусе...

Но в эту осень ему, слава Богу, было повеселей. Добрейший человек по имени Сергей Гладышев довел до кондиции его красного цвета лимузин, и он летал на нем на дачу буквально пчелкой.

Правда, сто метров от квартиры до гаража, откуда начинаются эти «полеты», Панов идет утомительно долго — опираясь на палочку, отдыхая... Затраты вре-

мени на эти переходы, по-моему, равняются тому времени, за которое он затем долетает до Тарбеева, где находится дача.

Ездит Панов, если можно так выразиться, неординарно. И спасибо, что у него «Запорожец», и спасибо, что он крепко подержан! Но благодарение это пришло ко мне позже. А пока я еще ничего не знаю о его «неординарности». Я просто сижу дома и мучаюсь над строчкой — стихи не идут. «Про осень что сказать? — долдоню я. — Конечно, золотая!..» И тут звонит Панов. Он спрашивает, есть ли у меня яблоки? Я говорю, что на моем болоте растет только смородина.

— Тогда вот что, — командует Панов, — мы завтра с Адой (Аделаида Николаевна, супруга Бориса Константиновича) едем... Давай с нами. Наберешь себе, сколько тебе надо. У нас — пропасть!

И вот мы едем!

Я не знаю, как так можно ездить и как до сих пор у Панова не отобрали права!

Мы едем полностью на «автопилоте». Этим «автопилотом» является Аделаида Николаевна. Если она вдруг перестанет «вести» Панова — он остановится. Даже если это будет на самом оживленном перекрестке или непосредственно под знаком «Остановка запрещена».

— Борис! Красный! — говорит Аделаида Николаевна перед светофором. Борис Константинович останавливается.

— А тут светофор не работает... а у нас — главная, — корректирует она наше дальнейшее движение.

— Борис, осторожней! Здесь скоро яма!.. Борис, пешеход!

— Ада у меня — о! — не нахвалится «автопилотом» Борис Константинович. — Я не знаю, как бы я без нее ездил?!

Аделаиде Николаевне эта похвала, как, впрочем, и всякой женщине, бальзам на душу, и она, мне кажется, становится еще более предупредительной.

Впрочем, город уже кончается, мы на трассе. И слава Богу. Все-таки здесь нет регулируемых и нерегулируемых перекрестков, по которым Панов снова прет на своем «Запорожце», как на танке. И здесь не надо начинать движение после, например, красного, когда он так путается в скоростях, что, кажется, включает их все одновременно и жмет на газ двумя ногами сразу. По крайней мере, такой эффект, когда мы так дергаемся с места: спасибо, что супруги Пановы пристегнуты ремнями, а меня от дальнейшего движения по салону удерживают передние сиденья.

Кстати, о пристегивании. Пристегиваться их научила жизнь, вернее, Борис Константинович, сразу же по приобретении машины (а было это десять лет назад, когда ему было уже далеко за 60). Панов умудрился здесь же, у гаража, сделать такого — буквально самолетного — «козла», что они вообще едва не вынесли лбами лобовое стекло. С тех пор Борис Константинович и Аделаида Николаевна, как говорится, в этом отношении святее самого римского папы и прилежнее самого дисциплинированного учащегося ВОА, сдающего экзамен. Они пристегиваются, как я заметил, еще не усевшись.

— Ада, спидометр поглядела? — спрашивает Б.К. — Интересно, сколько теперь будет — когда через мост-то?..

Года четыре, пока реконструировался мост, они ездили в объезд, где набирался солидный приварок километров.

— Поглядела, поглядела, — успокаивает мужа Аделаида Николаевна. — А то сам-то не мог?

— Я себе уже не доверяю, только тебе, — шутя, роняет Панов и хмыкает.

После города мы не проезжаем и 10 минут, как в салоне появляется запах горелой, вернее, сильно нагретой резины.

— Борис Константинович, — замечаю я, — вроде чем-то пахнет?..

Панов настроен игриво и не прочь похохмить:
— А что же, — парирует он, — нишь мы не живые?!..

— Так вроде резиной...

Мы останавливаемся. Правый передний скат — вдребезги! Мы ехали и, похоже, порядочно, на ободу. Запах жженой резины аж на улице!

Окружив втроем передок «Запорожца», мы стоим, как у гроба.

— Гвоздь, наверно, — решает Панов, пихая ногой пониклую резину. И тут же продолжает, обращаясь к Аделаиде Николаевне.

— Ада, — говорит он укоризненно, — как же ты гвоздь-то проглядела?

— Но, Борис! — не принимает она шутку, видимо, из-за сильного расстройства. — Как же я его?!.

— Ну, как, как... — задумывается Панов, видимо, уже о ремонте, а это ему, как говорят, серпом по одному месту. И его можно понять.

Приобрести машину и получить права, когда тебе катит к 70 — это, знаете ли, буквально подвиг! Второй подвиг — это ездить. А возиться с ремонтом — это подвиг вдвойне! На это нужны любовь к железкам и навыки. Панов не скрывает, что их у него нет. Что же касается меня, то тут должен быть особый разговор... Нашу грусть видно невооруженным глазом даже из метеоритно проносящихся мимо машин.

— Надо колесо менять, — вздыхая, решает Панов. — Ада! У нас домкрат-то есть?

Домкрат есть, и оказывается он там, где ему и надлежит быть — в багажнике. Мы с Пановым рады, как Робинзон Крузо, ухвативший очередную жизненно необходимую вещичку с тонущего корабля. Запаска у Панова, слава Богу, есть, но без домкрата нам бы колесо не сменить.

— Ну, давай! — говорит мне Панов, протягивая домкрат, — займись.

Я-то не согнусь.

Я стою и никак не разберусь в своих чувствах: мне то ли стыдно, то ли досадно. Ведь я... ну, если бы лопату там или велосипед... А тут!.. Ну, «газововский» гидравлический мне понятен. А тут какой-то складной... с винтом... я даже не знаю, как его подставлять, если он каким-то углом...

— М-да, — укоризненно произносит Панов. — А я-то на тебя... Такие надежды... Как же ты на велосипеде без домкрата-то?!.

— Да уж вот... — мямлю я.

— Ада! — зовет он жену. — Инструкцию нам достань.

Аделаида Николаевна несет инструкцию по пользованию домкратом.

— У вас что же... никогда колесо... за десять лет... что вы домкрат-то... как в первый раз?.. — в отместку пытаюсь я проехать по Панову.

— А что, я буду запоминать, как им пользоваться?! — резонно замечает Панов. — Голову забивать. Инструкция вон есть!

Он довольно быстро определяется в начертанных рисунках и начинает отдавать мне команды, а я — исполнять. Но едва наш «Запорожец», оторвавшись от земли, остался на двух колесах, как тут же поехал...

— Твою мать!.. — округлив глаза, кричит Панов. — Опускай!

И я суматошно кручу назад ручку домкрата...

Борис Константинович Панов

«Запорожец» останавливается.

— Камни ищи, — говорит Панов, отирая лоб. — Под колеса надо положить. Забыл я. Тут тем более покат...

Легко сказать, ищи, когда кругом поле. Я прошел в одну сторону метров 100, затем, развернувшись, — в другую. И нашел всего лишь один камешек с куриное яйцо. Такой же «недоносок» нашла и Аделаида Николаевна, ходившая по другой стороне трассы.

— Это чего же?! — оценил нашу розыскную работу Панов. — Под одно колесо!

— Ну, нет ничего, — почти одновременно заканючили мы, оправдываясь.

— Что значит «нету»? И что значит «ничего!»

И он останавливает свой взгляд на моих ногах. Я в своих любимых яловых сапогах! У каждого человека есть свой бзик. Я тронут на сапогах и мопедах. Мопед отобрало ГАИ. Сапоги остались. И я в своих яловых, наверное, даже спал бы.

Вообще мне кажется, что сапоги делают человека увереннее, а его походку — тверже. Отсюда, думается, и все наши беды в армии. Обессапожили солдат! Раздали какую-то несуразность — ботинки. Яловые сапоги — вот вещь!

— Ведь ими же поезд остановить можно! — в унисон моим мыслям заключает Панов, глядя, по-моему, тоже с любовью на моих красавцев.

И я начинаю разуваться...

Мне не жаль сапог. Я горд. Я знаю, что они устоят!

— Толя, не смей! Что ты делаешь?! — запримчала Аделаида Николаевна, мгновенно уловив суть происходящего. — Вон холод какой! Борис!

Но прелесть сапог еще и в том, что их не надо расшнуровывать. И не успело, как говорится, эхо ее голоса определиться, в какую сторону ему лететь, — сапоги уже стояли у колес, а «Запорожцу» они подошли!

А насчет холода Аделаида Николаевна пугалась, конечно, зря. На улице был плюс, и далеко не в один градус, а во все семь-восемь.

...Господи, как же, оказывается, все легко и просто, когда есть инструмент и уже приобретенный опыт! Подпертый камнями и сапогами «Запорожец» покорно задирает копыта своих правых колес и с любопытством ждет наших дальнейших действий.

— Теперь откручивай колесо, — говорит Панов.

— А ключи?

— Тебе еще и ключи давай! — веселится Борис Константинович с серьезным выражением лица.

— Плоским тут никак, — констатирую я, когда ключи он мне все-таки подает. — Тут накидным надо.

— Ада! — обращается он к жене. — И что у нас с накидным?..

Подходит Аделаида Николаевна, подносит необходимое, причем, точно по размеру! (Нет, она определенно превосходит по технической части нас обоих. К тому же, мне кажется, у нее есть свой мешочек с ключами).

— Ну что? — опершись на свою палочку, спрашивает меня Панов сверху.

— Ерунда какая-то, — растерянно бормочу я. — Колесо почему-то крутится, а не откручивается...

— Тьфу ты! — сердится Панов. — Старый я дурак! А ты — дурак молодой. Как же оно не будет крутиться, если оно на вису! Опускай домкрат!

«Запорожец», хмыкнув (или то Панов?), снова становится на четыре колеса.

Вот теперь другое дело. Гайки крутятся, а колесо стоит... Т-а-а-к. А теперь затяжечка!..

— Борис Константинович! Я заодно и остальные колеса гляну...

— Глянь, глянь, — милостиво разрешает Панов, — набирайся опыта. Вот туда... Дальше-больше... Я тебе, глядишь, и уступлю... «Запорожца». Подешевле.

Мы усаживаемся. И я, уже нафантазив о «Запорожце», смотрю на мир из салона автомобиля с еще большей любовью.

— Теперь молитесь Бога, чтобы еще какое колесо не накрылось, — говорит Панов. — Больше запасок нет.

Мы едем, но почему-то не молится, а мурлыкается. Как хорошо все-таки ехать! Пусть «Запорожец», но ведь — крыша! Ни ветра тебе, ни пыли от пронсящих мимо машин. За окном синь неба и золото лесополос...

— О-отговори-и-ла роща золотая...

— Слышь, Ад? — говорит Борис Константинович. — Поет Толя-то.

— И журавли-и-и!.. — несусь я впереди «Запорожца».

— Ну, ты даешь! — оборачивается ко мне Б. К., намекая на полное отсутствие слуха.

— А вы-то чего же? — милостиво говорю я. — Подтягивайте! В тот раз, на юбилее-то, как пели! Или перед этим надо стопарик?

— Хм. Сто пятьдесят! — раздувает ноздри Панов. — Что такое 150?! Со ста пятидесяти я не запою! Мне бутылку надо!

— Ого! — веселюсь я. — Это вы нас с Аделаидой Николаевной, как двух пенсионеров, извините, без штанов оставите!

— А вы как думали?! — бронзовеет Панов. — Настоящее искусство, оно дорого стоит!

Поет Панов, как говорят сегодня, классно. И был в свое время даже солистом фронтального ансамбля войск ПВО.

— И журавли-и! — включается и он. И как есть безбутылочно.

— Борис! — четко отслеживая дорогу, говорит Аделаида Николаевна, автопилот. — Скоро поворот!

Панов перестает петь. В салоне — тишина. И вдруг он говорит как-то удивительно рельефно, по-актерски:

— Мы жизнь пронеслись-проехали! А поворот-то — тьфу!

И нажимает на газ, кажется, двумя ногами сразу.

Глуша все и вся, двигатель взывает, как ударенный!

И я невольно думаю: «Хрен тут мне чего останется от «Запорожца»...

Анатолий СМАГИН

Я ВАС ЛЮБИЛ...

Галина Петровна Волынцева вошла в небольшой удлиненный зал городской музыкальной школы едва ль не последней. Аккомпаниатор сидел уже за роялем, опустив вдоль тела длинные руки. И в таких его руках, и в откинутой слегка назад узкой голове с задумчивыми и глядящими поверх полного зала глазами было нечто усталое и вот так вот отдыхающее. Взглянув на него, можно было подумать, что концерт закончился, и аккомпаниатор на минуту просто-напросто забылся за своим инструментом.

Розовая со свежего воздуха, чувствуя неловкость перед успешными плотно разместиться в креслах людьми, Галина Петровна, стараясь никого не задевать, стала аккуратно пробираться к своему месту во втором ряду, у самой стены. Наконец она уселась и бесшумно, с облегчением вздохнула. Нынешним днем вместе со своими студентами ей пришлось как следует потрудиться в институтском яблоневом саду, и теперь она с удовольствием приготовилась насладиться пением, отдохнуть.

За спиной Галина Петровна услышала сказанное старческим голосом сидящему, видно, рядом:

— Нет, вы ошибаетесь, дорогой. В опере он никогда не пел. С давних пор солист питерской филармонии. Хорошо известен среди любителей романсов. У него голос — Божий дар.

Волынцева услышала только в полдень случайно, что в их городе третий день поет задержавшаяся проездом вокальная знаменитость. Пожалела, что узнала не вчера. Приезжавший навестить ее Юрий задержался бы на день. Сын любил, тонко чувствовал музыку. Вечер романсов он бы ни за что не пропустил.

Минула минута, и из-за кулис к роялю, не спеша, вышел статный высокий певец. Галина Петровна протерла фланелькой запотевшие в тепле стекла очков, взглянула на сцену и поспешно сдернула с ушей дужки. Ей почудилось, что она увидела некогда ей близкого человека, теперь ставшего пожилым, но все сохранявшего прежнюю статью. Может, просто поразительное сходство? Или что-то вроде наваждения? Она вновь надела очки — сомнение испарилось. Да, на сцене стоял он, Кольцов Юрий. Те же крупные черты навсегда запомнившегося ей красивого лица, та же осанка. И потом только что объявленная фамилия. Каким образом эта фамилия ничего ей не сказала с афиши? Галина Петровна несколько потревоженно подвинулась в кресле. Неужели, кроме нее, в зале не узнал его никто?.. Хотя, что тут удивительного, если не узнали? Он не местный. В их сельхозинституте проучился всего пару месяцев с небольшим и по вызову уехал «пробоваться» в консерваторию. Да там и остался. И случилось это, да... Двадцать пять лет назад. Четверть века.

И все-таки, когда она, взмокнув от осыпавшего ее плечи колкого жара, позволила себе бегло оглядеться по сторонам — не заметил ли кто ее реакции, — в ней все на минуту напряглось. Но нет. В ее сторону никто не взглянул. И она расслабилась и подумала: да, в конце концов, если б кто-то и узнал его, с какой стати после стал бы отыскивать взглядом ее? Разве кому что-то было известно из их общего, очень краткого прошлого? Ну, были знакомы. Ну, учились вместе немного. И что из этого?

* * *

Кольцов пел и в самом деле отменно — мягким и проникновенным голосом. И стоял, как однажды в институте, — опершись свободно о рояль. Крупная голова его была чуть откинута. А в густых волнистых каштановых волосах до сих пор не сквозило ни сединки. Он был привлекателен зрелой и спокойной статью, и Галине Петровне вдруг, внезапно ревниво подумалось, что его, конечно же, и любила, и любит еще не одна, наверное. А как только так подумалось, она внутренне на секунду сконфузилась, а затем с иронией сказала себе: «Господи, какая ж ты баба! Сколько прожила — все баба. Неужели он тайком до сих пор продолжал оставаться где-то в твоём сердце?..»

Окончилось первое отделение. Началось второе. По сцене простучали дробно каблучки элегантной пожилой, но молодящейся женщины. Хорошо поставленным голосом она звучно объявила: «Я вас любил».

То была любимейшая вещь Галины Петровны, всякий раз пробирающая ее до душевного трепетного преклонения перед тем, кто так искренне, чисто и самоотверженно любил. Нет его давно в этом мире. Чув-

ства же, им высказанные, продолжают трогать многие и многие души... Как пел замечательный романс певец! С какой благодарностью за пережитые нежные чувства, пусть и не нашедшие отзвука в дорогой ему душе, с какой жертвенной готовностью унять в себе прежнее, лишь бы не тревожить, лишь бы не печалить ту, которую он продолжал еще любить!..

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим,
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим...

Певец закончил петь, склонил голову. Он простоял так с полминуты, с отрешенным взглядом, погруженный весь в себя, в свое. И зал тоже эти полминуты был нем — в человеческой участливости и в печальном, грустном сочувствии все еще живущей и страдающей любви, кажется, давно канувшей в небытие.

У Волынцевой запершило в горле, и она, давно простившая того, кто теперь стоял на сцене, через столько лет опять, заново, простила его. Происшедшее в свое время между ними мало что затронуло, наверно, в нем. Но любовь — пускай не к ней — он знал, и любовь большую — со страстным горением, с потрясениями и страданиями. Иначе проникновенно так петь не смог бы... А кто так любил хотя б единожды, тому многое прощается.

Певец исполнял романс за романсом. Он пел много.

Певцу дарили цветы. Две девчушки — одна худенькая, тонкая и хрупкая, словно из фарфора, и ее подруга, плотная толстушка, — поднесли ему завернутые в целлофан два больших букета роз. Юрий принимал их уже несколько уставшим, с усвоенной для подобных моментов, чуть деланной благодарной улыбкой. Волынцевой, участливо наблюдавшей за ним, неожиданно подумалось: а не может ли быть так, что чистые, большие чувства воспеваются подчас теми, кто сам в своей жизни не изведал подобного? Просто-напросто таких людей томит неутоленная тяга к чему-то недостижимому, и она, эта тяга, так трепетно, покоряюще и сильно пробивается у них наружу, что пленит сердца и души многих и многих... Хотя возможно ли такое? Чепуха, конечно...

Чтоб ни с кем не заговаривать в зале и не расплескать порожденно концертном светлого и немного грустного настроения, Галина Петровна встала с кресла и направилась в фойе и гардероб последней. У барьера с ее шубкой и шапкой Волынцеву поджидала знакомая гардеробщица, щуплая старушка лет восьмидесяти. Они познакомились давным-давно, когда Волынцева приводила сына на приемные экзамены в музыкальную школу и на первые уроки. Ксения Иосифовна и тогда — как теперь казалось Галине Петровне — была все такой же старенькой, словно не минуло с той поры без малого двух десятилетий. Ничего не изменилось в ней — то же самое пенсне на шнурке, то же строгое и старомодное черное выношенное платье, та же допотопная учтивость и предупредительность в сочетании со всегдашним достоинством. Волынцева извинилась:

— Уж не обессудьте, что немножко задержала Вас.

— Что вы, что вы, я, по совести сказать, люблю выходящих после концерта последними. — Ксения Иосифовна улыбнулась ей приятельски. Старая гардеробщица помогала одеваться лишь последним, когда в гардеробе становилось пусто. Давным-давно Галина Петровна воспротивилась однажды этому позабытому в наши дни в провинции обычаю. Но из-за мягкой, вежливой неуступчивости Ксении Иосифовны у нее с попыткой этой ничего не вышло, и она с тех пор не перечила этой церемонии, хотя так и не привыкла к ней.

Мягко оглаживая сзади воротник ее шубки, гардеробщица сказала:

— Вот какая ведь погода. Днем морозно. Сейчас оттепель. В шубке будет жарко вам, — и спросила по-свойски: — Юру проводили?

— Да, — застегиваясь, выдохнула Волынцева. — Теперь до весны.

— Заходил по старой памяти к нам позавчера... Он у вас красавец.

Галина Петровна благодарно улыбнулась краем губ, распрощалась и пошла на выход.

* * *

В самом деле, снег на тротуаре, растоптанный расходившимися, сделался от потепления похожим на отволгшую серую и крупную соль. Галина Петровна, постояв немного на освежающем сыроватом воздухе, решительно глубоко вдохнула, выдохнула и направилась в сторону соседнего подъезда, в гостиницу. Постучавшись в указанный ей дежурной номер и дождавшись разрешающего, чуть усталого и недовольного «да», перешла через порог в небольшую прихожую и через открытую дверь в хорошо освещенную просторную комнату увидела у стола, в глубоком кресле, крупного уставшего мужчину, отдаленно лишь похожего на того, каким был он на сцене. Он сидел, уронив с подлокотников длинные кисти рук. Голова его покоилась на вершине спинки кресла. А по взгляду можно было без труда понять, что неожиданное появление незнакомки ничего, кроме легкой сдержанной досады, в нем не вызвало. Голос его прозвучал неприветливо и сухо.

— Вы ко мне? Или, может быть, ошиблись дверью?

Направляясь в его номер, она так и не успела придумать, с чего бы ей начать с ним разговор. Оттого в первые мгновенья перед ним ощутила себя несколько скованной. Но всего лишь в первые мгновенья. Все же в нем в какой-то мере оставался прежний Кольцов Юра, и неловкость в ней пропала без следа. Она обрела перед ним удивившую ее самую полную легкость, естественность и улыбнулась.

— Юра... Ты не узнаешь меня?

Кольцов, опершись ладонями на подлокотники, порывисто поднялся, шагнул к ней, и она заметила в нем навсегда, казалось, забытое — как сосредоточенно и озадаченно сошлись его брови. Но уже в последовавший за тем миг они дрогнули обрадованно.

— Галя! Господи ты Боже! Как же, как же! Ты такая ж, как была! Я не мог и подумать, что ты все еще здесь. Раздевайся, проходи. Рассказывай.

Она не позволила ему снять с нее шубку. Так в ней и присела к столу, сославшись на то, что она к нему всего на минутку. У нее нет времени. Ее ждут, волнуются дома.

Они минут десять оставались в номере вдвоем, одни. И все эти минуты начинали говорить каждый о своем и перебивали и себя, и друг друга

оживленными вопросами. А когда замолкали на секунду, замолкали легко, не смущаясь этим, вглядывались и с лаской, и с грустинкой в лица друг друга. И глаза его рассказали ей о том, чего не было в его словах. Они были у него такими, каких не бывает у счастливых и довольных собою людей, и она короткой скрытой жалостью пожалела его вдруг. А то, что он не услышал от нее, ему безошибочно, казалось, представилось. Домовитая и добрая, она, несомненно, уже много-много лет добродетельная мать, жена. Может быть, и бабушка. Постоянно по уши в домашних заботах. В театр вырвалась, должно быть, в какие-то веки... Было б бесцеречно визнавать у нее самой об этом. И, щадя ее, он вдруг, совершенно неожиданно для себя сказал искренне, проникновенно до того никогда не приходящее в его голову. Сказал так проникновенно, что и сам поверил в сказанное:

— Галя, а ведь ты самое-самое из моей давно отошедшей молодости. Светлое, чистейшее...

В ее теплом грустноватом взгляде от услышанного ничего не прибавилось и не убавилась. Она промолчала.

Он поднялся быстро и сказал, что пошлет за шампанским. Надо выпить непременно за их удивительную встречу. Она мягко удержала его за рукав.

— Юра, ты, пожалуйста, не обижайся, но сегодня у меня, как назло, такие обстоятельства, что я не могу оставаться с тобой дольше. Поверь и прости.

Он не стал ее задерживать... Вообще-то, говорить им было больше не о чем.

Со второго этажа по старинной длинной лестнице с коврами он спустился с нею к выходу, проводил ее за дверь, приложился к ее теплой кисти и с минуту наблюдал, как она переходила позднюю, опустевшую улицу и заспешила к подходящему автобусу.

* * *

От старинного здания музыкальной школы до ее жилья было всего две автобусных остановки. Не более десяти минут езды. Сиденья в автобусе были влажными, и она не села, осталась стоять. И пока стояла, ей припомнились почему-то слова старого, лет пятнадцать как умершего профессора-химика, наблюдательного и умнейшего человека. Он однажды по какому-то поводу сказал о студенте Юрии Кольцове что-то вроде того, что ему не позавидуешь. Он способный и везучий. Ему многое легко дается. Но за ним образуется пустыня, пустота. Он не ценит и как бы стирает за собой даже лучшее из прожитого. Для него все в завтрашнем. Только в завтрашнем!.. Почему запали в ее память эти беспощадные и несправедливые, как тогда ей показалось, слова? Что мог знать о Юрии старый ученый, у которого тот проучился всего ничего?.. Но, поди ж ты вот, запали... Не могло не вспомниться и другое. Принятый вне конкурса в консерваторию, он обещал увезти ее с собой. Он прислал ей через неделю из далекого Ленинграда теплое большое письмо. А затем на три посланные ею следом не ответил. И на том их переписка прекратилась. Да, какое-то время ей до слез было обидно. Но потом она оправдала его для себя. Он ушел в иной мир, и к чему оттуда писать ей вымученные и пустые письма?.. А вот сын его — тонкая, отзывчивая натура. Он нашел бы что писать.

Поднимаясь на второй этаж, Юрий Николаевич зябко передернул плечами и тоскливо подумал, что, теряя постепенно голос, он все чаще станет концерттировать вот в таких городках и в похожих на сегодняшний, узких малых залах.

Со свежего воздуха на пороге номера на него пахло масляными красками от недавно выкрашенных стен. Он вновь опустился в кресло у стола и коснулся вялой рукою двух букетов роз в целлофане. В одном из них был вчетверо сложенный небольшой листок из блокнота. От нечего делать он расправил его двумя пальцами. На листке прочитал три короткие строки: «Как прекрасно, что на свете есть такие певцы! Мы Вам очень благодарны». Он сжал листок в шарик, безразлично скатил его по ладони на стол и подвинул букетом к переполненной массивной пепельнице из красного хрустала.

В дверь из коридора дробно ударили костяшками пальцев, и послышался певучий женский голос:

— Юрий Николаевич, в ресторане вас ждет ужин.

Он не отозвался. И тогда в приоткрывшейся двери показалось миловидное немолодое лицо.

— Вы не слышали меня?

Он ответил, что ему не хочется есть.

— В таком случае, как знаете, — отступила женщина за дверь. — Но учтите: поезд наш отходит в шесть утра, и перекусить утром вам не удастся.

Он ее уже не слышал. В это время ему вспомнилось, как минуту назад он солгал вот здесь без всякой нужды: «Галя, а ведь ты самое-самое из моей отошедшей молодости». Ну к чему, к чему он сказал пошловатую неправду милой умной женщине, хоть бы словом попрекнувшей его за прошлое? Женщине, обладавшей большим внутренним достоинством... Стоило, однако, так подумать, как в нем все ярчайше вспыхнуло и восстало против только что внутренне произнесенного. В изначальный момент он действительно подумал, что без всякой нужды низко и бездарно солгал. Но сказал-то, как понял теперь, настоящую, доподлинную правду. Искренней, нежней и прекрасней той их краткой близости у него — да, да! — ничего подобного с другими не было. Нет, не было! Память засвидетельствовала это. А затем она, его память, самовольно вплотную пододвинула к нему из далекого прошлого и ту первую их общую ночь с ливнем и грозой за окном, и ее запрокинутое перед ним лицо, и то, как он целовал ее жаркие соленые щеки. Соленые от слез счастья и любви. Ничего прекраснее позже он не знал... Как же получилось, что он умудрился с ней расстаться?.. В Ленинграде слишком широко распахнулось перед ним манящее, ослепляющее будущее. Закрутило. Завертело его. Помнится, он и раз, и два не ответил на письма ее. Мучился, что затянул с ответом. Но не мог заставить себя сесть за лист бумаги. Не выкраивался свободный часок. А спустя еще какое-то время, стыдно стало браться за перо. Успокоил себя тем, что коль ему писать перестали, к чему ж самому начинать ворошить уже пережитое, отступившее в прошлое?.. Любовь? Да, судьба недавно щедро подарила

ему это чудо. Но жизнь только начинается. И еще не такое, верно, будет впереди...

Он уснул за полночь. А когда проснулся и вышел к такси, чтобы ехать к поезду, на вокзал, от вчерашнего промозглого, удручающего слякотью за дверями гостиницы, ничего не осталось и в помине. Перед утром, с час назад, принялся хлопьями лепить мягкий снег. И он все падал и падал, влажный, пухлый, все кругом одевая в белое, диковинно превращая улицу в странно уютную.

Глубоко вдыхая свежий воздух, Юрий Николаевич с сожалением и грустью подумал, что он четверть века не догадывался, что в далеком небольшом городке живет его самая светлая женщина... Он был бы счастлив в то утро, если б знал, был убежден, что все эти годы эту женщину любил и берег кто-то более, чем он, достойный ее. Любил чисто, крепко и надежно.

*Стихи
мичуринских
поэтов*

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

Татьяна Бердичевская

НОЧНОЙ ПУТЬ

Чернеет даль за окнами экспресса,
Стоят стога, укрытые снежком,
И редкий ельник северного леса
Мне машет побелевшим рукавом.
Опять дома. Огонь уже погашен,
Но яркий месяц крыши серебрит,
И свет его таинственной и краше
В морозных окнах сказкою горит.
Ах, серебром мне ночь дорогу стелет.
Удача ль, нет — что ждет там впереди?
И в рваных тучах звезды тихо тлеют,
И сердце гулко бьет в моей груди.

* * *

Северной речке Покшеньге

Речка-реченька, речка Покшеньга,
Столько слышала я о тебе,
И теперь само сердце просится
К твоей чистой и быстрой воде.
Ты течешь ли средь леса нехожего,
Меж высоких берез и осин,
Мимо ль ели, на вечность похожей,
Тонкоруких красавиц рябин.
Далека ли, близка ль — мне неведомо.
Песни лесу и небу поешь.

Твоей вкусной воды я отведаю.
Ай ли, соки земные ты пьешь?
Может, жизнь моя скоро и кончится,
Стану плотью твоей — я чиста.
Лес листвою надо мной заполощется,
Заблестит надо мной береста.
Ты теки, моя реченька милая,
Пусть Господь твое сердце хранит.
Эх, не знать бы, как землю насилуют,
Берега одевают в гранит.

Евгений Ишутин

* * *

Когда мне было шесть годков,
Набрал на счастье шесть подков.
Теперь мне шесть десятков лет —
И ни одной подковы нет.

Одну России подарил —
На небо месяцем прибил.
В поля забросил целых три,
Чтоб для людей хлеба цвели.

Еще отнес я на погост —
Пусть падает поменьше звезд.
Последнюю я потерял,
Чтоб кто-нибудь счастливым стал...

А я начну, как в шесть годков
В лугах искать подковы вновь.
Свободный конь гуляет там
И две зари с ним по бокам.

Валерий Михин

* * *

*Польский писатель Э. Куровский
провел детские и юношеские годы
в Сибири и на Тамбовщине*

Грусть моя растворяется просто:
Чуть добра — и запела душа.
С обаятельным паном Куровским
По Варшаве идем не спеша.

Льется свет от спокойного взора,
Для таких и беда — не беда.
В нем уверенность, твердость боксера
Узнается почти без труда.

Богом пан не забыт и не брошен,
Книги-птицы — одна за другой.
Но на сердце нелегкая ноша —
Пан болеет далекой страной.

В снах он видит высокое небо,
Слышит сочную русскую речь.
(Краски, запахи детства и мне бы
Так же помнить, любить и беречь.)
Пан на прошлое тени не бросит,
Верит только себе и судьбе.
У кого-то нет родины вовсе,
У Куровского — родины две.

Я привез от друзей Вам приветы,
Черноземов тамбовских тепло.
Там, в степях, пробудить в Вас поэта
Чувство первой любви помогло.

В ресторане — расспросы, признанья...
Ваши боли теперь и мои.
Извините меня за страданья,
За сибирскую ссылку семьи.

Было холодно, голодно в жизни.
Но сегодня, в ноябрьскую стынь,
Нам тепло от идей панславизма,
Нас волнует и Гданьск, и Катынь...

Я в одном только слаб и бессилен,
И беседы оборвана нить:
Что у нас происходит в России,
Пану я не могу объяснить.

Александр Чекунов

ЗВОНАРЬ

Стоит, шатаясь, но крепче всех.
Просящих очередь спутал с кабацкой.
И, не стесняясь, звучит смех
Каленый, русский, а не дурацкий.
Дружок Емеля.
«Я не сопьюсь, ведь колокольня
меня растила».

Он первым зверя просил за Русь,
Да горько так, что очередь взвыла.
Она выла, а он лил
Водку, стихи, как колокольчик.
Рязанский мальчик звонарь был,
А тень-пьяница — перезвонщик.

МЕЛЬНИК

Только пыль да скрип жерновов.
Смелет век работяг шепот.
Мельник был для страны готов
Сбыть по ветру богов ропот.
И оскал был ему мил,
Выгреб все из души заначки.
Кто же знал, что такой пыл
Будет у кухарки-батрачки.
И спина нажила горб.
Бурей сбит кол рогом из стали.
Рвался в пасть для того, чтоб
Те, кто сзади, на шаг отстали.

Александр Трунов

ВАЛЬС

Кружится ночь над безмолвием рек,
Старая песня, извечная тема,
Падая вниз неотступно и немо,
Словно косые дожди в ноябре.
Словно тяжелый прибрежный песок,
Давит на плечи намокшей печалью...
Радость моя за темнеющей далью,
Теплого солнышка чистый глоток.
Слушаешь вальс? Это ночи летят,
Сбитые каплями листья и звуки —
Холодно в сумерках после разлуки,
Хочется плакать... и рваться назад.
Хочется в землю впитаться живым,
В листья зарыться и слушать метели,
Зная, что спят у Тебя на постели
Горечь и города каменный дым...
А у дороги в полуночный грех
Яблонь и ветра сплетенные пальцы
Вместе уходят под музыку вальса —
Кружится ночь над безмолвием рек.
Звуки и листья уходят в полет,
В прошлое, вечное прошлое наше...
Пусть растворится разбитая чаша.
Слушаешь музыку?
Утро придет.

Василий Иванович Попков родился в 1938 году в селе Весёлое Моршанского района Тамбовской области. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт. Работал учителем, преподавал в техникуме, много лет возглавлял кафедру литературы Мичуринского пединститута. Кандидат филологических наук, почетный профессор МичГАУ. Автор ряда книг литературно-исследовательского, краеведческого характера. Его работа отмечена государственными наградами, литературными премиями. Член Союза российских писателей. Живет в Мичуринске.

Василий Попков

«ОНЕГИНА» КАСАЯСЬ КИСТЬЮ

(Будут ли найдены оригиналы герасимовской Пушкинианы?)

АУДИЕНЦИЯ

Герасимовская Пушкиниана — еще одна тамбовская тропинка к великому поэту. Ныне она поросла забвением, запылена умолчанием, нашим невниманием и нелюбопытностью. По ней проберется, может, лишь узкий специалист по творчеству художника, академика, народного художника СССР Александра Михайловича Герасимова.

Свернешь на эту тропочку — и столкнешься с вопросами: почему, например, о пушкинской теме не любили говорить ни сам художник, ни исследователи его творчества, ни даже герасимовские каталоги.

А раз не говорят, то создается впечатление, будто их и нет.

Да, да, даже укоренилось мнение, что иллюстраций нет, а может, и не было. Вот обратите внимание: «Особая страница творчества Герасимова — его работа над книжной иллюстрацией. Собственно, выбор тем для иллюстрирования всегда был обусловлен давними симпатиями художника. В 30-е годы он задумал серию станковых листов к «Евгению Онегину» (которую художнику не удалось завершить)».

Это цитата из вступительной статьи И.М. Бляновой к каталогу выставки в честь сто-

летнего юбилея художника. К сожалению, из-за отсутствия ссылки на источник невозможно проверить истинность данного утверждения. Если же это авторское утверждение, его должно бы подать не в столь категорической форме. Но читаем далее: «Сохранившийся в Доме-музее лист «Бал у Лариных» позволяет судить о том, насколько внимательно читал художник Пушкина, обращая внимание на любой намек в характеристике не только главных, но и второстепенных персонажей».

«Не удалось завершить...» — значит, начинал? «Сохранившийся лист...» — стало быть, другие, если они были, не сохранились?

К сожалению, именно эта точка зрения получила широкое бытование. Напрасно извлекал я из архива дипломную работу семилетней давности «Мотивы русской классической литературы в творчестве художника А.М. Герасимова», что по моей рекомендации выполняла студентка пединститута Марина Айвазова: там поиски замкнулись на этой цитате. А потому, обратившись к теме «Герасимов и Пушкин», вместо обычной ссылки на источник, натолкнулся я на многие загадки и потому обречен был начать самостоятельные поиски.

Не сочувствуйте мне, читатель. Признаюсь вам, нет ничего приятней, чем ходить нехоженными тропами, раздумывать над тем, о чем пока молчат, а не судачат из-за моды, обретая утерянное.

Возможно, кто-то не согласится с моим течением мысли — тем лучше, представит свое видение, глядишь, вместе и приблизимся к истине.

Я же себе представляю это так.

Заканчивался високосный 1948-й.

Художник не успевал прочитывать статьи с комплиментами в свой адрес: еще бы — участие в одиннадцати выставках, что побывали в тридцати городах страны, а также в клубах Восточно-Сибирской железной дороги, на кораблях Балтийского флота...

Тяжела ты, шапка президента Академии художеств СССР. Правда, хоть и второй год она носится, но сидит ладно. Давней привычке ежедневных встреч с холстом он изменяет лишь в случаях исключительных, зато глаз стал зорче, рука уверенней, мысль проникает в заповедное, а ему, как и Юпитеру, это положено... К примеру, работа над картиной «Храм Василия Блаженного» относится именно к году избрания президентом, хотя возвратится к ней художник еще и через десять лет.

Год оказался результативным: закончил, наконец, портрет своего «друга» и негласного куратора Клима Ворошилова (потом картину приобретет Государственный Русский музей), всю силу сыновней любви к отчему краю вложил в холст «Мичурин в саду», огромный получился (ныне — в Баку, в Азербайджанском государственном музее имени Р. Мустафаева).

А почему он участвует в художественных выставках только в Союзе, пора выходить на Европу, есть договоренность с Берлином, Дрезденом, Будапештом — и он заносит это в графу своего плана на следующий год. Вот поляки молчат. Не обиделись ли на его холст «Стой! Выпала люлька с табаком...» Но ведь он лишь следовал гоголевскому «Тарасу Бульбе». А может, переборщил? Патриотический порыв не должен ущемлять чувства других народов.

Теперь-то, когда самому приходится общаться с разными народами, истина эта предстала перед ним более обнаженной.

Но он же сын своего времени — понять надо. Вот в первый послевоенный год, скажем, душа отдыхала от войны, от парадных портретов, ведь удалось же создать что-то значительное из лирической пейзажной живописи: «Грозу», «Зеленую рожь», «Рожь зеленую», «Спелую рожь», «Яблони в цвету» и, конечно, же «Розы».

Намекнули ведь: что, мол, Герасимов, в чистое искусство уходишь, так ска-

зять, в искусство для искусства. Это он-то — «в чистое»? Поле, хлебное поле — это же тоска по миру, по крестьянскому труду, по радости и благополучию! А розы, уж извините великодушно, розы на смертном одре буду писать!

Теперь другое дело, президента никто не посмеет упрекнуть, да и к самому высокому лицу разрешено входить без стука... И все же...

В присутственный день в Академии секретарь доложил о почте и добавил:

— Звонил из ИМЛИ имени А.М. Горького заместитель директора Сергей Митрофанович Петров, просил аудиенции вместе с известным пушкинистом Дмитрием Дмитриевичем Благим.

— На какой предмет? — перешел и он на официальный тон, услышав непривычное слово «аудиенция» и еще более непривычное его произношение — «удыэнция».

— На предмет вашего участия в издании Полного собрания сочинений А.С. Пушкина.

— Художников мало, — в сердцах заворчал он, — именно президента надо тревожить?

— На предмет Вашего личного участия, Александр Михайлович.

— Хорошо, хорошо. Передайте: жду их ровно через неделю, в это же время.

— Они просили аудиенции сегодня, — продолжал настаивать секретарь. — Дело касается издания в честь 150-летнего юбилея поэта.

— Да что они, сговорились, что ли?

— Передайте, жду их ровно через неделю, в это же время. А мне подберите работы этих пушкинистов да иллюстрации к произведениям Пушкина. Не с голыми руками должен встречать художник литераторов...

Неделю не выходил из головы этот звонок. Он набросился на холст и работал над «Розами», казалось, исступленно, как никогда. Разговаривал по привычке вслух, пыхтя трубкою, которая гасла и снова дымилась.

— Вот вам Пушкин, вот вам Пушкин, — делал он уверенные и удивительно точные мазки, лепестки светились и, кажется, издавали аромат не свежей краски, а настоящей кызыллыкской розы... — Ведь что такое Пушкин? Это совершенство! Гармония! А о каком совершенстве может идти речь на его довоенных изображениях поэта? Вот иллюстрировать Гоголя — другое дело, это — мое. Да и пробивался Гоголь из безвестности, как и я. А Пушкин? Баловень судьбы.

Нет, больше он не возьмется за Пушкина.

«Энциклопедия русской жизни»... А разве он, Герасимов, создает не такую же энциклопедию русской жизни? Нечего встречаться с этими пушкинистами из ИМЛИ...

Но в назначенное время Благой и Петров были в приемной президента. Секретарь был вежлив и предупредителен, не забыв, однако, предупредить, чтобы разговор начать как раз с дела, ради которого они встретились. Александра Михайловича в любой момент могут позвать в высокие инстанции.

— Президент, а не принадлежит себе. Вот и свобода творчества, — не без боязни про себя подумал Благой. Ни один довод Герасимова не принимали: ни занятость, ни выставки, ни возраст...

150-летие поэта! На его отказ Сергей Митрофанович Петров нашел дипломатические доводы:

— Александр Михайлович! Не будем заключать никаких договоров, никаких обязательств, но вы еще подумайте. Ведь кто лучше вас изобразит природу? Вы же пейзажист. Вы же и портретист, психолог. Танцы? А какая прелесть Ваши балерины... Проиллюстрируйте хотя бы только «Евгения Онегина»...

Да, приготовились миссионеры скрутить его не на шутку. Неделя эта и им пошла не во вред. Поняв это, он как бы пошел в отступление:

— От вас, пушкинистов, и в лесах не укроетесь, — делал намек художник на предстоящие этюды.

— Да это же перекроенная строка из посвящения Дельвига «Пушкину»: «Пушкин. Ты и в лесах не скроешься...» — вдруг встрепенулся и, разводя руками, «уличил» Герасимова дотоле молчавший Благой.

— В таком случае, скажите, знатоки, что за «тамбовский поэт» танцевал на балу у Лариных?

И художник, к еще большему удивлению гостей, начал декламировать на память:

Обрадован музыки громом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков,
К Татьяне Ленский; Харликову,
Невесту переспелых лет,
Берет тамбовский мой поэт,
Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали, все,
И бал блестит во всей красе.

Тамбовских друзей у Пушкина было немало. Вадковские. Лунин. О них упоминается и в романе «Евгений Онегин». Особенно же он любил поэта Евгения Боратынского и даже соревновался с ним, в «Онегине» называл его то певцом «пиров и грусти томной», то певцом «финляндки молодой», а к седьмой главе даже эпиграфом взял стих из поэмы «Пыры»: «Как не любить родной Москвы?..»

— Да, Москвы не любить нельзя... — вставил академик. — Не хуже Парижа.

Петров, чувствуя, что академик подытожил беседу и как бы выключился из пушкинской темы, взглянув на часы, решил реанимировать разговор и снова повернуть его в тамбовское русло:

— Ведь и Натали Гончарова родилась на Тамбовщине, и прототип Татьяны Лариной считается родом оттуда же...

Видя, что время идет, а еще не получено согласие художника, которого в любой момент могут позвать в высокие инстанции, как предупредили в приемной, из которой действительно уже доносились длинные тревожные звонки, предвещие конца беседы, Петров открыто привел последний довод:

— Да, берите только «Евгения Онегина», а я возьмусь готовить текст к публикации, и будет юбилейный «Онегин» козловским.

— Что значит «козловским»?

— Так ведь я тоже родился в Козлове.

— Вот как?! Земляки, значит.

— И лет эдак через пятьдесят, когда, может, и нас не будет...

— Ну-ну, вы-то еще будете, вы человек молодой...

— ... Достанет юбилейный том какой-нибудь дотошный козловский любитель книг и вспомнит про нас...

— От вас, козловцев, действительно «и в лесах не скроешься»... Убедил. Подумаю. — И глядя на часы, добавил: — Не знаю, как будет через пятьдесят лет, но я все более стремлюсь жить днем сегодняшним, дорожу каждой подаренной мне минутой, особенно, если удастся взять в руки кисть. — И добавил: — Извините, что отнял у вас столько времени...

Не через пятьдесят лет, а через сорок один год, когда действительно все забыли и об этом уговоре, будто его и не было, и об иллюстрациях, будто и не было их, я сбился с ног в поисках юбилейного издания. Не буду рассказывать о своих чувствах, когда издание было найдено, а именно нужный том оказался замененным другим изданием — 1963 года, и о том, что Азалия Алексеевна Земляковская, просмотрев

шая внимательно в своей личной библиотеке юбилейное «Полное собрание», сообщила мне, что никаких иллюстраций, никакого Герасимова там нет и не было.

«Да было же, — думал я. — Слишком авторитетное издание свидетельствует об этом, да и сам я, кажется, когда-то видел эти иллюстрации». Оказывается, в тот юбилей было не одно «Полное собрание сочинений» поэта. И именно это затрудняло поиск. Я-то предполагал одно, а вот как объяснить в библиотеке, что мне нужно? В центральной городской мне просто дали «огоньковское» издание, а когда я отказался, дежурившая в читальном зале девушка удивленно спросила:

— А какое же произведение вам нужно?

Мне жалко стало, что я потревожил ее покой, ведь она читала какой-то роман, шевелила губами и сладко улыбалась, а я с каким-то «Полным собранием». Ей кажется, что читатели ей досаждают, мешают. Вот и я... Взял бы, что дают...

К счастью, встречаются и другие библиотекари...

И вот, наконец, заведующая библиотекой пединститута Галина Александровна Конопухина изящно так и благоговейно подает мне заветный третий том, произнося долгожданную фразу:

— Здесь иллюстрации Александра Михайловича Герасимова...

О, она не представляет, с каким нетерпением я беру этот том в желтой, немного потрепанной суперобложке, которую оформил прекрасный художник Николай Васильевич Ильин и под которой сохранилась, как новехонькая, прочная коричневая обложка с золотым тиснением...

Галина Александровна, конечно, и не ведает о моем чувстве, о том, какое открытие я сделал сейчас, прежде всего, для себя, а может, и не для себя только: том с иллюстрациями Герасимова стоит на книжной полке сорок лет, а считается, будто этих иллюстраций даже и не было...

Ах, мои любимые библиотекари, вольные или нечаянные подвижники — участники больших и малых открытий!..

Когда-то в рукописном отделе ГБЛ имени В.И. Ленина такие же влюбленные в свое дело сотрудники отступили от правила и подали мне рукопись «Временника» Ивана Тимофеева XVII века не на второй день, как это предусмотрено правилами, а тут же, потому что показал я им билет на поезд и убедил, что при них найду аналогию к «Слову о полку Игореве», и тем самым может проясниться еще одно темное место в «Слове», как это и случилось на самом деле... А хранитель Псковского древлехранилища Творогов в 1970 году помог мне найти дотоле неизвестные списки «Повести о приходе свейскаго краля с немцы под град Псков»...

Честь и хвала таким библиотекарям!

И не только им.

К Тамаре Ильиничне Вороновой, директору Дома-музея А.М. Герасимова, после открытия выставки картин художника М.Ф. Чиркина я обратился с просьбой дать возможность взглянуть на оригиналы картин Герасимова «А.С. Пушкин и Адам Мицкевич» и «Бал у Лариных».

В считанные минуты Наталия Полякова предоставила мне такую возможность. Я стоял замороженный: я знаю другие варианты этих картин.

Об этих наблюдениях и поведу речь дальше.

ГЕРАСИМОВ РИСУЕТ ПУШКИНА

Итак, Александр Михайлович Герасимов рисует Пушкина, иллюстрирует его произведения.

А где истоки герасимовской Пушкинианы?

Обращаемся к упоминаемому каталогу.

Первое упоминание: «1937 год. Всесоюзная пушкинская выставка. Москва». Идеально было бы найти каталог этой выставки и выяснить, какие работы были представлены на ней Герасимовым. И хотя в наших условиях это пока оказалось тщетным, думаю, все же такое уточнение сделать не невозможно.

Судя по свидетельству юбилейного каталога выставки А.М. Герасимова, им была выполнена картина маслом на холсте размером 230 x 280, которую он назвал «А.С. Пушкин («Пишу, читаю без лампы»)). Слева, внизу холста есть надпись: «1937. А. Герасимов». Картина хранится в собрании семьи художника.

Герасимова вдохновили вот эти строки из «Медного всадника»:

Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.

Художнику удалось передать зрителю цветовые нюансы своеобразного освещения: большое окно, белая петербургская ночь, блеск Адмиралтейской иглы — за всем этим чувствуется опытная рука мастера. «Что касается образа Пушкина и интерьера, — пишет М. Сокольников в своей книге «А.М. Герасимов», — то тут автор потерпел неудачу. Пространство правой части композиции необычно зачернено, фигура Пушкина получилась грузная, неверной в пропорциях, лицо поэта «не выражало вдохновения».

А ведь именно к поэтическому вдохновению, рождению творческого замысла и обратился художник. К 150-летию поэта он вновь решил на вариант картины «Пушкин за рабочим столом». Уменьшение размера полотна, углубление психологии поэта, уточнение сюжета благотворно сказались на итоге. И все же...

Думается, художник понимал, что одна из причин неудачи разрешения пушкинской темы — это заданность, работа к юбилеям и объясняемая этим спешка.

Шагом к преодолению неудачи был «Памятник А.С. Пушкину» (бумага, акварель, гуашь, размер 54,5 x 74). Это философское раздумье над значимостью творческого гения, а, может, и подспудная мечта, которую художник мог выразить есенинскими словами: «Чтоб и мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть...»

Частично Герасимов сподобился такой судьбе. Частично.

Как знать, может, как своими парадными портретами нашел он друзей в поколении своем, так пушкинской темой, хотя и не до конца удавшейся, найдет он зрителя в потомстве, и мысли окажутся созвучными именно в прочтении пушкинских строк...

Еще одной вехой и, скажем, более удачной, была картина «А.С. Пушкин и Адам Мицкевич в Летнем саду» (1955 год. Холст, масло, 79 x 87). В юбилейном каталоге было означено место нахождения картины — собрание семьи художника. Теперь же можно сделать поправку: Дом-музей А.М. Герасимова в Мичуринске.

Глядя на оригинал, где задние фигуры двух поэтов даны в полный рост, в темных плащах и цилиндрах и занимают самый центр полотна, а на втором плане изображены скульптуры Летнего сада, думаешь о покровительстве высших сил над искусством, идущем от античных традиций. От картины веет величием, уважением к таланту, к дружбе двух поэтов, представителей культур братских народов. Чье сердце не забьется чаще при встрече с удивительно простыми и в то же время великими людьми?.. Помните, как вспоминала Пассек о том, как Пушкин и Боратынский появились на балу: «Они шли рядом, им уступали дорогу». С Пушкиным многие выдающиеся современники шли рядом. Он возвышал, облагораживал, освещал талант многих: Кольцова, Гоголя, Дельвига, Боратынского. И Мицкевича тоже.

Сюжетом «А.С. Пушкин и Адам Мицкевич» художник как бы подытоживал пушкинскую тему. На сей раз рука и глаз не подвели. Сюжет настолько захватил его, что он решил повторить картину, увеличив ее.

Изменилось время — шел пятьдесят пятый год, облака на политическом небосводе предвещали очистительную грозу XX съезда. Тучи сгустились над всеми, кто был близок к тирану. Герасимов не был исключением. А потому раздумья о судьбах искусства выходят на передний план. Художник тоже скажет свое слово на тему «Талант и монарх».

Натянут холст теперь уже размером 185 x 210. И никаких сроков, никаких обязательств. Это он напишет для души. Этой картиной он постарается реабилитироваться за все неудачи пушкинской темы и, даст Бог, может, именно этой картиной он сделает шаг к бессмертию. Ведь многое, чему отдавал он предпочтение, скажем, политике, что со всей страстью стремился выразить в церемониальных портретах, на поверку может оказаться тленом. Искусство же вечно. Вечен и Пушкин.

Каждый раз, вновь беря кисть и подходя к новому холсту, он стремится забыть о своих обретениях и неудачах. Счастье настоящее — не в результате, славе и овациях, а более в самом процессе работы, в этом мгновении, когда ты стоишь с кистью перед холстом и мольбертом.

Полное сосредоточение.

И каждый раз, словно впервые, берешь кисть. Как в реку опускаешься, будто в ту же, да уже не в ту...

Главное — сделать верные контуры персонажей, наметить сюжет, что уже созрел в голове.

Он сделал первые штрихи, еле заметные, понятные лишь ему одному. Лицо гения...

Вот где художника всегда подстерегала неудача... Да его ли одного?

Не повторить бы других художников, не оказаться у них в плену — у Кипренского, Репина, Серова, Ге...

Не увлекаешься ли оттенками, играя углем? Помнишь, как «Христос и грешница» увлекли Поленова, пришлось исполнение в угле оставить в своей мастерской, в Поленове, как произведение самостоятельное, а для императорской выставки делать новую картину. Но какой труд, не эту же, а громадное полотно. Холст теперь — в Русском музее, а исполнение в угле — в его Доме-музее...

И вот уже самый центр картины занимает Пушкин. Он — центр всей нашей русской культуры... Кажется, очертания получились недурненько. Рядом — польский поэт. Профиль изучен Герасимовым на портрете В. Ваньковича (1827 год), но, пожалуй, у И. Шмеллера профиль получился более выразительным: мощный подбородок, спадающая на лоб прядь волос, выделяющиеся губы...

Но у него будет свой Мицкевич. Он придаст ему величие, значительность, выразит гениальность. Он лишь на полгода старше Пушкина, им по двадцать семь...

Лишь немногим более года прошло после восстания декабристов, осталось три года до польского восстания.

Свое отношение к Мицкевичу Пушкин выразил в стихотворении «Он между нами жил...»:

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный
Он посещал обеды наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше

И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта...

На картине Герасимова Мицкевич жадно слушает русского поэта; темно-красный хитон, на котором играют блики предзакатного солнца, выделяет польского поэта, его русский собрат дан в торжественно темном сюртуке, полами которого играет петербургский ветер, показывая светлую подкладку; кипенно-белые кружева рукава рубашки, жабо подчеркивают, что народность — не в лаптях и сарафане. На сей раз отсутствуют цилиндры: Петербург — священное место, и тема собеседников священна. На левой руке Мицкевича наброшена дорожная накидка путешественника, перчатка; они идут по-братски, взявшись за руки. Пушкин забыл о торжественности момента, перчатки небрежно заткнуты за полы, он говорит вдохновенно, глаза горят, лицо прекрасно, жест правой руки выдает в нем пророка...

Они с нами рядом, мы видим их не в отдалении, не в полный рост. Проходят мимо. Художник приглашает зрителя остановиться, всмотреться, подумать, не пропустить, чтобы два гения европейской культуры не прошли мимо нас...

А в отдалении, на втором плане, по бульжной мостовой вышагивают николаевские гренадеры, в поле зрения вступили пока двое, но им несть конца, им навстречу спешит парочка обывателей или купцов, где-то стучит коляска. Поэтам не по пути с ними, а им не до поэтов.

Но ты, читатель, зритель, не пройди мимо гениев...

А там, на третьем плане, на мощном гранитном постаменте высится скульптурная громада: на вздыбленном коне тот, кто Россию поднял на дыбы. Красноватая гранитная глыба, что доставлена из Лажты по указанию нашедшего ее крестьянина Степана Вишнякова, и есть тот прочный фундамент, прочное основание, которое нужно в любом деле, в деле государственном, прежде всего...

Герасимов подступался к Петру и с мольбертом, делая наброски и этюды, и изучая пушкинского «Медного всадника». Попалось ему и «Письмо другу, жителюствующему в Тобольске» Александра Радищева, написанное на второй день после открытия памятника Петру I, которое состоялось 7 августа 1782 года. Прибывший в Россию в 1766 году французский скульптор Фальконе уже через два года выставил на всеобщее обозрение гипсовую модель, и только к 1777 году были закончены работы по отливке памятника.

Художника удивило случившееся: «Когда во время заливки меди металл прогнул форму и полился вон, Фальконе, в ужасе и отчаянии бросив все, убежал из мастерской», и только литейщик Хайлов совершил героический поступок — «отважно заделал брешь в форме и спас памятник».

Он с жадностью вчитывался в «Письмо» Радищева, отмечая про себя места: «О, Петр! Когда громкие дела твои возбуждали удивление и почтение к тебе, из тысячи удивившихся великости твоего духа и разума был ли хотя один, кто от чистоты сердца тебя возносил...»

А от чистоты ли сердца возносил своего кумира он, Герасимов, или отдавал дань своему официальному положению?

«Частный человек гораздо скорее может получить название великого..., но правителю народов мало для приобретения сего...»

«Он мертв, а мертвому льстити не можно!» — хорошо сказано, заключил художник.

Он не будет выписывать ни надписи по латыни, изобретенной Александром Сумароковым, ни «десницу простертую». «К своему народу», — как объясняла Екатерина.

— Десницу, простертую к своему народу, я дам пушкинскую, — решил художник, — а не монаршью. Это и будет моим толкованием назначения людей искусства...

Причудливые переливы осенних петербургских облаков занимают едва ли не полхолста, золото осенней листвы напоминает о вечном обновлении природы, о любимом времени года поэта — и все это так гармонирует с общим настроением, цветовой гаммой картины.

Но почему Герасимов, несомненно, оставшийся довольным этой картиной, не любил говорить о пушкинской теме своего творчества?

Видимо, потому, что говорить следовало бы все. И о неудачах тоже... А о неудачах говорить он не любил.

К сожалению, и исследователи творчества Герасимова не любят говорить о неудачах художника, а потому мало говорят и об удачах пушкинской тематики, все еще по старинке продолжая считать этикетные, церемониальные портреты Ворошилова чуть ли не высшими достижениями художника.

Какая чушь!

Клевета на художника.

Сей, как на поверку оказалось, бездарный полководец стремился приручить президента Академии художеств и сделать его карманным художником.

А художник — это талант. Загнанный в клетку истории, он недаром изобразил тебя, Климентий, правой рукой новоявленного Нерона, узурпатора и тирана, вместе вас, вышагивающих по набережной Москвы-реки с неестественно-чопорным вывертом ног...

Один из знатоков, прочитав это место, сказал: мол, есть мнение, что ноги-то как раз писал и не Герасимов. Вот те раз... Что же, еще одна загадка?

И все же пушкинское «ужо тебе...» и «волхвы не бояться могучих владык» ему родней, ближе, хотя и оказалось недостижимым...

ВСЕ ШЕСТЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Впрочем, одну иллюстрацию помнили — «Бал у Лариных». Она хранится ныне в Доме-музее в Мичуринске, исполнена на бумаге размером 46 x 65 акварелью и гуашью.

Когда Наталия Полякова со второго этажа принесла для меня эту картину, я глазам не поверил: то же да не то... Композиция идентична, но в книжной иллюстрации каблук гусарского сапога, начищенного до блеска, настолько ощутимо передает пушкинский стих «паркет трещал под каблуком», что нельзя было не заметить его отсутствия на оригинале.

Ва-ри-ант...

А это для искусствоведения что-то значит.

И вот я рассматриваю, по-своему читаю иллюстрации к «Онегину». Приведу полностью названия их, как они означены на странице 513 третьего тома Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в шести томах, вышедшего в 1949 — 50 гг. в московском издательстве «Художественная литература»:

Список иллюстраций.

Иллюстрации работы академика, народного художника СССР А.М. Герасимова «Евгений Онегин»

«Господский дом уединенный...» (Глава вторая, 1).

«Зима!.. Крестьянин торжествуя...» (Глава пятая, II).

«В огромной зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком...» (Глава пятая, XLII).

«...Младой певец Нашел безвременный конец!» (Глава шестая, XXXI).

«Там у ручья в тени густой Поставлен памятник простой» (Глава шестая, XL).

«Я вас люблю (к чему лукавить?)...» (Глава восьмая, XLVII).

Прежде всего, выскажу несколько общих замечаний.

Издатели тома Д.Д. Благой и С.М. Петров, а также редактор И.А. Сафронов и технический редактор Ж.А. Примак хорошо поняли стремление художника к точному следованию тексту романа, поместив вкладки с цветными иллюстрациями строго после тех страниц, где напечатаны строки, ставшие названиями картин, соответственно после страниц — 32, 86, 102, 116, 120 и 160.

Вероятно, издателям было мало имени А.С. Пушкина, им захотелось придать еще больший вес своему детищу, и имя художника они дают с его регалиями, что ныне не может не выглядеть некорректным по отношению к Пушкину. Будем считать это данью времени дремучего формализма, когда оценивались дела не по качеству, а по тому, какой пост занимал исполнитель. Хотелось бы думать, что инициатива шла не от художника, ибо основная его должность — «президента» — не указана.

Все шесть иллюстраций, хотя и неравнозначны, выполнены рукой большого мастера композиции, цвета, групповых образов, пейзажа. Надо полагать, А.М. Герасимов отдавал себе ясный отчет в том, что с Пушкинианой связаны имена великих мастеров кисти: В.М. Васнецова, Вл.А. Серова, И.И. Крамского, С.А. Коровина, П.А. Федотова, А.Н. Бенуа, К.П. Брюллова, В.А. Фаворского. Множество выдающихся художников обращались и к «Евгению Онегину»: В.Е. Маковский, М.П. Клодт, П.П. Соколов, К.А. Коровин, И.Е. Репин, М.В. Добужинский... Он, Герасимов, был их продолжателем и единомышленником, но и оппонентом тоже. Он должен сказать свое слово, а потому работал самозабвенно, ставил сложные задачи, которые стремился разрешить с присущими ему трудолюбием и работоспособностью.

Вульгарно-социологическое понимание Пушкина, характерное для литературоведения первой половины XX века, не могло не сказаться и на иллюстрациях Герасимова, стремившегося противопоставить зримо господскому дому крестьянскую развалюху. Сознательно ли, нет ли, но получился своеобразный диалог с Пушкиным. Помните: «Ах, лето красное, любил бы я тебя...» Герасимов же, похоже, любил лето красное, и потому два листа из шести дают летний пейзаж: «Господский дом уединенный...» и «Там у ручья в тени густой...». Эти листы менее других пушкинские и менее других удачны, первый особо подчеркивает социальное расслоение (дворец и хижина, хоромина и хата, как хотите), второй лист — дань недавно закончившейся войне — у могилы Ленского.

Наиболее же пушкинскими и наиболее удачными, на мой взгляд, оказались два листа: «В огромной зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком...» и «Младой певец Нашел безвременный конец!» (а короче, назовем «Бал у Лариных», как назван вариант иллюстрации, оригинал которой хранится в Доме-музее, и «Дуэль» — по нашей интерпретации).

А что сказать еще о двух иллюстрациях: «Зима!... Крестьянин торжествуя...» и «Я вас люблю (к чему лукавить?)...»? Первая из них не столько «пушкинская», сколько герасимовская, она вобрала в себя и полноту жизни, и представление о времени года, и стремление персонажа показать товар лицом, выйти в люди. Вторая содержит лишь попытку передать драматический кульминационный момент отношений теперь уже Татьяны Дмитриевны Лариной, светской дамы, и Евгения Онегина, теперь уже не «молодого повесы», психологического состояния героев. И все же, несмотря на несомненные удаchi этой иллюстрации, она отдает театрализованностью, она более иллюстрирует оперу, нежели роман в стихах, другими словами, представителю реализма социалистического не дался реализм пушкинский, высокий реализм XIX века...

Эти общие замечания подвели меня к проблемам изучения забытых иллюстраций А.М. Герасимова. Вот они:

- попытка первоначального прочтения; степень реализации замысла художника и насколько душа его оказалась «в сношеньях» с душой поэта;
- пути поисков оригиналов иллюстраций;
- последовательность исполнения художником иллюстраций.

Занятия этими проблемами — «всерьез и надолго», но если мы хотим, чтобы народная тропа не заросла к творчеству художника, то разрешать их надо, и при изучении «Евгения Онегина» в школе благодатный материал приблизит к юности и Пушкина, и изобразительное искусство, и край отеческий, коим гордиться не только можно, но и должно. Я же выскажу свои соображения на означенные проблемы.

Где искать оригиналы?

Во-первых, они не могли пропасть, навряд ли утрачены, потому что дороги художнику были даже самим фактом их тиражирования в юбилейном издании. Но если даже и утрачены, то по копиям изучение не невозможно.

Во-вторых, они не могли уйти далеко из поля зрения художника.

Поиски в архиве Государственного издательства художественной литературы в Москве также могут быть плодотворными.

Необходимо также снестись с архивами Д.Д. Благого, а скорее С.М. Петрова, земляка художника, где можно найти свидетельства о работе Герасимова над иллюстрациями, а может, и сами иллюстрации, исполненные рукой художника.

А, может, они у нас под руками, да мы не обращаем на них внимания, как, скажем, на третий том Полного собрания сочинений А.С. Пушкина. Ведь подумать только — двести тысяч экземпляров — и вывод: «серию... не удалось завершить»! Поистине — «мы ленивы и нелюбопытны».

**Владимир Андреев,
Нина Андреева**

АРТИСТ ИЗ ГОРОДА АНТОНОВСКИХ ЯБЛОК

(Почетный гражданин Мичуринска
Владимир Михайлович Зельдин)

Тамбовская земля сказочно богата своими талантами. Стоит только затронуть эту тему, как одно замечательное имя меняет другое, и трудно поставить точку в этих воспоминаниях и перечислениях. Но и при этом среди великих уроженцев Тамбовщины имя этого человека окружено особым почтением и восторгом. Речь идет о Владимире Михайловиче Зельдине.

О нем можно сказать просто — это актер невероятно счастливой судьбы.

Его роли в кино, начиная с пастуха Мусаиба («Свинарка и пастух», 1941) и до профессора Серебрякова («Дядя Ваня» по пьесе А.П. Чехова), старого бильярдиста Васи Резаного из фильма «Классик» или деда Николая Николаевича из телесериала «Сваты» (2011), безоговорочно принимаются зрителями разных поколений. Нет ни одной роли в родном для него академическом театре Российской Армии, которая не вызвала бы большого интереса. Его творческий путь длится почти 80 лет.

Первые пять лет жизни Володи Зельдина прошли в городе Козлове. Семья жила на улице Лебедянской (ныне Герасимова), недалеко от Боголюбского храма. В памяти В.М. Зельдина хранится образ милого провинциального городка, каким был тогда Козлов. В своей книге «Моя профессия — Дон-Кихот» артист пишет: «Я родился 10 февраля 1915 года в городе Козлове Тамбовской губернии. «Город антоновских яблок» — так его называли». И в другом месте той же главы с вкусным названием «Мое ароматное детство» вспоминает: «До сих пор я питаю неизъяснимую нежность к таким же маленьким русским городкам, каким был Козлов моего детства: одноэтажные деревянные домики с садами и заросшими палисадниками, гульки булыжные мостовые, тихие, почему-то всегда пустынные, навевающие печаль железнодорожные станции...»

Связи Владимира Михайловича Зельдина с городом Козловым глубоки. Прадед его — Попов, по родовой легенде, был козловским градоначальником. Дядя Пантелеймон с женой и детьми был расстрелян большевиками в 1918 году. В.М. Зельдин, как он вспоминает, участвовал в похоронах дяди.

Отец артиста — Михаил Евгеньевич Зельдин — натура художественная, с ярким общественным темпераментом, в Козлове служил капельмейстером 39-го Томского Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Людвига-Виктора пехот-

Владимир Михайлович Зельдин

ного полка. Как дирижер, организатор оркестров и хоров, один из создателей Козловского музыкального общества, основатель и первый руководитель Козловской народной консерватории (находилась в здании иконописной мастерской Юрьевых, позже — школа № 16), он оставил большой след в музыкальной жизни города. И нынешняя музыкальная школа № 1 является преемницей традиций, заложенных еще М.Е. Зельдиным.

Посчастливилось встречаться с прославленным артистом. Поначалу эти встречи были связаны с его юбилейными датами.

Вспоминается юбилейный вечер народного артиста СССР В.М. Зельдина, посвященный его 80-летию, в 1995 году. На сцене собрался весь цвет театра Российской Армии: народные артисты СССР Н.А. Сазонова, Л.И. Касаткина, Л.А. Чурсина в пышных балльных платьях, народные артисты России Н.И. Пастухов, Л.И. Голубкина, Ф.Я. Чеханков, артисты московских театров. С

экрана своего партнера приветствовала Марина Алексеевна Ладынина. Из зала выходили на сцену поздравлять В.М. Зельдина актриса М.В. Миронова (играла с юбиларом в фильме «Марица»), драматург Г.И. Горин (написал для юбиляра пьесу о бароне Мюнхаузене), руководитель театра «Сатирикон» К.А. Райкин, кутюрье Слава Зайцев... За кулисами удалось поздравить В.М. Зельдина с юбилеем, подарить ему библиографический указатель «Тамбовские даты-1995» и передать привет от его родного города Козлова-Мичуринска. На приветствия он воскликнул: «Помню! Люблю! Непременно приеду в мой родной город!»

Потом была встреча с Владимиром Михайловичем на его юбилее в феврале 2005 года. И снова весь цвет современного театра приветствовал его на сцене ЦАТРА: Олег Табаков, Алексей Баталов, Людмила Гурченко, директор Дома актера Маргарита Эскина, выдающаяся актриса Элина Быстрицкая, из молодых — Александр Домогаров. В конце торжества вместе с дочерью Валей мы вышли на сцену и от имени городского руководства и Мичуринского драматического театра вручили великому земляку приветственные адреса. Тяжеленный ящик мичуринских яблок (подарок наших садоводов) мы привезли в театр и оставили в кабинете зам. начальника театра. И снова артист сказал, что непременно приедет в родной Мичуринск с творческим отчетом.

Идея с приездом В.М. Зельдина в родные края неожиданно осуществилась в октябре 2008 года. Тогдашний начальник областного управления культуры С.А. Чеботарев (ныне вице-губернатор) пригласил В.М. Зельдина в Тамбов для участия в музыкальном фестивале «Костры горят далекие». 17 октября наш земляк выступал на сцене Тамбовского концертного зала, а 18 октября его ждал родной город.

В зале Мичуринского театра собралась труппа, работники театра, представители городской общественности. Владимир Михайлович много рассказывал о себе, своей работе в театре, отвечал на вопросы. С удовольствием фотографировался на память с артистами, горожанами. Большой интерес у актера вызвала поездка по родному городу.

В.М. Зельдин посетил в тот приезд Музей-усадьбу А. М. Герасимова и Музей-усадьбу И.В. Мичурина, поднялся по каменной лестнице в Боголюбский собор, где его встретил настоятель отец Анатолий Солопов и подарил ему образ Божьей Матери. «В этот собор я ходил с мамой», — вспоминал Владимир Михайлович. Он подал

записочки об упокоении своих близких, поставил свечи на канун. Прошел он и по улице своего детства.

Во время прогулки возник вопрос, где жили Зельдины в Козлове? Начальник городского управления культуры М.В. Белоусов сказал, что сотрудники краеведческого музея в «Адрес-календаре по Тамбовской губернии на 1914 год» нашли адрес М.Е. Зельдина: дом Кротова по улице Лебедянской. И почему-то предположил, что это и есть современный дом № 76.

На наш взгляд, это было неточно. Подлинный адрес Зельдиных в Козлове был другим. В книге «Моя профессия — Дон-Кихот» Владимир Михайлович вспоминает, что его семья жила в двухэтажном деревянном доме: «В Козлове после моего рождения родители прожили года три-четыре. В двухэтажном бревенчатом доме они снимали квартиру из трех комнат. Черный ход вел в большой палисадник с беседкой, где летом все вместе мы пили чай. Осенью (...) я подолгу стоял посреди сада, задрав голову, и смотрел, как желтые и красные листья, похожие на фантастических бабочек, бесшумным дождем устилали землю. До сих пор сердце шемит от этой захватывающей дух левитановской красоты, будто это было вчера...»

Итак, дом, где жили Зельдины, — двухэтажный, деревянный, с палисадником, куда вел черный ход. Жили они, стало быть, на первом этаже. А дом № 76 по ул. Герасимова — одноэтажный, кирпичный дом с мезонином. С двухэтажным бревенчатым дом его спутать сложно. Поэтому Владимир Михайлович в октябре 2008 года и не смог в этом доме признать дом своего детства.

Описывая в городских газетах («Мичуринская правда» и «Мичуринская мысль») приезд В.М. Зельдина в Мичуринск, один из авторов привел найденный в «Козловской газете» (№ 80 за 7 июля 1917 г.) адрес М.Е. Зельдина, который он давал для тех, кто хотел получить у него уроки обучения вокалу и игре на инструментах. Этот адрес: угол Лебедянской и Вознесенской, дом Попова. Этот дом стоял на углу — указание М.Е. Зельдина совершенно четкое, не допускающее разных толкований. И этот угол — наискосок от бывшей почтово-телеграфной конторы и через дорогу от угла монастырской ограды. А вовсе не дом № 76, стоящий посредине квартала. К сожалению, надо признать, что двухэтажный деревянный дом Попова, где жили Зельдины, не сохранился. На его месте стоит одноэтажный кирпичный домик, выкрашенный в розовый цвет. Этот домик был построен на углу Революционной и Лебедянской улиц в конце 1930-х годов для помощницы И.В. Мичурина, ученого-селекционера Александры Семеновны Тихоновой, когда Основной питомник превратился в музей, и ей, как и детям И.В. Мичурина — Николаю Ивановичу и Марии Ивановне — пришлось покинуть территорию музея-усадьбы.

Новая встреча с артистом состоялась в феврале 2010 года. Делегация из г. Мичуринска в составе заместителя главы города Т.А. Киреевой и В.Е. Андреева приветствовала В.М. Зельдина в день его 95-летия на сцене театра Российской Армии. В тот день был показан новый спектакль с участием юбиляра «Ганцы с учителем» — о силе великого классического искусства, о способности классики волновать сердца даже в прозаическое, меркантильное время. Наш земляк в тот вечер показал разные стороны своего романтического таланта, умение своей верой в искусство заразить молодых современников.

В феврале 2011 года посчастливилось побывать на спектакле «Давным-давно», где роль полководца Кутузова играл В.М. Зельдин. Тогда привезли подарок от родного города — наукоградскую корзинку с муссами и пюре из фруктов. После спектакля за кулисами был вручен великому артисту подарок. Он был растроган. Попросили Владимира Михайловича сфотографироваться с этим подарком. Он согласился. Стали искать, где лучше сделать снимки. За кулисами, как в любом театре, было неудобно, и артист предложил сделать его снимки в гостиной за кулисами: там большой круглый стол, много света, удобные диваны. А потом он пере-

думал: «А может быть, лучше в моей гримерке, где я обитаю более 60 лет?» Лучшего нельзя было и ожидать. Гримерка артиста — это и его рабочий кабинет, и архив, и музей. Все стены увешаны фотографиями, дипломами, грамотами. В углу висят бурка и лохматая папаха пастуха Мусаиба Гатуева из фильма «Свинарка и пастух». Владимир Михайлович попросил меня, чтобы на снимке было видно папаху и бурку.

Этот снимок Владимира Михайловича, сделанный в его гримерке, был опубликован в газете «Тамбовская жизнь» в марте 2011 года, в городском литературном альманахе.

В том же феврале 2011 года я обратился к Совету нашего педагогического института с письмом, в котором просил ходатайствовать перед руководством города о присвоении В.М. Зельдину звания «Почетный гражданин г. Мичуринска». Совет МГПИ и его ректор В.Н. Яценко живо откликнулись на мое обращение. Мне казалось, что присвоение В.М. Зельдину этого звания будет долгожданным актом внимания родного города к беспримерному трудовому и творческому подвигу великого артиста. И в конце июля 2011 года депутаты Мичуринского городского Совета присвоили В.М. Зельдину почетное звание.

В ноябре 2011 года мне удалось в театре «Модернь» посмотреть спектакль «Дядюшкин сон» с участием В.М. Зельдина. Зная, как прежде великие мастера сцены Э.П. Гарин и М.И. Прудкин создавали образ старого князя (подчеркивали и даже утрировали старость, изображали старого князя саркастически и гротескно), я ожидал и созданном В.М. Зельдиным образе увидеть близкую интерпретацию. Однако ничего подобного в зельдинской трактовке образа князя, попавшего в хитроумные сети, расставленные уездной львицей Москалевой, не было. Напротив, в спектакле выведен образ романтически приподнятый, одухотворенный. Это не сатира и не гротеск, а лирика, утверждение непреходящей ценности любви. Кто-то из критиков заметил, что перед нами в этом спектакле — постаревший Альдемаро. Потом актер вышел к зрителям, долго беседовал с ними. Приятно, что Владимир Михайлович уделил время и землякам из Мичуринска: Надежде Золотовой, ныне работающей в туристической фирме в Москве, и автору этих строк, сфотографировался с нами.

И Владимиру Михайловичу, и помощнику режиссера театра Российской Армии Лии Ашкерматовой (кстати, также уроженки Мичуринска) не давала покоя мысль об организации творческого вечера артиста на родной Тамбовской земле. Было несколько возможных дат его нового приезда на Тамбовщину, но загруженность актера своей работой не давала осуществиться этому замыслу.

Но все же с помощью заместителя директора института филологии Тамбовского госуниверситета С.В. Кончаковой (давней знакомой Л. Ашкерматовой), ректора ТГУ, профессора В.М. Юрьева и других энтузиастов творческие встречи В.М. Зельдина на Тамбовской земле были проведены. 13 марта 2012 года народный артист СССР вместе с женой, И.Е. Капраловой, друзьями — Сергеем и Светланой Шебеко — прибыли в Тамбов. Они были приняты губернатором О.И. Бетиним.

А 14 марта в зале учебного театра ТГУ состоялся большой творческий вечер Владимира Михайловича Зельдина, в котором приняла участие его партнерша по сцене народная артистка России Ольга Михайловна Богданова. Зрители увидели отрывки из фильмов с участием земляка («Свинарка и пастух», «Сказание о земле сибирской», «Дядя Ваня», «Классик»), услышали рассказы о нем. Но главное — всех захватили монологи, блестяще прочитанные Владимиром Михайловичем, его пение. Было трогательно до слез.

15 марта Почетный гражданин Мичуринска, народный артист СССР В.М. Зельдин побывал в родном городе. У въезда в город его встретили представители городской общественности. В этот раз он вновь прошел по заснеженной улице своего детства Лебедянской (ныне ул. Герасимова). Своими руками он ощупал фасад дома № 76 и

признался: «Не тот дом, парадного нет». И тем самым развеял выдумку о том, что Зельдины проживали именно здесь.

В переполненном красном зале кинотеатра «Октябрь» состоялась встреча горожан со своим земляком. Никогда еще церемония вручения документов Почетному гражданину не проходила при таком стечении народа. Глядя в зал, Владимир Михайлович сказал: «Дорогие моему сердцу земляки! У меня много наград, много званий, но звание Почетного гражданина родного города Мичуринска — самое дорогое для меня». В этот раз Владимир Михайлович читал свои монологи из спектакля «Танцы с учителем», монолог «Не успею», написанный М. Жванецким, свои любимые стихи. Ему было приятно, что в зале находились артисты Мичуринского театра, его корифеи и молодежь. После встречи он неоднократно заводил речь о том, что надо приехать по весне, когда все цветет, приехать непременно с творческой программой.

Уже после того, как В.М. Зельдин уехал в Москву, в Тамбовском областном архиве случилось радостное событие. Несколько лет сотрудники архива были заняты поисками документов семьи знатного артиста. Бережно собираются газеты, фотоснимки для фонда В.М. Зельдина и его семьи. И вот при разборе бумаг Козловского коммерческого училища главный архивист ГАТО Л.А. Ковылина нашла дело Георгия Михайловича Зельдина и поспешила порадовать своих коллег удивительной находкой. В этой папке немного документов, но они проливают свет на многие обстоятельства жизни этой замечательной семьи.

Прежде всего, здесь отражаются перемещения Зельдиных по просторам России. Из книги Владимира Михайловича мы знаем, что его отец гастролировал по разным городам России (Моршанск, Самара, Торжок, Саратов, Симбирск, Нижний Новгород), в первые годы XX века основал хор в с. Языково Симбирской губернии.

Теперь мы знаем, где был зарегистрирован Михаил Евгеньевич Зельдин, в каком он был состоянии, где родился его старший сын и брат артиста. Георгий (по-домашнему — Юра) родился 17, крещен 29 апреля 1908 года. Выписка из метрической книги свидетельствовала, что крещение младенца Георгия состоялось в Харькове в церкви Архангела Михаила. О родителях в документе сказано: «Московской губернии из мещан Сергиева Посада запасный унтер-офицер Михаил Евгениев сын Зельдин и законная жена его Анна Николаева дочь, оба православные». Восприемниками при крещении были хорунжий 1-го Оренбургского казачьего полка Михаил Константинов сын Николаев и жена командира 1-го Оренбургского казачьего полка Екатерина Игнатьева дочь Николаева». Таинство крещения совершили священник Петр Скубачевский и псаломщик диакон Василий Сергеев.

Лист 2 этого архивного дела представляет собой бланк прошения на имя председателя попечительского совета Козловского коммерческого училища от 15 мая 1916 года, заполненный рукой Анны Николаевны Зельдиной, как она о себе пишет, «от жены капельмейстера 39-го Пехотного Томского полка». Мать просит допустить сына к приемным экзаменам, сообщает необходимые сведения о нем (почему-то ошибается в годе рождения: вместо 1908 г. указала 1909 г.), прилагающиеся к прошению документы. Место жительства Анна Николаевна Зельдина указывает так: «г. Козлов, Лебедянская ул., дом Попова, кв. Зельдина».

Архивная находка свидетельствует: Зельдины в 1916 году жили в доме Попова на ул. Лебедянской. Адрес М.Е. Зельдина, указанный им в «Козловской газете» за 7 июля 1917 г., — угол Лебедянской и Вознесенской, дом Попова. Теперь можно уверенно говорить, что в этом доме семья Зельдиных жила вплоть до своего отъезда из Козлова зимой 1919-1920 годов. Именно его запомнил и описал в своих воспоминаниях Владимир Михайлович Зельдин.

Артист не забывает свою малую родину. Начало августа 2013 года теперь войдет в историю тамбовской и российской культуры как потрясающее событие — состоялся Первый фестиваль русских хоров «Песни над Цной», в котором принял участие и

Почетный гражданин Мичуринска, народный артист СССР Владимир Михайлович Зельдин.

Песенный марафон продолжался 6 часов. В нем участвовали хоровые коллективы всех городов и районов области, детские и ветеранские хоры, казахи и фольклорные ансамбли, в том числе «Станица» из Мичуринска, «Тальяночка» из Тамбова. Продемонстрировали свое мастерство коллективы из Воронежа, Курска, Белгорода. Яркие краски фестивалю добавили выступления народной артистки России Екатерины Шавриной, несравненного ансамбля «Ивушка», солиста Тамбовской филармонии Вячеслава Голощапова, солиста Московского военного оркестра Андрея Воробьева, самого юного тамбовского певца Антона Одинцова.

Кульминацией песенного марафона стало выступление Владимира Михайловича Зельдина. Многотысячный зал взревел от восторга, когда увидел мэтра. Артист обратился к зрителям и слушателям со словами сердечного приветия и спел «Песню о Москве», которая уже на протяжении 70 лет является песней-хитом, ту песню, которую его персонаж — пастух Мусаиб — пел дорогой его сердцу свинарке Глаше:

И в какой стороне я не буду,
По какой не пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве...

А в заключение Владимир Зельдин, все хоры и оркестры, участники фестиваля спели «Песню о Родине». И так же, как и «Песню о Москве», вместе с артистами и музыкантами ее пел весь огромный, разместившийся под ясным ночным тамбовским небом необычный концертный зал.

А через день уже в родном городе, где 98 лет назад, еще при царе Николае II, родился великий артист, в зале Мичуринского драматического театра состоялся его творческий вечер. Поддержать своего партнера по сцене из Москвы приехала народная артистка России Ольга Богданова.

В Мичуринск артист приехал с женой Иветтой Евгеньевной, со своими друзьями Сергеем и Светланой Шебеко. Была здесь и помощник режиссера театра Российской Армии Лия Ашкерматова, давняя соратница Владимира Михайловича. Входя в театр, великий артист не смог скрыть своего восхищения прекрасным театральным зданием, построенным век назад. А державшая Зельдина под руку Богданова, увидевшая Мичуринский театр впервые, воскликнула: «Хочу здесь поработать!» Зельдин ответил: «Я и так в двух театрах работаю, я не железный!..»

Иветта Евгеньевна умело управляла процессом подготовки творческого вечера, отлаживая звуковое и световое сопровождение, а мэтр в течение часа репетировал ключевые моменты программы на незнакомой для него сцене.

Мичуринский зритель воспринял приезд мэтра как Божий дар. И когда говорят, что в зале курочке негде было клонуть, это как раз о зрителях, заполнивших два яруса Мичуринского театра. Даже из Тамбова приехали «газели» и легковушки с поклонниками артиста.

В этот вечер мэтр был ярок, искрометен, по-особому искренен. Уже первые его слова были посвящены роли культуры в жизни человека. Мы знаем, что на встречах с руководством страны В.М. Зельдин говорил начистоту о многих проблемах в культуре и искусстве. И здесь люди увидели, что перед нами не только великий артист, но и гражданин России. А его слова о том, что только культура спасет Россию от коррупции, зал встретил аплодисментами.

Вечер был выстроен как своеобразное путешествие по творческой биографии Мастера. Он вспоминал свои первые шаги на сцене, первые успехи, поколение фронтовиков, мастеров театра и экрана, которых знал лично, с кем дружил, свое участие во фронтовых бригадах, в интересных театральных спектаклях.

Народная артистка России Ольга Богданова весело рассказывала о том, что жизнь театра Российской Армии проходит от одного юбилея Зельдина до другого: от 80-летия к 85-летию, далее к 90-летию и 95-летию. И каждый раз его юбилей обозначен новой яркой ролью, новым спектаклем, на который валом валит зритель. Так было в 2000 году с «Ханумой», в 2005-м с «Человеком из Ламанчи». Так стало в 2010-м со спектаклем «Танцы с учителем» — спектаклем, отразившим разные моменты из творческой жизни великого артиста, созданным в театре режиссером Ю. Гусманом и знаменитым артистом балета В. Васильевым.

Владимир Зельдин вспоминал многих, с кем работал: режиссера Ивана Пырьева, актрису Марину Ладынину, драматурга Григория Горина, написавшего для него пьесу о Мюнхгаузене, актрису Марию Миронову. Ольга Богданова читала эпиграммы Валентина Гафта, посвященные артисту.

Был пройден путь большой и яркий,
«Учитель танца» что? Бог с ним.
Он так любил свою «Свинарку»,
Как дай ей Бог любимой быть другим.

Или другую, написанную к 80-летию артиста:

Рождаться каждый день умеет он на свет,
То шут, то ангел на волшебной тризне.
В нем все есть, только возраста в нем нет,
Как не бывает возраста у жизни.

В справедливости этих слов убедились все, кто был на вечере. Возраст актера не ощущался зрителями. Да и сам он несколько раз подчеркивал, что возраст — понятие относительное. Хотя близкие к актеру люди в этот вечер слышали его слова о недомогании. Но на сцене он преображался, пел, танцевал. И работал для зрителей два с половиной часа с полной отдачей, честно, доставив своим землякам несравненное удовольствие.

Несколько лет назад В.Е. Андреев написал посвящение нашему земляку:

Да где ж художника найти еще такого?
Сверкает дар, как музыка Россини.
Дитя провинциального Козлова,
Вы гордость и величие России.

Прошедшие годы подтвердили, что талант Владимира Михайловича Зельдина по-прежнему сверкает, радует новых и новых почитателей своими незабываемыми интонациями и красками.

КАЧАЛОВ В КОЗЛОВЕ

Козловский зритель начала XX века имел немало поводов прийти в восторг при виде игры на сцене Козловского театра таких ярких артистов, как Г.Н. Федотова, В.М. Далматов, Мамонт Дальский, О.О. Садовская, братья Роберт и Рафаил Адельгейм, но впереди их ждало еще более художественное зрелище.

28 марта 1914 года в Козлов приехал великий русский актер Василий Иванович Качалов.

«Козловская газета» за несколько дней до приезда Качалова на первой полосе сообщила своим читателям: «В пятницу 28 марта 1914 года одна гастроль премьеры Московского Художественного театра Василия Ивановича Качалова. При участии артистов Императорского Московского Малого театра Н.А. Смирновой, В.А. Полонского и С.И. Ланского; артистов театра Корша: О.Г. Гладковой, Н.Н. Горич, артистов Н.Н. Волковой и Н.И. Сергеева.

Представлено будет: пьеса репертуара Московского Художественного театра. Драма в 4 д. У ЦАРСКИХ ВРАТ Кнута Гамсуна, пер. Саблина.

Исполнят роли:

Карено — В.И. Качалов,

Фру Карено — Н.А. Смирнова.

Начало спектакля в 8 1/2 ч. вечера. Ответственный распорядитель артист Императорских театров С.И. Ланской. Администратор Н.И. Сергеев».

...Так вот когда появился единственный раз великий Качалов на сцене Козловского театра! И вовсе не в чеховском спектакле «Дядя Ваня» он выступил, как об этом долгое время писали в городских газетах и справочной литературе о театре и городе...

Далее «Козловская газета» 28 марта 1914 года в заметке «Гастроль Качалова» сообщила о приезде великого артиста: «Сегодняшний спектакль по составу труппы должен иметь большой интерес. Кроме такой крупной величины, как В.И. Качалов, в нем принимает участие известная уже нашей публике артистка Московского Малого театра Н.А. Смирнова, игравшая на нашей сцене в комедии Островского «Последняя жертва» роль Тугиной. Своей высокохудожественной игрой Н.А. на нашу публику произвела тогда сильное впечатление. Из других, знакомых нашей публике артистов, принимает участие Н.Н. Горич».

Не обошлось без скандала. При продаже билетов козловские организаторы решили немного «наварить» на столичных знаменитостях, и кассиры намеренно поставили на билеты более высокую цену, чем это было оговорено с руководством труппы. Поэтому москвичи немедленно исправили ситуацию. В том же номере «Козловской газеты» на первой странице появилась заметка «Вниманию публики», в которой говорилось: «Дирекция просит лиц, купивших билеты, обменять их в кассе театра на билеты за печатью С.И. Ланского. Ошибочно в афишах назначена цена лож. Действительная стоимость лож 11 руб. Лиц, заплативших за ложи 14 руб., просят получить в кассе разницу обратно. Ученический билет 75 коп.»

Приезд В.И. Качалова стал крупным событием в культурной жизни города. Игрой артистов такого высокого уровня городской зритель избалован не был. Более того, одним из условий приезда и выступления Качалова в Козлове было предложение как можно более широко допустить в театр на спектакль с его участием учащуюся молодежь и интеллигенцию.

Отчет о спектакле «Праздник интеллигенции» был написан постоянным автором «Козловской газеты», скрывавшимся за буквами «Н. Р.», и опубликован в номере от 4 апреля 1914 года. Впечатления от спектакля были так волнующи, что автор отчета, обычно довольно сдержанный в проявлении чувств, здесь не удержался от восторженных слов, старался передать свой эмоциональный подъем. Рецензент без труда определил место этого спектакля в культурной жизни города. Это как раз тот самый случай, когда спектакль был больше, чем просто представление: «Спектакль с участием Качалова для козловской интеллигенции был высокаторжественным праздником. Это был поистине праздник подлинно мыслящей, трудящейся интеллигенции...»

Рецензенту сразу же бросилось отличие этого спектакля от других виденных им на сцене театра Товарищества Разумных Развлечений. Это отличие — внешний вид зрителей, который создал непривычную для театрального зала атмосферу. Едкими ироничными словами он обрисовал обычную для театра публику: «Этот спектакль нельзя назвать даже парадным спектаклем. Парадный спектакль представляет собой выставку роскоши, богатых туалетов. Сиротливо выглядели ложи, эти самые удобные приспособления для демонстрации экспонатов роскоши. Пустовали первые ряды лож, с которых демонстрируются лучшие экземпляры выхоленных и оголенных плечей, грудей, спин; демонстрируется искусство пользоваться косметикой; демонстрируются безумно роскошные туалеты, бриллианты, фантастические, сооруженные из

волос с чужой головы прически. Пустовали вторые ряды, где всегда восседают экспоненты — «владельцы» с такой любовью приготовленных для выставки экспонатов. Отсутствовали на барьерах лож бонбоньерки — неизбежный аксессуар экспонатов роскоши, как на выставке птицеводства кормушки с просом. В партере полное отсутствие шуршащих шелком представительниц «бомонда», фрачников...».

Заполнившая театр публика была другой: «Галерея почти наполовину занята представителями педагогического мира обоего пола. Первые три-четыре ряда партера сплошь заняты учащейся молодежью. Теперь они хозяева положения: их, как на парадных спектаклях, наподобие стада баранов, не гонят с места на место, не загоняют куда-то в проходы за ложи. Они пришли в театр учиться красоте и правде. Сегодня они без помехи могут удовлетворить свои лучшие потребности души...».

Во время спектакля рецензент внимательно наблюдал за восприятием сценического действия учащимися козловских училищ, и их поглощенность игрой великого артиста, всего актерского ансамбля весьма порадовала журналиста: «Самыми внимательными зрителями были учащиеся. С упоением смотрели и слушали игру первого актера первого театра. Сливались душой и телом с тем, что происходит на сцене. Никто, кажется, так не воспринимал тонкую, продуманную игру В. И., как их чуткие, чистые души. Настоящий спектакль заложил в их души первый камень под фундамент, на котором будут зиждаться «Божественная красота и высшая правда». Да и самого великого актера рецензент увидел в роли педагога-воспитателя, положившего первый камень в фундамент «здания светлого, чистого, волшебной красоты».

Мы совершили маленькое путешествие в историю Мичуринского драматического театра, который вот уже более ста лет волнует зрителя, пробуждает чувства добрые, приобщает новые и новые поколения горожан к пленительному чуду театра. Театр, овеянный мифами, легендами, преданиями, имеющий свою богатую бурную историю, — прекрасен.

Василий Иванович Качалов

НЕ ПОПРОШАЙКА И НЕ СИРОТА

(Строительство театра в Козлове в 1912-1913 годах)

В начале XX века в российской провинции создаются Товарищества Разумных Развлечений. Подобное «Товарищество» было основано и в городе Козлове. В 1909 году по неосторожности сгорел театр Злобиных-Полянских, и город остался без уже привычного постоянного театра. Смириться с подобной ситуацией горожане не могли, и в 1912 году общественность Козлова решила театр восстановить.

Городское «Общество Разумных Развлечений» в своих планах решило построить ипподром и театр. Участники общества (заведующий городским училищем Н.А. Воронов, братья Н.П. и В.П. Калмыковы, сыновья владельца мельницы

П.И. Калмыкова, инженер М.В. Демин, купец М.А. Ильин) собрали деньги и ездили по центральной России в поисках подходящего архитектурного проекта.

В его основу были положены проекты театров в Саратове, Ивано-Вознесенске, в Орехово-Зуеве. Здание Мичуринского театра — единственное на территории Тамбовской области строение, изначально предназначенное для творческой деятельности. Оно обладает архитектурными и акустическими достоинствами, внесено в Свод памятников истории и культуры России по Тамбовской области.

Городские журналисты задолго до строительства начали следить за ходом подготовительных работ. Вот что можно прочитать в их заметках.

Газета «Козловская жизнь» от 4 ноября 1912 года в безымянной заметке сообщала: «Нам удалось видеть план театра, который начнут строить с весны. По плану театр должен быть трехъярусным. Зрительный зал его в два раза обширней театра Полянских.

В партере 10 рядов мест по 32 стула в каждом; с боков партера идут ложи; сзади партера около 10 рядов расположены амфитеатром. Много простору будет в кулуарах: кроме обширных вестибюля и фойе, вокруг яруса идут обширные коридоры.

Фасад театра по своей архитектуре представляет собой для Козлова необычайной красоты здание.

На постройку театра пайщиками собран капитал в 60 т.р., и договор между ними уже подписан».

Заметим, уже в ноябре 1912 года проект театра существовал и был доступен для изучения.

Из заметки «Вести о драматическом театре» в той же «Козловской жизни» от 2 декабря 1912 года узнаем механизм формирования проекта постройки театра: «Комиссия акционерного товарищества по постройке драматического театра в Козлове выехала вчера в Саратов для детального обзора саратовского городского театра, так как план Козловского театра проектируется по Саратовскому. Цель поездки комиссии — выяснить все удобства и неудобства театра, служащего им прототипом. Вместимость Козловского театра проектируется на 1 1/2 тысячи человек, что дает возможность сделать его общедоступным.

Построен театр будет на Гоголевской ул., против «Художественного электротетра», на месте, купленном «Товариществом» у Д.А. Полянского».

Через несколько дней 6 декабря 1912 года «Козловская жизнь» сообщала о возвращении этой комиссии из Саратова: «Образцом для своего театра комиссия взяла один театр, недавно выстроенный из железобетона. Вследствие этого прежний фасад проектируемого театра будет изменен, внутренний план остается прежний. Стены из железобетона много тоньше стен из кирпича. За счет уменьшения толщины стен площадь внутри театра значительно увеличится. По плану, вестибюль, фойе и зрительный зал должны быть роскошно отделаны».

К сожалению, здание Саратовского театра, о котором говорится в заметке, не сохранилось. Но есть старая тоненькая книжечка-буклет о том саратовском театре, который могли видеть козловские «учредители», там есть и фотографии, на которых можно узнать *сходство верхних окон...*

Было еще одно здание, которое пайщики «Разумных Развлечений» осматривали перед тем, как спланировать возведение Козловского театра. Речь идет о здании зимнего театра в подмосковном городе Орехово-Зуево, которое построили наследники известного фабриканта и мецената С. Т. Морозова. Изображение его можно найти в книге «Город на Клязьме»: Книга о славных революционных, боевых и трудовых традициях трудящихся Орехово-Зуева (М., 1977). На странице 59 помещено фото Зимнего театра, на котором можно увидеть такие же, как в Козлове, узкие окна второго этажа по краям здания и сферические фризы над ними.

Скорее всего, были и другие проекты, которые изучались пайщиками «Товарищества», прежде чем начать строительство театра в Козлове.

26 марта 1913 года Козловская городская управа выдала «Товариществу» Удостоверение № 1408 следующего содержания: «Согласно постановлению Козловской городской Думы, состоявшегося 20 сего марта, выдано это удостоверение из Козловской Городской Управы «Товариществу Разумных Развлечений» в городе Козлове для предоставления в Строительное отделение Тамбовского губернского правления в том, что к постройке названным «Товариществом» в городе Козлове, 2-й части, в 14 квартале, по Гоголевской улице, театра, со стороны Городского Управления препятствий не имеется, но с тем, чтобы за разрешением по сему «Товарищество» обратилось к надлежащей губернской власти».

Член «Товарищества» Н.П. Калмыков обратился от имени своих единомышленников в Губернское правление со следующим заявлением: «Представляя при сем проект театра, предлагаемого к постройке Товариществом в г. Козлове на Гоголевской улице, имеем честь просить Строительное Отделение настоящий проект утвердить и выслать нам по адресу: Козлов, Константину Макаровичу Ильину.

Удостоверение от Городской Управы будет представлено 22 марта. Уполномоченные Товарищества Константин Макарович Ильин, Николай Петрович Калмыков.

При утверждении проекта покорнейше просим принять во внимание, что при исполнении постройки некоторые части последней Товарищество может сразу не выполнить, оставляя за собой право произвести при потребности в будущем. Гербовых марок на сумму 34 рубля при сем прилагаю.

Член Товарищества Н. Калмыков Мая 10 1913».

11 мая 1913 года вопрос о строительстве театра рассматривался на заседании присутствия Тамбовского губернского правления. С прошением обратились уполномоченные «Товарищества Разумных Развлечений» Константин Макарович Ильин и Николай Петрович Калмыков. Был представлен проект театра с пояснительной запиской, а также удостоверение Козловского городского полицейского управления от 29 апреля 1913 г. за № 101 и удостоверение козловской городской управы от 26 марта 1913 г. за № 1408, в которых утверждалось отсутствие препятствий к постройке каменного театра на ул. Гоголевской. Важный пункт документа: «Проект предлагаемого к постройке театра в Техническо-Совещательном Присутствии рассмотрен и

Здание театра в г. Мичуринске

одобрен». И вывод: «ПРИКАЗАЛИ: рассмотрев сказанное ходатайство, Губернское правление определяет: устройство каменного театра в г. Козлове на улице Гоголевской Товариществу Разумных Развлечений разрешить, о чем дать знать Козловскому полицмейстеру с посылкой утвержденного проекта для выдачи по принадлежности, поручив ему об окончании постройки театра донести Правлению на предмет освидетельствования его Комиссиею».

15 мая 1913 года утвержденный в губернском правлении план постройки театра был получен уполномоченным Товарищества Разумных Развлечений Н.П. Калмыковым.

Весна и лето прошли на строительстве театра в бешеном ритме, какого потом долгие десятилетия не знавал козловский и мичуринский обыватель. По темпам возведения и ответственности учредителей и строителей за свое дело строительство театра не может сравниться ни с чем.

Вот как об этом писала губернская пресса в те дни: «Постройка здания театра «Товарищества Разумных Развлечений» подвигается к концу. Снятые с переднего фасада леса позволяют уже судить о красоте здания, являющегося, безусловно, лучшим в городе. Внутренняя отделка театра производится также ускоренным темпом. Можно надеяться, что в конце октября театр будет открыт» («Тамбовский край» от 8 сентября 1913 года). Но ни в сентябре, ни в октябре театр еще не был готов к приему первых зрителей.

В начале ноября 1913 года та же газета писала: «Здание театра «Товарищества Разумных Развлечений» почти окончено. Спешно заканчивается внутренняя отделка и обемблировка театра. Работы производятся день и ночь. Есть надежда, что театр откроется до праздников Рождества. Открытие предполагается весьма торжественное. Ожидаются представители столичного театрального мира («Тамбовский край» от 8 ноября 1913 года).

12 декабря 1913 года готовое здание театра было осмотрено комиссией, после чего был составлен заключительный Акт. В нем говорилось: «По осмотру оказалось, что театр выстроен согласно проекту, утвержденному по журнальному постановлению Строительного отделения от 14 мая 1913 года за № 163 за исключением запасных выходов из партера зрительного зала, где вместо предполагаемых трех с каждой стороны сделано по две двери, ввиду сокращения на 5 аршин длины зала и устройства в бельэтаже аппаратной будки для кинематографа, которая на проекте не значится, но устроена согласно требованиям Техническо-строительного Комитета Министрства Внутренних Дел.»

Вывод Акта гласил: «Ввиду вышеизложенного Комиссия с технической стороны к открытию театра препятствий не встречает, о чем и составлен настоящий Акт».

Акт о приемке здания театра в эксплуатацию был подписан тамбовским губернским архитектором Ф. Чеботаревским, главным механиком Тамбовского промышленно-технического округа, исполняющим должность козловского городского архитектора Н. Александровым, а также козловским полицмейстером.

7 декабря 1913 года другой пайщик строительства театра — городской голова В.П. Калмыков — обратился с прошением об утверждении плана электроосвещения здания театра. Схему электроосвещения театра выполнил еще один пайщик — электромеханик М.В. Демин. По-видимому, ему же принадлежит и пояснительная записка на трех листах, из которой мы узнаем разные подробности устройства театрального здания. Интересно, что дерево не было использовано при строительстве театра ни как изолятор, ни как конструктивная часть. Для освещения сцены над нею были укреплены пять софитов по 40 ламп. Электрические щиты располагались в особых каменных будках — в подвале под сценой, в коридоре, в шкафе, недоступном для публики, а также в подвальном этаже, в ресторане. Провода «Гупер» были проложены в бергманских трубах и в фарфоровых трубах.

Судя по поставленному в углу штампу Технического отделения Управления Тамбовского почтово-телеграфного округа, схема электроосвещения была признана правильной.

13 декабря 1913 года члены Товарищества Н.П. Калмыков и М.В. Демин запросили в строительном отделении копию акта осмотра здания театра. Сбоку на тексте прошения имеется отметка: «Копия выдана и прогоны получены 16.XII.1913».

За несколько дней до открытия нового здания театра газета «Тамбовский край» от 12 декабря 1913 года поместила заметку Н.А. Федорова «Среди козловских обывателей», в которой выразилось осознание того противоречия, которое складывалось в Козлове с открытием своего театра. С одной стороны, высокое искусство, большие мастера. С другой стороны, необразованный или полуобразованный зритель, жажда грубых зрелищ, интерес к синемаатографу.

Автор писал: «17 декабря открытие козловского театра. Будет поставлен «Дядя Ваня» с лучшими исполнителями этой пьесы Московского Художественного театра. В последующие дни, на праздниках, будут гастроли московской оперетты и... синемаатографические сеансы».

В этом месте своей заметки автор задавался такими вопросами и озабочивал себя такими сомнениями, которые, к сожалению, до сих пор не разрешились в удовлетворительном для культуры направлении. Послушаем голос из 1913 года: «Неужели новый театр будет переполняться только тогда, когда в нем будут ставиться «сильнодраматические» синемаатографические картины бр. Пате, которые «все видят и все знают», или — «верх комизма» с участием Макса Линдера?!

Неужели строителям театра, затратившим на это дело огромную сумму денег, придется пожалеть, что они не выстроили для синемаатографа только дешевого сарая?!»

Гордостью и печалью веет от слов автора этой заметки, когда он размышляет о будущей судьбе театра в провинциальном городе — о неразрешимой проблеме противоборства культуры и хаоса, о новой символике старого Козлова с появлением здания театра: «И с тревогой смотрю я всякий раз на гордо возвышающееся теперь в Козлове дивное здание театра «Товарищества Разумных Развлечений».

В «Театральной газете» № 11 за 1913 год журналист Абский писал: «...являясь копией с театра в Орехово-Зуеве, наш храм Мельпомены рассчитан на 1200 зрителей, откроет свои двери для изголодавшегося обывателя 17 декабря. Театр заарендован Товариществом, в которое вошел сотрудник МХТ г. Воронов (местный уроженец)¹, стоящий во главе художественной стороны дела».

Еще не был точно известен премьерный спектакль, поэтому журналист сообщал, что здание будет открыто постановкой «Вишневого сада». Но главные размышления Абского обращены к будущему: как будет работать в Козлове театр?.. Прислушаемся, очень много знакомых ноток в суждениях почти вековой давности: «На праздниках будет подвизаться опереточная труппа: остальное же время, за исключением гастрольных спектаклей, концертов и прочего, будет отдано под кинематограф. Жаль, если театр не будет сдан под постоянную драму. Если дело ограничится лишь случайными постановками, да еще в исполнении местных любителей, то напрасно предприниматели прикрылись названием Т.Р.Р.».

Сегодня, когда в нашем театре работает постоянная труппа, мастера и молодежь находятся в энергичном творческом поиске и театру даже в страшном сне не приснится, что спектакли могут быть случайными на фоне постоянной работы в его зале

¹С.Н. Воронов — сын Н.А. Воронова, одного из инициаторов организации театра в Козлове и в 1897-м, и в 1912 годах. Поступил на учебу в МХТ, затем служил в этом же театре, в 30-е годы работал режиссером в Воронежском областном театре, где поставил ряд интересных спектаклей.

киноэкрана — так ли уж беспочвенны давние прогнозы журналиста? Ту страшную возможность всегда надо иметь в виду и прикладывать силы, чтобы призрак не стал реальностью.

Об открытии театра и первом спектакле Абский сообщил в № 13 «Театральной газеты» за 1913 год. «Торжественно открыт театр тов-ва Разумных Развлечений, в которое вошли крупные козловские капиталисты. Здание обошлось в 150 тысяч рублей. Во главе художественной стороны дела — один из артистов Художественного театра. Для первого спектакля прошел «Дядя Ваня» А.П. Чехова с участием артистов Художественного театра Массалитинова и артистов «Студии Художественного театра».

Артист МХТ Сергей Николаевич Воронов² осуществлял связь московского театра с козловским и сумел договориться с настоящим мастером сцены Николаем Осиповичем Массалитиновым, артистами МХТ П.А. Павловым, Н.Н. Горичем и артисткой первой студии Художественного театра В.В. Соловьевой. Они влились в творческий состав спектакля «Дядя Ваня», который был показан горожанам в день открытия театра. Запомним эти имена.

Так, со спектакля «Дядя Ваня» по знаменитой пьесе А.П. Чехова для козловского (мичуринаского) зрителя открылись новые возможности приобщения к мировой и отечественной драматургии.

В Козлове не было таких поместительных помещений, как зал Дворянского собрания в Тамбове, в советское время приспособленный под театр. Поэтому надо низко поклониться членам Товарищества за то, что они на свои деньги решили продолжить в Козлове давнюю театральную традицию. Они помнили, что театр — это не только здание, но и понимали, что без своего дома театр — вечный попрошайка и сирота и может рассчитывать только на милостьню. А со своим помещением — он всегда в выигрыше. Вот как дальновидно поступили наши предки!

Прошел XX век, и стало ясно: ни в Тамбове, ни в Моршанске, ни в Кирсанове, не говоря уже о других тамбовских городах, нигде нет специального театрального здания. А вот в Козлове-Мичуринске уже 100 лет театр украшает город.

ТАМБОВСКИЕ УСАДЬБЫ ГЕРОЕВ ВОЙНЫ

На Тамбовской земле находится немало старинных усадеб. До наших дней они доносят память о прошлом и, несомненно, олицетворяют славные страницы нашей истории, героические подвиги их владельцев. К примеру, сохранились усадьбы активных участников Отечественной войны 1812 года: М.А. Фонвизина (Ивановское, ныне Фонвизино), А.С. Кайсарова (Малый Ломовис), М.Л. Трескина (Трескино), А.И. Загряжского (Знаменка), А.В. Воейкова (Ольшанка)... К сожалению, время не пощадило большинство таких мемориальных усадеб. В лучшем случае из усадебных комплексов сохранились фрагменты.

Но забвение не всевластно. Ведь история продолжается и в днях нынешних. В 2002 году установлен Памятный крест на месте захоронения героя давней войны Н.И. Кривцова в с. Любичи. Через десять лет, в 2012 году, возведен Крест с мемориальной доской на месте могилы А.И. Загряжского в р.п. Знаменка. Статьи о А.В. Воейкове, князе Н.Б. Голицыне, Н.И. Кривцове вошли в справочные издания, в «Тамбов-

² Его образом Смердякова в спектакле «Братья Карамазовы» восхищался один из основателей театра — В.И. Немирович-Данченко.

скую энциклопедию», энциклопедию «Отечественная война 1812 г.», в краеведческие издания Тамбова, Орла, Воронежа, интернет-издания.

Среди тамбовских героев Отечественной войны 1812 года выделяется своей воинской храбростью и литературной одаренностью Алексей Васильевич Воейков (1778—1825). Он происходил из старинного дворянского рода. На лето его родители выезжали в тамбовскую усадьбу в с. Рассказово Тамбовского уезда. А.В. Воейков служил в армии с 1797 года, был участником швейцарского похода с А.В. Суворовым в 1799 году. В шведской кампании 1808-1809 годов он служил флигель-адъютантом Александра I, потом генерала М.Б. Баркляя де Толли.

А.В. Воейков — участник всех главных сражений Отечественной войны 1812 года: под селом Красным, при Смоленске, Шевардино, в Бородинской битве, позже участвовал в сражениях при Тарутино, Малоярославцем, снова под Красным. Сохранились его письма военных лет к жене — Вере Николаевне (урожденной Львовой, 1792—1873). Вот одно из них, раскрывающее нежную душу боевого генерала: «Спешу тебя, мой сердечный друг, милая Веринька, уведомить, что твой Леша после вчерашнего сражения здоров. Ты получишь мои письма по почте из Смоленска...» А далее, после того, что признался: писать нет духу после страшных картин увиденного горя, вдрут следует такая лирическая концовка: «Каждый день ввечеру, в восемь часов, смотри, душа моя, на луну, и я смотреть стану. Взоры наши, таким образом, встретятся...». Письма эти приводит в своей книге их праправнук, хранитель уже другого поленовского гнезда «Борок» (Поленово), морской офицер и замечательный музейщик Ф.Д. Поленов.

За беспримерную храбрость в Отечественной войне А.В. Воейков был отмечен благодарностью фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова, орденами св. Владимира 4-й ст. с бантом, св. Анны 2-й ст., прусским орденом Красного Орла 2-й ст., медалями. За битву при Бородино ему было присвоено звание генерал-майора, был награжден золотой шпагой с бриллиантами. Будучи ранен в заграничном походе 1813 года, А.В. Воейков вышел в отставку. Его портрет работы Дж. Доу находится в галерее Зимнего дворца.

Он поселился сначала в родовом поместье в с. Рассказово Тамбовского уезда, а в 1816-1825 годах жил с семьей в новой усадьбе Ольшанка Борисоглебского уезда. Эту усадьбу он купил на имя своей жены В.Н. Воейковой. Герой Отечественной войны генерал Алексей Васильевич Воейков умер 22 июня 1825 года в с. Рассказово, похоронен на кладбище в Иоанно-Предтеченском Трегуляевском мужском монастыре.

Усадебный комплекс усадьбы в с. Ольшанка складывался годами. Главный дом был построен при первом владельце — генерал-майоре А.В. Воейкове. Панно для этого дома написали уже внуки генерала — замечательные русские художники Василий Дмитриевич Поленов и его сестра Елена Дмитриевна.

Однокупольный, с двумя колокольнями, монументальный храм Воскресения Христа Спасителя был построен спустя многие годы в 1860 году. На храмозданной гранитной таблице, хранящейся ныне в Уваровском краеведческом музее, можно прочитать: «Храм Воскресения Христа Спасителя. Построен в селе Ольшанке изданием помещицы Веры Николаевны Воейковой, урожденной Львовой, во исполнение обоюдного желания ея и покойного ея мужа генерал-майора Алексея Васильевича Воейкова по плану академика К.А. Молдавского, по фасаду профессора Р.И. Кузьмина. Заложен в 1843 г., окончен в 1860 году».

Как указывают специалисты, храм стал архитектурной доминантой усадьбы. Он был увековечен на картинах Поленовых «Деревянный и каменный храм в Ольшанке», «Ольшанка». При полном разрушении усадьбы храм все же выстоял; это единственный сохранившийся памятник героической эпохи и храброму генералу А.В. Воейкову.

Усадьба, построенная героем войны 1812 года генералом А.В. Воейковым, имела

большое значение для русской истории и культуры. Там хранилась часть библиотеки Г.Р. Державина. Часть этой библиотеки, в том числе и раритеты из державинского книжного собрания, внук генерала, художник В.Д. Поленов, при отъезде из тамбовской усадьбы подарил городу Тамбову.

В усадьбе Ольшанка выросли художница и писательница М.А. Поленова (урожденная Воейкова), ее брат Л.А. Воейков, библиограф, библиофил, инициатор статистических обследований уездов Тамбовской губернии. Он — автор «Сборника материалов для описания Тамбовской губернии» (СПб., 1912). Сюда приезжали на летний отдых внуки генерала — Василий Дмитриевич, Елена Дмитриевна, Вера Дмитриевна Поленовы, сначала детьми, потом уже и взрослыми людьми. Несколько живописных и графических работ талантливых внуков генерала А.В. Воейкова — В.Д. Поленова и Е.Д. Поленовой — запечатлело ландшафты милой Ольшанки: «Бабушкин сад», «Пруд в парке», «Старый дом в Ольшанке», «Ольшанка». Бывал в усадьбе и муж В.Д. Поленовой — И.П. Хрущов — также библиофил, литературовед, известный деятель школьного образования.

На этом история усадьбы не заканчивается. А.И. Сапогов, известный тамбовский книговед, создатель отдела редкой книги Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина, в книжном собрании библиотеки отыскал часть раритетов, которые в 1892 году В.Д. Поленов подарил тамбовской Нарышкинской читальне, в их ряду — несколько книг из личной библиотеки Г.Р. Державина.

На протяжении десятилетий в усадьбу Ольшанка едут люди-энтузиасты, краеведы, поэты, чтобы упрочить память о роде Львовых-Воейковых-Поленовых. В 1990-е годы здесь часто бывали архитектор Г.К. Котова, искусствовед Е.В. Романенко, журналист Э. Сокольский. Режиссер тамбовской телекомпании «Новый век» С.В. Нишукон снял фильм о генерале А.В. Воейкове, который на 9-м Всероссийском фестивале короткометражных фильмов «Семья России» в Иркутске получил приз и диплом в номинации «Душа России».

В День России, 12 июня 2012 года, в Старой Ольшанке впервые состоялся многолюдный праздник, посвященный старинным усадьбам. Под сводами нижнего храма Воскресения Христова зазвучали священные песнопения. Может быть, в судьбе Ольшанки блеснул солнечный луч?

В 1827 году в тамбовских степях поселился еще один герой Отечественной войны 1812 года — Николай Иванович Кривцов (1791—1843), друг А.С. Пушкина, брат декабриста С.И. Кривцова. Жизнь и судьба Н.И. Кривцова и его братьев — Сергея, Павла, Владимира, Александра — неоднократно привлекали внимание исследователей А.И. Сабурова, Б.Н. Чичерина, М.О. Гершензона, Н.М. Гордеева, В.П. Пешкова, А.В. Свиридова, А. М. Шевелюка.

В 1821 году Н.И. Кривцов женился на Е.Ф. Вадковской, внучке графа И.Г. Чернышова, и после того, как завершилась гражданская карьера (он был гражданским губернатором в трех губерниях: Тульской, Воронежской и Нижегородской, нигде не смог ужиться с чиновниками, думавшими прежде о своем собственном кошельке, а не об интересах государства), принял решение поселиться в имении жены.

На берегу речки Вяжля за несколько лет Н.И. Кривцов выстроил образцовую усадьбу в английском стиле. Как писал Б.Н. Чичерин, «воздвигся большой барский дом, без прихотей старого русского барства, но со всеми удобствами английского комфорта, отделанный со вкусом, с удобною и приятною гостиною, где красовался большой, изящной формы камин, с лежащею в стороне столовою, с прекрасными, примыкающими к дому оранжереями, с капитальными надворными принадлежностями. Недалеко от дома, на вершине холма, вознеслось другое здание... — высокая башня красивой архитектуры, с развевающимся на ней флагом, напоминала собою английские замки.... К дому была приделана изящной архитектуры домашняя часовня. В некотором отдалении для причта возведен был большой каменный дом в англий-

ском стиле, а в чистом поле далеко от жилья построена была другая маленькая часовня, где владелец заранее приготовил себе последнее жилище».

В этой усадьбе желанными гостями были кн. П.А. Вяземский, также участник войны, соседи по имению Хвощинские, Горсткины, Н.В. Чичерин и его сын Б.Н. Чичерин, братья Е.А. и С.А. Боратынские, писатель Н.Ф. Павлов. При переезде из Умета в Караул, в ожидании достройки дома в кривцовской башне в 1837 году жила семья Н.В. Чичерина.

В Тамбовском областном архиве хранится ряд документов Н.И. Кривцова, представляющих несомненный интерес. Об участии Н.И. Кривцова в Отечественной войне 1812 года скудным, но точным армейским языком свидетельствует его «Аттестат», выданный 22 февраля 1836 года: «В походах находился: 1812-го с июля в пределах России, августа 5 и 6 в сражениях при городе Смоленске, 26-го в Генеральном при с. Бородине, где ранен в левую руку пулею навывлет с раздроблением кости выше локтя, в Пруссии, мая 8 и 9 в сражениях под г. Бауценом, августа 15-го и 16-го под г. Пирноия, 17 и 18 под Теплицом, при селении Кульм, где оторвало ядром левую ногу». О продвижении по службе и наградах Кривцова в «Аттестате» говорится так: «В службу вступил Лейб-гвардии в Егерский полк юнкером 1807-го сентября 1-го, портупей-юнкером того же года декабря 17-го, прапорщиком 1809-го сентября 13-го, подпоручиком 1810-го июня 24-го, поручиком 1811-го октября 12-го, штабс-капитаном 1813-го июля 15-го, за отличия в сражении награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом 1813-го года, св. Анны 2-й степени того же года сентября 15-го, капитаном 1814-го мая 20-го, подполковником с оставлением по Армии 1815-го июля 15-го, за отличие в сражении Всемилостивейше пожалованы Алмазные знаки ордена св. Анны 2-й степени в том же 1815 году; кроме того, имеет золотую шпагу с надписью «За храбрость» и медаль, установленную в память 1812 года, там же иностранные ордена: французский Почетного легиона, австрийский св. Леопольда и Пруско-Королевский за заслуги и знак отличия железного креста». «Аттестат» подписал тайный советник, министр внутренних дел, член Государственного совета Д.Н. Блудов.

В память о своем отце С.Н. Батюшкова незадолго до своей смерти передала часть отцовской библиотеки в г. Кирсанов для организации библиотеки-читальни. 2 января 1897 года в Кирсанове была открыта библиотека-читальня им. Н.И. Кривцова. Открывал ее предводитель уездного дворянства С.С. Башмаков. В 1900 году в Тамбове был издан каталог этой библиотеки, подготовленный И.И. Нелюбиным.

Об усадьбе Н.И. Кривцова подробно писали кн. П.А. Вяземский в своих записных книжках, Б.Н. Чичерин, М.О. Гершензон в книге «Братья Кривцовы» (СПб., 1915), современные исследователи тамбовских усадеб В.П. Пешков, В.А. Кученкова, Л.Е. Городнова, В.Д. Филатова.

В августе 1999 года мне довелось вместе с тамбовским лингвистом Л.Ю. Евтихией обследовать остатки усадьбы. Из разговоров с местными жителями удалось узнать, что главный дом усадьбы почти дожил до наших дней. Много лет в нем располагалась сельская школа. Еще крепкий дом Н.И. Кривцова был неразумно снесен в 1970-е годы после постройки нового здания школы. Из всей усадьбы до наших дней дожили великолепные конюшни да двухэтажный дом необычной архитектуры (возможно, это и есть дом причта). Л.Е. Городнова считает, что сохранившееся здание — домовая церковь Кривцовых. Но, по свидетельству Б.Н. Чичерина, в усадьбе была не церковь, а домашняя часовня, она примыкала к главному дому, была изящной архитектуры, что не очень похоже на сохранившийся дом.

Парк находился в запущенном состоянии. В годы революции часовня, которую еще при жизни для себя и жены возвел Н.И. Кривцов, была разрушена, прах героя был выброшен из могилы. Долгие годы место захоронения славного сына Отечества служило местом для кладбищенского мусора. О недопустимости такого положения мы говорили тогда же с заместителем главы района В.Г. Зайцевым, который обещал

привести могилу героя в порядок. Что и было сделано. 10 сентября 2002 года на сельском кладбище в Любичах при стечении народа был открыт и освящен Памятный крест на месте последнего упокоения Н.И. Кривцова и его жены Е.Ф. Кривцовой.

В контраст описанным разрушенным усадьбам А.В. Воейкова и Н.И. Кривцова можно рассказать и об усадьбе, которой выпала более счастливая судьба. Принадлежала она герою Отечественной войны, князю Н.Б. Голицыну (1794—1866), построенная в 1823 году в г. Козлове. Как писала В.А. Кученкова, «городской дом Голицыных в Козлове... построен в первой четверти XIX века в стиле русского классицизма.... Одноэтажный каменный дом с полуподвальным этажом, портиком с фронтоном, колоннами и неглубоким балконом был необыкновенно элегантен».

Князь Н.Б. Голицын — интереснейшая личность: храбрый офицер, переводчик, основатель русской школы игры на виолончели, мемуарист, богослов. Дружил с великими поэтами и музыкантами. По просьбе князя великий немецкий композитор Людвиг ван Бетховен в 1822 году написал увертюру «Освящение дома», приуроченную к окончанию строительства козловского дома Голицына. Об этом говорится в книгах и статьях на тему «князь Н.Б. Голицын и Бетховен». Бетховен посвятил кн. Н.Б. Голицыну также три струнных квартета, их называют Голицынскими.

Князь Н.Б. Голицын дружил с Пушкиным (перевел на французский язык его поэму «Бахчисарайский фонтан»), состоял с ним в переписке, сохранилось письмо А.С. Пушкина с благодарностью за «несравненный» перевод на французский язык стихотворения «Клеветникам России».

По молодости своей князь Н.Б. Голицын мог бы в войне с Наполеоном не участвовать. Но он не мог остаться дома в дни всенародного бедствия. Как он писал позже, «когда весть о вторжении несметных полчищ Наполеона разнеслась по России, одно чувство одушевляло сердца, приверженные Отечеству... Каждый из нас желал только принести в жертву Родине свою жизнь и достоиние». Во время Бородинского сражения юный князь служил ординарцем великого полководца князя П.И. Багратиона, после его гибели служил под командой генерала Г.А. Эммануэля. Награжден золотым оружием за участие во взятии Парижа. Воинский дух не угас и в старом князе. Во время Крымской войны (1854-1855) он снарядил отряд оскольских крестьян и явился с ними в Крым, туда же приехали его сын Юрий и внук Евгений.

Усадьба князей Голицыных в XX веке использовалась под различные учреждения: биржа труда, детский приемник, детские ясли. В 1970-1980-х годах историческое здание было брошено на произвол судьбы, пришло в окончательное запустение, символом которого была выросшая на крыше березка. О князьях Голицыных, их вкладе в русскую культуру, об их козловской усадьбе писали Л.С. Гинзбург, И.С. Никулин, Ю.М. Нагибин, Ю.С. Горайнов, А.С. Петров, В.А. Кученкова, В.Д. Филатова.

В июне 1982 года в газете «Мичуринская правда» было опубликовано письмо группы представителей творческой и научной общественности «Создадим литературный музей!», и был указан возможный его адрес — дом Голицыных. Автор письма — профессор, доктор сельскохозяйственных наук Е.С. Черненко, подписали письмо кандидаты филологических наук В.Е. Андреев, художник и педагог А.В. Платицын, писатели Б.К. Панов, В.К. Кострикин, журналист Л.А. Израелович, краевед И.С. Никулин, лауреаты Государственной премии РСФСР главный режиссер Мичуринского драматического театра Г.К. Томилин, заслуженный артист РСФСР И.Н. Полянский. Но очень нескоро дело сдвинулось с мертвой точки.

Только в 1991 году по инициативе зав. отделом культуры городской администрации К.А. Пичугина началась реставрация здания. Как мне потом рассказал Константин Аркадьевич, специального постановления о создании музея не принималось, но само историческое здание, оказавшееся бесхозным, было взято отделом культуры на баланс, что позволило начать его ремонт. Будущее назначение здания ни у кого вопросов не вызывало: в здании должен был открыться музей.

По просьбе К.А. Пичугина будущий директор музея Н.Г. Мулярова начала собирать коллекцию, которая легла в основу экспозиции музея. Пригодился ее опыт работы с музеями страны, который Наталья Георгиевна набрала в годы подготовки кандидатской диссертации. Серьезную помощь в организации музея на завершающей стадии его формирования оказал глава администрации города Н.М. Антонов.

25 июня 1995 года при большом стечении народа в Мичуринске открылся Литературно-музыкальный музей (Дом князей Голицыных). Снова, как и при хозяевах, с балкона особняка звучала музыка. В этот день пели скрипки Натальи Ермиловой и Ольги Ивановской.

В июне 2005 года на десятилетие возрожденного Дома князей Голицыных из Москвы приехали потомки знаменитого княжеского рода — геолог, мемуарист, поэт, профессор МГУ М.В. Голицын с женой Т.П. Голицыной, его двоюродный брат, инженер Н.К. Голицын. В торжествах участвовали также дочь известного писателя, уроженца Тамбовщины А.С. Новикова-Прибоя, биолог И.А. Новикова, живущая в Москве, потомок великого русского поэта А.С. Пушкина, профессор МичГАУ Г.С. Усова из Мичуринска.

В 2006 году в Москве в издательстве «МИА» вышел роман мичуринского писателя А.С. Петрова «Полонез по-русски, или Заграница.гу», где подробно воссоздана судьба необычного дома, его строителей и жителей.

Городская усадьба кн. Н.Б. Голицына — одна из немногих, сохранившихся на территории Тамбовской области усадеб героев Отечественной войны 1812 г., которая и сейчас служит русской культуре. Уютный особняк с фронтоном и колоннами на краю Сенной площади (ныне ул. Гагарина) напоминает нам о героической эпохе и ее бесстрашных участниках: воинах-патриотах, музыкантах, поэтах.

Дом князей Голицыных являет нам пример чуда: коллекция, собранная в конце 1980-х — начале 1990-х годов, старанием Н.Г. Муляровой по сути мгновенно превратилась в городской литературно-музыкальный музей, не в пример многим частным коллекциям, которые часто рассеиваются по чужим рукам, только малыми долями своими пополняя существующие музеи. Для жителей г. Мичуринска вновь созданный музей дорог еще и тем, что в нем во второй половине 1990-х годов работал, вел занятия художественной студии для юных любителей прекрасного замечательный художник-график А.И. Михайлов. Его работы (пейзажи старого города, окрестностей Козлова-Мичуринска) находятся в постоянной экспозиции музея.

Судьба усадеб героев Отечественной войны 1812 года красноречиво свидетельствует, что в наших силах спасти и сохранить многое, что составляет гордость национальной культуры.

Валентина Матушкина

ЕЩЕ РАЗ О ВОЙНЕ

(Проблема выбора и ответственности
в прозе Валерия Аршанского)

В очерках и прозе Валерия Аршанского тема войны звучит как камертон, напоминающий человечеству о человеке. Писатель знает цену каждому мгновению жизни и, видимо, потому предпочитает в творчестве малый жанр. Само время, перенасыщенное информацией, требует лаконичного слога. Однако подобное письмо доступно таланту особого рода, способному в малом передать великое. Слово Валерия Аршанского помогает человеку совершенствоваться духовно, нравственно, интеллектуально, по-своему напоминает о скоротечности жизни. «...Бывают слова, в которых музыка, подтекст, сама интонация звучания значат куда как больше, чем смысл», — рассуждает автор, ориентируясь на классиков русской литературы XX века. Расширяя жанровые возможности прозы, он создает «шепотки» — лаконичные по форме, но объемные по содержанию. «Шепоткам» предшествовали «Стихотворения в прозе» И. Тургенева, миниатюры М. Пришвина, «Затеси» В. Астафьева, «Камешки на ладони» В. Солоухина, «Мгновения» Ю. Бондарева — богатый опыт русской словесности определенно повлиял на творчество Валерия Аршанского.

Образность его прозы, как правило, символична, знакова. Одна из последних книг писателя — «Часовой пояс». Название здесь расшифровывается как напоминание о замкнутости, временной ограниченности земного бытия. Автор задается вечным вопросом: как прорваться за пределы «часового пояса», продлить свое существование на земле?

Как-то классик русской литературы прошлого века Л.М. Леонов заметил, что писать надо так, чтобы «событие уложить в объем зерна». Соединить гармонично в одном смысловом потоке изображение событий войны и современности удавалось немногим писателям. Следуя подобному способу письма, в коротком рассказе «Симка Стреляный» Аршанский достигает предельной плотности повествования и глубокого психологизма. Идет негласный поединок случайности и закономерности, страха и самообладания, выдержки — и все это жестоко обнажено войной. Столкнулись совесть и подлость, жертвенность и шкурничество, сдобренное карьеризмом. Тем самым сюжет достигает наивысшего эмоционального накала.

В центре рассказа — судьба Симки Стреляного. Как и леоновские Федор Таланов («Нашествие») и Поля Вихрова («Русский лес»), шолоховский Андрей Соколов («Судьба человека»), бондаревский Никитин («Берег»), он проходит в юности испытание войной на высокое звание русского солдата. Постепенно открывается богатство его внутреннего мира, ведь и фамилия-то Симки не без знакового смысла — Детков, от слова «дети», с их чистотой и загадочностью.

Симка Стреляный, он же Серафим Степанович Детков, изображен в двух временных планах: в военные годы и в старости после войны.

Пришла в село Козельцы, где проживал тогда мальчишка Симка, война, и ему как солдату вручили оружие. Но в первом же бою охваченный страхом Симка скрылся на лесной опушке. И вот он на допросе у такого же юного лейтенанта Груздева, жестокого, с садистскими наклонностями. Он, не щадя юношеской незащитности, изощренно избивает Симку, «наотмашь, по-боксерски...», уличая в предательстве, ибо тот с испугу не смог выстрелить в немцев. Симку ждет расстрел. Но у войны свои законы — раздается неожиданный крик охранника: «Немцы!», лейтенанту Груздеву надо спасаться, решение прикончить Симку не состоялось: охранник промахнулся.

Мастер композиции, писатель показывает, как война манипулирует судьбами: что для многих бывает глубоким страданием, для одного — внезапным счастьем.

Немцы заняли село. Из-за трусливой спешки решавших судьбу Симки людей он был спасен. Бежав, оставили на столе в сельской конторе бумаги с протоколами допроса, а Симка, оставшись живым, спрятался в сарае в трухе и соломе, но со страху плохо укрылся. Там и обнаружил его немецкий доктор Эрик Забровски. И теперь Симка оказывается на допросе в той же конторе уже перед немцами.

Автор обнажает еще одну правду о войне: у своих — частое нежелание разбираться в истине (случай с Симкой, еще не успевшим усвоить законы военного времени); у немцев — непонимание русской души.

Груздевский протокол допроса, оставленный на столе, круто повернул судьбу Симки. Тот же медик разборчиво по-русски читал этот текст командиру части. Симка не понимал вопросов и отвечал только покачиванием головы. Немцы по-своему поняли прочитанное: якобы Симка не хотел убивать немцев, щадил их. И решили подкормить, подлечить пленника.

Писатель не развертывает повествование о дальнейшей судьбе Симки в плену. Но емкое авторское сообщение: «Фрицев вышибали из села наступающие части генерала Черниховского» — заменяет многие описания. Глагол «вышибали» свидетельствует о ловкости и силе наших бойцов, громивших врага, о скоротечности смены ситуаций, дает возможность читателю предположить, что в подобной суматохе и немцы, спасаясь, могли забыть о Симке. Автор тем самым обращает внимание на динамику, непредсказуемость военных действий и человеческих судеб в этой кровавой схватке.

Действительно, непредсказуемы пути военные. В третий раз пришлось Симке в той же комнате предстать перед судом и снова — перед Груздевым. В этот раз «ошарашенному возвращением Симки с того света лейтенанту» комсомольский бог-переводчик читал с немецкого «протокол допроса, учиненный бдительным гауптманом». В протоколе значилось: на каждый вопрос пленный не отвечает. Переводчик увидел в Деткове человека, достойного звания героя, и решил об этом доложить замполиту, чтобы представить Симку к ордену. Зато лейтенант пришел в ярость: «...злоvesце прошипел в самое ухо вновь оочеченевающему от беды и беспомощности бойцу: «Все з-забыть, п-понял? Услышу хоть слово — с-спишу в три секунды, п-понял?.. Брысь отсюда!» Все изощренные приемы подлости использует Груздев для самозащиты, ведь без пяти минут его ждет повышение в звании до старшего лейтенанта, как геройски вышедшего в одиночку из окружения.

К тому же он сфабриковал ложное свидетельство о предательстве другого рядового — Овсепяна, представив того злостным распространителем вражеских листовок. На самом же деле только он, Сергей Груздев, знал истину: солдат был неграмотный, не умел ни читать, ни писать, а взял листовку на самокрутку. Не мог боец в свою защиту ни единого слова сказать перед военным трибуналом. «А он, — констатирует автор, — оправдания не выносит, только обвинительные приговоры. Кого-то лишают жизни во цвете лет. А кому-то прибавляющие желанный ромбик или шпалу в петлицы».

Вот оно, лицо войны, откликающееся болью в сердце писателя.

Рядовой Овсепян стал жертвой чужого карьеризма. Война-насмешница даровала жизнь после трехразовой смертной ситуации Серафиму Деткову. Автор ставит вопрос перед читателем: чего же заслуживает этот юный солдат — почести или наказания? Казалось бы, во всех трех экстремальных для собственной жизни ситуациях Симка предстает конченным трусом, если бы не одна художественная деталь, которой так мастерски владеет Аршанский. Она-то и проливает свет на глубинку детковской души. Это сцена допроса Симки немцами. Писатель сумел передать мгновенную смену психологического состояния героя, обнажая в нем корневые черты русского характера. В экстремальных ситуациях все случайное отступает, к герою возвращаются стойкость, решительность, самообладание.

Симка сознает, что «все равно подышать», но у него все же остается выбор: хвататься за соломинку, думать о спасении или умереть достойно. Рядовой Серафим Детков выбрал второе, пересилив свой страх перед смертью. Его молчание выглядит как солдатское мужество, как выдержка и воля.

Закончилась война. Серафима Деткова наградили орденом Красного Знамени. В село Козельцы приезжает корреспондент, который присутствовал на вручении награды в районном центре год назад. Он замечает одну важную деталь: отсутствие наградной планки на прежней одежде героя.

Стыд за страх, проявленный в юности, не давал солдату покоя до старости, что и заставило его снять с себя незаслуженную, как он думал, награду. Используя прием параллелизма в изображении двух молодых героев рассказа — лейтенанта Сергея Груздева, человека с положением, и рядового солдата Серафима Деткова, — писатель выверяет нравственные ценности.

Он далек от назидательности, но всем содержанием рассказа учит читателя мыслить, чувствовать, думать и понимать. Ведь все повествование строится на одном внутреннем противостоянии: *понимание — непонимание*. Такая позиция концептуальна, она помогает художественной реализации авторской философской идеи о сущности человека, его судьбы в пронизанном противоречиями мире. Писатель говорит, что не только пуля убивала человека, но и человеческое несовершенство. *Не понял* лейтенант Груздев истоков поведения Симки, приговорив его к расстрелу за будто бы предательство, *не поняли* и немцы русского солдата, *не понял* в итоге и сам себя Серафим Степанович, отказавшись от ордена в силу собственной скромности и бескорыстия. Не менее страшны на войне карьеризм и клевета, с которыми пришел к повышению Груздев.

А война продолжает жить в художественных творениях Серафима Степановича Деткова. Его изделия по дереву напоминают о вечном противостоянии света и тьмы, чистого начала и сатанинского, сбивающего человека с истинного пути. Теперь суровые военные дни предстали в портретах: «нечистой братии во главе с хитроглазым булгаковским котом Бегемотом, очень напоминающим министра печати при дворе правившего бал царя Бориса», сказочного Лешего, греческого «козлоногого бога» Пана, диктатора Анастасию Самосы, Керенского, всепожирающей Горгоны. Фронтная судьба Деткова, чтение книг открыли ему, сельскому резчику-искус-

нику, подобные ассоциации мирового масштаба для замысленного «Музея изящных искусств».

Автор находит трогательную финальную интонацию рассказа. Серафим Степанович и его жена прощаются с уезжающими гостями, «она — платком, он — ладошкой провожая плавно уходящую на небольшой скорости машину». Герой прощался не только с гостями, но и со всем, чем наполнено наше земное бытие.

В заглавие своего рассказа писатель вынес прозвище героя. Народ заклеил Серафима кличкой «Симка Стреляный». Это загадочное имя стало своего рода образным ключом, который позволил писателю открыть значительное в незаметном, в малом — великое.

Проза Валерия Аршанского о войне — это и о нашем современнике. «Жизнь продолжается» — финальная фраза рассказа. Произведения писателя востребованы временем и отличаются высокой культурой мышления, словесным изяществом, интеллектуальностью. Это особенно важно в век духовного оскудения и подмен.

Михаил Филиппов

ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ НЕ БОГИ

(Горожанин возрождает сельские промыслы)

Юрий Белая создал свою мастерскую в одной из комнат квартиры матери. На полу расставлены ведра, тазики, корыта. На столе сохнут глиняные кувшины. У самой стены стоит гончарный круг. Мать терпит. Иногда даже наблюдает с удовольствием, как руки сына из мягкого шара глины создают какое-либо изделие.

Белая «созрел» для гончарных дел пять лет назад. До этого в Мичуринске он был известен как классный фотограф, один из создателей первого салона цветной фотографии. Поработал он и техником-конструктором во ВНИИСе, рубил из пеньков и бревен Чипов и Дейлов, Макдаков и котов Леопольдов для детских площадок, их же отливал в бетоне. Когда поднялась волна «можно все, что не запрещено», ушел в кооператоры. Может быть, так и дальше шел бы натруженной колеей искателя легких денег, если бы не сманила мысль заняться керамикой.

— Тут ты, пожалуй, не прав. Понимаешь, все, чем я занимался, имеет свое начало и скорый конец. Возьми фотографию. Когда мы только начинали цветную печать, дышали химикатами, добивались качества, нам это льстило. А ныне зашел в любой салон, отдал

пленку, отснятую на фотоаппарате «мыльнице», и на японском аппарате без вмешательства человека тебе отпечатывают такие снимки, которые и нам-то тогда не удавались. Или вся эта детская скульптура. Сделал форму, заливай бетон — и этими котами Леопольдами весь город и район за две недели залишь. Раньше детские сады денег не жалели. Теперь без денег сидят. И скучно, и без будущего, — рассказывает Юрий.

— В толк не возьму, — стараюсь я его разговорить. — Гончар, так уж сложилось в моем понимании, — сельская профессия, но никак не городская. Городской гончар — это все равно, что фермер на асфальте. Или я ошибаюсь?

— Ну, как тебе сказать? Вот у нас в районе всегда гончарами славилось село Малое Лаврово. Считай, оно одно обеспечивало и себя, и других глиняной посудой. Теперь там ни одного гончара не осталось! Горшечник Невзоров не делает ни махоток, ни плошек, потому что стар. Вообще, на Тамбовщине только один Бондарский район остался, где еще живо гончарное дело. А так везде на нет сошло. И вот что интересно — в том же Лаврове у прежних гончаров и дети были, и внуки, а никто ремесло не продолжил, — отвечает Белая.

Юрий Белау

Он основательно изучил тему, и потому возразить мне ему нечего. В Малом Лаврове я был шесть лет назад. Разговаривал с Невзоровым. Старик жаловался, что последователей у него нет. «Я бы научил любого. Дело нехитрое, — говорил он. — Может, ты пойдешь в ученики?» Я не считаю себя бесталанным, но посмотрел на гончарный круг, на пальцы, придающие глине форму, — и отказался. Понял, что не смогу.

Юрий Белау проще. Он еще в школе из пластилина солдат лепил. Как живых. Так что же, гончар — это талант?

— Так уж и талант! Сами гончары про себя говорили: «Не боги горшки обжигают». Я думаю, что в силу как раз вот этой сельскости дети и внуки горшечников не стали продолжателями. Хотя раньше это кормило неплохо. Ты знаешь, сколько гончар зарабатывает в месяц? У нас на «Прогрессе», где рабочие получали по 300 рублей, что считалось огромной удачей, средней руки гончар спокойно зарабатывал 800. Но деревня была не в почете. Вот и бежали в город, к благам цивилизации. Махотки сменили на трехлитровые стеклянные банки, глиняные чашки — на алюминиевую посуду, а цветы стали сажать в пластмассовые горшки. Вырожденные... А ты знаешь, как жалко, когда

умирает народная традиция, такие древние и привычные промыслы.

Белау показывает мне свои первые изделия четырехгодичной давности. Боже, какие они тяжелые и убогие! Стенки у посуды в палец толщиной, кривоватые, поверхность грубая и корявая... Но зато на дне каждого горшочка фирменное клеймо «ЮБ». На нынешних изделиях — утонченных, с длинными шеями, с ласково-гладкими стенками легких кувшинах «фирма» отсутствует.

— Стесняться стал? — спрашиваю я.

Юрий смеется:

— По молодости имя свое лепил. Настоящие мастера по изделиям узнаются, а не по клейму. А вот свои первые опыты храню, потому что первые.

— Василий Белов в книге «Лад» пишет: «Так, если вблизи деревни природа не припасла обычной глины, люди вообще не будут заниматься гончарным делом. Хороша глина, тяжелая, словно свинец, очень вязкая, тягучая, сама льнет к пальцам». И ведь действительно так! В Мичуринском районе горшечным селом Малое Лаврово являлось, а не какое-либо другое. Потому что глина нужная была... Вот ты глину где копаешь?

— Глина — вообще целая поэма. Ее

свойства еще мало известны нам. Может быть, мы только на подступах к тому, чтобы понять, что такое глинистый минерал. И как хочешь, но только любая глина годна для гончарного дела. Конечно, двух одинаковых глин не бывает, с одной возни больше, с другой меньше. Невзоров мне показывал: достают глину с большой глубины, метров на семь вниз уходят, привозят на телеге домой и начинают топтать. Пляшут, пляшут, а уж потом лепить начинают. А посуда все равно грубая. Потому что песка и всяких фракций в ней достаточно. Ясное дело, у наших гончаров своя технология была. Вот сейчас спросишь: «А кто были твои учителя?» Ответят — книги. Десятки авторов, сотни статей. Я не скажу, что в совершенстве все изучил, но кое-что знаю.

По первоначальному Белая стал разоряться на книгах. В магазинах трудов по гончарному делу и керамике совсем не было. Он заказывал книги в библиотеках Москвы, а потом нанимал кого-нибудь для перепечатки на машинке текста. Подучиться не у кого, а бросить начатое — стыдно. Уж вроде бы с головой влез. Особенно много изданий по «черепакам» выходило в сталинское время — еще оставались живы народные промыслы, а промышленность работала не на народ и его потребности, а на государство. В разных областях были свои подходы, секреты... Юра выбирал из книг наиболее, на его взгляд, ценное. А ценность проверял собственным опытом.

Глину он берет и в городе, ездит за ней и в Лаврово. В деревенской глине меньше примесей, отчего отмучивать ее проще. Водители автобуса уже привыкли к бородатому парню, который стоит на остановке с двумя-тремя мешками глины. Относятся соответственно — как к чудаку.

— Слушай, отмучивать — это как?

— А вот смотри...

Белая поднимает деревянную крышку с одного ведра. Вверху — тонкий слой воды, дальше — серая муть.

— Берешь глину и размешиваешь ее

в воде до молочного цвета. Делаете грязь, одним словом. Вся эта жижа отстаивается. Песок уходит на дно. Дней через десять процеживаешь через мелкую-мелкую марлю. Отцедил — опять в ведро. И так несколько раз. Потом для обезжиривания добавляешь очень мелкий песок.

Юра берет кусок глины, кладет его на гончарный круг, сам садится на табурет и начинает ногой придавать кругу вращение. Гончарный круг — особая гордость Белая, сделан по последнему слову математики и техники. Большой маховик для инерционного вращения, столешница, покрытая плексигласом, ось, отцентрированная до микрон. Бесформенный кусок под его руками вырастает в цилиндр. Юрий, не прерывая разговора, время от времени макает руку в воду — и уже не цилиндр, а горшок блестит боками на гончарном кругу. Вращается круг — и горшок превращается в длинношей кувшин. Глина подвластна его рукам, и Белая горд своей властью. Он — творец, художник.

— Ты брось эти красивые слова. Художник — человек, творящий для созерцания. А гончар делает вещи для жизни. Посуда служит для практического назначения. Я, как всякий другой гончар, — ремесленник. И если стараться придать какому-нибудь изделию эстетическую законченность, то это для большего спроса и от внутренней убежденности — не делать плохо. Все эти разбитые куски посуды, выставленные в музеях, экспонируются не потому, что они красивы, а лишь потому, что несут на себе печать Времени, Истории. Как раз для того, чтобы не рвалась наша связь с Временем, может быть, я и затеялся с гончарным делом. Я сейчас задумываюсь над тем, чтобы обжигать чернолаковые, на манер древнегреческих или осетинских мастеров, горшки, хочу совместить древность и современность. Ты знаешь, все это давалось бы легче, если бы не одна причина — отсутствие денег. Я безмерно благодарен людям, которые помогли и продолжают помогать мне.

Они верят в меня. И тут уж, хочешь не хочешь, оправдывать их веру надо. Но, к сожалению или счастью, они также бессребреники.

Белау тонкой металлической проволокой срезает кувшин с гончарного круга и выставляет на рабочий стол — сохнуть. «Тут он постоит дней десять, а потом — в обжиг», — поясняет он мне. Обжигает свои горшки Белау на квартире матери в плите, которую переоборудовал специально для этой цели. Со знанием дела переоборудовал — печь стала экономнее есть дрова. Плита она и есть плита. За один раз в ней можно выжечь 2-3 горшка. Для покрытия глазурью нужна температура от 750 до тыся-

чи градусов! И обжигать по 2-3 изделия за раз — это примитив.

— Я задумал сделать горн во дворе, где есть сарай. Подсчитал, и стало мне нехорошо: для этого дела миллионов 8-10 потребуется. Где их взять?

В России всегда так: у кого есть деньги, тот новые деньги делает, а у кого их нет — с утопиями носится. Белау — чудак. Вместо того, чтобы подобно сотням и тысячам сограждан наплевать на всякое творчество и встать на шумный рынок в ряды торгующих, он не спит ночами, вынашивая идеи и детали собственного гончарного цеха. И руки есть, и умение, и голова светлая — нет оборотных средств. Может, Бог поможет?

Андрей Околелов

ОБИТЕЛЬ ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

(Боголюбский собор — архитектурная жемчужина Тамбовского края)

Старинный купеческий город Козлов издавна славился своими храмами. К началу XX века в городе с населением всего 50 тысяч человек насчитывалось 17 церквей (не считая церквей пригородных слобод), два монастыря, около 10 часовен. Особое место в этом ряду занимал и занимает Боголюбский собор. Вмещающий одновременно пять тысяч человек, он был и остается крупнейшим храмом (по своим размерам уступает лишь Троицкому собору в Моршанске).

Боголюбский храм был построен 140 лет назад, в 1873 году, по проекту К. Тона на средства жителей Козлова в благодарность Пресвятой Богородице за избавление города от эпидемий чумы и холеры, свирепствовавших в наших краях в XVIII-XIX веках. В 1771 году во время вспышки чумы на вратах городской усадьбы, находившейся на месте, где теперь возвышается кафедральный собор, Богородица явила свой чудотворный образ, названный впоследствии Боголюбской иконой Божией Матери «Козловской». Эта святыня хранилась в соборе вплоть до его закрытия в начале 30-х годов XX века.

До революции при Боголюбском соборе был устроен Козловский Боголюбский женский монастырь. Устав этой

обители соответствовал монашеским традициям Саровской пустыни, а духовное окормление сестры получали у великих оптинских старцев. Среди трудовых послушаний насельниц были иконопись, ковроткачество, золотошвейное дело, кройка и шитье, работы на сельскохозяйственных угодьях монастырских подворий. Без преувеличения можно сказать, что Боголюбский монастырь и собор являлись духовными центрами дореволюционного Козлова. У монахинь часто бывали родственники, горожане и паломники, которые, наблюдая за их благочестием, учились у них христианским добродетелям: смирению, терпению, трудолюбию. Обитель занимала целый квартал городской застройки и имела собственную домовую церковь в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», несколько келейных корпусов, здание приюта и школы для девочек, многочисленные хозяйственные постройки. В конце 1917 года Боголюбский монастырь был упразднен, к этому времени в нем проживало 116 насельниц.

После революции Боголюбский собор повторил судьбу тысяч российских храмов, оказавшись на грани полного уничтожения. В 1932 году церковь была закрыта. В советские годы бесследно ис-

Боголюбский кафедральный собор

через чудотворный образ Козловской иконы Божией Матери, а собор и монастырь были подвергнуты разорению. В разные годы в здании церкви размещались авиационный и соляной склады, стрелковый тир. На несколько десятилетий оно было отдано на разграбление вандалам. Предпринимались неоднократные попытки разрушения величественного здания. Однако даже в самые тяжкие времена Пречистая Дева не оставляла без утешения свою паству. С 1937-го по 1943-й год в Козлове-Мичуринске происходило великое чудо — явление Богородицы над куполами Боголюбского собора. Свидетелями этих чудесных событий стали тысячи горожан. Некоторые очевидцы живы до сих пор. Их воспоминания приведены в книге, посвященной истории Боголюбского собора «Памятник милосердию Божией Матери». По заступничеству Пречистой Девы и благодаря напряженной борьбе городской интеллигенции во главе с отставным офицером-фронтовиком Г. Можевым храм был спасен.

Мичуринский Боголюбский собор оказался единственным из уцелевших храмов, построенных по аналогично-

му с ним проекту К. Тона. С середины 1970-х годов в нем стали проводиться реставрационные работы. В 1990 году истерзанный и поруганный собор был возвращен в лоно Русской Православной Церкви. Через шесть лет Боголюбский храм получил статус кафедрального собора. Несмотря на то, что уже 22 года в этой церкви совершаются богослужения, до сих пор видны последствия варварского отношения к этой святыне: массивную кирпичную кладку пронизывают многочисленные зияющие трещины, известковое покрытие с внутренней стороны стен вздувается и осыпается из-за выделений соли. Чудом уцелевшие росписи центрального барабана, взятые за основу росписи воссозданного храма Христа Спасителя в Москве, требуют профессиональной реставрации. Обветшавшая кровля уникальных шлемовидных куполов нуждается в срочной замене. Многие проблемы, перед которыми оказалась община Боголюбского собора, можно было бы разрешить, если бы собор получал необходимую помощь со стороны государственных структур в соответствии со своим ста-

тусом памятника архитектуры государственного значения. С большим трудом на собственные средства община осуществляет ремонтно-реставрационные работы.

Тихо, по-монашески безропотно и смиренно погибает архитектурный ансамбль Боголюбского женского монастыря. Разрушается от времени и нашего бездушного отношения одна из жемчужин Мичуринска.

Абсолютно очевидно, что спасение архитектурного комплекса Боголюбского монастыря сегодня невозможно без Русской Православной Церкви. Духовенство и прихожане Боголюбского собора неоднократно обращались с просьбами о сохранении монастырских строений, об их передаче церкви, о возрождении Боголюбского женского монастыря. Письма, подписанные тысячей горожан, были направлены самым высоким должностным лицам. Почти ото всех адресатов были получены обна-

деживающие ответы. Однако воз и ныне там.

К чести городской администрации следует сказать о понимании необходимости решения этой проблемы. Благодаря доброй воле городских властей было передано в собственность церкви полуразрушенное здание бывшей скорой помощи, построенное в 1930-е годы на месте поруганного монастырского некрополя, возвращена территория этого кладбища. Духовенство и прихожане Боголюбского собора ждут благословения владыки Феодосия на восстановление монастырского некрополя и придание ему достойного вида.

Возрожденный Боголюбский женский монастырь и отреставрированный собор не только повысят туристическую привлекательность наукограда, но, как и в прошлые столетия, станут местом духовного возрастания Мичуринска, новообразованной епархии и всей Тамбовской метрополии.

Юлия Голышкина

ЗДЕСЬ ЖИВОПИСЕЦ ОТДЫХАЛ ДУШОЙ

(Музей-усадьба
Александра Михайловича Герасимова)

Одна из главных достопримечательностей Мичуринска — Музей-усадьба А.М. Герасимова. Открываем маленькую дощатую калитку и по дорожке, вымощенной булыжниками и обрамленной великолепием цветов и густой зеленью, переносимся в прошлое — мир, в котором вырос, сделал свои первые творческие шаги знаменитый художник, первый президент Академии художеств СССР А.М. Герасимов.

В доме №88 по улице Лебедянской, а ныне Герасимова, вместе со своей семьей Александр Михайлович провел свои детские и юношеские годы. Здесь прожил он до 1925 года. А затем, перебравшись в Москву, стремился сюда из суетной столицы, ища уединения на малой родине, где черпал вдохновение и отдыхал душой.

Появлению Музея-усадьбы предшествовала долгая и кропотливая организационная работа. Началось все в 1971 году с обращения общественности в городской Совет с просьбой открыть в доме, где жил Герасимов, музей его имени. После принятия соответствующего решения в 1975 году началась большая собирательная и ремонтно-реставрационная работа. Задача стояла не из легких. Например, как приспособить жилой дом под музей, имея для отопления лишь две печи на первом и втором этажах? Кроме

того, необходимо было провести электричество, водопровод, канализацию. Все эти и множество других забот легли на плечи первого и по сей день бессменного директора музея Т.И. Вороновой.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Заглянем в дом Герасимовых. Здесь, кажется, остановился бег времени, каждая деталь, каждый предмет рассказывает о том, как жил художник. Пройдя через прихожую, мы попадем в гостиную, обставленную мебелью конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Приковывают взгляд необычные для современного человека разнообразными предметами быта. Возникает желание узнать, чем интересовался А. М. Герасимов, какие литературные издания читал. В большом книжном шкафу собраны фолианты по искусству, истории, иностранные словари, тетради для занятия испанским языком. Рядом с книжным шкафом расположился другой — с посудой. А в зеркальном шкафу хранятся личные вещи художника, переданные в дар его дочерью Галиной. Центральное место в гостиной занял стол, на котором можно увидеть поднос, служивший художнику при написании натюрмортов. В углу разместилась старинная русская гармонь, на которой играл прославленный жи-

Музей-усадьба А.М. Герасимова

вописец, и подаренный советским военачальником К.В. Ворошиловым радиоприемник. На стене над роялем висит зеркало в лепной раме, на фоне которого художник часто писал женские портреты и цветы. Гостиную украшают произведения художника.

Усталая самоткаными дорожками крутая деревянная лестница ведет на второй этаж. В комнате, где прежде была столовая, собрана документальная экспозиция, рассказывающая о жизни и творчестве нашего земляка. На стене висит репродукция с портрета И.В. Мичурина. Соседний, со вкусом оформленный зал украсил мебельный гарнитур в стиле модерн. Оживляют комнату картины «Розы», «Полевые цветы». Неподдалеку находится небольшая комната родителей художника, значительную часть которой занимает кровать. На стене висит ковер, полученный матерью художника в приданое. Центральное место в интерьере занимает картина «За чаем», на которой изображены сидящие у самовара родители художника.

МАСТЕРСКАЯ И ТЕРРАСА

Если выйти из дома, то попадешь в живописный дворик, в теплое время года всегда наполненный ароматом цветов. Почетное место здесь занимают розы и пионы — любимые цветы Герасимова. От палящих сол-

нечных лучей можно скрыться в тени раскидистых деревьев. На территории усадьбы сохранились хозяйственные постройки конца девятнадцатого — начала двадцатого века: каретный сарай, погреб, а также приспособленный в 1930-е годы под мастерскую старый, со сводчатыми потолками, амбар. В мастерской, в которой прославленный живописец написал более ста картин, сохранились два мольберта, стол, подставка для натурщика, кисти, краски. Здесь также хранятся предметы утвари и быта, плуг, подплужник, которыми отец Александра Михайловича возделывал землю в селе Панском. В нескольких шагах от мастерской стоит восстановленная деревянная терраса. В знойные летние дни Герасимов любил спать на настеленном на ее полу душистом сене. Во время приездов в родной город терраса служила художнику рабочим уголком. В 1935 году здесь он трудился над семейным портретом и тогда же за три с половиной часа без единого этюда создал свой знаменитый пейзаж «Мокрая терраса. После дождя».

В ГАЛЕРЕЕ

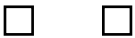
В 1978 году началось строительство выставочного зала площадью 760 квадратных метров по проекту тамбовского архитектора А.С. Лунькина. Через три года, к 100-ле-

тию со дня рождения А.М. Герасимова, выставочный зал был открыт для постоянной экспозиции произведений художника и передвижных выставок. Коллекция Музея-усадьбы А.М. Герасимова состоит в настоящее время из 141 произведения художника. Большой интерес у посетителей вызывают произведения раннего периода творчества, считающиеся наиболее ценными: «Тройка. Лай собак и звон бубенчиков» (1913 г.), «Март» (1913 г.), «Крайняя изба» (1914 г.), «Портрет Н. Гиляровской» (1910 г.), «Портрет искусствоведа Лобанова» (1914 г.), «Портрет родителей за чаем» (1915 г.), «Лесная сторожка» (1913 г.).

Закупки с выставок, дары коллекционеров и авторов, обмены с другими музеями значительно увеличили фонды музея. На сегодня в Музее-усадьбе А.М. Герасимова находится свыше полутора тысяч произведений искусства. Это одно из ведущих учреждений культуры России. Ежегодно его посещают более тридцати тысяч экскурсантов. Помимо постоянных выставочных экспозиций, интерес вызывают тематические выставки рисунков воспитанников детской художественной школы им. А.М. Гераси-

мова, а также выставки декоративно-прикладного искусства и экспозиции, рассказывающие об истории и культуре нашего города. Здесь также регулярно устраиваются персональные выставки художников, проживающих в различных городах России и за рубежом.

— Наш музей включен в список культурных объектов, рекомендуемых для посещения не только экскурсантами из России, но и зарубежными туристами. Все эти достижения стали возможны благодаря созданию полноценной экспозиции музея: его мемориальной части с подлинной обстановкой в доме, мастерской художника, а также постоянной экспозиции произведений Александра Михайловича Герасимова, — говорит директор Музея-усадьбы, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии им. А.М. Герасимова Т.И. Воронова. — Беззаветный кропотливый труд научных сотрудников, хранителей, смотрителей музея прославляет не только имя знаменитого живописца, золотыми буквами вписанное в историю реалистического искусства, но и родной Мичуринск — город с вековыми художественными традициями.

Татьяна Конова

МЯТЕЖНЫЙ ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ

(Просветитель, журналист, книгоиздатель Иван Рахманинов)

В 2013 году были отмечены две примечательные даты — 140-летие со дня рождения Сергея Васильевича Рахманинова — гениального российского композитора, пианиста, дирижера, чье имение располагалось в селе Ивановка Тамбовской губернии, и 260-летие нашего казинского просветителя, журналиста, книгоиздателя Ивана Герасимовича Рахманинова, открывшего первую в России сельскую типографию в Козловском уезде (ныне Мичуринский район).

На Тамбовщине живет память о славной российской дворянской культуре, в развитие которой не одну удивительную страницу вписали Рахманиновы. Оба они — представители знаменитого рахманиновского рода, идущего от древнего потомка, чья родословная восходит к Господарю Молдавии Стефану IV Великому.

Сегодня тамбовские деревни Ивановка и Старая Казинка — родовые гнезда великого рахманиновского рода — известны далеко за пределами Тамбовской области. О С.В. Рахманинове знает практически каждый россиянин. Но многие о композиторе слышаны, а вот о другом Рахманинове — нет. Казалось бы, это имя по истечении долгих веков должно было затеряться в сонме известных и неизвестных имен, канувших, как говорят, в Лету. Однако это не так. Иван Герасимович Рахманинов в свое время был даже прозван «вольтерьянцем» за то, что в подвале своего дома печатал произведения Вольтера еще тогда, когда в обеих столицах ни одна типография не бралась издавать про-

изведения французского вольнодумца. И сегодня имя его на слуху, оно популярно не только у историков, но и у широкой публики области, особенно Мичуринского района. Яркое свидетельство тому — наши семнадцать Рахманиновских праздников, которые состоялись на родине просветителя.

В 1995 году под эгидой администрации района, отдела культуры, таких подвижников, как Владимир Евгеньевич Андреев, Валерий Иванович Михин, Николай Михайлович Сухоруков, Василий Иванович Попков, было положено начало Рахманиновским праздникам. В ту пору учредили также литературную премию имени И.Г. Рахманинова. По своему статусу эта премия носит провинциальный характер, но тем не менее учредители сумели поднять ее престиж. Лауреатами премии в разные годы стали областные и столичные литераторы, местные краеведы и журналисты, работники музеев и представители власти, даже целые коллективы. Всего насчитывается 52 лауреата премии И.Г. Рахманинова. Прикосновение к легендарной личности одного из умнейших российских просветителей века делает и нашу жизнь чище и возвышеннее.

Как и его предшественник А.Д. Кантемир, И.Г. Рахманинов принадлежал к старинному роду, пришедшему из Молдавии в XV веке на службу в Московское княжество. Отец сатирика Кантемира, Дмитрий, отличился при Петре I, отец Ивана Рахманинова — Герасим Рахманинов — достойно служил при императрице Елизавете Петровне,

дочери Петра I, любимице М. Ломоносова. Именно она за службу наградила его поместьем, несколькими деревнями, в том числе и Старой Казинкой.

Собственной службой, самообразованием, самоусовершенствованием, получив хорошее домашнее образование и воспитание, затем, пройдя учебу в Московском пансионе, за границей, Иван Рахманинов стал вровень с лучшими представителями просвещенного дворянства своей эпохи. Европейски образованная личность, знаток иностранных языков, философии, он пополнил ряд прогрессивных мыслителей XVIII века.

Литературное окружение Ивана Рахманинова свидетельствует о принадлежности к просвещенной среде. Его взаимоотношения с Новиковым, Крыловым, Державиным, Озеровым, Дмитриевым, Львовым сегодня требуют новой оценки, новых размышлений. Подвижничество Ивана Рахманинова, заключающееся в успешных опытах переводов сочинений Вольтера и их публикаций, по объединению прогрессивных сил для издания журналов «Почта духов» и «Утренние часы», по поддержке создания типографий Державина в Тамбове, Крылова в Санкт-Петербурге, столь значительно, что имя его уже вписано золотыми буквами в историю русской культуры, русского Просвещения XVIII века.

Конец XVIII — начало XIX века — это период подъема издательской деятельности не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в Владимире, Пензе, Курске, Новороссийском крае, Ярославле, Тамбове. Исреди них сельская Казинская типография Рахманинова была не только одной из первых, но и значительных по своему потенциалу.

В этом году первой сельской типографии, родившейся на казинской земле, исполнилось 222 года.

Потомки помнят о своих знаменитых земляках. В Ивановке работает музей, имеющий статус государственного. Богатый музей! Школьный историко-просветительский музей Ивана Герасимовича Рахманинова куда скромнее. Здесь нет подлинных экспонатов просветителя (ушло время для их собирания). Однако музейная комната тоже богата неповторимым колоритом и духом времени. Все экспозиции выполнены с искренней любовью.

Иван Герасимович Рахманинов

Очень интересны и любопытны материалы Рахманиновских литературных праздников. Здесь рассказывается о 52 лауреатах премии имени И.Г. Рахманинова. Их всех объединяет одно чувство — чувство любви к родному Тамбовскому краю, вклад в культуру Тамбовщины. Их деяния одухотворены великим именем Рахманинова И. Г., патриота, поборника просвещения, поклонника передовой мысли, сделавшего так много для книгопечатания как в Тамбовской губернии, так и России в целом.

Остановимся у стенда. Вот Боян русского слова, профессор Василий Иванович Попков — один из первых лауреатов премии, бессменный оратор, первооткрыватель каждого литературного праздника. 22 мая Василий Иванович отметил свой 75-летний юбилей.

Еще один лауреат — Иван Григорьевич Гладких, драматург, критик, редактор московской театральной газеты «Доктор Чехов», уроженец Козловского уезда Тамбовской губернии. Накануне первого торжества И.Г. Гладких закончил пьесу, посвященную мятежному вольтерьянцу из Казинки. Автор назвал свою пьесу «Рок головы ищет», несколько сцен из которой актеры Мичуринского драматического театра показали землякам просветителя на первом Рахманиновском празднике. Жаль, теперь не будет его среди гостей Рахманиновского

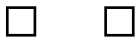
праздника. Нет с нами и писателя из Мичуринска Бориса Константиновича Панова. Остались написанные им книги: рассказы, повести, романы и другие публикации о земле Тамбовской. Яркий творческий след оставили за собой журналист Иван Игнатьевич Овсянников, солистка Зинаида Виданова, лауреат Шолоховской премии Петр Сергеевич Герасимов... Их эстафету продолжают достойные.

Порадовал недавно нас тамбовский художник Станислав Сергеевич Волостных: к своему золотому юбилею в Тамбове он представил прекрасную выставку своих работ. «Жизнь — имя женское» — так озаглавил новый сборник своих стихов поэт и прозаик Виктор Константинович Кострикин. Вдохновенно отозвался о нем писатель Валерий Аршанский: «У подлинных поэтов нет возраста, нет старости... Поэты, как маршалы, на пенсию не уходят, остаются навсегда мобилизованными и призванными. Славно, что в этом боевом строю свое место занимает и поэтическая лира нашего земляка Виктора Константиновича Кострикина. Отважного литературного воина и гражданина. Честного труженика-писателя, чье перо со временем становится все отточеннее, искуснее, мастеровитее. Пожелаем же ему крепкого здоровья, житейского

счастья. И новых, таких же прекрасных книг...»

Гордостью района и области является лауреат Рахманиновской премии, многих других областных и Всероссийских конкурсов Г.А. Гончарова, учительница музыки Терской школы. Особое слово в юбилейный год И.Г. Рахманинова хочу сказать о моих бывших коллегах, сегодня ветеранах труда, — В.Г. Конове, В.Г. Ионове. Они по праву носят звание лауреатов Рахманиновской премии. В.Г. Ионов, будучи одним из первых у истоков увековечения имени И.Г. Рахманинова, до сих пор работает над рахманиновской темой, регулярно печатает статьи о своих находках в районной газете.

Велика заслуга в организации и проведении на Тамбовщине Рахманиновских праздников Светланы Владимировны Костюковой, директора «Рахманиновского центра». Всегда с нами в дни торжества глава Мичуринского района Сергей Васильевич Щукин, тоже лауреат премии имени И.Г. Рахманинова. Ощутима поддержка председателя Староказинского сельского Совета Любови Николаевны Карповой... Этот список можно продолжать и продолжать. И это верный признак того, что провинциальная культура востребована людьми, преображает их жизнь, наполняя ее глубоким духовным смыслом.

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Подъём» за 2013 год

ПРОЗА

Нариман Абдулрахманлы. Приходящий человек. Рассказы.....	11	Владимир Котенко. Вот наступит ночь. Рассказы.....	2
Иван Абросимский. Гость. Рассказы ...	8	Марина Котова. Старуха за окном. Рассказ.....	2
Александр Андреев. Старый Кенигсберг. Рассказ	10	Василий Кравченко. Утро олигарха. Рассказы.....	12
Ирина Арапова. Дача в снегу. Рассказ	10	Артур Ктеянец. Аббатство заколоченных дверей. Повесть.....	7
Валерий Аршанский. Жил на свете Корбюзье. Рассказ	10	Александр Лебедев. Причастный оборот. Рассказ	1
Валерий Аршанский. Цыганка мне вчера сказала. Повесть.....	12	Геннадий Литвинцев. Дева и кошка. Рассказы.....	6
Валерий Барабашов. Наследный крест. Повесть	9	Александр Мальцев. Когда мы росли. Рассказ.....	3
Валерий Богушев. Знакомство с Иньес. Повесть	4	Наталья Моловцева. Драм-степ. Рассказы	11
Александр Бунеев. Завтра, вчера, всегда. Роман	5	Венедикт Немов. Денежный валенок. Рассказ.....	1
Людмила Володина. Холодильник. Рассказ.....	9	Василий Непорожний. Корень жизни. Рассказ.....	8
Михаил Грибанов. Отцовские рассказы про войну. Главы из повести	8	Николай Николюкин. Ответный выстрел. Рассказы	8
Татьяна Грибанова. Родины (Орловская повитуха). Рассказы	7	Борис Новичихин. Три шага до смерти. Рассказ	3
Вальтер М. Диггельман. Допрос Гарри Винда. Роман. (Перевод с нем. А. Репко)	11	Роман Палехов. Сияние над Большим Хинганом. Главы из романа.....	3
Валентина Дорожкина. Моя бабушка. Главы из повести.....	12	Борис Подгайный. Ванодорогой. Рассказы	1
Сергей Дубянский. Фантом. Роман... 1, 2	1, 2	Владимир Пронский. Цветет акация. Рассказы.....	7
Иван Евсеенко. Петр и Февронья. Повесть.....	4	Анатолий Санжаровский. Говорила мама... Повесть в житейских бывальщинах	3
Олег Иванов. Провинциальный детектив. Повесть	11	Ричард Сейл. Бенефис. Роман. (Перевод с англ. Н. Спицына)	7, 9
Илья Кесслер. Кучугуровская осень. Повесть	3	Надежда Середина. Однажды осенью на Старом Арбате. Повесть	11
Николай Ковалёв. Ну, что тебе сказать... Рассказ	8	Анатолий Смагин. Под горячую руку. Рассказы.....	12
Денис Коваленко. Радуга в аду. Роман.....	6	Нина Стручкова. Надо ехать! Рассказы	2

Александр Титов. Не поймавши певче- го скворца. Рассказы	9	Александр Колосов. Полдень	8
Валерий Тихонов. Последнее ранение. Рассказы	6	Валентина Корнева. Если вернешь- ся...	6
Михаил Фёдоров. Православный адво- кат. Повесть	10	Виктор Кострикин. Сквозь время	12
Александр Цыганов. Вера. Рассказы ..	4	Сергей Кофанов. Мотыльковое лето ...	12
Владимир Чернов. Богатство. Рас- сказ	6	Алексей Крестинин. Гнездо	5
Дмитрий Чугунов. Строки на левой руке. Лирические миниатюры	5	Людмила Кузнецова. Тонкая верба ..	1
Рефат Шакир-Алиев. Сеньк ю! Рас- сказ	2	Игорь Лукьянов. Дорога луговая	10
Александр Ягодкин. Гравитация. Рас- сказ	5	Сергей Луценко. В заколдованной стране	5

ПОЭЗИЯ

Анатолий Аврутин. Сквозь сумрак времен	7	Надежда Мирошниченко. Вещая пти- ца по небу плыла	2
Олег Алёшин. Роса на камне	11	Валерий Михайлов. Душа не прервет- ся	9
Николай Алешков. Над излучиной ре- ки	10	Сергей Мнацаканян. Пророчества ...	11
Анатолий Бабенко. Макушка лета	3	Валентин Нервин. В преддверье холо- дов	1
Михаил Болгов. Ветер навевый	5	Александр Нестругин. На краю	9
Виктор Брюховецкий. Осыпается сад	9	Владимир Нефёдов. Неведомый го- род	8
Геннадий Былкин. Капля синевы	12	Евгений Новичихин. «Дышать с тобою воздухом одним...»	3
В заколдованной стране. Стихи участ- ников областного совещания моло- дых литераторов 2013 года	9	Рита Одинокова. Сентябрины на стан- ции Россошь	4
Георгис Веллас. Родина и чужбина. (Перевод с новогреческого Е. Но- вичихина)	7	От истока до устья. Стихи участников Открытого поэтического турнира «Стихоборье-2012»	7
Михаил Волчихин. Веди ты меня, доро- га	6	Монах Павел. Пресветлый омофор ...	4
Василий Гончаров. Крестный ход	8	Юрий Перминов. Горчичное зерно ..	6
«День поэзии» в гостях у журнала «Подъём». «Я пытаюсь распробо- вать воздух на вкус...»	2	Подкова на счастье. Стихи мичурин- ских поэтов	12
Сергей Донбай. Путники из детства ...	2	Сергей Попов. Заточенье в эпоху	11
Геннадий Ёлкин. Полюшко	1	Олег Портнягин. Красная гуашь	2
Александр Зайцев. Бусинка	3	Аркадий Пресман. Путевой дневник ..	10
Земная ось. Стихи участников III Фес- тивяля русской словесности и куль- туры «Во славу Бориса и Глеба» ...	10	Родион Прилепин. Рыба, камень и снежный барс. (Предисловие В. Лютого)	6
Наиль Ишмухаметов. Старица	9	Андрей Расторгуев. Ропот травы	6
Михаил Каменецкий. Спой мне, ве- чер...	4	Светлана Редько. Майский жук	5
Диана Кан. Медной горы хозяйка	5	Андрей Романов. Скворец	1
Виктор Кирюшин. Перышко гусиное ..	10	Наталья Рыжих. Забытая песня	3
Ковыльные холмы. Стихи богучарских поэтов	8	С вечера до утренней зари...	11
Наталья Кожевникова. Свиток	4	Иван Сафонов. Когда на листьях золо- то и медь	10
Зоя Колесникова. Домик на тихой во- де	6	Иван Семенихин. Берега	3
		Марина Струкова. Заглянувший в ко- лодец	4
		Нина Стручкова. Бессмертник	10

Александр Сухов. Багровый свет, разлившийся над миром	9	Алексей Кондратенко. Цветные сны. (Живопись Анатолия Костяникова)	1
Светлана Сырнева. Золотое окно	7	Сергей Марков. Академик художеств	3
Владимир Тулупов. Детская память ..	7	Алим Морозов. Ивдохновение — как порыв весеннего ветра. (Россошанские художники братья Гончаровы)	4
Андрей Фролов. Посох	11	Ольга Пепельникова. Рожденный с песней боевой. (К 70-летию Воронежского русского народного хора им. К.И. Массалитинова)	1
Наталья Хаустова. Рыжеволосая осень	1	Ольга Тулинова. Феномен личности. (К 100-летию со дня рождения композитора Т.Н. Хренникова)	6
Валерий Хворов. Бурьяны степные ...	4	Станислав Хатунцев. Русский танкист против американского китобоя. (Фильм Карена Шахназарова «Белый тигр» и современность)	9
Евгений Чепурных. Чудесные люди ..	11	Виталий Черников. Живописец в пейзаже	3
Валерий Черкесов. Черемухи запах горький	1	Виталий Черников. Неподалеку от войны. (Борисо-глебский драматический театр им. Н.Г. Чернышевского в 1941-1945 гг.)	6
Николай Черных. Журавль и кукушка	8		
Владимир Чесноков. Мне б на родину	8		
Григорий Шифрин. Рассветные огни ..	12		
Татьяна Шишкина. «А я бы осталась...»	4		
Евгений Юшин. Капелька на ветке	7		

70 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ
ОТ ФАШИСТОВ

Анна Гришина. Пленённые генералы ...	1		
Дмитрий Дьяков. Символ нашей победы. (Освободитель Воронежа генерал Черняховский)	1		
Игорь Маркин. Гремели в городе жестокие бои	1		
Алим Морозов. Война у родного порога. (Воспоминания о детстве) ...	1		
Так мы учились воевать. Беседа писателя Петра Чалого с доктором исторических наук Сергеем Филоненко	1		

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Иван Абросимский. Жил-был художник... (Творческий путь Александра Кищенко)	8	ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ	
Владимир Андреев, Нина Андреева. Артист из города антоновских яблок. (Почетный гражданин Мичуринска Владимир Михайлович Зельдин). Качалов в Козлове. Не попрошайка и не сирота. (Строительство театра в Козлове в 1912-1913 годах). Тамбовские усадьбы героев войны	12	Иван Евсеенко. «Я лиру посвятил народу своему...»	10
Владимир Буланцов. Звезды на нижегородской земле	3	Владимир Колобов. «Мне газета запомнилась та...» (Анатолий Жигулин и воронежская пресса 1950-1960-х годов)	2
Екатерина Казбанова. Соприкасаясь с жизнью, понимаешь... (Творчество молодого художника Андрея Шепеля)	5	Алексей Кондратенко. По его книгам учились наши деды. (Журналист и издатель Иван Чикин)	7
		Август Коцебу. Из записок об императоре Павле I	1
		Геннадий Литвинцев. Свобода и кинжал. (Литературное расследование одного «идейного» убийства)	1
		Александр Мальцев. Когда негрустная печаль. (Виктор Самойлов и его стихи)	6
		Николай Тимофеев. «Арион» конца 1960-х: как это было	7
		Николай Тимофеев. Рыцарь литературоведения. (Исследование Виктора Акаткина «Поэзия. Слово. Культура...»)	11
		Владимир Юдин. «Услышите до последних земли...» (Петр Краснов — генерал и литератор)	4

ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

- Святослав Иванов.** Сто лет без Суворина 1
Александр Маслов. И снова возвращаюсь я в Кабул. (Заметки советника в Афганистане) 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

- Михаил Карпачёв.** «Приветствуем воронежцев с государственным университетом...» (95 лет со дня основания ВГУ) 11

ЖИВЫЕ ИМЕНА

- Алексей Багринцев.** Звонкая тишина. (Предисловие Т. Багринцевой) ...
Юрий Гончаров. Будет срок другим временам. Размышления писателя о времени, о жизни, о себе. (Предисловие В. Лютого, публикация М. Фёдорова) 6
Николай Дмитриев. Рубеж. Стихи (Предисловие А. Нестругина) 1
Святослав Иванов. Не по своей только воле. (Памяти уроженца Коршево Егора Исаева) 9
Владилен Кожемякин. Родниковая вода. Стихи. (Предисловие Д. Кан) 7
Артур Крылов. Стяжка в себе крупичьи вечности. (Философский путь Владимира Фетисова) 7
Анатолий Старухин. Ночами в блуждающем поезде. (Предисловие С. Иванова) 2
Михаил Тимошечкин. Голубые снега, окропленные кровью. (Предисловие П. Чалого) 5

НИЖНЕДЕВИЦКИЕ ИМЕНА

- Богом данный.** (Жизнь и судьба академика А.П. Богданова) 3
Екатерина Казбанова. Крестьянский сын. (Герой Труда председатель колхоза Тихон Меркулов) 3
Сергей Марков. Генеральный секретарь 3

ИМЕНА

- Эдуард Анашкин.** «Сталинград меня не опустит...» (Михаил Алексеев в жизни и творчестве) 11

- Людмила Волокитина.** «Я работал для своего народа...» (Жизненный и профессиональный путь Ивана Владимировича Мичурина) 12
Любовь Герусова, Елена Филатова. «Любовь была ниспослана мне, как сама жизнь...» (Комполка Малаховский и его музы) 8
Виктор Кострикин. Когда рисунок стал легче дыма. (Письма народного художника России Станислава Никирева) 12
Алим Морозов. А книги передал России... (Судьба основателя Чертковской библиотеки) 11
Борис Панов. Я вас любил... (Очерк-предисловие «Осенний день с патриархом» А. Смагина) 12

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Эдуард Анашкин.** В свете евангельской любви. (Книга Михаила Фёдорова «Человек Чернозема») 1
Эдуард Анашкин. Свеча на окне. (Александр Ромахов: жизнь и стихи) 5
Ольга Бердникова. Дневник одного эмигранта. (Заметки Д.В. Скрынченко) 6
Дмитрий Дьяков. Обреченные. (Исторический роман Ильи Кесслера «Выбор») 2
Светлана Еремеева. Стройка по-табачковски 4
Эдуард Ефремов. Искусство и история 10
Лариса Зимина. «Я все это видел, я жил на земле!» 7
Владимир Казарезов. Земля ждет хозяина. (Книга Александра Арцибашева «Божии поля») 2
Раиса Козаева. Огни на курганах. (Книга Петра Чалого «На заставе богатырской») 9
Юрий Кургузов. Семикнижье Анатолия Силина 4
Геннадий Литвинцев. Консерватизм: прошлое и настоящее. (Опыт интернационального диалога) 11
Геннадий Литвинцев. Русский вестник. (Книга Надежды Лупаревой «Отечестволюбец») 4
Светлана Ляшова-Долинская. И зовется русскою судьбою. (Стихи Игоря Лукьянова) 5

Валентина Матушкина. Еще раз о войне. (Проблема выбора и ответственности в прозе Валерия Аршанского)	12
Александр Нестругин. Нравственный выбор	7
Анатолий Никифоров. Тем ярче костер. (Книга Полины Бороздиной об А.Н. Толстом)	6
Елена Рогова, Марина Слинко. В мире фантазий и увлечений. («Избранные произведения» Юрия Кургузова) ..	9
Виктория Сучкова. Сохраненный след. (Сборник избранных стихотворений Евдокии Ростопчиной «Вы вспомните меня...»)	
Бронислав Табачников. Остров невезения как часть материка	10
Олег Фенчук. Под диктатом слова. («Три власти» Лидии Сычёвой)	9
Олег Фенчук. «Так жизнь вперед летит...»	7

КРИТИКА

Николай Блохин. Кого убил Печорин? (Фаддей Булгарин и отечественная литература)	2
Вячеслав Лютый. Чередование тьмы и света. (Высокое созерцание в поэзии Виктора Кирюшина)	10
Виктор Никитин. Сердце земли	7
Евгений Новичихин. Память и беспамятство. (Повесть Ивана Евсеенко «Дмитриевская суббота»)	7
Мария Фомина. И смех, и грех, и слезы, и любовь... (Драматургия Юрия Полякова)	9

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Игорь Маркин. Чистая водица ключевая	3
Татьяна Пухова. «Ой, ты гой, чудный отроче...» (Духовный стих о Егории Храбром)	4
Евгений Романов. Чеховские корни. Прообразы Чевенгура. (Андрей Платонов и Богучарщина)	8
Слушать, как разговаривают друг с другом звуки... Письма Константина Массалиитинова к дочери Наташе. (Предисловие и комментарии Р. Лютый)	3
Геннадий Собко. Шолоховская тайна	8

Олег Фенчук. «Идут года, текут века...» (Память рода в произведениях И.А. Бунина)	2
--	---

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Василий Попков. «Онегина» касаясь кистью. (Будут ли найдены оригиналы герасимовской Пушкинианы?)	12
Наталья Щёлокова. «С чувством понятного трепета...» (О чем рассказывает букинистический раритет)	2

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Валентина Базилевская. Казалось, что они становятся свободными... (Мемориальное кладбище в Дубовке)	10
Валерий Березуцкий. Сокровища древних курганов	8
Михаил Вязовой. Свет и тени светописы. (Из истории воронежской фотографии)	11
Светлана Еремеева. Два «Октября» — немецкий и цыганский	11
Анатолий Манушин. «Откровение внутреннего созерцания...» (Рисунки Гоголя)	7
Инна Марунчак. Купцы из российской глубинки	3
Михаил Небольсин. Забытый некрополь Отрожки	7
Андрей Окоелов. Обитель христианских добродетелей. (Боголюбский собор — архитектурная жемчужина Тамбовского края)	12
Алексей Попов. Снайпер эфира. (Заметки военного радиста)	5
Владимир Попов. «Другой в тебе меня задушит...» (Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф)	9
Татьяна Разгоняева. Типографских дел мастера	3
Евгений Романов. Притчи донской земли	8
Леонид Южанинов. Легенда Чердыни	2

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Владимир Андреев. Сады опального профессора. (Из институтской хроники 1930-х годов)	12
Эдуард Ефремов. И на Валааме яблоны растут. (Плоды трудов ученых Кондрашовых)	12

Валентин Копылов , глава администрации Нижнедевицкого муниципального района. Соловьи поют на три губернии	3
Облака. (Творчество студентов МичГАУ)	12
Университетский горизонт наукограда. Интервью с ректором Мичуринского государственного аграрного университета Александром Квочкиным	12

ПРАВО ВЫБОРА

Наш билет в будущее. (Из конкурсных сочинений)	7
Владимир Селянин , председатель Избирательной комиссии Воронежской области: «Соперничество должно быть честным, а голосование — осозанным». (Интервью Г. Литвинцева)	7

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Валерий Кузнецов , глава администрации Богучарского муниципального района. Богу чара сия!	8
Александр Никитин , председатель Тамбовской областной Думы. Без таких городов не представить Россию	12

ИСТОКИ

Татьяна Грибанова. От Рождества до Покрова. (Родные запахи)	10
Алексей Ковалёв. Следы не исчезают без следа	8
Игорь Маркин. «Когда песок взойдет...» (Народные поверья Воронежской области)	10
Евгений Новичихин. Сфабрикованное дело	3
Родник для большой родни. Диалог доктора философских наук И.И. Борисова и доктора технических наук В.И. Борисова. (Публикация В. Новахатского).....	3
Михаил Филиппов. Горшки обжигают не боги. (Горожанин возрождает сельские промыслы)	12
Язык живет знанием и любовью. (Интервью С. Попова с профессором-славистом Геннадием Ковалёвым)	7

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Не раскол, а трагедия. (Беседа писателя и публициста Лидии Сычёвой с следователем русского старообрядчества Виктором Боченковым).....	4
Валентин Селютин. Как не проститься с личностью. (Нравственный портрет поколения)	3
Сергей Фесенко. Синдром исторического нетерпения	4

ДУХОВНОЕ ПОЛЕ

Виктор Будаков. Будто голос отчего края. (Нравственные истоки «Золотого сада» Виктора Перегудова) ..	7
Светлана Замлелова. Беззаконие закона	4
Владимир Педченко. «Образованные» дети. (Интеллигенция в современной прозе и критике)	7

СУДЬБЫ

Святослав Иванов. Всё, что осталось от рая. (Жизнь и цветы Галины Остряковой)	6
Владимир Петропавловский. «Никто не мог перевернуть смысл моей жизни»	4

ПЛАТОНОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Александр Высотин. За теплым словом. (Проза платоновского лауреата, писателя Бориса Екимова)	5
Александр Николюкин. Воронежские воспоминания. (Платоновские места столицы Черноземья)	5
Александр Титов. Песнь механической души. («Технический роман» Андрея Платонова).....	5

ГОД Н.В. СТАНКЕВИЧА

Александр Свалов. Воронежский Станкевич	9
--	---

КОЛЬЦОВСКО-НИКИТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Александр Высотин. Назвать матерью... (К 160-летию опубликования стихотворения И.С. Никитина «Русь»)	10
---	----

Анатолий Манушин. Наследник Кольцова и Никитина. (Стихи и песни Ивана Сурикова)	10	Валерий Черкесов. Героям было по шестнадцать	5
Елена Третьякова. Несжатое поле. (А.В. Кольцов и его место в традиции золотого века отечественной словесности)	10	НЕЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ	
ПАМЯТЬ			
Юлия Гольшкина. Здесь живописец отдыхал душой. (Музей-усадьба Александра Михайловича Герасимова)	12	Михаил Булавин. Богучарцы. Отрывок из романа	8
Эдуард Ефремов. Война и мир Великой Отечественной	6	Евгений Евтушенко. В Мичуринске. Стихи	12
Эдуард Ефремов. И шли мальчишки по минному полю	8	Гавриил Троепольский. Легендарная быль. Документальный рассказ ...	8
Татьяна Конова. Мятежный вольтерьянец. (Просветитель, журналист, книгоиздатель Иван Рахманинов) ..	12	Константин Федин. Набег. Отрывок из романа «Необыкновенное лето» ...	12
Тамара Харченко (Иванова). Тем, кто ждет и хранит меня	6	ЭПОС	
		Александр Афанасьев. Волшебные сказки	8
		НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО	
		Галина Сысоева. Где староста с буярином, там и сват с дружкой. (Особенности традиционной культуры Богучарского района)	8

**Учредитель: Департамент культуры и архивного дела
Воронежской области.**

Рег. № 331 Министерства печати и информации Российской Федерации.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Художник Зибров Ю.А.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г. Воронеж, пр. Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77.

Факс: 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Сдано в набор 25.11.13. Подписано в печать 10.12.13. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20, 15.

Перспективный тираж 3000 экз. Заказ 3587.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.